

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2018

№ 2

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

*В 2013–2017 годах журнал издавался при финансовой поддержке гранта Правительства РФ
№ 14.В25.31.0009 «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности
и социальной адаптации в истории и современности»*

Учредитель – Томский государственный университет

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

- Функ Дмитрий Анатольевич**, Московский государственный университет, Россия –
главный редактор
Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора
Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия
Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

- Бич Хуберт**, университет г. Уппсала, Швеция
Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия
де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды
Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия
Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия
Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия
Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия
Мамонтова Надежда Александровна, Оксфордский университет, Великобритания
Мандельштам Балзер Марджори, Джорджтаунский университет, США
Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия
Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия
Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Альбина Рассказчикова – секретарь
Елена Карагеоргий – редактор-переводчик

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.
E-mail: shrjournal@gmail.com

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

**EDITORIAL BOARD
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

Funk, Dmitri, *Moscow State University, Russia* – Editor-in-Chief
Sokolovsky, Sergei, *Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia* – Associate editor
Nam, Iraida, *Tomsk State University, Russia* – Associate editor
Deriglazova, Larisa, *Tomsk State University, Russia*
Hazanov, Anatoliy, *University of Wisconsin-Madison, USA*
Schweitzer, Peter, *University of Vienna, Austria*
Troubina, Elena, *Ural Federal University, Russia*

EDITORIAL ADVISORY BOARD

Beach, Hubert, *Uppsala University, Sweden*
Birtalan, Agnes, *Eötvös Lorand University, Hungary*
de Graaf, Tjeerd, *Groningen University, the Netherlands*
Dybo, Anna, *The Institute of Linguistics, RAS, Russia*
Diatlov, Viktor, *Irkutsk State University, Russia*
Kharus, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Kradin, Nikolai, *Far East Federal University, Russia*
Mamontova, Nadezhda, *University of Oxford, Great Britain*
Mandelstam Balzer, Marjorie, *Georgetown University, USA*
Miskova, Elena, *Moscow State University, Russia*
Zaitseva, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Zinoviev, Vassili, *Tomsk State University, Russia*

Secretary Albina Rasskazchikova
Translator Elena Karageorgiy

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ред. – Н.Н. Крадин)

Крадин Н.Н. Динамика урбанизационных процессов в средневековых государствах Дальнего Востока	7
Гельман Е.И., Асташенкова Е.В. Городская культура в государстве Бохай	24
Клюев Н.А., Ивлиев А.Л., Гридасова И.В. Открывая неизвестные страницы средневековой истории Приморья (к итогам исследований памятников Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8)	47
Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Прокопец С.Д. Города и дворцы Монгольской империи в Восточном Забайкалье	64

«РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ» В ПОСТСОВЕТСКОЙ СИБИРИ (ред. – Д.А. Функ)

Funk D. The “resource curse” phenomena in post-soviet Siberia (Russia): anthropological perspectives	81
Басов А.С. Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) РФ	91
Бородулина А.С. «Ресурсное проклятие» и стратегии жизнеобеспечения на острове Итуруп	124
Поддубиков В.В., Арцемович С.А., Функ Д.А. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта	142

MISCELLANEA

Vodyasov E. Ethno-archaeological research on indigenous iron smelting in Siberia	164
Калеменева Е.А. Смена моделей освоения советского Севера в 1950-е гг. Случай Комиссии по проблемам Севера	181
Медяков А.С. «Хайль Бисмарк!» «Железный канцлер» как символическая фигура немецкого национализма в открытках рубежа XIX–XX вв.	201
Mostowicz I. A ritual of death or life? The case of <i>radonitsa</i> in the Smolensk region, Russia	224

РЕЦЕНЗИИ

Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. «Не только перевязка мужских ран...»: историко-антропологическое исследование медицинского сестринства в годы Первой мировой войны	244
Курто О.И. Фольклор и культура «русского Трёхречья» Маньчжурии	253
Трубина Е.Г. Пространства духов: переосмысливая спиритуальность	257
Харитонова В.И. Шаманизм в музейных коллекциях	264

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	270
----------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	275
-------------------------------------	-----

CONTENTS

THE ARCHAEOLOGY OF MEDIEVAL CITIES OF THE FAR EAST

Edited by Nikolay N. Kradin

Kradin N.N. The dynamics of urbanisation in medieval states of the Far East	7
Gelman E.I., Astashenkova E.V. Urban culture in the state of Bohai	24
Klyuev N.A., Ivliev A.L., Gridasova I.V. Opening the unknown pages of the medieval history of Primorye: results from a study of the Koksharovka-1 and Koksharovka-8 sites	47
Kradin N.N., Baksheeva S.E., Prokopets S.D. Cities and palaces of the Mongol Empire in Eastern Transbaikal	64

THE “RESOURCE CURSE” IN POST-SOVIET SIBERIA

Edited by Dmitriy A. Funk

Funk D. The “resource curse” phenomena in post-soviet Siberia (Russia): anthropological perspectives	81
Basov A.S. Dialogue and bureaucratic procedures: “etnologicheskaya ekspertiza” (ethnological impact assessment) in the Republic of Sakha (Yakutia)	91
Borodulina A.S. The “resource curse” and life strategies on the island of Iturup	124
Poddubikov V.V., Artsemovich S.A., Funk D.A. The “resource curse” with a shade of anthracite: indigenous peoples and extractive companies of Kuzbass in a conflict situation	142

MISCELLANEA

Vodyasov E. Ethno-archaeological research on indigenous iron smelting in Siberia	164
Kalemeneva E.A. Models of the Soviet North development in the 1950s: the case of Commission on Issues of the North	181
Medyakov A.S. “Heil, Bismarck!” The “Iron Chancellor” as a symbolic figure of German nationalism in postcards at the turn of the 19 th to the 20 th centuries	201
Mostowicz I. A ritual of death or life? The case of <i>radonitsa</i> in the Smolensk region, Russia	224

REVIEWS

Mitsyuk N.A., Pushkaryova N.L. “More than binding men’s wounds...”: a historical and anthropological study of nursing care during World War I (Review of Stoff Lorie S. <i>Russia’s Sisters of Mercy and the Great War. More Than Binding Men’s Wounds</i> . Kansas: University Press of Kansas, 2015. 384 p. ISBN 978-0-7006-2125-5)	244
Kurto O.I. The folklore and culture of the “Russian Tryokhrechye” in Manchuria (Review of Kliaus V.L. « <i>Russkoe Tryokhrech'e</i> » <i>Man'chzhurii. Ocherki fol'klora i traditsionnoi kul'tury</i> [Klyaus V.L. The ‘Russian Tryokhrechye’ in Manchuria. Essays on folklore and traditional culture]. Moscow: IMLI RAN, 2015. 384 p. ISBN 978-5-9208-0468-6)	253

Trubina E.G. Spaces of spirits: rethinking spirituality (Review of Spaces of Spirituality. Ed. by Nadia Bartolini, Sara MacKian, and Steve Pile. Routledge, 2018. 302 p. 25 B/W Ill. ISBN 978-1-13822-606-7)	257
Kharitonova V.I. Shamanism in museum collections (Review of Sem T.Iu. Shamanizm evenkov (po materialam Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia) [Shamanism of the Evenks (based on Russian Ethnographic Museum materials)]. 2-e izd., ispr. i dop. St. Petersburg: ITs «Gumanitarnaia Akademiia», 2017. 302 p., il. (Ethnographica Varia) ISBN 978-5-93762-135-1)	264
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	270
INFORMATION FOR AUTHORS	275

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ред. – Н.Н. Крадин)

УДК 930.26 (517.3:571.54/.55)
DOI: 10.17223/2312461X/20/1

ДИНАМИКА УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*

Николай Николаевич Крадин

Аннотация. Статья посвящена изучению урбанизации в государствах и империях Дальнего Востока – Бохай (698–926), Ляо (907–11125), Чин (115–1234), Юань (1206–1238). Было установлено, что истоки урбанизации формируются у мохэ, но настоящие города появляются в государстве Бохай, а затем градостроительные практики получают развитие в империях киданей, чжурчжэней и монголов. Рассмотрены разные особенности региональной урбанизации – система пяти столиц, наличие больших пространств для сезонного размещения двора, особенности фортификации у чжурчжэней, города без стен у монголов и др. В целом городская фортификация и монументальная архитектура символизировали идеологическое господство, являлись своеобразным фокусом привлечения больших потоков людей.

Ключевые слова: мохэ, Бохай, Ляо, Цзинь, Юань, кидани, чжурчжэни, монголы, политогенез, город, урбанизация, кочевники

Введение

Появление городов – одна из самых драматических страниц человеческой истории. Как сказал в свое время Л. Мамфорд, «происхождение города туманно, большая часть его погребена или стерта без возможности восстановления, а будущие перспективы трудно оценить» (Mumford 1961: 3). Однако, несмотря на все проблемы, появление городов достаточно определенно связывается с формированием так называемых сложных (комплексных) обществ и государственности.

Этот тезис был сформулирован еще Г. Чайлдом в его знаменитой работе о «городской революции». В этой работе, которая является едва

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

ли не самой цитируемой статьей по археологии, были выделены 10 археологических признаков сложного общества уровня государственности. Среди них появление городских центров; возникновение классов, занятых вне производства пищи (ремесленники, торговцы, жрецы, чиновники и пр.) и живущие в городах; значительный прибавочный продукт, изымаемый элитой; наличие монументальных культовых, дворцовых и общественных сооружений; обособление правящих групп, наличие фиксируемой в археологических источниках резкой социальной стратификации; появление письменности и зачатков математики; развитие изысканного художественного стиля; появление торговли на дальние расстояния; образование государства; взимание налогов или дани (Childe 1950).

Несмотря на то что в названии статьи был сделан акцент на революционной роли городов в ранней истории, фактически Чайлд имел в виду более широкий контекст – происхождение государственности и классов. Вместе с тем модель «городской революции» и выделенные признаки оказали огромное влияние на все последующие дискуссии о происхождении государства (Smith 2009: 22).

Совершенно очевидно, что урбанизм – это нечто гораздо большее, чем просто придаток к концепции государства (Cowgill 2004: 526). Характер соотношения между урбанизацией и динамикой политогенеза был предметом изучения многих исследователей (Adams 1966; Blanton 1982; Algaze 2008; Marcus, Sabloff 2008). К настоящему времени написано просто бесчисленное количество книг и статей, в которых обсуждается проблематика происхождения и ранних этапов урбанизации (см., например: Ucko, Dimbleby, Tringham 1970; Nichols, Charlton 1997; Hansen 2000; Cowgill 2004; Marcus, Sabloff 2008 и др.).

В настоящее время в мировой науке особенную значимость приобретают сравнительные исследования, которые должны обеспечить рост нового качественного знания посредством сопоставления и анализа различных явлений между собой. В этой и последующих статьях вводятся в научный оборот и анализируются данные об урбанизации в средневековых государствах и империях Дальнего Востока. Эти данные представляют большой интерес в плане сопоставления с данными об урбанизационных процессах в древних и средневековых обществах других регионов.

Причем понятие Дальний Восток мы трактуем в узком значении – как крайнюю восточную часть современной России и примыкающие к ней Северо-Восточный Китай, Корейский полуостров и Японию. Здесь в Средние века существовали четыре государства, три из которых стопроцентно подходят под признаки империи (таблица) – государства Бохай (698–926), Ляо (907–1125), Цзинь (1115–1234) и Юань (1206–1368). Данные государства существовали примерно на одной террито-

рии (с расширением каждого следующего из них за счет включения новых территорий) и сменяли друг друга в соответствии с «принципом домино»: каждое последующее завоевывало предыдущее. Помимо этого, все вышеперечисленные государства располагались на периферии восточноазиатской мир-системы. При этом центры политогенеза бохайского и чжурчжэньского государств находились в природной зоне лесов и тайги Дальнего Востока. Создание Монгольской империи проходило в аридной степной зоне. Ареалы этнополитической активности киданей локализируются в степи ближе к границе степи и леса.

Средневековые империи Дальнего Востока

№	Название (титульный народ)	Период	площадь, млн км ²	Современные государства
1	Бохай (мохэ-бохайцы)	698–926	0,8	КНР, КНДР, Приморье РФ
2	Ляо (кидани)	907–1125	2,6	КНР, Монголия, Забайкалье РФ
3	Цзинь (чжурчжэни)	1115–1234	2,3	КНР, Приморье РФ
4	Юань (монголы)	1206–1368	14,0 (33,7)	Монголия, КНР, Забайкалье РФ и др.

Империи, созданные киданями, чжурчжэнями и монголами, имели большую территорию, деление на имперский центр и завоеванные территории, а также другие характерные для империй признаки. Сложнее обстоит дело с государством Бохай. Его размеры более сопоставимы с крупными государствами, чем с империями. Однако в дальневосточной археологической литературе Бохай иногда относят к империям, имея в виду два обстоятельства: наличие зависимых от Бохая вассальных мохэских владений (вожеств и племенных конфедераций), существование в Бохае титулов император (*хуаншан*) и Внук Неба (*тяньсунь*). Так или иначе, без бохайской культурной традиции трудно представить дальнейшую историю киданей и чжурчжэней.

Государство Бохай (698–926)

Истоки урбанизации в дальневосточном регионе связаны с мохэ и образованием государства Бохай. Мохэ расселялись к северу от Корейского полуострова на территории Приморья, Приамурья и в смежных зонах Манчжурии. Традиционно их включают в тунгусо-манчжурскую языковую общность. Существовало семь крупных объединений мохэ, представлявших собой что-то наподобие сложных вожеств (Крадин 2000). Из них наиболее влиятельными были сумо мохэ, обитавшие в районе гор Чанбайшань, и хэйшуй мохэ, название которых происходит от китайского наименования Амура (Хэйшуй – Черная река). Археоло-

ги выделяют несколько типов мохэских городищ, исходя из их размеров и особенностей укреплений (Пискарева 2015). Все они вполне соответствуют уровню среднемасштабных обществ.

Давление со стороны империи Тан привело к консолидации и созданию у сумо мохэ в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью, названного в тюркских эпитафиях боклийским каганатом (Крадин 2004). В 698 г. было провозглашено королевство Бохай (до 713 г. оно называлось Чжэнь). Бохай включал восточную Маньчжурию, часть Северной Кореи и юго-западные территории Приморья. Государство было разделено на 15 областей, 62 округа, 125 уездов (Государство Бохай 2004).

Существовали пять столичных городов, которые имели строгую прямоугольную планировку улиц и кварталов, внутренние укрепленные резиденции элиты, дворцовые, административные и храмовые здания располагались в северной части. Истоки подобной четко структурированной планировки восходят к китайской градостроительной традиции (Steinhardt 1990).

На территории Приморья известно большое количество археологических памятников государства Бохай (Государство Бохай 1994) – городища, поселения, культовые объекты и могильники. Городища традиционно принято делить на долинные и горные. Наиболее изученным бохайским памятником является Краскинское городище. Это уникальный археологический памятник, который являлся центром округа Янь и портом, через который осуществлялись связи Бохая и Японии. На протяжении многих лет здесь ведутся раскопки, которые выявили различные конструкции – каменные стены, печи для обжига черепицы, буддистский храм, фундамент башни, каменный колодец и др. (подробнее об этом в статье Е.И. Гельман и Е.В. Асташенковой).

Не менее интересно Кокшаровское городище, рассматриваемое в статье Н.А. Ключева, А.Л. Ивлиева, И.В. Гридасовой. Данный памятник важен прежде всего найденной на нем уникальной конструкцией – большим строением на платформе с семью помещениями с *канами*. Не исключено, что городище существовало уже после подчинения Бохая киданями в 926 г. и являлось административным центром созданного завоевателями вассального государства Дундань или более поздних образований, наподобие Динъани или Северо-Западного Бохая.

Империя Ляо (907–1125)

Территорией обитания киданей были Внутренняя Монголия и примыкавшие к ней районы Маньчжурии. Их историческая прародина – долины рек Шара-Мурэн и верховья Ляохэ. Первые упоминания о киданях в китайских летописях относятся к IV в. Этнически кидани связаны

с дунху, сяньби, ухуанями и другими монголоязычными народами. Основу их хозяйства этого времени составляло кочевое скотоводство. Расцвет киданей пришелся на X–XI вв., когда они создали могущественную империю Ляо (907–1125). Они подчинили Бохай и захватили значительную часть территории Северного Китая. Еще до провозглашения империи они захватили 9 городов и 95 тыс. пленников, чтобы их население обеспечивало кочевников продукцией земледелия и ремесла. Они также стали строить свои города, чтобы придать династии легитимный внешнеполитический статус (Lin 2009: 53).

С. Джагчид разделил киданьские города на четыре группы: столицы, резиденции элиты, центры ремесла и торговли, приграничные крепости (Jagchid 1981). Как и в Бохае, в империи Ляо существовала система пяти столиц. Четыре из пяти располагались на завоеванных землях. Местонахождение Верхней столицы было выбрано между р. Шара-Мурэн и отрогами Хингана в районе современного города Линьдун. Считается, что это было обусловлено значимостью данных территорий с точки зрения имперской идентичности или «этногенетической памяти» киданей (Lin 2011: 228). Город состоял из двух частей подпрямоугольной формы, разделенных рекой, – императорского города (*Хуанчэн*) и так называемого китайского города (*Ханьчэн*). Фактически кидани стали использовать пространственную сегрегацию с целью искусственного разделения разных социальных и этнических групп (Lin 2009: 128). Обратно можно сказать, что стены и ворота города поддерживали киданьскую идентичность и не давалиномадам растворяться среди завоеванного населения.

Киданьские города являлись центрами ремесленного производства. В городах также проживало земледельческое население, что подтверждается находками всевозможных сельскохозяйственных орудий, наличием полей и каналов в окрестностях городищ (Крадин, Ивлиев 2014: 128–136). Совершенно очевидно, что ведущую роль в росте и развитии киданьских городов сыграло помещенное в них киданями земледельческое население – пленные и беглые китайцы и переселенные бохайцы. Они, видимо, составили основную массу земледельческого и ремесленного населения ляоских городов и посадков.

В Китайском городе помимо офисов различных ведомств и храмов, согласно описанию одного китайского путешественника, «можно найти ремесленников, изготавливающих шелковые ткани, чиновников, ученых, специалистов по оккультизму, школы, спортивные состязания, конфуцианцев, буддистов, даосов и многих других из Среднего государства» (Chavannes 1897: 399). В юго-восточной части города находилось подворье уйгурских купцов, в юго-западной части – подворье Тунвэнь для иностранных дипломатов и подворье Линьхуан для послов из государства Ся.

На выбор местоположения городов огромное влияние оказывали как стремление придать имперский статус территориям исконного проживания кочевников киданей, конструкты «этногенетической памяти», так и решения, навязанные бюрократией, а также личные амбиции правителей и их окружения. Пространство городской среды организовывалось как в соответствии с общепринятыми градостроительными канонами, так и с учетом локальных особенностей и нововведений. То же самое можно сказать в отношении технологии строительства фортификационных сооружений и зданий, жилищ различных категорий населения. Городские стены и башни воплощали территориальный контроль имперской элиты над подчиненной территорией. Важное место имело создание сакральных мест, связанных с политической властью и религиозным господством. Пагоды и храмы торжественно возвышались над стенами и хижинами простых масс. Они символизировали идеологическое доминирование, служили своеобразными фокусами притяжения больших потоков людей. Дворцовые и административные здания демонстрировали политическое превосходство элиты и легитимизировали сформировавшийся политический порядок. Не менее важное значение имела пространственная сегрегация городского ландшафта, которая, с одной стороны, отсекала простых жителей от мест пребывания элиты и, с другой стороны, служила маркером этнической стратификации, подчеркивала неравенство между разными группами завоевателей и различными категориями завоеванных.

С традиционной точки зрения, город должен отличаться замкнутой, компактной планировкой различных типов строений (Wirth 1938: 8). Кидани были кочевниками и поэтому привнесли собственное понимание того, как должна быть организована архитектурная среда. Они переформатировали представления о внутригородском пространстве таким образом, чтобы город стал для кочевников реальным домом, местом, похожим на любимую и бескрайнюю степь. Именно поэтому в столичных городах, да и не только в них, имеются достаточно большие пространства, на которых не было произведено никаких масштабных строительных работ. Здесь можно было быстро и без проблем разбить огромный кочевой лагерь, чтобы через определенный промежуток времени снова отправиться в путь. На протяжении всей истории династии Ляо императорский двор в значительной степени оставался кочевым и перемещался в соответствии с сезонными перекочевками двора. Основные политические решения всегда принимались в юртах (Крадин, Ивлиев 2014: 72–74).

Империя Цзинь (1115–1234)

В качестве регионального гегемона киданей сменили чжурчжэни (потомки амурских мохэ). Они расселялись на территории Северной

Маньчжурии, Приморья и Приамурья. В период расцвета Ляо они зависели от киданей и платили дань пушниной, драгоценностями, лекарственными растениями, лошадьми и т.д. Особенно ценились охотничьи соколы (*хайдунцины*), за которыми по требованию киданей чжурчжэни регулярно совершали походы вниз по Сунгари и Амуру. Постепенно чжурчжэни нарастили свой демографический и военный потенциал. В 1115 г. они провозгласили создание Золотой империи (по-китайски – Цзинь) и начали масштабную войну против Ляо. За 10 лет чжурчжэни полностью разбили киданей и захватили всю их территорию. После завоевания территории Ляо чжурчжэни взяли за подчинение Китая. Постепенно им удалось завоевать практически весь Северный Китай, а империя Южная Сун была вынуждена платить им ежегодно огромные выплаты (Воробьев 1975).

В период расцвета чжурчжэньское государство занимало всю Маньчжурию, южную часть Дальнего Востока России, часть Северной Кореи и большую часть территории Северного Китая. Численность населения составляла 53 млн человек, из них только около 10% были сами чжурчжэни. Получив огромные материальные и человеческие ресурсы, чжурчжэни смогли построить высокоразвитую империю, используя сунские, ляоские и некоторые собственные политические практики. Уже через четыре года после провозглашения государственности чжурчжэни создали собственную слоговую письменность. В государстве получили развитие различные науки и медицина, литература и поэзия, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, скульптура и архитектура. Чжурчжэни строили крупные города, в которых воздвигали пышные дворцы и храмы. Они заимствовали и развили систему пяти столиц и многие другие киданьские градостроительные практики. Города становились центрами ремесла, торговли, идеологии, своеобразной многонациональной культуры. Чжурчжэньские столицы были больше и величественнее киданьских (Воробьев 1983).

Достаточно хорошо изучены города чжурчжэней на территории Приморья. Здесь исследовались памятники разного ранга. Около современного Уссурийска на противоположном берегу р. Раздольная (Суйфун) находится Красноярская крепость – город Кайюань, одна из столиц государства Восточное Ся. Это был большой город площадью 180 га с мощными внутренними фортификационными сооружениями, дворцами, храмами, административными зданиями. Посредством раскопок большими площадями исследованы большое количество жилищных усадеб, иных хозяйственных объектов, открыты несколько улиц. По всей видимости, город делился на несколько различных зон в зависимости от статуса и специализации их жителей – кварталы ремесленников и торговцев, других категорий населения, место расположения гарнизона. В юго-восточной части городища находился «внутрен-

ней город» площадью 35 га. Его территория разделена на несколько участков – так называемый запретный город с дворцовыми зданиями, кварталы чиновников и представителей господствующей элиты, храмовые комплексы, государственные склады и др. (Артемьева 2011).

Горные приморские городища времени чжурчжэньских государств Цзинь и Восточное Ся по своим конструктивным особенностям значительно отличаются от равнинных городищ. Как правило, для места возведения городища избирался большой распадок, в котором имелся водный источник. По гребню возводился вал, так что распадок оказывался защищенным от нападения. Более мощными фортификационными сооружениями укреплялся выход из распадка. Самым известным горным городищем такого типа является знаменитая Шайгинская крепость в Партизанском районе Приморского края. Она была открыта выдающимся дальневосточным археологом Э.В. Шавкуновым и длительное время исследовалась под его руководством (1990). В результате многолетних раскопок удалось установить, что это был крупный ремесленный центр. На территории городища раскопано много мастерских, в которых опытные мастера занимались плавкой и кузнечно-слесарной обработкой черных и цветных металлов. Склоны распадка оборудованы террасами, на которых плотно друг к другу располагались жилищные усадьбы с домами каркасно-столбовой конструкции и свайными амбарами, производственные и иные комплексы. На высокий статус Шайгинского городища в политической иерархии Восточного Ся указывают находки на городище серебряной пайцзы – верительного знака должностного лица, печати *чжичжуня*, крупного чжурчжэньского чиновника (Шавкунов 1990; Ивлиев 2006).

Низший уровень административной иерархии занимали небольшие крепости подобно Ананьевскому городищу, которое расположено в Надеждинском районе Приморского края. Городище занимает высокую часть горного отрога. Площадь городища – более 10,5 га, общая длина валов – 1 800 м. Здесь раскопаны более 100 жилищ с канами, различные хозяйственные объекты и др. Исследования показали наличие четкой планировки – жилищные усадьбы вытянуты в некоторое подобие улиц. В западной части городища имеется обвалованный участок, на востоке – еще один небольшой редут. Размеры памятника, отсутствие дворцовых и административных построек, а также важное стратегическое положение позволяют предположить, что здесь могло быть размещено чжурчжэньское *моужэ* – низовая военно-административная единица (Хорев 2012).

Монголы и династия Юань (1206–1368)

В эпоху «монгольской глобализации» (Крадин 2016) процессы урбанизации получают дальнейшее развитие, которое обусловило своеоб-

разный вариант для империи монголов. Если не брать территории завоеванных государств, то для степных районов исторического центра Монгольской империи характерно наличие городов трех типов – имперских столичных мегаполисов (Каракорум, Шанду, Даду), городов – административных центров (Аврага, Хирхира) и отдельно стоящих усадебных (Алестуй, Нарсатуй) и дворцовых (Кондуй) комплексов.

Имперские города кочевников представляют собой сложное многофункциональное явление. С одной стороны, это политический центр – место сосредоточения элиты и аппарата управления, место концентрации и перераспределения военной добычи и дани. С другой стороны – это крупный центр международной торговли и производства. Кроме того, имперский город – это обязательно своеобразный культурный котел, в котором смешиваются традиции различных народов и стран, рождаются новые моды, инновационные импульсы. Наконец, дворцы, стены и храмы имперского города – это своего рода материальная презентация власти, реализация в опредмеченной форме притязаний их владельцев на территориальное и идеологическое господство (Крадин и др. 2016).

Классическим примером такого города является Каракорум (монг. Хархорин). Его строительство началось в 1235 г. Местоположение будущей столицы было обусловлено геополитическими преимуществами и исторической памятью кочевников об этих местах. Город раскапывался в 1948–1949 гг. С.В. Киселевым (1965), с 1999 г. здесь работает немецко-монгольская экспедиция (Bemmann, Erdenebat, Pohl 2010). Город был разделен на несколько участков. В одной зоне располагались усадьбы аристократии и дворец монгольского хана, в другой – расселены чжурчжэньские и китайские ремесленники, третья была занята мусульманскими купцами. В городе существовали рынки (не менее четырех), храмы и кумирни различных конфессий. Чтобы прокормить горожан, монголы поселили около города много крестьян. На территории около города найдены остатки сельскохозяйственных полей и оросительных каналов, земледельческие орудия, плуги для вспашки, жернова. Однако из-за плохих условий для развития земледелия монголы были вынуждены завозить дополнительное продовольствие.

Каракорум оставался столицей до 1260 г., а затем Хубилай перенес центр империи в Китай. Он построил два огромных города – Шанду и Даду. Шанду, или Верхняя столица, находился на границе степи и земледельческих территорий неподалеку от озера Долон-нор. Город был летней столицей. Сюда переезжал в жаркое время император с семьей и двором. В окрестностях император охотился. Здесь также проводились традиционные монгольские обряды и праздники. Город был окружен валом периметром 8 800 м. Внутри в юго-восточной части находился императорский город, а внутри него располагался дворцовый город.

Несмотря на то что город строился по китайским правилам структурирования пространства, внутренняя его планировка была несколько нетипичной для китайского города. Во-первых, это следует из того, что императорский город находился в юго-восточной части города. Наиболее престижные пространства у монголов находились на юге. В данном случае это справедливо и в отношении востока, который считался более почетным у кочевников. Во-вторых, северная часть города (где у китайцев располагались дворцы и административные кварталы) была пустой. Здесь находилась парковая зона (Wei Jian 2008).

Даду (Великая столица, Ханбалык) находился в районе современного Пекина к северо-востоку от чжурчжэньской Центральной столицы Чжунду. Город был спланирован в соответствии с правилами китайской геомантии: избрана строго симметричная планировка по осям север – юг и запад – восток. Город имел прямоугольную форму и состоял из нескольких частей. Периметр внешнего вала составлял 28 600 м. На внешнем валу имелись 11 ворот. В Императорском городе находились административные здания, слады, дворцы Хубилая и его жен и наложниц, двор ученых. Здесь также располагались парки с водоемами и мостами (Steinhardt 1983, 1988; Gaohua Chen 2008).

Помимо имперских столиц известны другие города на территории Забайкалья и Внутренней Монголии. Эти памятники будут рассмотрены ниже в специальной статье. Однако здесь важно отметить ряд принципиальных черт, характерных для городов монгольской империи. Первая – это фактическое отсутствие у многих городов раннего времени развитой фортификации, что было обусловлено уверенностью монголов при первых ханах в отсутствии реальной опасности. Эта иллюзия исчезла, по всей видимости, когда появились внутренние конфликты и оппозиционные партии (после смерти хана Мункэ в 1260 г.). Вторая важная черта касается принципов планировки пространства городов. Ханский дворец должен располагаться в южной части города и пространство от выхода (т.е. к югу) должно быть открытым. Третья важная особенность касается сезонного характера пребывания правителя и двора в городах. Монгольский хаган (как и киданьский гурхан-император) постоянно перемещался со своей ставкой и дружиной в соответствии с правилами сезонных перекочевков. Для чжурчжэней и бохайцев мобильность в форме *полюдь* (Кобищанов 2009) была важным инструментом контроля центра над регионами.

Наконец, если для территории Европы специалисты по градостроительству отмечают важную роль случайного стечения разных обстоятельств (близость к торговым маршрутам, замкам феодалов, наличие воды, иных ресурсов, удобное стратегическое расположение и т.д. (Грушка 1963: 82–83; Уваров 2012: 57)), то для монголов и предшествовавших им чжурчжэней, киданей и бохайцев, как правило, самым

важным фактором была политическая воля правителей. Решение о строительстве того или иного города принималось носителями властных полномочий разного уровня. Это могло быть совершенно новое место (например, Верхняя столица Ляо), территория другого города (чжурчжэньская Средняя столица Чжунду на месте киданьской Южной столицы Наньцзин) или пространство неподалеку (монгольская Великая столица Даду около чжурчжэньского Чжунду).

Заключение

Что нового может дать дальневосточная тематика для теоретического осмысления ранней урбанизации и в более широком контексте для понимания генезиса цивилизации? Прежде всего необходимо отметить, что ни одно из упомянутых выше обществ ни разу не было упомянуто ни в одной из обобщающих работ, где сравнивались различные варианты древних и средневековых городов разных государств Старого и Нового Света. Этот факт примечателен сам по себе. Несмотря на постепенный отход от евроцентристского понимания истории, имеется некий набор популярных, хорошо известных образцов, которые обязательно присутствуют в обобщающих работах (Египет, Месопотамия, Греция, Рим, Мезоамерика). При этом значительное число интересных примеров остаются просто вне компаративных штудий.

Что касается понимания города как комплексного явления, то Л. Вирт определял город как постоянное поселение, имеющее определенную большую численность жителей, высокую плотность населения, разнообразную функциональную специализацию (Wirth 1938: 8). Согласно образной дефиниции Л. Мамфорда, город – это своеобразный театр социальной активности, в котором происходит тесное географическое сплетение экономических и институциональных процессов, а также отражаются эстетические символы коллективного действия (Mumford 2011: 93). Возможно, самая сжатая формулировка принадлежит Э. Глэзеру, который точно подметил, что для города характерны «близость, плотность, теснота» (Glaeser 2011: 6).

Дальневосточный опыт не противоречит, в принципе, этим сжатым определениям, хотя следует заметить, что для городов империй кочевников (это относится и к чжурчжэням) необходимы были большие пространства для дислокации там на определенный период двора, элитных групп, воинских подразделений и др. Здесь важно отметить еще один принципиальный признак города – фортификация. В Китае, в частности, стена воспринимается одновременно как средство защиты от внешнего врага и как символ города, символ отделения цивилизации от варварства (Lin 2009: 111). Ранние монгольские города строились

без серьезных укреплений, поскольку монголы считали себя покорителями мира и никого не боялись.

Длительное время среди историков и археологов велась дискуссия по поводу функций города. С одной стороны, город позиционировался как место концентрации элиты и административных функций, что визуально отражалось в монументальных строениях (Sjoberg 1960; Adams 1966). С другой стороны, город рассматривается как экономический центр, где концентрируется человеческий капитал и средства обеспечивают сосредоточение промышленности (т.е. несельскохозяйственных функций) и перераспределение товаров (Jacobs 1969). Схожая полемика велась среди отечественных исследователей. При этом сначала акцент делался на торгово-ремесленных функциях города (Тихомиров 1946: 8–9; Сахаров 1959: 17). В более поздних работах возобладала более гибкая интерпретация города как явления, сочетающего экономические и административно-политические функции (Карлов 1980; Куза 1983).

Попытка уйти от дихотомии, что важнее – административные или экономические функции города, была сделана отечественными востоковедами. В начале 1980-х О.Г. Большаковым совместно В.А. Якобсоном была предложена идея определять город как населенный пункт, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт (Большаков, Якобсон 1983; Большаков 2001: 10–11). Это сняло вопрос о первичности политических или экономических функций. Идея была активно воспринята отечественными археологами (Черных 1987: 236–237). Однако в данной связи возникает новая проблема – соотношения урбанизации и политогенеза. Если город представляет собой только центр перераспределения прибавочного продукта, то это означает, что первые города должны были появиться еще до рождения государства, на такой стадии социальной эволюции, как вождество, поскольку редистрибуция (т.е. перераспределение) является одной из важнейших черт данного типа общества. По всей видимости, необходимо рассматривать возникновение городов в сочетании с другими признаками, свидетельствующими о формировании государственности (монументальная дворцовая, административная и храмовая архитектура, сегрегация элитных сооружений от построек обычных жителей, концентрация в элитных зонах предметов роскоши и богатства).

Применительно к дальневосточным государствам и империям важно указать, что здесь значительную часть населения городов занимали крестьяне-земледельцы. Небольшие крепости (подобно военным поселениям *моукэ* у чжурчженей) сами обеспечивали себя продуктами. Вокруг городов / городищ средних размеров всегда были в наличии обрабатываемые поля. На многих из них в ходе раскопок найдены сельскохозяйственные орудия труда. Анализ планиграфии даже таких ремесленных центров, как Шайгинское городище, показывает, что значи-

тельная часть его жителей должна была заниматься земледелием и животноводством. Нередко в непосредственной близости от городов найдены земельные посадки. Все это подтверждает тезис, что в доиндустриальных обществах города всегда, в той или иной степени, были тесно связаны с земледелием (Kostof 1991: 38). Надо добавить, что для Монгольской империи это было особенно актуально.

К сожалению, практически ничего не известно про внутреннюю организацию городов изучаемых обществ. Если про европейский город можно сказать, что он являлся одним из центров многополярности западного общества (Бродель 1988: 467–468; Уваров 2012: 441–444, 510, 816–817), то касательно дальневосточных империй можно только предполагать наличие условий, схожих с китайскими (Стужина 1979). Есть данные о развитом государственном контроле над ремеслом в Ляо, Цзинь и Юань (Леньков 1974: 163–171; Воробьев 1975: 232–243; Rossabi 1989: 169–172; Крадин, Ивлиев 2014: 148–149, 220–223). В рассматриваемых империях отсутствовали самостоятельные институты внутригородского управления (подобные европейским цехам). Города были продуктом деятельности центральной власти и зависели от них. Это в значительной степени предопределило ход последующего исторического процесса.

Литература

- Артемяева Н.Г.* Итоги исследований Краснояровского городища Приморской археологической экспедицией // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск, 2011. С. 270–277.
- Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: Социально-экономические отношения. М., 2001.
- Большаков О.Г., Якобсон В.А.* Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока (Древность и Средневековье). Л., 1983. С. 21–32.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1988. Т. 2.
- Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975.
- Воробьев М.В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М., 1983.
- Государство* Бохай и племена Дальнего Востока России. М., 1994.
- Грушка Э.* Развитие градостроительства. Братислава, 1963.
- Ивлиев А.Л.* О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН. 2006. № 2. С. 109–113.
- Карлов В.В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город. М., 1980. Вып. 3. С. 66–83.
- Киселев С.В.* (ред.) Древнемонгольские города. М., 1965.
- Кобищанов Ю.М.* (ред.). Полюдь: всемирно-историческое явление. М., 2009.
- Крадин Н.Н.* Вождества в первобытной археологии Приморья // Приоткрывая завесу тысячелетий: К 80-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток, 2010. С. 210–223.
- Крадин Н.Н.* Восточная Европа и монгольская глобализация // Stratum Plus. 2016. № 5. С. 17–25.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л.* История киданьской империи Ляо (907–1125). М., 2014.

- Крадин Н.Н., Харинский А.В., Бакиева С.Е., Ковыч Е.В., Проконец С.Д. Археология империи Чингис-хана // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 17–43.
- Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // *Русский город*. М., 1983. Вып. 4. С. 4–36.
- Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (По материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск, 1974.
- Пискарева Я.Е. Раннесредневековые городища и укрепления мохэ // *Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири*. Хурхото, 2015. С. 724–730.
- Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959.
- Стужина Э.П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979.
- Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1946 (Ученые записки МГУ, Вып. 97).
- Уваров П.Ю. (ред.) Всемирная история. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012.
- Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток, 2012.
- Черных Е.Н. От доклассовых обществ к раннеклассовым (к итогам деятельности Методологического семинара Института археологии АН СССР в 1976–1984 гг.) // *От доклассовых обществ к раннеклассовым*. М., 1987. С. 229–255.
- Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.
- Adams R. *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. Chicago, 1966.
- Algaze G. *Ancient Mesopotamia at the Dawn of Civilization: The Evolution of an Urban Landscape*. Chicago, 2008.
- Bemmann J., Erdenebat U., Pohl E. (eds.). *Mongolian-German Karakorum Expedition. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen Quarter at the Main Road*. Wiesbaden, 2010.
- Blanton R. Urban beginnings: a view from anthropological archaeology // *Journal of Urban History*. 1982. Vol. 8. P. 427–446.
- Chavannes E. Voyageurs chinois chez les Khitans et les Joutchen // *Journal Asiatique*. 9th series. 1897. Vol. 9. P. 377–442.
- Childe V. Gordon. The Urban Revolution // *Town Planning Review*. 1950. Vol. 21, № 1. P. 3–17.
- Cowgill G.L. Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives // *Annual Review of Anthropology*. 2004. Vol. 33. P. 525–549.
- Gaohua Chen. *The Capital of the Yuan Dynasty*. Honolulu etc., 2008.
- Glaeser E. *Triumph of the city: how our greatest invention makes us richer, smarter, greener, healthier, and happier*. New York, 2011.
- Hansen M.H. (ed.) *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen, 2000.
- Jacobs J. *The Economy of Cities*. New York, 1969.
- Jagchid S. The Kitans and their cities // *Central Asiatic Journal*. 1981. Vol. 25. P. 70–88.
- Kostof S. *The City Shaped: Urban Patterns and Meanings through History*. London, 1991.
- Lin Hu. *Urban Landscape and Politics: The Making of Liao Cities in Southeast Inner Mongolia*. Unpublished PhD Thesis. Chicago, 2009.
- Lin Hu. Perceptions of Liao urban landscapes. Political practices and nomadic empires // *Archaeological Dialogues*. 2011. Vol. 18, № 2. P. 223–243.
- Marcus J., Sabloff J. (eds.) *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World*. Santa Fe, 2008.
- Mumford L. *The City in History*. New York, 1961.
- Mumford L. What is a city? // *The city reader*. 5th ed. New York, 2011. P. 96–104.
- Nichols D.L., Charlton T.H. (eds.) *The Archaeology of City-States: Cross-Cultural Approaches*. Washington, 1997.
- Rossabi M. *Khubilai Khan: His Life and Times*. 2nd ed. Berkeley etc., 1989.
- Sjoberg G. *The Pre-industrial City*. New York, 1960.

- Smith M. V. Gordon Childe and the Urban Revolution: a historical perspective on a revolution in urban studies // *Town Planning Review*. 2009. Vol. 80, № 1. P. 3–29.
- Steinhardt N. The Plan of Khubilai Khan's Imperial City // *Artibus Asiae*. 1983. Vol. 44, № 2/3. P. 133–158.
- Steinhardt N. Imperial Architecture along the Mongolian Road to Dadu // *Ars Orientalis*. 1988. Vol. 18. P. 59–93.
- Steinhardt N. *Chinese Imperial City Planning*. Honolulu, 1990.
- Ucko P., Dimbleby G., Tringham R. (eds.). *Man, Settlement and Urbanism*. London, 1970.
- Wei Jian. *Shangdu Site of the Yuan Dynasty*. Beijing, 2008. Vol. 1–2.
- Wirth L. Urbanism as a way of life // *American Journal of Sociology*. 1938. Vol. 44, № 1. P. 1–24.

Статья поступила в редакцию журнала 20 мая 2018 г.

Kradin Nikolay N.

THE DYNAMICS OF URBANISATION IN MEDIEVAL STATES OF THE FAR EAST

DOI: 10.17223/2312461X/20/1

Abstract. The article discusses urbanisation in the states and empires of the Far East: Bohai (698–926), Liao (907–1125), Chin (115–1234), and Yuan (1206–1238). Urbanisation processes are known to have started under the Mohe, and then city building practices were taken to the next level by the Khitan people, the Jurchen, and the Mongols. The article examines differing features of regional urbanisation, more specifically, the system of five capitals, large spaces allocated for seasonal residence of the rulers, fortification practices of the Jurchen, cities without walls built by the Mongols, etc. On the whole, urban fortification and monumental architecture symbolised ideological supremacy and acted as a pole of attraction for large flows of people.

Keywords: Moche, Bohai, Khitans, Jurchen, Mongols, Liao, Yuan, urbanisation, nomads, politogenesis

References

- Artemyeva N.G. Itogi issledovaniia Krasnoyarskogo gorodishcha Primorskoy arkheologicheskoy yekspeditsiy [The results of the Krasnoyarsk site investigation by the Primorye archeological expedition]. In: *Aktualnye problemi arkheologii Sibiri i Dalnego Vostoka* [Topical issues in the archeology of Siberia and the Far East]. Ussuriisk, 2011, pp. 270–276.
- Bolshakov O.G. *Srednevekovy gorod Bliznego Vostoka. VII – seredina XIII v.: Sotsialno-ekonomicheskie otnosheniia* [The mediaeval city of the Middle East from the 7th to the middle 13th centuries: social-economic relations]. Moscow, 2001.
- Bolshakov O.G., Jacobson V.A. Ob opredelenii poniatii "gorod" [On the definition of the term "city"]. In: *Istoriia i kultura narodov Vostoka (drevnost' i srednevekovie)* [The history and culture of the peoples of the East (ancient and medieval times)]. Leningrad, 1983, pp. 21–32.
- Braudel F. *Materialnaia civilizatsiia, ekonomika i kapitalizm. XV-XVIII vv. T. 2* [Material civilization, economy, and capitalism from the 15th to the 18th centuries. Vol. 2]. Moscow, 1988.
- Vorobyev M.V. *Chzhurchzueni i gosudarstvo Zin (X vek – 1234)* [The Jurchen and the state of Jin from the 10th century to the year 1234]. Moscow, 1975.
- Vorobyev M.V. *Kultura chzhurchzueney i gosudarstva Zin (X vek – 1234)* [The culture of the Jurchen and the state of Jin from the 10th century to the year 1234]. Moscow, 1983.

- Gosudarsto Bohai (698-926) i plemena Dalnego Vostoka* [The state of Bohai from 698 to 926 and the tribes of the Russian Far East]. Moscow, 1994.
- Grushka E. *Razvitie gradostroitelstva* [The development of urban planning]. Bratislava, 1963.
- Ivliev A.L. O pechati chzhichzhuna i statuse Shaiginskogo gorodishcha [On the stamp of chzhichong and the status of the ancient city of Shaiga], *Vestnik DVO RAN*, 2006, no. 2, pp. 109-113.
- Karlov V.V. K voprosu o poniatii rannefeodalnogo goroda i ego tipov v otechestvennoy istoriografii [On the notion of the early feudal city and its types in Russian historiography]. In: *Russkiy gorod* [The Russian city], Vol. 3. Moscow, 1980, pp. 4-36.
- Kiselev S.V. (ed.) *Drevnemongolskie goroda* [Ancient Mongolian cities]. Moscow, 1965.
- Kobishchanov Yu.M. (ed.). *Poludie: vseмирno-istoricheskoe iavlenie* [Gafol: a world's historical phenomenon]. Moscow, 2009.
- Kradin N.N. Vozdestva v pervobytnoy arkheologii Primorya [Chiefdom in the archeology of Primorye]. In: *Priotkryvaia zavesu tysiacheletiy: K 80-letiiu Z.V. Andreevoy* [Opening the veil of the millennia: associated with the 80th anniversary of Z. V. Andreeva]. Vladivostok, 2010, pp. 210-223.
- Kradin N.N. Vostochnaia Evropa i mongolskaia globalizatsiia [Eastern Europe and Mongolian globalisation], *Stratum Plus*, 2016, № 5, pp. 17-25.
- Kradin N.N., Ivliev A.L. *Istoriia kidanskoy imperii Liao (907-1125)* [The history of the Khitan Empire of Liao from 907 to 1125]. Moscow, 2014.
- Kradin N.N., Kharinsky A.V., Baksheeva S.E., Kovychev E.V., Prokopets S.D. Arkheologiya Chingis-khana v Mongolii i Zabaikalye [The archaeology of Chinggis Khan in Mongolia and Transbaikalia], *Stratum Plus*, 2016, no. 6, p. 17-43.
- Kuza A.V. Sotsialno-istoricheskaya tipologiya drevnerusskikh gorodov X-XIII vv. [The social and historical typology of ancient Russian cities of the 10th to the 13th centuries]. In: *Russkiy gorod* [The Russian city], Vol. 4, Moscow, 1983, pp. 4-36.
- Lenkov V.D. *Metallurgiya i metalloobrabotka u chzhurchzeney v XII veke (po materialam Shaiginskogo gorodishcha)* [Metallurgy and metal-working in the Jurchen in 12th century (based on materials on the city of Shaiga)]. Novosibirsk, 1974.
- Piskareva Ya.E. Rannesrednekovyye gorodishcha i ukrepleniia mohe [Early medieval fortified settlements and the Mohe bulwarks]. In: *Ancient Cultures of Northern China, Mongolia, and Baikal Siberia*. Hohhot, 2015, pp. 724-730.
- Sakharov A.M. *Goroda Severo-Vostochnoy Rusi XIV-XV* [Cities of north-eastern Rus in the 14th to the 15th centuries]. Moscow, 1959.
- Stuzina E.P. *Kitaiskiy gorod XI-XIII vv.: ekonomicheskaya i sotsialnaya zhizn'*. [The Chinese city in the 12th to the 13th centuries: economic and social life]. Moscow, 1979.
- Tikhomirov M.N. *Drevnerusskie goroda* [Ancient Russian cities]. Moscow, 1946.
- Ouvarov P.Yu. (ed.). *Vsemirnaia istoriia. T. 2. Srednekovyye civilizatsii Zapada i Vostoka* [World History. Vol. 2. Mediaeval civilisations of the West and the East]. Moscow, 2012.
- Khorev, Valery A. *Ananyevskoe gorodishche* [The medieval city of Ananyevka] (Vladivostok: Dalnauka, 2012
- Chernykh E.N. Ot doklassovykh obshchestv k ranneklassovym (k itogam deiatel'nosti Metodologicheskogo seminarina Instituta arkheologii AN SSSR v 1976-1984 gg.) [From pre-class to early class societies (on the outcome of the Methodological seminar held at the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences from 1976 to 1984)]. In: *Ot doklassovykh obshchestv k ranneklassovym* [From pre-class to early-class societies]. Moscow, 1987, pp. 229-255.
- Shavkunov E.V. *Kultura chzhurchzueney-udige XII-XIII vekov i problema proiskhozheniia tungusskikh narodov Dalnego Vostoka* [The culture of the Jurchen-Udige in the 12th to the 13th centuries and the origins of the Tungus people of the Far East]. Moscow, 1990.
- Adams R. *The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico*. Chicago, 1966.

- Algaze G. *Ancient Mesopotamia at the Dawn of Civilization: The Evolution of an Urban Landscape*. Chicago, 2008.
- Bemmann J., Erdenebat U., Pohl E. (eds.). *Mongolian-German Karakorum Expedition*. Vol. 1. Excavations in the Craftsmen Quarter at the Main Road. Wiesbaden, 2010.
- Blanton R. Urban beginnings: a view from anthropological archaeology, *Journal of Urban History*, 1982, Vol. 8, pp. 427–446.
- Chavannes E. Voyageurs chinois chez les Khitans et les Joutchen, *Journal Asiatique*, 9th series, Vol. 9, 1897, pp. 377–442.
- Childe V. Gordon. The Urban Revolution, *Town Planning Review*, 1950, Vol. 21, pp. 3–17.
- Cowgill G.L. Origins and Development of Urbanism: Archaeological Perspectives, *Annual Review of Anthropology*, 2004, Vol. 33, pp. 525–549.
- Gaohua Chen. *The Capital of the Yuan Dynasty*. Honolulu etc., 2008.
- Glaeser E. *Triumph of the city: how our greatest invention makes us richer, smarter, greener, healthier, and happier*. New York, 2011.
- Hansen M.H. (ed.) *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures*. Copenhagen, 2000.
- Jacobs J. *The Economy of Cities*. New York, 1969.
- Jagchid S. The Kitans and their cities, *Central Asiatic Journal*, 1981, Vol. 25, pp. 70–88.
- Kostof S. *The City Shaped: Urban Patterns and Meanings through History*. London, 1991.
- Lin Hu. *Urban Landscape and Politics: The Making of Liao Cities in Southeast Inner Mongolia*. Unpublished PhD Thesis. Chicago, 2009.
- Lin Hu. Perceptions of Liao urban landscapes. Political practices and nomadic empires, *Archaeological Dialogues*, 2011, Vol. 18, no. 2, pp. 223–243.
- Marcus J., Sabloff J. (eds.). *The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World*. Santa Fe, 2008.
- Mumford L. *The City in History*. New York, 1961.
- Mumford L. What is a city? In: *The city reader*. 5th ed. New York, 2011, pp. 96–104.
- Nichols D.L., Charlton T.H. (eds.) *The Archaeology of City-States: Cross-Cultural Approaches*. Washington, 1997.
- Rossabi M. *Khubilai Khan: His Life and Times*. 2nd ed. Berkeley etc., 1989.
- Sjoberg G. *The Pre-industrial City*. New York, 1960.
- Smith M. V. Gordon Childe and the Urban Revolution: a historical perspective on a revolution in urban studies, *Town Planning Review*, 2009, Vol. 80, no. 1, pp. 3–29.
- Steinhardt N. The Plan of Khubilai Khan's Imperial City, *Artibus Asiae*, 1983, Vol. 44, no. 2/3, pp. 133–158.
- Steinhardt N. Imperial Architecture along the Mongolian Road to Dadu, *Ars Orientalis*, 1988, Vol. 18, pp. 59–93.
- Steinhardt N. *Chinese Imperial City Planning*. Honolulu, 1990.
- Ucko P., Dimbleby G., Tringham R. (eds.). *Man, Settlement and Urbanism*. London, 1970.
- Wei Jian. *Shangdu Site of the Yuan Dynasty*. Vol. 1–2. Beijing, 2008.
- Wirth L. Urbanism as a way of life, *American Journal of Sociology*, 1938, Vol. 44, no. 1, pp. 1–24.

УДК 930.26 (571.63)
DOI: 10.17223/2312461X/20/2

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА В ГОСУДАРСТВЕ БОХАЙ*

Евгения Ивановна Гельман,
Елена Валентиновна Асташенкова

Аннотация. Города в государстве Бохай (698–926 гг.) играли важную роль в политической и культурной жизни государства, являясь составной частью административно-территориальной системы. Различались как уровень развития городов разных территорий Бохая, так и статус столичных, областных, окружных и уездных центров. Но до сих пор повседневная жизнь городских жителей Бохая не была предметом специального исследования. В результате систематических археологических раскопок бохайских городских поселений на территории России в последние десятилетия изучалась топография городов, выявлены участки кварталов с дорогами, жилые и общественные здания, дворцовые строения, храмы. Основными источниками исследования стали археологические данные из раскопок бохайских городищ в Российском Приморье, а также опубликованные материалы по бохайской археологии смежных государств. Для изучения городской культуры использовались результаты геофизических обследований, пространственный анализ раскопанных участков городских поселений, рассматривался археологический контекст и анализировались материальные остатки. Для исторических реконструкций привлекались свидетельства письменных источников. Города Бохая имеют сложную фортификацию, которая включает в себя систему крепостных стен, рвов, предвратных укреплений. Внутренняя планировка городского пространства свидетельствует о застройке по единому плану с системой внутренних и внешних коммуникаций в виде дорог, улиц и площадей, почтовых станций. Бохайские города демонстрируют регламентацию внутренней структуры (размещение культовых и административных зданий, выделение ремесленных и жилых кварталов). Они являлись ремесленно-торговыми, административными, культурными и религиозными центрами. Городская культура Бохая складывалась постепенно по мере развития государства. В центральных районах эти процессы проходили быстрее, и они служили образцами для новых городских центров, появляющихся на периферии по мере расширения границ. Можно выделить два пласта в городской культуре Бохая – культуры элиты и простого населения. Первая развивалась под сильным влиянием танского стиля и моды и буддийской идеологии. Вторая унаследовала традиции мохэских племен – основателей государства.

Ключевые слова: археология государства Бохай (698–926 гг.), планировочная структура города, монументально-декоративное искусство, декоративно-прикладное искусство, иероглифика, буддизм

* Работа выполнена в рамках проекта «Города средневековых империй Дальнего Востока» (РНФ, № 14-18-01165).

Введение

Государство Бохай (698–926 гг.) занимало обширную по размерам территорию, которая в настоящее время находится в пределах границ России, КНР и КНДР. В период его формирования и складывания административно-территориальной структуры центры уездов, округов и столиц постепенно становились средоточием экономической, политической и духовной жизни средневекового населения. Города имели более развитую, по сравнению с сельскими поселениями, социальную, транспортную и инженерную инфраструктуру, благодаря которой достигался более высокий уровень и разнообразие технологий.

Отдельные аспекты городской жизни бохайского населения освещались разными авторами, но специальные исследования, посвященные формированию и характеристике городской культуры Бохая, пока отсутствуют (Болдин 1992; Болдин, Ивлиев 1997; Государство Бохай... 1994; Гельман и др. 2010; Археологические памятники... 2015 и др.). Для изучения проблемы авторы использовали археологические материалы (преимущественно из памятников Российского Приморья), дополненные летописными сведениями и результатами раскопок столичных центров в КНР. Процесс урбанизации в Бохае определялся, с одной стороны, относительной длительностью существования государства, а с другой – постоянным и динамичным расширением его границ, что приводило к появлению новых городских центров. В период расцвета Бохая, к концу первой трети X в., на его территории функционировали около 200 городских центров. В крупных городах оседали группы людей разной этнической принадлежности. По мере усиления централизации в Бохае складывался городской быт, формировалась культура элиты.

Общая характеристика бохайских городов

Территориально-административное устройство в Бохае сложилось в основном во второй половине VIII в. при третьем правителе Да Циньмао (737–973 гг.) под китайским (эпохи Тан (618–906 гг.) влиянием, включая систему пяти столиц. В отличие от Тан, в Бохае эта система столиц продержалась все время его существования, а впоследствии была взята за образец киданями и чжурчжэнями. Из китайских и японских хроник известно, что с начала X в. в Бохае уже были образованы 15 областей, 62 округа и 125 уездов. На территории России были расположены бохайские область Шуайбинь в долине р. Суйфун и округ Янь столичной области Восточной столицы (Луньюаньфу) (рис. 1). Центр округа Янь (округ Янь означает Соляной округ) находился на Краскинском городище, примерно в 70 км от остатков столицы – городища Баяньчэн недалеко от современного г. Хунчунь. Сведения об админи-

стративно-территориальном устройстве в Бохэе с начала IX в. до завоевания киданями в 926 г. в письменных источниках отсутствуют, так же как информация о функционировании городов и поселений. Это означает, что такие данные могут быть получены только благодаря археологическим исследованиям.

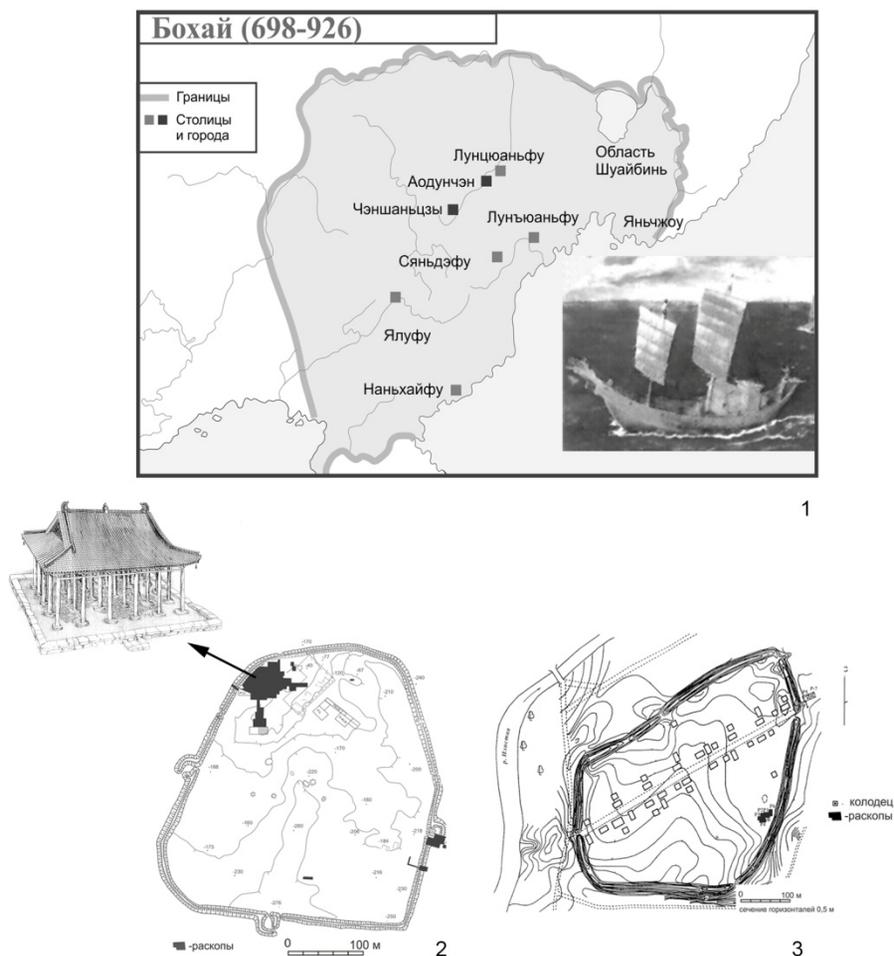


Рис. 1. Карта границ государства Бохай и бохайские городища Приморья: 1 – карта государства Бохай (составлена А.Л. Ивлиевым, Ю.М. Васильевым, Ю.Г. Никитиным); 2 – план Краскинского городища (А.Л. Ивлиев); 3 – план городища Горбатка (А.Л. Ивлиев)

Бохайские городища традиционно разделяются на равнинные и горные (Шавкунов 1968; Государство Бохай... 1994). Равнинные памятники преобладают (городища Краскинское, Горбатка, Кокшаровское-I, Николаевское-I и II, Высокое, Старореченское, Стеглянухинское (бо-

хайский слой), Марьяновское). Некоторые из них имеют относительно правильную, почти прямоугольную форму, остальные приспособлены к рельефу местности и отклоняются от шаблона. Все городища окружены валами и рвами. Склонность к правильной форме и планировке указывает на подражание стандартам столичных городов Бохая, в частности Верхней столицы (Лунцюаньфу в Дунцинчэне уезда Нинъянь провинции Хэйлуцзян КНР) и предполагаемого центра области Шуайбинь – городища Дачэнцзы в уезде Дунин той же провинции. Заметны эти признаки и на Краскинском городище, где есть улицы, ориентированные по сторонам света, имеется разбивка на кварталы, в северной части найдены и раскопаны остатки храмового комплекса, а также обнаружены бурением остатки административных зданий (Гельман, Ивлиев 2013).

Горные городища – небольшие по площади (около 3–4 га), занимают окраины обрывистых горных мысов или вершины сопок, господствующих над долинами, откуда открывался прекрасный обзор местности (городища Синельниковское, Отрадненское, Круглая Сопка (бохайский слой), Ауровское). Планировка их разнообразна, зависит от рельефа местности и повторяет контуры горного мыса или сопки, но тяготеет к округлым очертаниям. Высота валов от 1 до 3 м, но на неприступных участках они сооружались символические либо совсем отсутствовали.

По размерам бохайские городища можно условно разделить на две группы. Первая включает памятники площадью 10–16 га и длиной крепостных стен 1 250–1 645 м – городища Горбатка, Краскинское и Кокшаровское-1. Ко второй группе – городища площадью от 1,2 до 7,5 га и длиной валов 186–1 070 м. Различные размеры и расположение памятников связаны с их различным статусом и функцией. Возможно, что городища Горбатка (длина вала 1 250 м) и Кокшаровское-1 (1 645 м), судя по их размерам, могли также являться центрами округов, как и Краскинское городище (1 380 м).

Планировочная структура бохайских городов и фортификация

В середине VIII в. в бохайском градостроительстве появилась строгая планировка, соответствующая китайскому архитектурному стилю (Болдин, Ивлиев 1997: 96). Столичные города и окружные центры Бохая строились с соблюдением китайских строительных канонов того времени, когда за архитектурный эталон была принята столица Тан г. Чанъянь. Так, Верхняя столица Лунцюаньфу в г. Дунцинчэн, Восточная столица Люньюаньфу в г. Балячэн, Средняя столица Сяньдэфу в г. Сигучэн, а также городища Дачэнцзы и Чхоньхэ имеют прямоугольную в плане или близкую к ней форму (1997: 85). На территории ряда столичных городов конструктивно выделяется «внутренний» город, который располагался, как правило, в северной части внеш-

него города. Такие города зафиксированы на территории Верхней, Восточной и Средней столиц Бохая. Этот же принцип положен в основу планировки бохайских городищ Приморья. Так, на Краскинском городище религиозный и административный центры располагались в северной части памятника (Гельман 2006: 40; Гельман, Ивлиев 2013). На городище Кокшаровка-1 внутренний город также находится в северной части (площадь его около 45 600 м²) и отгорожен по периметру городским валом и внутренними стенами (Городище Кокшаровка-1 2012).

Фортификационная система включала в себя вал, окружавший город, башни (зафиксированы не на всех памятниках), одни или несколько ворот, которые на большинстве бохайских городищ имели специальные защитные сооружения в виде захабов. На памятниках, где проводились геофизические и археологические исследования установлена планировка жилых кварталов. На Краскинском городище их ориентация сохраняется на всем протяжении существования памятника (шесть строительных горизонтов). Город поделен на прямоугольные кварталы, ориентированные относительно центральной оси памятника (примерно по линии север–юг). Постройки внутри кварталов расположены диагонально относительно сторон света. На Кокшаровском-1 городище первоначально улицы были вытянуты по направлению сторон света с «прямоугольной» застройкой (Городище Кокшаровка-1 2012). Частичная планировка выявлена в двух верхних строительных горизонтах городища Горбатка. Для жилых кварталов городищ характерна высокая плотность застройки, существовали специализированные районы. Так, на городище Горбатка около западных ворот выявлен квартал ремесленников, занимавшихся бронзолитейным производством (Гельман 2007).

Важную практическую и социокультурную функцию в городе выполняли дороги и площади. Улицы связывали различные районы, упорядочивали его внутреннее устройство. Проспект шириной до 110 м в Дунцзинчэне тянулся от южных ворот городища до южных ворот царского города, а четыре дороги шириной около 50 м и менее широкие улицы проходили в широтном и меридиональном направлениях (Болдин, Ивлиев 1997: 87). Улицы, идущие с севера на юг и с востока на запад, одна из которых имеет длину 585 м и ширину около 3 м, обнаружены на территории городища Чхонхэ, которое исследователи отождествляют с остатками Южной столицы Бохая Наньхайфу (1997: 91). Широкие улицы делили города на кварталы и блоки внутри них.

На Краскинском городище дорога шириной до 30 м, проходя от южных ворот до северной стены оборонительного вала, тоже делила город на две части – восточную и западную. Раскопки участков дорог на территории памятника позволяют выявить этапы и проследить развитие навыков прокладки дорожного полотна с каменным покрытием. Ширина дорожного полотна на выявленных участках достигает 5 м, ширина

галечного покрытия – 2–2,5 м. Рядом с дорогой велась разнообразная хозяйственная деятельность населения города. Артефакты, найденные в районе дорог, отражают их социальную и культурную значимость, как это было и в других городах Дальнего Востока, где улицы являлись главными городскими рынками.

Развитие государства и расширение его границ, строительство городов на периферии, приспособление их к особенностям рельефа, функциональное назначение, изменение политической ситуации вносили коррективы в общепринятые нормы и правила градостроительства и способствовали появлению местных традиций. Установленные планы застройки бохайских городов явно свидетельствует в пользу наличия централизованного управления, которое усиливалось по мере развития государства.

Система жизнеобеспечения городов

Сельское хозяйство. Горожане, как и жители поселений, занимались сельским хозяйством. Об этом свидетельствуют находки сельскохозяйственных орудий (лопаты, лемехи, отвалы), но еще в большей степени археоботанические и костные остатки животных. Жители городищ возделывали культурные растения, относящиеся к зерновым, зернобобовым, крупяным и техническим культурам. Немаловажную роль в жизни бохайского населения играли также дикоросы (Сергушева 2002). Население Краскинского городища, судя по остаткам древесины яблони и груши, найденной в колодце, занимались садоводством.

В пищу употребляли мясо коров, свиней, собак, лошадей, коз, кости которых были в значительном количестве обнаружены в жилищах, хозяйственных и мусорных ямах, на дорогах, куда они попадали вместе с другими бытовыми отходами. Единичны пока определения птичьих костей, но все же определено наличие костей курицы на Краскинском городище (Винокурова и др. 2016).

Ремесленное производство. В числе основных видов производств, которые удалось установить по прямым и косвенным свидетельствам, обработка черных и цветных металлов, гончарство и черепичное производство. Находки фрагментов льячек, сохранивших следы металла, шлаков, изделий из бронзы, а также бронзового и медного лома, подтверждают факт плавки бронзы на территории бохайских городищ. В настоящее время установлено как минимум семь типов сплавов бохайских бронз (Конькова 1989; Гельман и др. 2017; Гельман, Кодзима 2013).

Потребности города требовали развития железоделательного производства. И значительное количество изделий из железа, в том числе предметов быта, орудий труда, вооружения позволяет предполагать наличие высокого технологического уровня металлообработки у бо-

хайцев. На городище Николаевское-II был найден целый кузнечный комплекс, представленный остатками кузнечной мастерской, в которой находилось девять горнов и еще отдельно расположенных семь горновых ям (Государство Бохай... 1994: 106).

Наиболее массовым видом производства было керамическое, включающее изготовление архитектурной керамики, черепицы, керамической посуды и разнообразных изделий из глины. Черепица производилась в основном для буддийских храмов, печи для ее обжига сооружались иногда прямо рядом с местом строительства (Болдин и др. 2001; Гельман 2006; Бохайские древности... 2013). Бохайская керамика представлена тремя технологическими традициями, существовавшими одновременно.

Промыслы и домашние ремесла. Несмотря на наличие земледелия и разведение домашнего скота, немаловажную роль в системе жизнеобеспечения горожан продолжали играть охота, собирательство и рыболовство. На территории бохайских городищ найдены кости кабана, косули, пятнистого и благородного оленя, барсука, бурого медведя, соболя, зайца маньчжурского, бобра, белки, мелких роющих животных (Архив 2012; Винокурова и др. 2016) Среди ботанических остатков диких растений выявлены косточки дикого винограда, скорлупа ореха сосны, элеутерококка (определения Е.А. Сергушевой).

Морские и речные ресурсы представлены остатками костей рыб и раковин моллюсков. Кости рыб сохраняются редко, тем не менее, на Краскинском городище идентифицированы кости пилингаса, горбуши, сельди, рыбы-собака (фугу) и других видов рыб, обитавших в заливе Посьета и бухте Экспедиции (определения А.В. Санниковой). Изучение костных остатков рыб из бохайских памятников проводилось пока выборочно, но известно, например, что население городища Горбатка использовало в пищу 20 видов рыб трех экологических групп – пресноводных (по мере убывания: верхогляд, пестрый конь, косатка-скрипун, амурский сом, сом Солдатова, черный амурский лещ, горбушка, монгольский краснопер, белый толстолоб, мелкочешуйный желтопер, желтощек, змееголов) морских (сельдь, камбала) и проходных (кета, горбуша, красноперка, пиленгас) (Гельман 2007). Кроме сельди, которую вылавливали весной, все остальные виды могли вылавливаться с весны до осени. Все морские виды являются привозными на памятнике, и их, вероятно, доставляли сюда с побережья моря в вяленом виде. Рыболовные крючки и грузила разных размеров, найденные на бохайских памятниках, указывают на то, что бохайцы использовали различную рыболовную снасть, включая сети.

На основании изучения остатков раковин моллюсков, найденных в бохайских городищах, определены главные промысловые виды морских двухстворчатых и брюхоногих. Все добывавшиеся на Краскин-

ском городище моллюски обитают в бухтах залива Посьета и в настоящее время, обычно на значительном расстоянии от городища (от 3–4 до 10–12 км) на относительно небольшой глубине (от 1–1,5 м и глубже) и в разных местах обитания (определения В.А. Ракова). В жилище нижнего горизонта найден позвонок кита. Из обнаруженных на городище Горбатка и Николаевское-II многочисленных фрагментов моллюсков, принадлежавших 29 видам, 15 видов относятся к морским, хотя памятники располагаются в трех днях пути от моря. Установлено, что часть моллюсков употреблялась бохайским населением в пищу (жемчужницы, перловицы, устрицы, мидии, гребешки), а другая часть использовалась в качестве украшений (параюга, рапана, анадара) (Шарова и др. 2011; Саенко и др. 2015).

Домашние ремесла, которыми занималось население городов, традиционно представлены косторезным делом, деревообработкой и ткачеством. Костяные изделия (наконечники стрел, свистунки для стрел, накладки для лука, декоративные пластины и др.) изготовлены из костей диких животных. Так как заготовки костяных изделий найдены в обычных жилищах, а их количество незначительно, можно предположить, что обработкой кости занимались для нужд домохозяйств.

Данные о занятиях деревообработкой сохраняются реже, однако среди обугленных остатков древесины нередко встречаются следы обтесывания, остругивания, рубки. Деревянный сруб из дуба, фильтр из ивовых веток и чаша, обнаруженные в колодце, а также фрагмент грубо обработанной доски, найденный при раскопках защитных сооружений ворот, – вот немногие артефакты, которые являются прямыми свидетельствами обработки древесины жителями Краскинского городища. Деревообработкой занимались не только для нужд домохозяйств, но и профессионально, судя по остаткам немногочисленного инструмента (топоры, ножи, долота), а также имея в виду, что в морском порту, каким являлось Краскинское городище, помимо возведения деревянных стен и крыши жилищ, необходимо было заниматься ремонтом лодок и кораблей. При строительстве зданий колоннадного типа требовалось умение изготавливать огромное количество сложных деревянных деталей, без которых крыша не смогла бы выдержать тяжелое черепичное покрытие.

Многочисленные керамические пряслица, грузики для ткацкого станка, отпечатки тканей и веревки на черепице и керамике указывают на значительные объемы изготавливаемого полотна с разными типами переплетения.

Торговля

Внутренняя торговля. Сведения из летописей дают нам самое общее представление о внутренней торговле в Бохае, главным образом сообщая о специализации разных областей и округов. Поскольку зна-

чительную часть производившихся в разных регионах Бохая товаров составляли продукты питания или материалы, которые не сохраняются или плохо сохраняются в земле, то найти подтверждения этому по археологическим данным трудно. Одним из таких материальных свидетельств является керамика со свинцовыми глазурями. В подражание известному китайскому сорту саньцай бохайцы сумели наладить производство этих престижных изделий на местной основе. Керамика со свинцовыми глазурями бохайского производства была ценным товаром, поэтому она редко встречается на бохайских памятниках.

Изучения остатков малакофауны и ихтиофауны, как показано выше, также дало прямые свидетельства внутренних обменов между разными областями Бохая (Гельман 2005; Шарова и др. 2011). Население континентальных районов Приморья систематически и круглогодично торговало с жителями морского побережья.

Внешняя торговля. Археологические данные о внешней торговле Бохая также немногочисленны, но каждый год раскопок приносит новые данные. К ним относятся редкие фрагменты бронзовых зеркал танского типа. Предположительно из Танского Китая привозились нефритовые нагрудные диски и кольца для серег, стеклянные бусы и бисер, найденные на городищах Краскинское и Горбатка и других памятниках. Точные места производства нефритовых изделий на территории Китая остаются пока неизвестными. Имеются свидетельства поставок на территорию Российского Приморья бусин, изготовленных в мастерских Ближнего Востока и Передней Азии. Стеклянные изделия в большом количестве попадали по Шелковому пути на Корейский п-ов и Японские о-ва, а также на территорию Бохая.

Широко распространенным привозным китайским товаром является глазурованная керамика и фарфор. К ним относятся изделия, изготовленные в печах Юэяо провинции Чжэцзян, Динъяо и Синчжоу провинции Хэбэй, фрагмент сорта Чанша. Важную роль в этой торговле играл морской порт Краскинское городище (Яньчжоу). Через него товар, прибывавший морским путем, поступал не только в центральные районы Бохая, но и на северо-восточную периферию. Судя по тому, что соотношение разных сортов различно на памятниках, вероятно, торговля привозной керамикой осуществлялась и через другие поселения на морском побережье в пределах Российского Приморья.

В единичных случаях на Краскинском городище обнаружены остатки черного лака в глиняной чаше и остатки нефтяного продукта в одном из сосудов (Кодзима, Гельман 2011). Дерево уруши (лаковое дерево – *Rhus vernicifera*), из которого получают сок для производства лаков, встречается на территории Китая, Кореи, Японии и восточной части Гималаев. Неизвестно, откуда лак был привезен в Краскинское городище, так же как и асфальт. Ближайшее место, откуда могли поступать

нефтепродукты, – провинция Северная Хамген (КНДР), где находилась пограничная территория между Бохаем и Объединенной Силла. Не исключено, что битуманизованная нефть могла быть привезена из Японии, где много естественных выходов нефти на поверхности, в том числе в провинциях Ниигата и Акита, куда прибывали и отправлялись бохайские и японские посольства (Дерюгин, Гельман 2015). По сухопутной дороге из Восточной столицы на побережье прибывали караваны верблюдов, свидетельством этому являются находка кости и бронзовое изображение верблюдов из Краскинского городища.

Образование и письменность

После образования государства бохайцы ввозили китайские книги и неоднократно отправляли своих студентов в Чанъань, «чтобы постигать древние и современные постановления», создали совершенную систему конфуцианского образования (Чжань Цзюнь 1994: 60). Археологические данные подтверждают применение бохайцами иероглифической письменности. Она использована на четырех стелах – надгробиях бохайских принцесс Чжэнь-хуй (могильник Людиньшан, провинция Дуньхуа) и Чжэнь-сяо, бохайских королей Сяо-и и Шунь-му (могильник Лунхай, уезд Хэлун) (Людиншань юй бохайчжэнь... 1997; Ивлиев 2014: 208), в письме бохайского правителя, хранящегося в императорской сокровищнице в Японии и на буддийской статуе в Японии в виде бохайского девиза правления (Ивлиев 2014: 215). На образованных людей Бохая влияние оказывала культура Танской империи, и поэтому для текстов на погребальных стелах использовались китайские иероглифы, написанные почерком кайшу (Цзилинь хэйлунцзян... 2009: 38). Из письма, которое было передано японскому двору прибывшим в 841 г. бохайским посольством и подписанным будущим правителем Бохая, следует, что для важной дипломатической миссии из бохайских и военных чиновников отбирали тех, кто хорошо владел письменными документами и был способен к их литературному написанию (Вэй Цуньчэн 2008: 162).

Иероглифическая надпись есть на внутренней поверхности придонной части сосуда, обнаруженного при раскопках Краскинского городища (см. рис. 2, 3). По мнению исследователей, ее можно интерпретировать как японские имена Иротомо и Мититака, принадлежавшие буддийским монахам (Гельман и др. 2010: 215), или как текст буддийской молитвы (Ивлиев 2014: 211–212).

Очевидно, что развитие дворцово-храмового строительства способствовало развитию грамотности и простое городское население тоже было знакомо и в определенной степени владело китайской письменностью. Бохайские ремесленники оставляли надписи на керамических сосудах и черепице (см. рис. 2, 4). Так, иероглифическая надпись обна-

ружена на черепице, найденной при раскопках храма Хунъюнь в уезде Ванцин. Сохранились следующие остатки текста: «...создали алтарь в 6 месяце года...» и «...чжусяодэн...» (Вэй Цуньчэн 2008: 146–148). При раскопках дворцового комплекса № 2 Верхней столицы Бохая обнаружено около 145 фрагментов черепицы с оттисками печатей и около 18 со знаками. Оттиски сделаны деревянными печатями квадратной и прямоугольной формы. Внутри помещены иероглиф или иероглифическая надпись (Бохай шанцзинчэн... 2009: 57–70). Такие клейма могли обозначать знак печи или партии продукции (2009: 58). Сунь Сюжэнь выделяет семь категорий знаков на бохайской черепице: цифры, циклические знаки, фамильные знаки, односложные и двусложные имена, нечитаемые знаки и знаки в зеркальном изображении (Ивлиев 2014: 210). На черепице, обнаруженной при раскопках храма Краскинского городища, есть прочерченный по сырой глине иероглиф. Он состоит из двух графем, которые вместе не встречаются в китайской иероглифике. Возможно, это неверное написание иероглифа ...лу – «запись, регистрация, фамильный знак» или «счастье, жалованье, фамильный знак» (2014: 208). На стенках сосудов из Николаевского-II и Краскинского городищ найдены иероглифические надписи, которые могут являться именами или фамилиями гончаров или владельцев посуды (Гельман и др. 2010: 214; Ивлиев 2014: 210). Они либо нанесены острым предметом на еще сырую глину или прочерчены по уже обожженной поверхности. Среди иероглифов встречаются следующие: «дерево», «ван», «женщина», «река», «военное дело» (воин, богатырь, фамилия «У», военная доблесть), «поколение» (век, эпоха, мир, человечество, фамилия «Ши»), «солнце» (день). Есть сочетание двух иероглифических знаков, которое может обозначать имя Упин (Уцзе, Уфэн) (Ивлиев 2014: 210). О распространении письменности и грамотности среди бохайского населения говорят находки тушечниц, фрагменты которых обнаружены на территории Верхней столицы Бохая и на Краскинском городище (Бохай шанцзинчэн... 2009; Болдин и др. 2001: 88).

Китайские исследователи полагают, что зеркальное написание иероглифов, неправильное их написание, сложность в прочтении написанных знаков, свидетельствуют о низком уровне грамотности бохайских ремесленников (Бохай шанцзинчэн... 2009: 58). Неверное написание иероглифов и группировка графем таким образом, каким они не соединялись в китайском языке, отмечено и на черепице из Краскинского городища (Ивлиев 2014: 209). Но это может быть следствием становления собственной системы письменности на основе китайских иероглифов, когда они «приспосабливались» для своего языка, как было у других народов. На поселениях тоже найдены фрагменты керамических сосудов с иероглифическими знаками, но это единичные находки, которые лишь подтверждают тот факт, что развитие письменности и гра-

мотности в Бохэе было тесно связано со становлением государственно-делопроизводства, налаживанием политических, экономических и культурных связей с соседями, распространением официальных верований. И главную роль в этих процессах играли городские центры.

Религия

Основу религиозной жизни бохайского населения составляли даосизм, буддизм и шаманизм. Даосизм в Бохэе, как полагают исследователи, распространился вследствие тесных отношений с Когуре и связей с Китаем, где он был признан как официальная религия (Чжань Цзюнь 1994: 63; Lim Sang Sun 2001: 131). Насколько глубоко проник даосизм в бохайское общество и широко распространился, судить сложно из-за практически полного отсутствия источников. Корейский исследователь Лим Сан Сун полагает, что анализ произведений иностранных авторов VIII–IX вв., имевших прямые контакты с бохайцами, и эпитафии на стелах бохайских принцесс Чжэнь Хуи и Чжэнь Сяо могут прояснить эти вопросы (Lim Sang Sun 2001). Но, на наш взгляд, в данном случае речь идет не столько о даосизме как религиозном учении, сколько о даосской философии, которая являлась одной из основ древней восточной мысли. Так или иначе, сложность этого религиозного направления, обилие строгих предписаний и заповедей обусловили его большее распространение среди верхних слоев бохайского общества (Чжань Цзюнь 1994: 63). На роль общегосударственной официальной религиозной доктрины больше подходил буддизм. Тем более, что его расцвет в танском Китае (VII–VIII вв.), являющемся во многом образцом для Бохая, совпал по времени со становлением и развитием государственности последнего. О распространении буддизма в бохайском обществе свидетельствуют как эпиграфические, так и археологические источники (Государство Бохай... 1994; Чжань Цзюнь 1994: 63–67; Lim Sang Sun 2001: 129; Вэй Цуньчэн 2008: 115 и др.). Проводниками новой идеологии была бохайская аристократия, сосредоточенная преимущественно в городах. Именно в столичных и областных центрах Бохая в первую очередь появлялись административно-храмовые комплексы. Остатки как минимум девяти храмов выявлены на территории городища Дунцзинчэн и его окрестностях (Вэй Цуньчэн 2008: 117), следы храмовых построек обнаружены в Восточной столице городище Баянчэн (Болдин, Ивлиев 1997: 89; Чжань Цзюнь 1994: 65), храмовый комплекс исследован в северо-западной части Краскинского городища (Болдин 1992: 60).

Существование официальных доктрин не мешало простому населению сохранять верность традиционным верованиям, одним из которых был шаманизм (Шавкунов 1994; Чжань Цзюнь 1994: 63). В отличие от

буддизма, который оставил нам материальные следы в виде остатков зданий и элементов их внешнего и внутреннего оформления, фрагментов буддийской скульптуры и пластики, атрибуты народных культов зачастую были выполнены из плохо сохраняющихся во времени материалов, что затрудняет их поиски. Но те, которые удалось обнаружить, позволяют составить представление об этих верованиях, при этом артефакты, которые можно соотнести с шаманизмом, находят как на территории городов, так и поселений. Так, на Марьяновском городище в пределах жилища были обнаружены орнаментированный костяной держатель от кресала и костные остатки животных с просверленными в них отверстиями для подвешивания (Шавкунов 1996). Очевидно, что религиозные предпочтения простых жителей, независимо от места их проживания, были схожи. Группу артефактов, связанных с народными верованиями, представляют изделия со взаимопересекающимися отверстиями (см. рис. 2, 1, 2). Они встречаются на разных бохайских памятниках, различаются размерами, формой, количеством отверстий и их расположением. Вероятнее всего, они имели, прежде всего, практическую значимость, например, для фиксации веревки, концы которой пропускались через отверстия. Эти изделия могли позволить использовать веревку без завязывания специальных узлов и легко регулировать высоту подвешенных предметов. Судя по следам гари и сажи на многих из этих артефактов, они находили применение и над очагом. Вполне закономерно, что такие предметы могли одушевляться и наделяться сверхъестественными возможностями. Некоторые из них имеют антропоморфные черты, другим придано сходство с головой совы. Особую группу составляют изделия, выполненные в форме построек. Уникальны два изделия из Краскинского городища. Одно изготовлено в виде административно-храмовой постройки с черепичной крышей и антропоморфной фигурой на торце, а второе – в виде буддийской ступы. На их примере мы можем наблюдать, как утилитарные вещи, широко применявшиеся в быту, сначала становились носителями традиционных представлений, а затем видоизменялись под влиянием новых религиозных идей.

Искусство

Искусство Бохая включало в себя как изобразительные (скульптура, декоративно-прикладное искусство, графика (рисунок), живопись), так и неизобразительные виды (архитектура, литература, музыка). За годы существования государства в искусстве сформировался свой уникальный и узнаваемый стиль, имеющий в основе как самобытные традиции племен мохэ, образовавших Бохай, так и заимствованные элементы мощных и сильных культурных центров, каковыми являлись государство

Когуре и империя Тан. Судя по археологическим данным, образ жизни населения в городах и в поселениях во многом был очень похож. Тем не менее в искусстве наметились тенденции, которые свидетельствуют о некоторых отличиях. Прежде всего, это сильное идеологическое влияние буддизма, которое проявлялось в архитектуре, монументально-декоративной и мелкой скульптуре и пластике Бохая. На территории городских центров, где функционировали храмовые комплексы, обнаружены фрагменты и обломки керамических, каменных и бронзовых Будд, бодхисаттв, буддийских божеств и их атрибутов, все виды убранства храмов – лепные украшения крыши (чивэи, навершия крыши, головы зверей, «гуляющие животные», концевые диски) и стен (разные виды рельефа, орнаментированные кирпичи). Храмовое строительство, предполагавшее определенную локацию ритуальных сооружений и их внешний вид, привнесло в архитектурный облик города новые черты.

В городах, где была сосредоточена политическая и экономическая элита Бохая, формировалась ее культура, которая находила выражение и в предметах искусства. Это артефакты, маркирующие социальный статус и престиж, к которым относится ряд изделий декоративно-прикладного искусства. Прежде всего, отлитые из бронзы элементы наременной (поясной) гарнитуры (наконечники ремня, накладки, пряжки, распределитель, обоймицы, бубенчики), предметы домашнего обихода (зеркала, пинцеты и др.) и украшения (декоративные гвоздики, браслеты, подвески, кольца, шпильки и их фрагменты) (см. рис. 2, 6–8, 10, 11). Только на территории Краскинского городища к настоящему времени найдено порядка 160 бронзовых (в их числе и с позолотой) изделий и их фрагментов, в то время как на поселениях подобные находки единичны. При этом некоторые категории изделий или их типы известны только из раскопок бохайских городищ и не встречены пока на поселениях. Например, бронзовые зеркала и их фрагменты найдены на городищах Краскинское и Горбатка и в могильниках Хуньцзуньюйчэн и Лунхай. Большая их часть является танскими по происхождению, но есть и изделия местного производства (рис. 2, 10) (Гельман, Кодзима 2013; Гельман и др. 2017). Из трех типов бохайских наверший шпилек для волос один встречается лишь на территории столичных и областных центров (рис. 2, 11).

Количество, разнообразие форм и декоров предметов наременной гарнитуры изделий, обнаруженных на поселениях, значительно уступают образцам, найденным на бохайских городищах. Так, на территории последних известны как простые прямоугольные или полуовальные накладки с прямоугольными прорезями, так и фигурные изделия с разной формой отверстий и без них, как гладкие, так и с геометрическим или растительным декором.

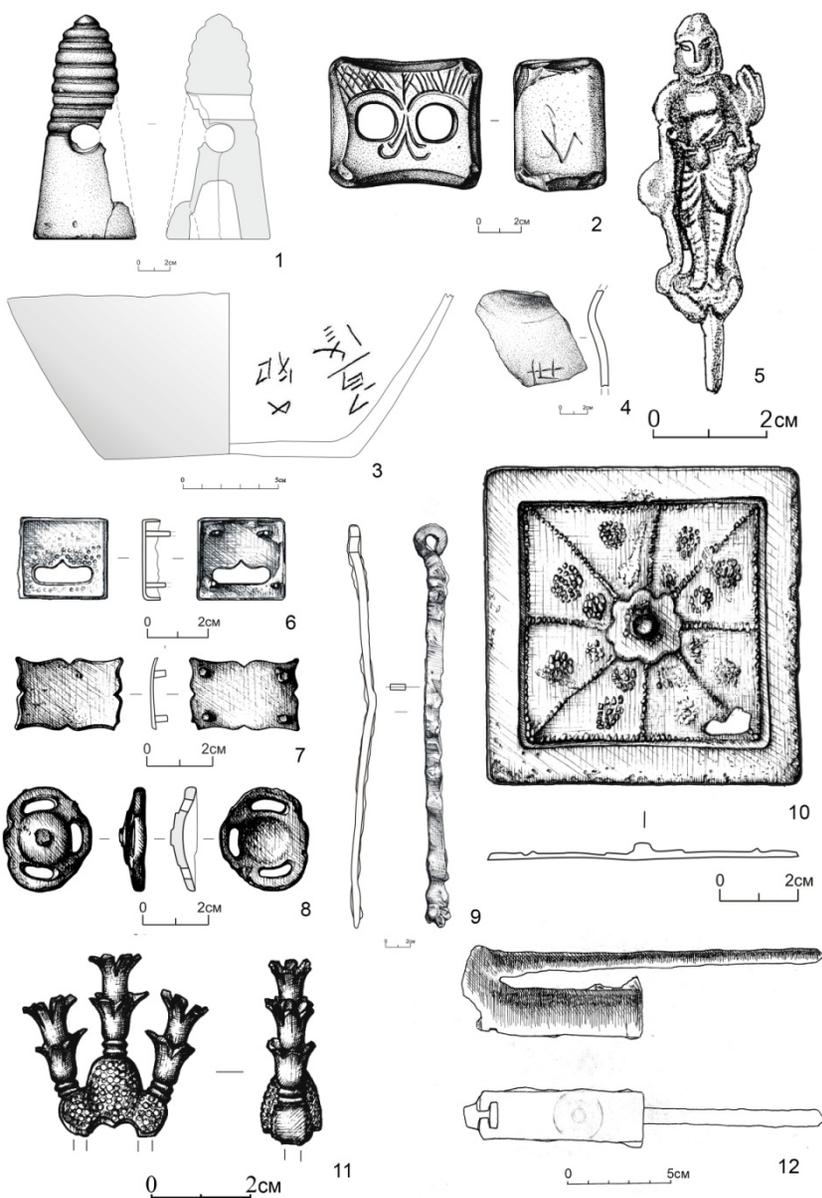


Рис. 2. Предметы быта и декоративно-прикладного искусства: 1 – керамическая модель буддийской ступы; 2 – керамическое изделие со взаимопересекающимися отверстиями; 3 – фрагмент сосуда с иероглифической надписью; 4 – фрагмент стенки керамического сосуда с иероглифом; 5 – бронзовая позолоченная статуэтка бодхисатвы; 6 – бронзовая поясная накладка с фигурной прорезью; 7 – бронзовая фигурная накладка; 8 – бронзовый распределитель ремня; 9 – железный ключ; 10 – бронзовое зеркало с орнаментом на тыльной стороне; 11 – бронзовое позолоченное навершие шпильки; 12 – железный замок

Каменные поясные накладки, аналогичные по форме металлическим и явно обладающие социальной значимостью, найдены на Николаевском II, Краскинском городищах и кургане Кокшаровка-8 (Археологические памятники... 2015). Также на территории городищ встречаются чугунные предметы декоративно-прикладного искусства, не известные на поселениях. Так, массивные обкладки для очагов, декорированные растительным орнаментом, найдены пока только в Верхней столице Бохая и на городище Горбатка Приморского края.

Четкого разграничения между искусством города и поселения в Бохае нет, но в таких направлениях, как архитектура, скульптура и декоративно-прикладное искусство, наметились некоторые отличия. На поселениях не обнаружено следов храмовых и административных построек и, соответственно, нет сопутствующей их скульптуры и пластики, декоративных архитектурных элементов. Комплекс предметов декоративно-прикладного искусства, включающий в себя изделия из камня, кости, металла, глины, встречается и на территории городищ, и в пределах поселений, но качество, разнообразие форм и декоров и количество их существенно различаются. На территории городских центров гораздо чаще встречаются статусные предметы и изделия не местного производства.

О быте и досуге

О нравах в городской среде отчасти свидетельствуют находки различных запирающих устройств, использовавшихся населением в Бохае. К настоящему времени все известные замки и ключи этого времени найдены преимущественно на территории городищ и единичные находки – при раскопках культового сооружения и погребения (см. рис. 2, 9, 12) (Асташенкова 2017). Это отчасти может свидетельствовать о том, что уровень социальной дифференциации в городе, где было сосредоточено значительное количество разных по материальному, профессиональному и другим положениям обитателей, был выше, и появилась потребность защитить свое имущество.

Обнаруженные при раскопках бохайских памятников артефакты указывают на то, что одним из способов времяпрепровождения населения были игры. Анализ археологических материалов позволяет предположить, что наибольшую популярность имела игра с использованием фишек на расчерченном игровом поле. Это игра шашечного типа «чистого расчета», которая из-за использования разного количества фишек и формы поля имела много разновидностей и была широко распространена в период Средневековья на обширной территории Евразии, появившись, безусловно, значительно раньше¹. В Бохае, судя по найденным на камнях игровым полям, был известен классический вариант

этой игры. Игральные фишки, изготовленные из стенок сосудов, найдены как на территории бохайских городищ, так и на поселениях. Но количество их несопоставимо. Только на Краскинском городище к настоящему моменту найдено более 1 500 экземпляров, в то время как на всех поселениях известно незначительное число таких изделий, при этом фишек из черепицы среди них нет.

Из письменных источников известно и об активном виде отдыха бохайцев – игре в поло. Известно, что в 822 г. бохайский посол Ван Вэньцзюй во главе команды провёл в Японии матч игры в верховое поло (Государство Бохай... 1994; Чжань Цзюнь 1994: 62). Вероятно, игра в поло была очень популярна, поскольку одной из мер киданей после завоевания ими Бохая был введенный запрет на эту игру, так как в ней «кидани видели возможность военных тренировок бохайцев» (Wittfogel, Fong Chia-sheng 1949).

В целом досуг простого населения города и поселения вряд ли имел кардинальные отличия. Вероятно, помимо *гону*, играли в нардовые игры и находка на Абрикосовском селище костяного кубика с нанесенными на его грани точками в количестве от 1 до 6 может косвенно свидетельствовать об этом. Обточенные альчики, обнаруженные на территории городищ Марьяновского и Кокшаровского, Константиновского-1 селища (Шавкунов 1999: 319; Городище Кокшаровка... 2012: 187), «говорят» об игре в кости. Скорее всего, и игры типа облавных шашек тоже были известны бохайскому населению, но прямых доказательств этого пока нет.

Заключение

Значительную роль в формировании и становлении государства Бохай сыграли городские центры разных уровней, занимавшие соответственное их рангу место в административно-территориальном устройстве. Они выполняли соответствующие их статусу основные функции: наличие и поддержание бюрократической организации, сбор излишков, хранение и перераспределение товаров, организацию ритуалов, ремесленную специализацию и регулирование внутренней и внешней торговли. Помимо общих функций, обеспечивавших централизованное управление землями Бохая, многие города выполняли особую функцию в экономике государства. Система пяти столиц, заимствованная в Китае, оказалась наиболее надежной для удовлетворительного контроля над огромной территорией Бохая.

Некоторые города стали важнейшими центрами, обеспечивавшими международные связи и торговлю. Так, например, Краскинское городище, являясь одновременно окружным и уездным центром, местом по добыче ценной продукции – соли, было морским портом. Отсюда

начиналась морская дорога в Японию, а к ней вела сухопутная дорога из Восточной столицы, откуда приходили караваны с товарами и посольствами.

Города становились центрами распространения передовых идей, моды, официальных религиозных доктрин, грамотности. Для городов, где наблюдается высокая плотность заселения, где были сосредоточены представители разных слоев населения (чиновники, вожди отдельных групп мохэ, торговцы и монахи, земледельцы, моряки и рыбаки), характерно более интенсивное использование как массовых утилитарных товаров, так и ценных, престижных высокохудожественных изделий. По мере расширения границ и приобретения новых территорий появлялась необходимость строить новые города, которым предстояло стать форпостами в зоне освоения новых рубежей.

Примечания

¹ Данная игра известна под разными названиями – мельница, рез, киркат, моррис и др. В Корее ее называют *гону*.

Литература

- Археологические* памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 в Приморье: итоги исследований российско-корейской экспедиции в 2012–2014 гг. Тэджон: Национальный институт культурного наследия, 2015.
- Архив ИИАЭ ДВО РАН*. Ф. 1. Оп. 2. № 713. Прокопец С.Д. Отчет об археологических исследованиях на Николаевском I городище в Михайловском районе Приморского края в 2012 году.
- Асташенкова Е.В.* Замки и ключи из бохайских памятников Приморья // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 16–20.
- Болдин В.И.* Бохайские городища в Приморье // Россия и АТР. 1992. № 2. С. 58–69.
- Болдин В.И., Ивлиев А.Л.* Столичные города Бохая // Россия и АТР. 1997. № 3. С. 77–98.
- Болдин В.И., Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г.* «Интеграция» на Краскинском городище: 4 года исследований // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. С. 74–91.
- Бохай шанцзинчэн: ицзюцзюба – эрцянъци няньду каогу фацзюэ дяоча баогао* (Городище Верхней столицы Бохая: отчет об археологических раскопках и исследованиях в 1998–2007 годах) : в 2 т. / авт.-сост.: Институт археологии провинции Хэйлуцзян. Пекин: Вэньу, 2009 (на кит. яз.). Т. 1.
- Бохайские древности* из Приморского края России / гл. ред.-сост. Сун Юйбинь, А.Л. Ивлиев, Е.И. Гельман / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Институт археологии провинции Цзилинь. Пекин: Вэньу, 2013.
- Винокурова М.А., Омелько В.Е., Гасилин В.В., Гельман Е.И.* Млекопитающие (Mammalia) Краскинского городища (Бохай, VIII–X вв.), Приморский край // Терриофауна России и сопредельных территорий: материалы междунар. совещ. М., 2016. С. 72.
- Вэй Цуньчэн.* Бохай каогу (Археология Бохая). Пекин: Вэньу, 2008 (на кит. яз.).
- Гельман Е.И.* Взаимодействие центра и периферии в Бохае (на примере некоторых аспектов материальной культуры) // Российский Дальний Восток в Древности и Сред-

- невековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток / отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 475–516.
- Гельман Е.И. Система жизнеобеспечения населения бохайского городища Горбатка // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007. С. 416–420.
- Гельман Е.И. Центр и периферия в Северо-Восточной части государства Бохай // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 39–47.
- Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Буравлев И.Ю. Бронзолитейное производство в Бохае (по данным археологических исследований Краскинского городища) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3: Ремесла и промыслы / отв. ред. Е.И. Гельман, Ю.Е. Вострецов, А.Л. Ивлиев. Владивосток: ИИАЭ ДВ РАН, 2017. С. 141–179.
- Гельман Е.И., Болдин В.И., Асташенкова Е.В., Ивлиев А.О., Леценко Н.В., Кан Ин Ук, Ким Ын Кук. Отчет об археологических раскопках на Краскинском городище Приморского края в 2008 г. (The 2008 Excavation Report on the Krakino Site in Primorsky Krai). Сеул, 2010.
- Гельман Е.И., Ивлиев А.Л. Новый метод археологической разведки (на примере Краскинского городища) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1 (167). С. 117–124.
- Гельман Е.И., Кодзима Ё. Производство бронзы бохайским населением долины р. Илистой // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5. С. 49–57.
- Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российско-корейской экспедиции в 2008–2010 года. Тэджон: Национальный институт культурного наследия, 2012 (на рус., кор. яз.). Ч. 1, 2.
- Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М.: Наука, 1994.
- Дерюгин В.А., Гельман Е.И. Япония как возможный поставщик нефти в Средневековье // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2015. № 4. С. 86–93.
- Ивлиев А.Л. Эпиграфические материалы Бохая и бохайского времени из Приморья // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 207–217.
- Кодзима Ё., Гельман Е.И. Изучение сосуда с асфальтовым веществом, обнаруженным на Краскинском городище // Новые перспективы изучения истории Когурё и Бохая: материалы междунар. науч. конф. Сеул; Владивосток, 2011. С. 63–78.
- Конькова Л.В. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР: (Рубеж II–I тыс. до н. э. – XIII век н. э.). Л.: Наука, 1989.
- Людиншань юй бохайчжэнь – тандай бохайго-дэ гуйцзу муди юй дучэн ичжи (Людиншань и Бохайчжэнь: кладбище аристократии и остатки столичного города государства Бохай эпохи Тан) / сост. Институтом археологии АОН КНР. Пекин: Чжунго дабайке цюаньшу, 1997 (на кит. яз.).
- Саенко Е.М., Прокопец С.Д., Лутаенко К.А. Моллюски из средневекового городища Николаевское I (Приморье): палеоэкологическое и археозоологическое значение // Ruthenica. 2015. Т. 25, № 2. С. 51–67.
- Сергушева Е.А. Культурные растения бохайского городища Горбатка (Приморский край) по палеоэтноботаническим данным // VII Дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток, 2002. С. 223–231.
- Цзилинь хэйлунцзян лунхай бохай ванши му цзанфацюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могил царского дома Бохая в Лунхае города Хэлун провинции Цзилинь) / Институт археологии провинции Цзилинь. Канцелярия комитета по памятникам истории и культуры Яньбяньского корейского национального автономного округа // Каогу. 2009. № 6. С. 23–39 (на кит. яз.).
- Чжань Цзюнь. Особенности развития культуры Бохая // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России / отв. ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 57–68.

- Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968.
- Шавкунов Э.В. О шаманстве бохайцев // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России / отв. ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 48–56.
- Шавкунов Э.В. Уникальный держатель от кресала из Марьяновского городища // Вестник ДВО РАН. 1996. № 2. С. 71–74.
- Шавкунов Э.В. Отчет об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1995 году // Краткий отчет об археологических исследованиях в Приморском крае России. Корейско-российская совместная экспедиция. Сеул: Корё научно-культурный центр, 1999. С. 305–332.
- Шарова О.А., Гельман Е.И., Раков В.А. Малакофауна бохайского городища Горбатка // Дальний Восток России в Древности и Средневековье (проблемы, поиски, решения) / отв. ред. Н.А. Ключев. Владивосток: Рея, 2011. С. 194–199.
- Lim Sang Sun. Taostic thinking of Pohai people (with a focus on Epitaph of princess Jung Hye and princess Jung Huo) (Лим Сан Сун. Даосское мышление народа государства Бохай (по эпитафиям принцесс Чжен Хуй и Чжен Ся)) // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай: материалы междунар. науч. конф. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 126–131.
- Wittfogel K.A., Fong Chia-sheng. History of Chinese Society Liao, The American philosophical Society, Independence Square. Philadelphia: Lancaster Press, Inc., 1949.

Статья поступила в редакцию журнала 24 апреля 2018 г.

Gelman Evgeniya I., Astashenkova Elena V.

URBAN CULTURE IN THE STATE OF BOHAI*

DOI: 10.17223/2312461X/20/2

Abstract. Cities played a significant role in the political and cultural life of the state of Bohai (698–926 AD) and constituted a distinctive element of administrative management of its territories. They differed from one another in terms of both their level of development and the status attributed to them (e.g., among them there were centres of wider and smaller administrative territories). However, up until now the everyday life of the Bohai urbanites have not attracted much of research attention. Meanwhile, over the recent decades Bohai urban settlements have been systematically excavated in Russia and there has been an influx of new data on urban topography, street networks, dwellings, public places, palaces, temples, and other ritual buildings. The most prominent sources of new information are excavations of the Bohai fortified towns in Primorye and publications on the Bohai archaeology in neighboring countries. Our studies of urban culture are based on geophysical research, spatial analysis of excavated city sites, and archaeological context and artifacts. Relevant historical reconstructions became possible after the analysis of available manuscripts had been conducted. Bohai cities were fortified with intricate systems of walls, moats, and strengthened gates. Their layout indicates the presence of standardised planning as to inner and outer communications in the form of roads, streets, plazas, and postal stations. They exemplify a regulated sort of city structure (e.g., in terms of the positioning of cult and administrative buildings and partitioning of urban space into industrial and dwelling zones). They acted as centers of crafts, trade, administration, culture, and religion. The urban culture of Bohai was forming gradually along with the development of the state itself. The process went faster in central regions, and these became a role model for new peripheral centers that emerged after the expansion of borders. We can discern two strata in the Bohai urban culture: the elite one was shaped under the heavy influence of Tang styles, fashions and trends and of Buddhist ideology; commoners, in turn, inherited their cultural traditions from the Mohe tribes that had founded the state of Bohai.

Keywords: archeology of Bohai (698–926 AD), urban planning, monumental and decorative art, arts and crafts, hieroglyphics, Buddhism

*The article is written under the project titled “Cities of Medieval Empires of the Far East” (Russian Science Foundation, grant No. 14-18-01165).

References

- Arkheologicheskie pamiatniki Koksharovka-1 i Koksharovka-8 v Primor'e: itogi issledovaniia rossiisko-koreiskoi ekspeditsii v 2012–2014 gg.* [The archaeological sites of Koksharovka-1 and Koksharovka-8 in Primorye: research results produced by the Russian-Korean expedition carried out from 2012 to 2014]. Tedzhon: Natsional'nyi institut kul'turnogo naslediiia, 2015.
- Arkhiv IIAE DVO RAN [Archives of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East]. F. 1, In. 2, C. 713.
- Astashenkova E.V. Zamki i kluchi iz bokhaiskikh pamiatnikov Primor'ia [Locks and keys found on the Bohai sites in Primorye], *III Mezhdunarodnyi kongress srednevekovoi arkheologii evraziiskikh stepei «Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii»* [III International Congress on the Medieval Archaeology of Eurasian Steppes titled “Between the East and the West: Movement of Cultures, Technologies, and Empires”]. Ed. by N.N. Kradin, A.G. Sitdikov. Vladivostok: Dal'nauka, 2017, pp. 16-20.
- Boldin V.I. Bokhaiskie gorodishcha v Primor'e [The Bohai sites in Primorye], *Rossiiia i ATR*, 1992, no. 2, pp. 58-69.
- Boldin V.I., Ivliev A.L. Stolichnye goroda Bokhaia [The Bohai capital cities], *Rossiiia i ATR*, 1997, no. 3, pp. 77-98.
- Boldin V.I., Gel'man E.I., Ivliev A.L., Nikitin Iu.G. «Integratsiia» na Kraskinskom gorodishche: 4 goda issledovaniia [“Integration” on the Kraskino site: four years of research], *Vestnik DVO RAN*, 2001, no. 3, pp. 74-91.
- Bokhai shantszinchen: itsziutsziuba – ertsian'tsi nian'du kaogu fatsziue diaocha baogao (Gorodishche Verkhnei stolitsy Bokhaia: otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh i issledovaniiaxh v 1998–2007 godakh): in 2 vol. [Bohai's main capital: report on archaeological excavations and research done from 1998 to 2007]. Compiled by Institute of Archeology of Heilongjiang Province. Vol. 1. Beijing: izdatel'stvo «Ven'u», 2009 (in Chinese).
- Bokhaiskie drevnosti iz Primorskogo kraia Rossii* [Bohai antiquities from the Primorye region of Russia]. Ed. by Sun Iuibin', A.L. Ivliev, E.I. Gel'man. Institut istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, Institut arkheologii provintsii Tszilin'. Beijing: izdatel'stvo «Ven'u», 2013.
- Vinokurova M.A., Omel'ko V.E., Gasilin V.V., Gel'man E.I. Mlekopitaiushchie (Mammalia) Kraskinskogo gorodishcha (Bokhai, VIII-X vv.), Primorskii kraj [Mammals (Mammalia) on the Kraskino site (Bohai, the 8th to the 10th centuries)], *Teriofauna Rossii i sopredel'nykh territorii. Mat-ly mezhd. soveshchaniia* [The teriofauna of Russia and adjacent territories. Proceedings of an international symposium]. Moscow, 2016, pp. 72.
- Vei Tsun'chen. Bokhai kaogu* [The archaeology of Bohai]. Beijing: izdatel'stvo «Ven'u», 2008 (in Chinese).
- Gel'man E.I. Vzaimodeistvie tsentra i periferii v Bokhae (na primere nekotorykh aspektov material'noi kul'tury) [The interaction between the centre and the periphery in Bohai (through the example of some aspects of material culture)], *Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiia, problemy, gipotezy* [The Russian Far East in ancient and medieval times: discoveries, problems, and hypotheses]. Ed. by Zh.V. Andreeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2005, pp. 475-516.
- Gel'man E.I. Sistema zhizneobespecheniia naseleniia bokhaiskogo gorodishcha Gorbatka [Systems supporting the population of the Bohai city of Gorbatka], *Einoistoriia i arkheologiia Severnoi Evrazii: teoriia, metodologiia i praktika issledovaniia* [The ethno-

- history and archaeology of Northern Eurasia: theory, methodology, and research]. Irkutsk, 2007, pp. 416-420.
- Gel'man E.I. Tsentri i periferiia v Severo-Vostochnoi chasti gosudarstva Bokhai [The centre and the periphery in the northeast of Bohai], *Rossii i ATR*, 2006, no. 3, pp. 39-47.
- Gel'man E.I., Astashenkova E.V., Buravlev I.Iu. Bronzoliteinoe proizvodstvo v Bokhae (po dannym arkhеologicheskikh issledovaniï Kraskinskogo gorodishcha) [Bronze casting in Bohai (based on results from archaeological research on the Kraskino site)], *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkhеologii. Vypusk 3. Remesla i promysly* [Multi-disciplinary research in archaeology. Issue 3. Crafts]. Ed. by E.I. Gel'man, Iu.E. Vostretsov, A.L. Ivliev. Vladivostok: IIAE DV RAN, 2017, pp. 141-179.
- Gel'man E.I., Boldin V.I., Astashenkova E.V., Ivliev A.O., Leshchenko N.V., Kan In Uk, Kim Yn Kuk. *Otchet ob arkhеologicheskikh raskopkakh na Kraskinskom gorodishche Primorskogo kraia v 2008 g.* [The 2008 excavation report on the Krakino Site in the region of Primorye]. Seul, 2010.
- Gel'man E.I., Ivliev A.L. Novyi metod arkhеologicheskoi razvedki (na primere Kraskinskogo gorodishcha) [A new method of archaeological preliminary examination (through the example of the Kraskino site)], *Vestnik DVO RAN*, 2013, no. 1 (167), pp. 117-124.
- Gel'man E.I., Kojima Y. Proizvodstvo bronzy bokhaiskim naseleniem doliny r. Ilistoi [Bronze production as practiced by the Bohai people in the valley of the Ilistaya River], *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2013, no. 5, pp. 49-57.
- Gorodishche Koksharovka-1 v Primor'e: itogi raskopok rossiïsko-koreïskoi ekspeditsii v 2008-2010 goda. Part 1, 2* [Koksharovka-1 in Primorye, Russia: results of the excavations done by the Russian-Korean expedition from 2008 to 2010. Vol. 1,2]. Daejeon: Natsional'nyi institut kul'turnogo naslediia, 2012 (in Russian and Korean).
- Gosudarstvo Bokhai (698–926 gg.) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii* [The state of Bohai from 698 to 926 and the tribes of the Russian Far East]. Moscow: Nauka, 1994.
- Deriugin V.A., Gel'man E.I. Iaponiia kak vozmozhnyi postavshchik nefi v srednevekov'e [Japan as a possible supplier of oil to the mainland in the Early Middle Ages], *Evraziia v kainozoe. Stratigrafiia, paleoekologiia, kul'tury*, 2015, no. 4, pp. 86-93.
- Ivliev A.L. Epigraficheskie materialy Bokhaia i bokhaiskogo vremeni iz Primor'ia [Epigraphic materials of Bohai Kingdom and Bohai epoch from Primorye Territory], *Rossii i ATR*, 2014, no. 4, pp. 207-217.
- Kodzima E., Gel'man E.I. Izuchenie sosuda s asfal'tovym veshchestvom, obnaruzhennym na Kraskinskom gorodishche [Studying the vessel with an asphalt substance found on the Kraskino site], *Novye perspektivy izucheniia istorii Kogure i Bokhaia. Mat-ly mezhd. nauch. konf-ii* [New prospects for studying the history of Koguryo and Bohai. Proceedings of an international scientific conference]. Seul-Vladivostok, 2011, pp. 63-78.
- Kon'kova L.V. *Bronzoliteinoe proizvodstvo na iuge Dal'nego Vostoka SSSR: (Rubezh II-I tys. do n. e. - XIII vek n. e.)* [Bronze casting in the south of the USSR Far East from the turn of the second to the first millennia A.D. to the 13th century]. Leningrad: Nauka : Leningr. otd-nie, 1989.
- Liudinsan' iui bokhaichzhen' – tandai bokhaigo-de guitszu mudi iui duchen ichzhi (Liudinsan' i Bokhaichzhen': kladbishche aristokratii i ostatki stolichnogo goroda gosudarstva Bokhai epokhi Tan) [Liudingshan and Bohaizhen, a cemetery of the nobility and the remains of the capital city of Bohai under Tang Dynasty]. Compiled by the Institute of Archeology of the Chinese Academy of Social Sciences. Beijing: Chzhungo dabaïke tsüan'shu, 1997 (in Chinese).
- Saenko E.M., Prokopets S.D., Lutaenko K.A. Molliuski iz srednevekovogo gorodishcha Nikolaevskoe I (Primor'e): paleoekologicheskoe i arkhеozoologicheskoe znachenie [Mollusks from the medieval Bohai settlement called Nikolaevskoe I (Primorye, Russian Far East): paleo-ecological and archaeo-zoological value], *Ruthenica*, 2015, Vol. 25, no. 2, pp. 51-67. Published online May 12, 2015.

- Sergusheva E.A. Kul'turnye rasteniia bokhaiskogo gorodishcha Gorbatka (Primorskii krai) po paleoetnobotanicheskim dannym [Cultivated plants on the Bohai site of Gorbatka (the region of Primorye)], *VII Dal'nevost. konf. molodykh istorikov* [VII Far East Conference for young historians]. Vladivostok, 2002, pp. 223-231.
- Tszilin' kheiluntszian lunkhai bokhai vanshi mu tszanfatsiue tszian'bao [A brief report on the excavations of the Bohai royal family graves in Lunkay in the city of Khelun, Jilin Province], *Kaogu*, 2009, no. 6, pp. 23-39 (in Chinese).
- Chzhan' Tszium'. Osobennosti razvitiia kul'tury Bokhaia [Distinguishing features of the development of culture of Bohai], *Medievistskie issledovaniia na Dal'nem Vostoke Rossii* [Medieval studies in the Russian Far East]. Ed. by E.V. Shavkunov. Vladivostok: Dal'nauka, 1994, pp. 57-68.
- Shavkunov E.V. *Gosudarstvo Bokhai i pamiatniki ego kul'tury v Primor'e* [The state of Bohai and its cultural sites in Primorye]. Leningrad: Nauka, 1968.
- Shavkunov E.V. O shamanstve bokhaitsev [On shamanism practiced by the Bohai people], *Medievistskie issledovaniia na Dal'nem Vostoke Rossii* [Medieval studies in the Russian Far East]. Ed. by E.V. Shavkunov. Vladivostok: Dal'nauka, 1994, pp. 48-56.
- Shavkunov E.V. Unikal'nyi derzhatel' ot kresala iz Mar'ianovskogo gorodishcha [Ethnic traditions of the Udege people's national decorative art], *Vestnik DVO RAN*, 1996, no. 2, pp. 71-74.
- Shavkunov E.V. Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax na territorii Primorskogo kraia v 1995 godu [Report on archaeological research in the territory of Primorye in 1995], *Kratkii otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax v Primorskom krae Rossii. Koreisko-rossiiskaia sovmestnaia ekspeditsiia* [A brief report on archaeological research in the region of Primorye, Russia: the Korean-Russian expedition]. Seul: Kore nauchno-kul'turnyi tsentr, 1999, pp. 305-332.
- Sharova O.A., Gel'man E.I., Rakov V.A. Malakofauna bokhaiskogo gorodishcha Gorbatka [The malacofauna on the Bohai site of Gorbatka], *Dal'nii Vostok Rossii v drevnosti i srednevekov'e (problemy, poiski, resheniia)* [The Russian Far East in ancient and medieval times: problems, search, and solutions]. Ed. by N.A. Kliuev. Vladivostok: Reia, 2011, pp. 194-199.
- Lim Sang Sun. Taoistic thinking of Pohai people (with a focus on Epitaph of princess Jung Hye and princess Jung Hyo), *Drevniaia i srednevekovaia istoriia Vostochnoi Azii. K 1300-letiiu obrazovaniia gosudarstva Bokhai. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The ancient and medieval history of East Asia. Associated with the 1300th anniversary since the foundation of the state of Bohai. Proceedings of an international scientific conference]. Vladivostok: DVO RAN, 2001, pp. 126-131.
- Wittfogel K.A., Fong Chia-sheng. *History of Chinese Society Liao, The American Philosophical Society, Independence Square*. Philadelphia: Lancaster Press, Inc., 1949.

УДК 930.26 (571.63)
DOI: 10.17223/2312461X/20/3

**ОТКРЫВАЯ НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ПРИМОРЬЯ
(К ИТОГАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ
КОКШАРОВКА-1 И КОКШАРОВКА-8)***

Николай Александрович Клюев,
Александр Львович Ивлиев,
Ирина Владимировна Гридасова

Аннотация. Подводятся итоги многолетних исследований двух оригинальных памятников эпохи раннего Средневековья Приморья – городища Кокшаровка-1 и погребального комплекса Кокшаровка-8. Их оригинальность была обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, на обоих памятниках обнаружены архитектурные объекты, не имеющие аналогий в средневековой археологии Приморья. Во-вторых, эти памятники относятся к X–XI вв. – периоду после гибели государства Бохай, которое в Приморье является малоизученным и обеспечено недостаточным количеством археологических источников. В-третьих, анализ полученных данных позволил выдвинуть предположение, что городище Кокшаровка-1 в постбохайское время было крупным административным центром какого-то государственного образования на территории Приморья, достаточно независимого от киданей, покоривших государство Бохай. Основным объектом раскопок на городище Кокшаровка-1 стал архитектурный комплекс, состоящий из семи однотипных зданий, расположенных в одну линию на искусственной земляной платформе. Все постройки имели каркасно-столбовую конструкцию, в каждой из них было отопительное сооружение – П-образный двухканальный кан с вынесенной за пределы здания дымовой трубой. Архитектурный комплекс на городище Кокшаровка-1, с одной стороны, имеет аналогии с известными дворцами в столичных городах государства Бохай (планировка, наличие канов и др.), но, с другой стороны, есть и отличия (отсутствие черепичной крыши, коллонадной конструкции и др.). То же самое наблюдается и в археологическом материале. В своей основе он бохайский, но часть керамической коллекции специфична и несет черты, свойственные керамике покровской культуры. Непосредственное отношение к городищу Кокшаровка-1 имеет погребальный комплекс Кокшаровка-8, где был обнаружен аналогичный керамический материал. Были изучены остатки монументального сооружения, сложенного из каменных плит. Исследования показали, что здесь, вероятно, была погребена весьма знатная персона. Об этом говорят и конструкция сооружения, и характер погребального инвентаря, включающего изделия из драгоценных металлов.

Ключевые слова: городище Кокшаровка-1, погребальный комплекс Кокшаровка-8, Приморье, эпоха раннего Средневековья, постбохайское время

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 14-18-01165.

Введение

Одной из актуальных задач средневековой археологии Приморья является активизация исследований хронологического периода, наступившего после падения королевства Бохай (926 г.) и продолжавшегося до образования империи Цзинь (1115 г.). Долгие годы исследователями основное внимание уделялось изучению археологических памятников этих двух государств, в территорию которых входило частично и Приморье, в обоих случаях являясь их периферией. Крупномасштабных раскопок на памятниках X–XI вв. до недавнего времени практически не проводилось. Учитывая это обстоятельство, а также достаточно скудные сведения о населении Приморья из письменных источников, налицо была определенная лакуна в знаниях специалистов о постбохайском периоде в истории Приморья. В какой-то мере заполнить ее помогли исследования на городище Кокшаровка-1 и погребальном комплексе Кокшаровка-8. Работы на городище продолжались с 2008 по 2014 г. Памятник изучался как археологическими методами, так и методами естественных наук (электро- и магниторазведка, георадиолокация, методы палеогеографии, палеоботаники и др.). На городище было заложено несколько раскопов в разных частях памятника, осуществлен разрез фортификационных сооружений (вала и рва). Общая площадь исследованной части памятника составила около 4 000 м².

Погребальный комплекс Кокшаровка-8 изучался в 2012–2015 гг. На памятнике была вскрыта площадь около 450 м², полностью исследован курган, под насыпью которого было обнаружено погребальное сооружение, сложенное из каменных плит.

Цель данной статьи – подвести общие итоги исследований на памятниках Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 с обоснованием основной идеи авторов, что в Приморье в X–XI вв. существовали племенные или государственные образования, независимые от киданей.

Результаты исследований на городище Кокшаровка-1

Городище находится в Чугуевском районе Приморского края, расположено в 3 км к северо-востоку от с. Кокшаровки на террасе левого берега р. Кокшаровки – правого притока р. Уссури.

Городище – неправильный четырехугольник в плане, стороны ориентированы по сторонам света. Его окружает вал, ширина в основании которого варьирует от 10 до 14 м, а высота колеблется от 4 до 6,2 м. Периметр вала составляет 1 645 м. С северной и западной сторон городище имеет двое ворот, оборудованных Г-образными траверсами. В восточном валу имеются два проема, разделяющих вал на три относительно равные части. Снаружи вала наблюдаются остатки рва, кото-

рым местами служило старое русло реки. Ширина рва доходит до 10 м, глубина до 1 м. Площадь городища 16,45 га. На его поверхности были зафиксированы три платформы – прямоугольные возвышенности с выровненной поверхностью: «южная» размером 100×70 м, «западная» – 70×70 м и «северная» размерами 100×60 м. «Платформы» характеризуются широтным и меридиональным простираем границ.

Основным объектом раскопок на памятнике стала северная платформа. По периметру платформа была окружена каменной стеной, ограждавшей сооружения, расположенные на ней. Разрез через край платформы и шурф на ее поверхности показали, что платформа построена на более раннем средневековом горизонте обитания, скорее всего, относящемся ко времени начала строительства городища. Также выявлены два строительных горизонта самой платформы. В ходе второго строительства она была надсыпана и расширена более чем на 3 м.

В результате раскопок на платформе вскрыта часть архитектурного комплекса, состоящего из семи зданий (рис. 1), с большим внутренним двором и хозяйственными постройками (верхний строительный горизонт платформы). Были исследованы также центральные и дополнительные ворота, часть каменной ограды. В средневековой археологии Приморья подобные объекты ранее не были известны.



Рис. 1. Городище Кокшаровка-1. Вид с запада на архитектурный комплекс из семи зданий

Все семь зданий имеют схожую каркасно-столбовую конструкцию, отличаясь лишь по размерам, и расположены по оси запад – восток в северной части платформы. Они представляют собой прямоугольные в плане помещения, ориентированные по сторонам света. Помещение внутри каждого здания разделено на две половины: северную и южную. Северную половину зданий занимает П-образный кан с двумя очагами и двухканальным дымоходом, который через разрыв в северной части фундамента стены выходит в трубу, расположенную в 1,5–3 м к северу от помещения. Квадратное в плане основание труб размерами 3×3 м сложено из камня в виде колодца. Стенки дымоходов кана сооружены из камней, сверху дымоходы накрывались каменными плитками. Вход в каждое здание располагается с южной стороны и имеет ширину до 2 м. Все помещения разделены между собой узкими коридорами шириной от 0,6 до 2 м.

Площадь зданий варьирует от 87 до 139 м², самым крупным по размеру является центральное здание № 4. Фасады всех построек располагались на одной линии. Общая площадь всех семи зданий составляет 1 133 м², протяженность по линии фасадов – 78 м. Такое расположение зданий позволяет предположить, что все они составляли единый ансамбль с крышами, примыкающими друг к другу и образующими своеобразные ярусы.

Раскопами на северной платформе городища Кокшаровка-1 было вскрыто около 50% всей площади архитектурного комплекса.

Сразу обращает на себя внимание, что планировка участка, занимаемого архитектурным ансамблем на городище Кокшаровка-1, соответствует традициям восточноазиатской архитектуры в целом и китайской в частности (Всеобщая история архитектуры 1971: 331–379; Кузьмин 2014: 176). Так, в танское время центр администрации – Императорский город – располагался в северной части столицы Чанъань, примыкая к Дворцовому городу у ее северной стены. Судя по планировке бохайских городищ – столичных: Дунцзинчэна, Сигучэна и Баляньчэна, а также городища Дачэнцзы в Дуннине провинции Хэйлуунцзян (Чжан Тайсян 1981) и Краскинского городища в Приморье – они следовали образцу, заданному танской столицей. Это же мы видим и на городище Кокшаровка-1, где административный двор занимает его северную часть, что соответствует традициям бохайского времени. Есть и другие аналогии с известными бохайскими дворцами. Общая планировка всего комплекса на городище Кокшаровка-1 образует единый обращенный на юг фасад, по длине сопоставимый с фасадами дворцов бохайских столиц. Имеющиеся в зданиях каны отличаются специфической конструкцией вынесенной далеко за пределы здания дымовой трубы. Такие же конструкции труб наблюдаются на городище Верхней столицы Бохая в Дунцзинчэне, во дворце № 4, или «спальном дворце» (Людиншань юй

бохайчжэнь 1997). Характерной чертой канов бохайского времени является устройство их дымоходов, которые не вырывались в земле или в насыпной кановой подушке, как это наблюдается в более позднее время – в период существования государств Цзинь и Восточного Ся, а сооружались на поверхности земли либо с небольшим углублением в землю. При этом стенками между дымоходами служили камни либо кирпичи. Именно так устроены и каналы зданий на северной платформе городища Кокшаровки-1, где большая часть стенок дымоходов сложена из камней. Тем не менее, есть ряд существенных отличий кокшаровского комплекса от дворцовых сооружений Бохая: отсутствие черепичной кровли, конструкции из параллельных рядов поддерживающих крышу колонн на каменных базах, в сетке которых распланировано внутреннее пространство дворца, отсутствие высокой платформы – фундамента дворца. Все семь строений имеют общий фасад, образующий единую линию. Подобно «Спальному дворцу» Верхней столицы Бохая, задние стены строений выдвинуты на север на разную длину. Однако отличия здесь в отсутствии окружающей здание галереи и в том, что строения между собой разделяются не общей стеной, а каждое имеет собственную, отстоящую от стены соседнего на расстояние от 0,6 до 2 м. То есть вполне вероятно трактовка их как семи отдельных построек типа каркасно-столбовых жилищ с каналами. Не ясно, имела ли каждая из семи построек свою крышу, ориентированную продольным коньком по линии север – юг, или все они находились под общей крышей, вытянутой по линии восток – запад. Отчетливо видно только, что каждое из семи строений имело свой выход в центре южной стены (Клюев, Ивлиев 2013: 115). В то же время нельзя не увидеть сходство зданий кокшаровского комплекса с жилищами бохайцев и чжурчжэней: каркасно-столбовая конструкция, наличие кана, выход в узкой стене сооружения.

При раскопках северной платформы городища Кокшаровка-1 был получен разнообразный археологический материал, включающий изделия из глины, металла, камня, кости, бересты. Наиболее представительной является керамическая коллекция, включающая развалы и фрагменты около 400 сосудов. В эту коллекцию входят также немногочисленные находки обломков фарфоровой посуды. Как выяснилось, в целом керамика по своим технико-технологическим показателям типична для Бохая (способ изготовления сосудов из глиняных лент на гончарном круге, формовка и обработка поверхности, орнамент) и отражает характеристики бохайского гончарства на стадии его наивысшего расцвета – IX – начала X в. (Городище Кокшаровка-1... 2012: 161). Основная часть керамической коллекции представлена станковой посудой, типологически близкой коллекциям из других бохайских памятников Приморья. К такой посуде можно отнести вазы, вазовидные сосуды,

корчаги, горшковидные сосуды, пароварки, миски, чаши на поддоне. Особое место в коллекции занимают оригинальные керамические подставки, выполненные в форме пагоды (рис. 2). Практически все они были найдены в коридоре, разделяющем здания № 3 и 4. Всего были обнаружены части от восьми подставок. Подставки однотипны по форме, немного различаются в размерах и орнаментальных мотивах. Эти изделия представляют собой высокую конусовидную трубу, разбивающуюся на шесть частей. Нижняя часть – основание подставки имеет широкий ободок для установки на поверхность и почти вертикальные стенки. Тулово (ножка) подставки состоит из четырех выпуклых частей, стоящих одна над другой, каждая верхняя часть имеет меньший диаметр, чем нижняя. Выпуклые части изготовлены на круге отдельно друг от друга и соединялись между собой дополнительными вогнутыми в профиле лентами. Верхняя часть подставки представляет собой отогнутый под прямым углом широкий венчик. Венчик служил основной функциональной частью подставки, именно на его поверхность устанавливался нужный предмет. Ножка – тулово подставки украшена наклепными валиками, расположенными в местах стыков отдельных частей. Валики между основанием и нижней частью тулова часто рассечены, что добавляет им дополнительный декоративный эффект. Выпуклые части имеют сквозные отверстия круглой формы или в виде горизонтально ориентированного завитка. Круглые отверстия сгруппированы по три таким образом, что центры отверстий образуют углы равностороннего треугольника. Круглые отверстия расположены с четырех сторон, завитки обычно располагались между ними. В основании подставки также имеются отверстия. На имеющихся образцах они либо одиночные круглые, либо листовидные сгруппированные по два.



Рис. 2. Городище Кокшаровка-1. Керамические подставки

Ближайшие аналогии этим керамическим подставкам найдены в непосредственной близости от городища Кокшаровка-1 при исследовании кургана Кокшаровка-8, расположенного в 600 м от территории городища. Небольшой обломок нижней части подобного изделия был обнаружен на Краскинском городище в Приморье (Археологические исследования 2011: 261–262). Есть и более отдаленные аналогии. Можно указать на материалы раскопок Дунцзинчэна – Верхней столицы Бохая (Tung-Ching-Chen... 1939: 39), киданьского городища Чинтолгой-балгас XI – первой четверти XIII в. в Монголии (Киданьский город Чинтолгой-балгас... 2011: 111–113) и ряд других.

Назначение керамических подставок пока остается предметом дискуссии. Вполне вероятно их использование в ритуальных целях. Отсюда логичны находки подобных изделий при раскопках погребального комплекса Кокшаровка-8.

В керамическую коллекцию входят также немногочисленные изделия из фарфора. Как известно, глазурированная керамика в государстве Бохай была импортной и доставлялась с территории Китая. На городище были обнаружены фрагменты глазурированной керамики, изготовленной в известных китайских печах в Динчжоу и Юэчжоу. Эти сорта фарфора могут являться своего рода временным индикатором для датировки городища, так как их широкое распространение за пределы Китая приходится на период, начиная с IX в. (Клюев, Ивлиев 2013: 111).

Подчеркивая в целом бохайскую основу полученной керамической коллекции на городище Кокшаровка-1, нельзя не отметить и ее особенностей. Небольшую ее часть представляют изделия, не свойственные для Бохая, но найденные в тех же стратиграфических условиях, что и основная часть керамики. Речь идет о дольчатых сосудах, сосудах с раздвоенными, а также с «трегубыми» венчиками, с горловинами с широким устьем, с приземистыми пропорциями тулова. Подобные сосуды украшались штампованным или прочерченным орнаментом. С одной стороны, такая керамика может свидетельствовать о тесных связях населения этого города с примыкавшими к Бохаю территориями на восток и северо-восток от р. Уссури, где она преобладает и представлена в памятниках покровской культуры, с другой стороны, и о том, что городище существовало какой-то период и в постбохайское время.

Вторым объектом исследований на городище стала западная платформа размером 70×70 м. На платформе был заложен раскоп площадью 220 м². В ходе проведенных работ выяснилось, что на этой платформе также располагался комплекс зданий, имеющих прямые аналогии по своему строению с архитектурным ансамблем на северной платформе. Было раскопано одно из зданий.

Аналогии с северной платформой продемонстрировал и полученный археологический материал. Отличия состояли лишь в представительно-

сти коллекции по типам изделий. Керамика была представлена низкими корчагами и пароварками, а также дольчатым сосудом.

Третьим объектом, подвергшимся изучению на городище, стали фортификационные сооружения. В центральной части южного вала городища был заложен разрез общей длиной 31 м. Он захватывал участок с внешней стороны городища (3 м), ров (5 м), вал (20 м) и прилегающую к валу часть городища (3 м). Это позволило исследовать основание вала и связать его стратиграфию со стратиграфией городища.

Вал в своей основе земляной с включением камней. Стратиграфически зафиксированы два этапа его сооружения. Первоначально вал был построен на месте неукрепленного поселения бохайского времени. Его внешняя облицовка состояла из больших плотно подогнанных камней. На вершине были зафиксированы остатки 11 деревянных столбов. Столбы образуют определенную конструкцию. Разрезом вскрыта только ее часть. На позднем этапе вал был увеличен в высоту и незначительно в ширину. На его вершине была сложена каменная стена, скрепленная глиной и укрепленная с внешней стороны деревянным палисадом. Судя по данным стратиграфии и планиграфии, ров, вероятно, был выкопан во время второго этапа сооружения вала.

Из основания вала (первый этап строительства) была получена дата 1270 ± 20 BP (Cal AD 675-770) (Beta-409087), а из слоя, относящегося ко второму этапу строительства вала, – 1070 ± 30 BP (Cal AD 895-925; 940-1020) (Beta-409086) (Археологические памятники... 2015: 160–161).

Исследования фортификационных сооружений городища дали интересные результаты. Принципиальная особенность вала на городище в способе его сооружения. Технология отлична от других известных долинных городищ эпохи Средневековья Приморья, где использовался метод *ханту*, либо применялись деревянные короба при возведении вала, или крепостные стены складывались из каменных блоков. В данном случае вал насыпался не многочисленными горизонтальными слоями и прослойками как, к примеру, на таких долинных городищах, как Южно-Уссурийское (Окладников 1959: 268), Николаевское (Артемьева 2012: 24–25) или Марьяновское (Шавкунов 1971: 63, 88), а несколькими мощными слоями, расположенными под углом $40\text{--}45^\circ$, идущими от основания к вершине. Слои внешнего и внутреннего скатов насыпались, последовательно чередуясь, перекрывая в вершине предыдущий слой, насыпанный на противоположном скате. Основание вала со стороны городища было преднамеренно углублено в материк и оформлено в виде ступеней. Близкие аналогии этой методике сооружения вала пока выделить сложно.

Итоги раскопок погребального комплекса Кокшаровка-8

Объект располагался в 600 м на северо-запад от северных ворот городища Кокшаровка-1. Проявлялся в виде кургана округлых очертаний диаметром около 22 м и высотой 1,1–1,35 м.

Погребальный комплекс не имеет аналогов в средневековой археологии Приморского края. Были вскрыты остатки прямоугольного монументального сооружения из гранитных плит общим размером 15×16 м. Западная, северная и восточная стенки платформы вертикальные. В западной половине южной стороны сооружения сохранился широкий пологий ступенчатый подъем из каменных плит. Были выявлены особенности конструкции и этапы ее строительства. Изначально сооружение представляло собой своеобразную прямоугольную платформу размером 9,2×8,2 м, по верхней части оконтуренную стеной шириной около 1 м. Общая высота сооружения не превышала 0,65 м. По периметру первичного сооружения сохранился каменный водоотбойник *саньшуй*. Возможно, что сооружение было возведено над погребением. В его центральной части была расчищена средневековая грабительская яма, прорезавшая все слои каменных плит до служившего материком слоя речного аллювия с галькой. На дне ямы лежала каменная плита размером 67×79 см, подобная тем, из которых построено все сооружение. На ее поверхности сохранились остатки тлена и пятна охры. Однако явных следов погребальной камеры не обнаружено. Следует отметить, что основная масса находок из золота и серебра была сделана в районе этой грабительской ямы.

Вторым этапом строительства стало возведение вокруг первичного сооружения внешней кладки из гранитных плит, увеличившей размер сооружения до 12,2×16,2 м. Были изменены и стены на верху постройки. Вдоль южной стороны строения на этом этапе был ряд деревянных столбов. Впоследствии у западной половины южной стороны была пристроена лестница из гранитных плит. Следующим этапом стало возведение каменной стенки из крупнообломочного скальника, обрамляющей по верху с запада, севера и востока центральную надстройку. Скорее всего, после постройки этой каменной ограды над сооружением была возведена земляная насыпь. Вероятно, первоначально она оставляла открытыми верхнюю часть каменной ограды, каменную площадку наверху и лестницу на южном склоне кургана. На завершающем этапе над курганом появилась черепичная крыша. Скорее всего, она накрывала только каменную стенку, так как скопления черепицы и остатки сгоревших деревянных конструкций были обнаружены вдоль внешнего периметра каменного основания кургана с западной, северной и восточной сторон (Клюев, Слепцов, Ивлиев 2016: 35–38). Сооружение было серьезно повреждено грабителями в Средние века.

Исследование показало, что, вероятнее всего, сооружение связано с очень знатной персоной, которая могла быть погребена здесь. Об этом свидетельствуют его монументальность и характер погребального инвентаря, включающего изделия из цветных и благородных металлов, в том числе 26 серебряных гвоздиков, две серебряные сбруйные бляхи, серебряную накладку и 44 листика, вырезанные из золотой фольги (рис. 3). Был проведен химический анализ изделий из фольги. Выяснилось, что для изготовления листиков, вероятно, использовалось золото высокой пробы из Фадеевского рудного узла, расположенного в Западном Приморье (Попов и др. 2015: 44). Нет сомнений, что погребальный инвентарь был гораздо богаче и подавляющая его часть определенно была унесена грабителями еще в Средние века. Скопления камней с фрагментами керамики на большой площади вокруг кургана позволяют предполагать, что это сооружение также могло быть платформой для погребальных церемоний на большом кладбище. Памятник имеет прямое отношение к городищу Кокшаровка-1, где найден аналогичный керамический материал, в том числе такие же керамические подставки.

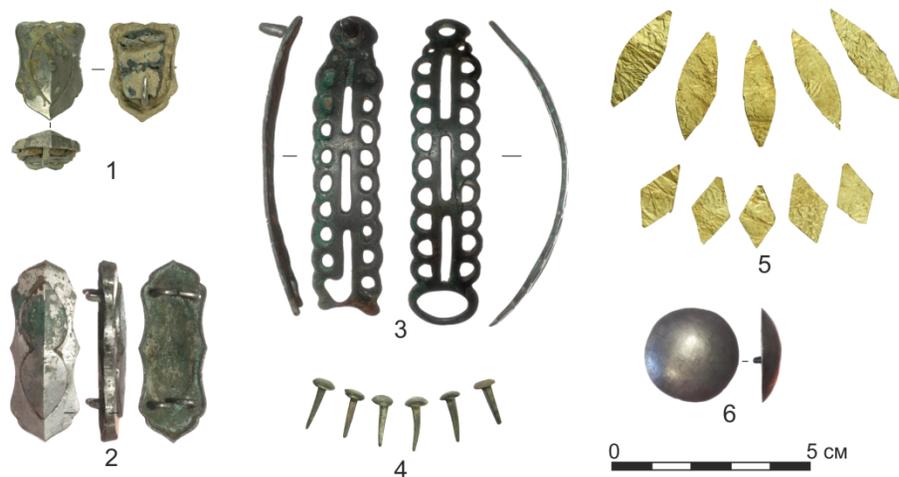


Рис. 3. Находки из погребального комплекса Кокшаровка-8:

1, 2 – серебряные сбруйные накладки; 3 – бронзовый браслет; 4 – серебряные гвоздики; 5 – лепестки из золотой фольги; 6 – серебряная накладка

Ближайшими по времени и месту аналогиями данного сооружения являются погребальные сооружения Бохая, представленные серией могильников аристократии и членов царского рода. Наибольший интерес в этом плане представляют могила № 5 могильника Людиншань, каменные платформы на могильниках Людиншань и Хунцзуньюйчан, особенно платформа № 11 на первом из них, а также сооружение на памятнике Цидоухэ города Цзяохэ провинции Цзилинь (Цзилиньшэн

вэнью... 2009; Людиншань бохай... 2012; Нинъань хунцзуньюйчан... 2009). Не будучи полностью сходным с указанными сооружениями, кокшаровский курган явно демонстрирует эту же бохайскую культурную традицию.

На основе анализа найденных предметов и радиоуглеродных датировок можно предварительно отнести этот погребальный комплекс к X–XI вв. Здесь большое значение имеют две найденные в кургане серебряные сбруйные бляхи (накладки) с контуром в виде цветка мальвы и наклонными гранями на лицевой поверхности (рис. 3, 1, 2). Они имеют близкие аналогии в бохайских материалах (городище Дачэнцзы в уезде Дуннин провинции Хэйлуцзян) (Чжан Тайсян 1981: 224; Вэй Цуньчэн 2008: 270). Наиболее точно датируются такие накладки их находками в ляоских могилах № 3 и 4 у деревни Цяньулибугэнь хошуна Хурэ-Ци аймака Джирэм Внутренней Монголии (КНР). По определению Ван Цзяньцюня и Чэнь Сяньвэя, эти две могилы относятся к 1030–1050-м гг. (Ван Цзяньцюнь, Чэнь Сяньвэй 1989: 76). Также ближайшими аналогиями кокшаровским накладкам следует считать находку в районе дворца № 2 на городище бохайской Верхней столицы Лунцюаньфу. Это бронзовые сбруйные накладки с таким же, как у кокшаровской бляшки, внешним контуром и лицевой поверхностью, состоящей из двух наклонных граней, сходящихся на продольной оси симметрии изделия (Бохай шанцинчэн... 2009: 215–216, рис. 156: 5, 6). Таким образом, время бытования сбруйных блях с контуром в виде цветка мальвы и наклонными гранями на лицевой поверхности можно предварительно определить как X–XI вв.

Весьма своеобразна найденная на кургане черепица. Отдельные фрагменты такой же черепицы подняты и на поверхности городища. Черепица отличается отсутствием оттиска ткани на вогнутой стороне, в поперечном сечении имеет форму части овала, а не правильной дуги. При этом в центральной части изогнутость слабая, а у краев увеличивается. Это свидетельствует о формовании такой черепицы на шаблоне-колотке, предназначенном для изготовления одной черепицы за один прием, тогда как вся черепица в Восточной Азии в Средние века формовалась на цилиндрических шаблонах, позволявших за один прием делать две желобчатые либо четыре плоские черепицы. Складывается впечатление, что мастера, изготавлившие черепицу, явно имели представление о том, как она должна выглядеть, но не были знакомы с технологией ее изготовления. По этой причине можно высказать предположение, что изделия, обнаруженные на памятнике, возможно, являлись копиями, репликами известных местным мастерам образцов (Археологические памятники... 2015: 130).

Заключение

Проведенные крупномасштабные исследования на памятнике Кокшаровка-1, анализ полученных археологических материалов, имеющиеся радиоуглеродные даты позволяют наметить основные этапы функционирования городища. По данным шурфовки, разведочного раскопа в западной части городища (Городище Кокшаровка-1... 2012: 102–124), разреза оборонительных сооружений, которые вскрыли всю толщу культурных отложений на памятнике, а также опираясь на результаты геофизических исследований, можно с полной уверенностью утверждать, что это место было заселено человеком еще в бохайское время. Первоначально возникло неукрепленное поселение, затем были сооружены оборонительные сооружения в виде вала и рва. Городище просуществовало достаточно долгий период времени, несколько раз перестраивалось. Как показали результаты геомагнитных исследований, проведенных на всей территории памятника Е.А. Бессоновой, существовало три разновременных типа планировки застройки городища (Бессонова и др. 2012: 190). Раскопками на северной и западной платформе были вскрыты остатки сооружений, относящиеся, по нашему мнению, к постбохайскому этапу существования городища. Маркеры этого периода проявляются, прежде всего, в археологическом материале и выражаются в сочетании в одном комплексе керамических изделий бохайского облика и посуды, имеющей сходство с керамикой покровской культуры, распространенной в бассейне Амура и части бассейна р. Уссури и просуществовавшей вплоть до XIII в. Изученный комплекс зданий на северной платформе городища тоже имеет свои особенности, соединяя в себе как традиции бохайской архитектуры сооружений дворцового типа, так и, вероятно, собственный опыт местного населения строительства жилищ с канами (Клюев, Ивлиев 2013: 116). В ходе раскопок зданий на обеих платформах было отобрано 30 образцов сгоревшей древесины для проведения радиоуглеродного анализа. Большинство полученных дат укладывается в хронологический диапазон – конец IX – начало XI в. н.э.

Городище Кокшаровка-1, как в бохайское, так и постбохайское время, было крупным административным центром, на что указывают, прежде всего, комплексы зданий дворцового типа. Что касается постбохайского периода, то, по мнению О.В. Дьяковой, это городище являлось административным центром «киданьского государства Дундань, а позднее империи Ляо» (Дьякова 2014: 281). Свою версию культурной атрибуции городища исследователь подтверждает наличием на памятнике киданьской керамики угловой башни, типичной для фортификационных сооружений империи Ляо (180). По этому поводу следует заметить, что за все годы раскопок на памятнике киданьской керамики найдено не было. Относительно угловой башни можно сказать следую-

щее: действительно, на юго-восточном углу вала городища отмечается внешний выступ, выглядящий как башенный, но он без верхней площадки, характерной для башен (Городище Кокшаровка-1... 2012: 36). Не подтверждают идею О.В. Дьяковой и имеющиеся исторические материалы, которые не позволяют относить памятники в центральной и восточных частях Приморья к Дундань или империи Ляо (Ивлиев 2015: 228). Следует признать, что пока вопрос о культурной принадлежности городища Кокшаровка-1 в постбохайское время остается открытым. Об этом можно говорить только в предположительной форме. Вероятно, городище являлось административным центром племенного или государственного образования, некогда испытывавшего бохайское влияние, и в значительной степени независимого от киданей. Как известно, на протяжении X – начала XI в. отмечались неоднократные выступления бохайцев против владычества киданьской империи Ляо. На бывших бохайских землях возникали государственные образования, наиболее заметным из них было государство Динъань (Ивлиев 2005: 470–472). Известно, что в последней четверти X в. территория этого государства охватывала восточную часть современной провинции Цзилинь, юго-восточную часть провинции Хэйлуцзян и, вероятно, районы Приморского края, примыкающие к оз. Ханка (Крадин, Ивлиев 2014: 44).

Подводя итоги, следует заметить, что исследования на памятниках Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 позволили получить новые данные о малоизученном периоде средневековой истории Приморья после гибели государства Бохай и в этом их несомненная важность. Городище Кокшаровка-1 и подобные памятники (городища Поднебесное, Джигитовское и Красное Озеро) принадлежали в значительной степени независимым от киданей племенным либо государственным образованиям, некогда испытывавшим бохайское влияние.

Литература

- Артемьева Н.Г.* Чжурчжэньские валы // Средневековые древности Приморья / отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2012. Вып. 1. С. 13–36.
- Археологические* исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в 2009 году. Сеул: ИИАЭ ДВО РАН; Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, 2011. Т. 1.
- Археологические* памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 в Приморье: итоги исследований российско-корейской экспедиции в 2012–2014 годах. Тэджон: ИИАЭ ДВО РАН; Институт культурного наследия Республики Корея, 2015. Т. 1.
- Бессонова Е.А., Ивлиев А.Л., Клюев Н.А., Зверев С.А.* Внутреннее устройство городища Кокшаровка-1 и его изменения под влиянием природного окружения // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 182–194.
- Бохай шанзинчэн:* ииэцзюба – эрцянньди няньду каогу фацзюэ дяоча баогао (Городище Верхней столицы Бохая: отчет об археологических раскопках и исследованиях в 1998–2007 годах). Пекин: Вэньу, 2009. Т. 1. Кит. яз.
- Ван Цзяньцюнь, Чэнь Сяньвэй.* Кулунь ляодай бихуа му (Могилы с фресками эпохи Ляо в хошуне Хурэ-Ци). Пекин: Вэньу, 1989. Кит. яз.

- Всеобщая история архитектуры.* Л.; М.: Изд-во литературы по строительству, 1971. Т. 9.
- Вэй Цуньчэн.* Бохай каогу (Археология Бохая). Пекин: Вэньу, 2008. Кит. яз.
- Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российско-корейской экспедиции в 2008–2011 годах.* Тэджон: ИИАЭ ДВО РАН; Институт культурного наследия Республики Корея, 2012. Т. 1.
- Дьякова О.В.* Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Наука, 2014.
- Ивлиев А.Л.* Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в Древности и Средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449–475.
- Ивлиев А.Л.* Государство Дундань и археологические памятники на территории Приморья // Археологические юбилеи / отв. ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2015. С. 220–229.
- Киданьский город Чинтолгой-балгас.* М.: Вост. лит., 2011.
- Клюев Н.А., Ивлиев А.Л.* Уникальный архитектурный комплекс на городище Кокшаровка-1 в Приморье // Россия и АТР. 2013. № 3. С. 104–116.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л.* История киданьской империи Ляо (907–1125). М.: Наука, 2014.
- Клюев Н.А., Слепцов И.Ю., Ивлиев А.Л.* Кокшаровка-8 – уникальный погребальный комплекс эпохи Средневековья в Приморье // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: материалы Седьмой Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова / отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 35–38.
- Кузьмин А.С.* Сыхэюань как архетип китайской архитектуры // Новые идеи нового века: материалы междунар. науч. конф. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2014. Т. 1. С. 173–177.
- Людиншань бохай муцзан: эрцянъсы – эрцянъцзю нянь цинли фацзюэ баогао* (Бохайские погребения на горе Людиншань: отчет об обследовании и раскопках в 2004–2009 гг.). Пекин: Вэньу, 2012. Кит. яз.
- Людиншань юй бохайчжэнь – тандай бохайго-дэ гуйцзю муди юй дучэн ичжи* (Людиншань и Бохайчжэнь: кладбище аристократии и остатки столичного города государства Бохай эпохи Тан). Пекин: Вэньу, 1997. Кит. яз.
- Нинъань хунцзуньюйчан: ицзюцзюэр – ицзюцзюю няньду бохай муди каогу фацзюэ баогао* (Нинъань Хунцзуньюйчан: Отчет об археологических раскопках бохайского могильника в 1992–1995 гг.). Пекин: Вэньу, 2009. Т. 1, 2. Кит. яз.
- Окладников А.П.* Далекое прошлое Приморья (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток: Прим. книж. изд-во, 1959.
- Попов В.К., Клюев Н.А., Ноздрачев Е.А., Слепцов И.Ю.* Химический состав изделий из золота, серебра и меди в кургане Кокшаровка-8 (Приморье, X в.) и их возможные источники // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 12. С. 37–46.
- Цзилиньиэн вэньу каогу яньцзюсо, дуньхуаши вэньу гуаньлисо: Цзилинь дуньхуаши людиншань муцзонь эрцянъсынъань фацзюэ цзяньбао* (Институт археологии провинции Цзилинь, Бюро по охране памятников истории и археологии города Дуньхуа: Краткий отчет о раскопках могильника на горе Людиншань города Дуньхуа провинции Цзилинь в 2004 году) // Каогу. 2009. № 6. С. 3–14. Кит. яз.
- Чжан Тайсян.* Дачэнцзы гучэн дяоча цзи (Об обследовании городища Дачэнцзы) // Вэньу цзыляо цункань. 1981. Вып. 4. С. 223–227. Кит. яз.
- Шавкунов Э.В.* Отчет об археологических исследованиях на территории Приморского и Хабаровского краев. 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4537.
- Tung-Ching-Cheng.* Report on the Excavation of the Site of the Capital of P'o-hai // Archaeologia Orientalis. 1939. Vol. V. P. 1–99.

Klyuev Nikolay A., Ivliev Aleksandr L., and Gridasova Irina V.

OPENING THE UNKNOWN PAGES OF THE MEDIEVAL HISTORY OF PRIMORYE: RESULTS FROM A STUDY OF THE KOKSHAROVKA-1 AND KOKSHAROVKA-8 SITES*

DOI: 10.17223/2312461X/20/3

Abstract. The paper summarises the results of multi-year research on two early medieval sites in the region of Primorye, that is, the ancient town of Koksharovka-1 and the Koksharovka-8 burial complex. The uniqueness of these places can be accounted for by several factors. Firstly, on both sites there were found architectural objects which have no analogues in the medieval archaeology of Primorye. Secondly, these sites are dated back to between the 9th and the 11th centuries AD – the time after the collapse of the state of Bohai which is understudied and no sufficient archaeological sources are available in Primorye. Thirdly, an analysis of the data obtained has made it possible to suggest that in the post-Bohai period Koksharovka-1 was a big administrative centre of some sort of a state in the Primorye region which was independent enough from the Khitan people who had conquered Bohai.

The architectural complex of seven same-type buildings was the main focus of excavations on the Koksharovka-1 site. These buildings were lined up on an artificial earthen platform. All of them had frame and column structure and contained some heating facilities – a “П”-shaped two-channel furnace (*kan*) and a chimney placed outside of each building.

The architectural complex of Koksharovka-1, on the one hand, demonstrates certain similarities with well-known palaces in the capital cities of Bohai in terms of buildings’ layout, the presence of *kans*, etc.; on the other hand though, there are some differences as well, namely, the absence of tiled roof, different type of construction, and some other. The archaeological material also supports this observation; it is for the most part of Bohai origin, however, a part of the ceramic collection found here has some distinctive characteristics and features specific to the Pokrovskaya culture.

The burial complex of Koksharovka-8 is closely associated with the Koksharovka-1 ancient town where similar ceramic material was discovered. The remains of a monumental construction made of stone slabs unearthed on this site were studied, and research has shown that the person buried here was probably of quite high social standing. That can be understood from the construction itself as well as from the nature of accompanying burial objects, some of which were made of precious metals.

Keywords: ancient town of Koksharovka-1, burial complex of Koksharovka-8, Primorye, Early Middle Ages, post-Bohai period

* The research is done with financial support from Russian Science Foundation (grant No. 14-18-01165).

References

- Artemyeva N.G. Chzhurchzhen'skie valy [The Jurchen's walls], *Srednevekovye drevnosti Primor'ia* [Medieval antiquities of Primorye] Ed. by Artem'eva N.G. Vladivostok: Dal'nauka, 2012, pp. 13-36.
- Arkheologicheskie issledovaniia rossiisko-koreiskoi ekspeditsii na Kraskinskom gorodishche v 2009 godu.* [The 2009 archaeological excavations report of the Russian-Korean expedition on the Kraskino site in the Primorskiy kray. Vol. 1]. Seoul: IIAE DVO RAN, Fond izucheniia istorii Severo-vostochnoi Azii, 2011.
- Arkheologicheskie pamiatniki Koksharovka-1 i Koksharovka-8 v Primor'e: itogi issledovaniia rossiisko-koreiskoi ekspeditsii v 2012–2014 godakh.* [The excavations report on the Koksharovka-1 and Koksharovka-8 sites studied by the Russian-Korean expedition in

- Russia's Primorskiy kray from 2012 to 2014. Vol. 1]. Tedzhon: IIAE DVO RAN, Institut kulturnogo nasledia Respubliki Koreya, 2015.
- Bessonova E.A., Ivliev A.L., Kliuev N.A., Zverev S.A. Vnutrennee ustroystvo gorodishcha Koksharovka-1 i ego izmeneniia pod vlianiem prirodnoho okruzheniia [The internal arrangement of the ancient town of Koksharovka-1 and the changes to it caused by the natural environment]. *Rossia i ATR*, 2012, no. 4. pp. 182-194.
- Bokhai shantsinchen: itsziutsiuba – ertsian'tsi nian'du kaogu fatszue diaocha baogao* [Bohai's main capital: report on archaeological excavations and research done from 1998 to 2007. Vol. 1]. Beijing: Wenwu Publishing house, 2009.
- Wang Jianqun, Chen Xiangwei. *Kulun lyaoday bihua mu* [Murals in Liao Dynasty tombs in Kulun banner]. Beijing: Cultural Relics publishing house, 1989.
- Vseobshchaia istoriia arkhitektury* [The world history of architecture. Vol. 9]. Leningrad, Moscow: Izd-vo literatury po stroitelstvu, 1971.
- Wei Cuncheng. *Bohay kaogu* [The archaeology of Bohai]. Beijing: Wenwu publishing house, 2008.
- Gorodishche Koksharovka-1 v Primor'e: itogi raskopok rossiisko-koreiskoi ekspeditsii v 2008-2011 godakh* [Report on the excavations of Koksharovka-1 in Russian Primorye from 2008 to 2011. Vol. 1]. Tedzhon: IIAE DVO RAN, Institut kulturnogo nasledia Respubliki Koreya, 2012.
- D'iakova O.V. *Gosudarstvo Bokhai: arkheologiya, istoriia, politika* [The state of Bohai: archaeology, history, and politics]. Moscow: Nauka, 2014.
- Ivliev A.L. Ocherk istorii Bokhaia [An essay on the history of Bohai], *Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiia, problemy, gipotezy* [The Russian Far East in ancient and medieval times: discoveries, problems, and hypotheses] Ed. by Andreeva J.V. Vladivostok: Dal'nauka, 2005, pp. 449-475.
- Ivliev A.L. Gosudarstvo Dundan' i arkheologicheskie pamiatniki na territorii Primor'ia [The state of Dongdan and archaeological sites in Primorye], *Arkheologicheskie iubilei* [Archaeological anniversaries] Ed. by Brodyansky D.L. Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo Universiteta, 2015. pp. 220-229.
- Kidan'skii gorod Chintolgoi-balgas* [The Khitan city of Chiltongoi balgas]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2011.
- Kluyev N.A., Ivliev A.L. Unikal'nyi arkhitekturnyi kompleks na gorodishche Koksharovka-1 v Primor'e [A unique architectural complex in the ancient town of Koksharovka-1 in Primorye]. *Rossia i ATR*, 2013, no. 3, pp. 104-116.
- Kradin N.N., Ivliev A.L. *Istoriia kidan'skoi imperii Liao* [The history of the Khitan Empire of Liao from 907 to 1125]. Moscow: Nauka, 2014.
- Kluyev N.A., Sleptsov I.Yu., Ivliev A.L. Koksharovka-8 – unikal'nyi pogrebal'nyi kompleks epokhi srednevekov'ia v Primor'e [Koksharovka-8, a unique medieval burial complex in Primorye], *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy: Materialy Sed'moi Mezhdunar. konf., posviashch. pamiatii G.A. Fedorova-Davydova* [Dialogue of the urban and steppe cultures in Eurasia. The historical geography of the Golden Horde: Proceedings of VII International scientific conference held in memory of German Fyodorov-Davydov] Ed. By Bocharov S.G., Sitdikov A.G. Kazan; Yalta; Kishinev: Stratum Plus, 2016, pp. 35-38.
- Kuzmin A.S. Sykheivan' kak arkhitetip kitsaiskoi arkhitektury [Siheyuan as an archetype of the Chinese architecture], *Novye idei novogo veka: Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [New ideas of the new century: International scientific conference proceedings. Vol. 1]. Khabarovsk: Izdatelstvo TOGU, 2014, pp. 173-177.
- Lyudinshan bohay mutsan: ertsyansyi – ertsyantszyu nyan tsinli fatszue baogao* [Liudingshan Dohai cemetery: investigation and excavations report for the years of 2004 to 2009]. Beijing: Wenwu publishing house, 2012.

- Lyudingshan yuy bohaychzhen – tanday bohaygo-de guytszu mudi yuy duchen ichzhi* [Liudingshan and Bohaizhen, a cemetery of the nobility and the remains of the capital city of Bohai under Tang Dynasty]. Beijing: Wenwu publishing house, 1997.
- Nin'an hunszunyuychan: itszyutszyuer –itszyutszyuu nyandu bohay mudi kaogu fatszzyue baogao* [Ning'an Hunzunyuchang: archaeological excavations report on the Bohai cemetery for the years of 1992 to 1995. Vol. 1, 2]. Beijing: Wenwu publishing house, 2009.
- Okladnikov A.P. *Dalekoe proshloe Primor'ia (Ocherki po drevnei i srednevekovoi istorii Primorskogo kraia)* [The distant past of Primorye (Essays on the ancient and medieval history of the region of Primorye)]. Vladivostok: Primorskoe kniznoe izdatelstvo, 1959.
- Popov V.K., Kluyev N.A., Nozdrachev E.A., Sleptsov I.Yu. *Khimicheskii sostav izdelii iz zolota, srebra i medi v kurgane Koksharovka-8 (Primor'e, X v.) i ikh vozmozhnye istochniki* [The chemical composition of gold, silver, and copper products found in the Koksharovska-8 burial ground (Primorye, the 10th century) and the possible mineral sources of it], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarcheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2015, Vol. 12, pp. 37-46.
- Tszilinshen venu kaogu yantszyuso, dunhuashi venu guanliso: Tszilin dunhuashi lyudinschan mutsyun ertsyansyinyan fatszzyue tszyanbao [Institute of Cultural Relics and Archaeology of Jilin Province, Bureau of Cultural Relics of Dunhua city. A brief report on the excavations of a cemetery on Liudingshan Mountain of Dunhua city in Jilin Province in 2004]. *Kaogu*, 2009, no.6, pp. 3-14.
- Zhang Taixiang. *Dachentszyi guchen dyaocha tsi* [Records of research on the ancient town of Dachengzi]. *Wenwu ziliao cungkan (Collection on materials of cultural relics)*, Vol. 4. pp. 22–227.
- Shavkunov E.V. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniikh na territorii Primorskogo i Khabarovskogo kraev. 1971 g.* [Report on archaeological research in Primorye and Khabarovsk, 1971]. *Arhiv IA RAN*. R-1, no. 4537.
- Tung-Ching-Cheng. *Report on the Excavation of the Site of the Capital of P'o-hai, Archaeologia Orientalis*, 1939, Vol. V, pp. 1-99.

УДК 930.26 (517.3:571.54/.55)
DOI: 10.17223/2312461X/20/4

ГОРОДА И ДВОРЦЫ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ*

Николай Николаевич Крадин,
Светлана Евгеньевна Бакшеева,
Станислав Данилович Прокопец

Аннотация. В Восточном Забайкалье находятся уникальные археологические памятники Монгольской империи – Хирхириновское городище и Кондуйский дворец. Они известны еще с XVIII в. и раскапывались с середины XX в. С.В. Киселевым и другими исследователями. Результаты последних раскопок открывают новые перспективы. Можно уверенно считать, что города начали строиться здесь с первых этапов существования империи во второй четверти XIII в. и, по всей вероятности, продолжали существовать в XIV в. Хирхириновское городище традиционно интерпретируется как резиденция Есунке, сына Хасара. Вывод основан на упоминании его имени в надписи на так называемом Чингисовом камне. Письменные источники дают возможность прояснить некоторые другие подробности его биографии и позволяют рассматривать Восточное Забайкалье и соседние зоны Внутренней Монголии (Хайлар) как территории, подконтрольные братьям Чингисхана – Хасару и Темуге-отчигину.

Ключевые слова: Монгольская империя, Чингисхан, Хасар, Есунке, Хирхириновское городище, Кондуйский городок, Чингисов камень

Монгольская империя была не только крупнейшей кочевой империей в мировой истории, но и в целом одной из крупнейших в мире, второй по размерам после Британской. Помимо этого, многими исследователями Монгольская империя связывается с так называемой средневековой или монгольской глобализацией, в результате которой была сформирована сеть устойчивых информационных и культурных обменов между различными частями Старого Света. Данное обстоятельство способствовало беспрецедентному расцвету градостроительства и торговли в различных частях мировой империи – от Китая до Золотой Орды (Крадин, Скрынникова 2006; Крадин 2016).

Восточное Забайкалье относилось к периферийным территориям Монгольской империи, хотя примерно где-то здесь начался этногенез монгольского народа (Ковычев 2012). На этой территории не известны большие города подобно имперским столицам (Каракорум, Шанду, Да-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

ду). Тем не менее здесь известны разные формы поселений – города, дворцовые комплексы, отдельные усадьбы. В данной статье будут представлены обобщенные результаты раскопок последнего десятилетия в сравнении с полученными ранее данными и рассмотрен вопрос о том, кому из монгольских ханов принадлежал контроль над этими территориями.

Хирхириновое городище

Возможно, самый известный из археологических памятников Восточного Забайкалья – Хирхириновое городище, которое находится на юге Забайкальского края, в Приаргунском районе. Памятник расположен на низкой надпойменной террасе в приустьевой части р. Хирхира на левом берегу р. Урулюнгуй (приток Аргуни). Фактически это открытое поселение без фортификационных сооружений, состоящее из нескольких усадеб и порядка 100 отдельных жилищ, объединенных в несколько кустов. В реальности это настоящий город монгольского времени, только без укреплений. Памятник вытянут по линии запад – восток почти на 2 км и примерно на 700 м по линии север – юг. Площадь памятника составляет около 118 га. В западной части усадьбы и окружающие их жилища расположены кустами, поодаль друг от друга, в восточной – объединены в сложную систему кварталов, улиц и проулков (рис. 1). К северу от Хирхиринового городища на ближайшей возвышенности находится могильник Окошки монгольского времени (Киселев 1961; Харинский и др. 2014).

В юго-восточной части городища в 350 м от берега Хирхиры располагалась ставка монгольского хана, окруженная валом (110×100 м) с воротами и рвом. Внутри находился дворец (15×30 м), возведенный на искусственной платформе с пандусом. Дворец имел деревянные стены и четырехскатную крышу, крытую черепицей, отапливался при помощи канов. Пол выложен сырцовым кирпичом. В результате раскопок под руководством С.В. Киселева в 1957–1959 гг. исследованы дворец, жилища с канами, ворота, найдено много строительных материалов (черепица, кирпичи), предметы труда и быта, вооружение, украшения (Киселев 1965: 23–58). С.В. Киселев датировал памятник XIII в. и предположил, что дворец погиб в результате пожара.

Начиная с 1997 г., в течение ряда лет памятник изучался А.Р. Артемьевым (2005). Им были раскопаны две усадьбы. В первой, в восточной части города, находились два жилища с канами (одно с кирпичным полом). Во второй, на западном краю памятника, было найдено здание с 12 базами от колонн и каном. Среди находок предметы быта, вооружение, украшения, бронзовый 12-летний календарь, железная вилка, скорее всего, попавшая из Европы. А.Р. Артемьев также получил радио-

углеродные даты по западной усадьбе (1330–1420 гг.), которые расширили наше представление о времени существования памятника.



Рис. 1. Хирхиринское городище

Наши исследования на памятнике в 2013–2014 гг. проводились на другой усадьбе, расположенной также в западной части города. В результате работ были вскрыты остатки здания колоннадного типа на насыпной платформе. Основой для поддержания крыши являлись каменные базы с деревянными колоннами, изготовленными из стволов лиственницы. Крыша, очевидно, была крыта соломой. Черепицы найдено не было. Внутри обнаружены печь и остатки канов сложной конструкции. Печь сложена из камня, обмазана глиной на деревянном каркасе, верх покрыт сырцовыми кирпичами. От печи отходили три дымоходных канала.

В процессе раскопок было найдено много костей домашних и диких животных, кости рыбы, гвозди, бусины, фрагменты фарфоровой и глазурованной керамики, в том числе больших сосудов – хумов. Находки фарфора с синей кобальтовой росписью подтверждают, что памятник существовал в XIV в. В нижних пластах, практически на уровне материка, была найдена орнаментированная киданьская сероглиняная кера-

мика, относящаяся к X–XI вв., что свидетельствует от том, что на эту территорию захаживали в начале II тыс. н.э. кидани.

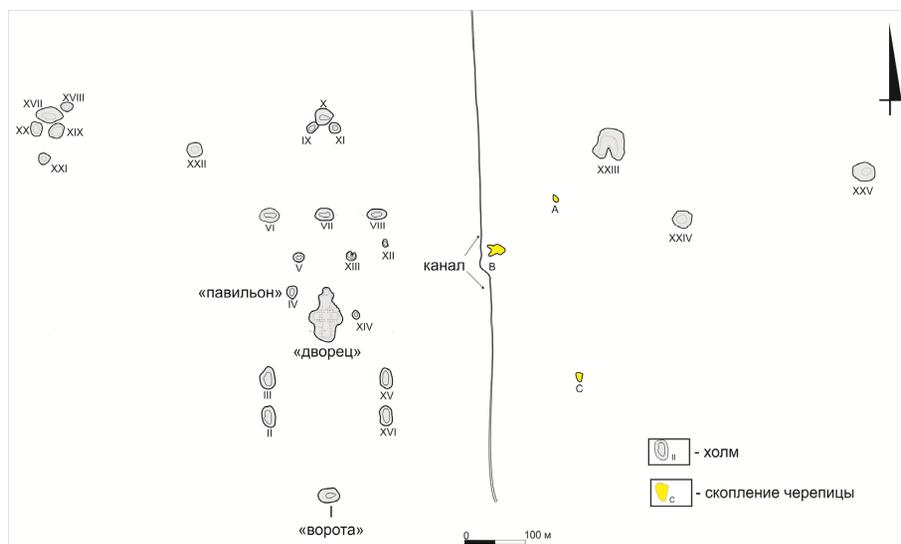


Рис. 2. Кондуйский городок

Считается, что Хирхиринское городище было ставкой Есунке (Исунке, Есунгу) – сына родного брата Чигисхана Хасара (Киселев 1965: 56–57). Основанием для этого является древнейшая надпись на старомонгольском языке (1224–1225 гг.) на найденной неподалеку знаменитой каменной стеле («Чингисов камень»), которая сейчас хранится в Эрмитаже. До сих пор исследователи не достигли единства по поводу точного перевода данного текста, однако во всех вариантах присутствуют имена Чингисхана и Есунке, который прославился стрельбой из лука на дальность полета (Банзаров 1851; Клюкин 1927; Murayama 1950; Srba 2012). Город имел, по всей видимости, широкий круг разнообразных функций – являлся административным центром, здесь проживали ремесленники и земледельцы.

Усадьба Алестуй

Неподалеку от Хирхиринского городища, в 9 км к северо-востоку, находится отдельно стоящая дворцовая усадьба Алестуй. Она представляет собой насыпную платформу размером примерно 17×28–32 м, вытянутую по линии север – юг. С южной стороны склон имеется пологий спуск – пандус. Вокруг платформы расположен невысокий вал (0,3 м), близкой к квадрату формы размером примерно 71×71 м. К северному валу пристроен еще один обвалованный участок подпрямо-

угольной формы размером примерно 64×33 м. В процессе раскопок в 2009–2011 гг. нами были изучены северная и западная часть усадьбы, а также прилегающая к ней северная часть двора (Крадин и др. 2012). Тщательное обследование с помощью дрона в мае 2018 г. позволило зафиксировать на распаханной поверхности жилища и улицы, расположенные к северу от усадьбы.

Платформа дворцового здания была сложена из плотной глины серого цвета. В процессе раскопок были обнаружены следы нескольких дымоходных каналов. Трехканальный находился в северной части дома. Остальные несколько канав были исследованы во время раскопок западной части жилища. Они имели предположительно по 4–5 дымоходных каналов. Поскольку каналы в Забайкалье сильно отличаются от классических бохайско-журчжэньских канав, можно предположить, что это местное развитие дальневосточной традиции сооружения отопительной системы.

В разных частях раскопа в различных пластах зафиксированы остатки кирпичных стенок, 16 целых кирпичей и около 3 тыс. их фрагментов разной величины, черепица (около 24 тыс. фрагментов), каменные базы от столбовых конструкций, обломки различных железных и бронзовых изделий, железные гвозди разных размеров (163 шт.), железные наконечники стрел, два железных ножа, фрагменты железной пилы, обломок лемеха, обломки тигля, железный замок монгольского типа, втулки ступицы колеса, венчик и куски стенки железных котлов, альчики, игральные фишки. Имеется одна сунская монета – *Чжи дао юань бао* (XI в.). Найдены фрагмент фарфорового изделия, фрагмент поливного сосуда и фрагмент глазурированной бутылки.

Размеры здания, наличие черепичной крыши, обваловка всей территории памятника позволяют предположить, что усадьба была сезонной резиденцией одного из представителей местной монгольской элиты. Здесь также располагалось население, обеспечивающее его продукцией сельского хозяйства и ремесла. Обследование территории, сделанное весной этого года с помощью дрона, позволило выявить наличие улицы с жилищами к северу от усадьбы, которые не фиксировались при визуальном обследовании ранее.

Кондуйский городок

Другой известный памятник монгольского времени на территории Забайкалья – так называемый Кондуйский городок. Фактически это не город и не поселение, а дворцовый комплекс. Он находится в 62 км к западу от Хирхиринского городища. Дворец находится в Борзинском районе, в широкой пойме, примерно в 6–7 км к югу от села Кондуй. Общая площадь территории дворцового комплекса составила около

120 га. Протяженность разность объектов, относящихся к памятнику, в меридиональном направлении около 900 м, в широтном направлении – примерно 1 400 м.

На этом пространстве находятся остатки собственно дворцового комплекса и синхронной ему периферии монгольского времени. Комплекс состоит из главного дворцового здания, расположенного в центре, окружавших его конструкций (ворота, павильоны и др.), а также находящихся поблизости других построек (жилые здания, вспомогательные помещения, печи для обжига строительных материалов и т.д.). Кроме того, неизвестно, сколько находилось на этой территории юрт различных категорий населения, а также разрушенных современной вспашкой жилищ обслуживающего персонала, располагавшихся к северу от памятника (рис. 2).

История исследования Кондуйского дворца насчитывает более 200 лет. Впервые городок упомянут в 1818 г. в «Сибирском вестнике» Гр. Спасским. Однако еще в 1798 г. П.К. Фроловым был выполнен первый план древних строений Кондуя. Огромную роль в изучении городка сыграли русские горные инженеры XVIII–XIX вв. П.К. Фролов, А. Таскин и А. Павлуцкий, а также создатель краеведческих музеев в Чите и Нерчинске А.К. Кузнецов (Павлуцкий 1867: 489–491; Киселев 1965: 325–328).

В начале 60-х гг. XIX в. небольшие раскопки на памятнике производил А. Павлуцкий, после него в 1889 г. А.К. Кузнецов (Кузнецов 1925). Последний дал очень подробное описание памятника, составил план, собрал подъемный материал, траншеями исследовал дворец и южные ворота. Наиболее масштабные исследования связаны с именем С.В. Киселева. В 1957–1958 гг. им проводились исследования на памятнике на центральном здании (дворце), южных воротах и на одном из павильонов. Общая площадь раскопов – 2,5 тыс. м² (Киселев 1965: 324–369).

Кондуйский дворец представлял собой здание крестообразной формы. Дворец располагался на двухметровой платформе, имевшей два уровня террас. Террасы украшали деревянные, покрытые красным лаком балюстрады. Деревянные столбики балюстрады укреплялись в опорных гранитных базах. Конструкцию балюстрады нижней террасы украшали вмонтированные в нее с интервалом 2 м гранитные изваяния драконов (31 экз.). Углы террасы украшали изваяния другого типа – в виде передней части драконо-черепаховидного чудовища, покрытого пластинками панциря. Платформа была выстлана кирпичным полом. Пол был выложен квадратными плитами размером 30×30 см. К платформе вели пять кирпичных пандусов – по два с востока и запада и главный вход с юга. С северной стороны пандуса не имелось.

Из бутового камня и кирпича была построена стена высотой около 1,5 м. Верхнюю ее часть образовывали деревянные стены. Внутри зда-

ния были расположены 37 каменных баз, которые являлись фундаментами деревянных колон, обернутых материей и покрытых красным лаком. Результаты раскопок показывают, что здание состояло из нескольких частей – аванзала, проходных коридоров, зала для приемов, жилых покоев или вспомогательных помещений. Стены дворца были украшены изображениями животных и фантастических существ, а также фресками. Крыша была покрыта черепицей. Коньки и гребни покрывала черепица с желтой, зеленой и красной поливой. Коньки были украшены головами драконов с крыльями. По углам кровлю украшали человеческие фигуры в буддийском одеянии, а также фениксы и химеры.

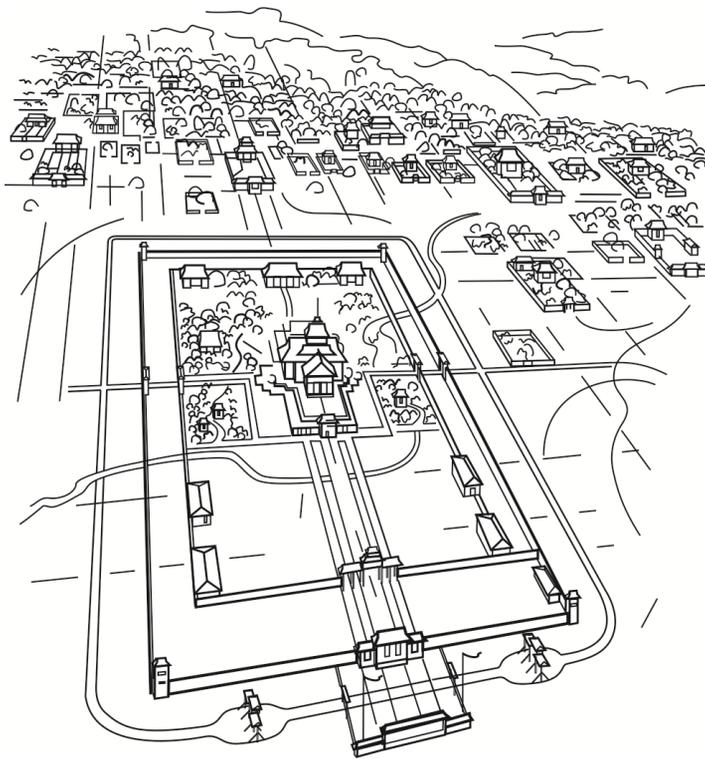


Рис. 3. Реконструкция Кондуйского дворца (по Л.К. Минерту)

К северу, западу и востоку от главного дворца находились другие здания (рис. 3). Это был единый комплекс, который был, возможно, огорожен в монгольское время забором. На юге были расположены главные ворота. Никаких других сооружений к югу от дворца не строилось. К северу, западу и востоку от дворцового комплекса располагались другие здания, возможно, жилища и усадьбы лиц высокого статуса. Наверное, за ними могли быть наземные жилища или переносные юрты тех

групп населения, которые обеспечивали жизнедеятельность владельцев дворца. Однако в настоящее время это невозможно проверить из-за интенсивной распашки данной территории в советское время.

Дворцовый комплекс был построен в синкретичной монгольско-китайской традиции. При первом рассмотрении такие элементы, как симметричное, строгое размещение объектов по оси север–юг, расположение в центре ансамбля дворца, свидетельствуют о китайской архитектурной традиции. Однако строгое соблюдение принципа расположения всех вспомогательных построек к северу от главного места и открытый вид на юг (монг. *хурээ*) свидетельствуют о степных традициях организации пространства (Лбова, Васильева 1992: 145–146). В начале XIX в. строительные материалы городка – кирпичи, гранитные основания драконов и базы были использованы русскими казаками и крестьянами под фундаменты домов села Кондуй, а также строительства в 1806 г. церкви Рождества Пресвятой Богородицы и Св. Мучеников Киррика и Улиты (Крадин, Крадин 2016). Кроме этого, материалы вывозились в агинские степи для возведения Цугольского дацана в 1801 г. (Кузнецов 1925: 22).

Результаты новых раскопок

В 2015–2016 гг. нами проводились исследования северо-западного павильона вышеназванного памятника (см. рис. 2, номер VI). Был раскопан дворцовый павильон размером примерно 23×8 м, вытянутый длинной стороной по линии запад–восток. С юга к зданию примыкал хорошо сохранившийся кирпичный пандус с входом. Внутри длинной стены и на углах постройки располагались каменные базы подквадратной формы. Пол был выложен кирпичом. Крыша здания была черепичной. Здесь найдено некоторое количество фрагментов черепицы, покрытой зеленой и желтой глазурью, один фрагмент концевого диска. Кроме этого, коньки кровли украшали скульптурные изображения драконоподобных существ. Строительные материалы – кирпичи, черепица, каменные базы – аналогичны найденным на центральном здании, однако здание не было столь величественным, как дворец. Поскольку следов отопительной системы в здании обнаружено не было, можно предположить, что постройка являлась, например, летним павильоном или складом. Из артефактов найдены гвозди, каменное точило, игральные фишки, глазурованная и фарфоровая посуда и др., а также кости домашних животных.

По периметру здания располагалась внешняя кирпичная стенка, которая, вероятно, предотвращала расползание насыпной платформы. Высота стенки не менее 23–25 см в 4–5 кирпичей. Расстояние между этой стенкой и стеной здания примерно 60 см. Пространство между

ними забутовано камнями, обломками кирпичей и землей. Далее находилась стена здания. Можно предположить, что основные стены были сделаны из дерева, а основания – из кирпичей и камней. Основания стен здания были выполнены в два ряда кирпичей и забутованного землей, обломками кирпичей и камнями пространства между ними (аналогичная технология применялась в столице юаньской империи Шанду (Вэй Цзянь 2015: 407)).

Внутри основания стены и на углах постройки располагались каменные базы колонн квадратной формы неодинаковых размеров. Самая маленькая база 46×46 см толщиной около 10–12 см, самая большая – 56,5×65 см. Две базы имели квадратные отверстия в центре размером 9,5×9,5 см. Базы располагались на стандартном расстоянии друг от друга, в среднем – 3–3,5 м. В восточной части постройки расстояние между каменными базами составляло 4,5 м. Во время разборки внутренней части постройки на уровне пола найдено большое количество дерева, вероятно, фрагментов от деревянных колонн. Согласно предварительному анализу, колонны делались из сосны. Пол в здании был выложен кирпичом квадратной и прямоугольной формы. Использовались два различных варианта выкладки пола. Внутри здания каменные базы обнаружены не были. Однако в некоторых местах кирпичей не было. Возможно, кирпичи отсюда были выбраны (вместе с базами) в период разграбления памятника для использования при строительстве Кондуйской церкви и Цугольского дацана.

Вход в здание располагался с южной стороны. К нему вел пандус, который в плане сверху выглядел как равнобедренная трапеция. Его размеры следующие: широкое основание трапеции, примыкающее к зданию, – 3,70 м, узкое основание трапеции (вход на пандус) – 1,95 м, боковые стороны трапеции (боковые грани по уровню погребенной дневной поверхности) – 2,54 м, боковые грани пандуса – 2,27 м. Боковые грани и грани оснований были оформлены стоящими на ребре кирпичами в один или два ряда. Угол подъема пандуса 13,5°. Высота пандуса от уровня древней поверхности – 0,55 м. Поверхность пандуса, как и пол в здании, была выложена кирпичом в 12 рядов. Состояние кирпичей пандуса, по которым ходили, хуже, чем сохранность кирпичей облицовки боковых граней. Подобной нагрузке подвергались пандусы дворцового здания, но интенсивность их использования намного выше (Киселев 1965: 338, рис. 179).

Анализ исследованных материалов

Крыша павильона в основном была покрыта простой сероглиняной черепицей. Любопытно, что кровля вдоль северной стены, над пандусом, имела украшение в виде черепицы с отливами. Декор на поверхно-

сти крыши двух типов. Кроме черепицы, конек крыши постройки украшали керамические кровельные скульптуры драконообразных существ. Находки очень фрагментарны, они покрыты глазурями зеленого, желтого и белого цвета. Надо напомнить, что помимо уничтожения памятника строительными работами в начале XIX в., на протяжении многих лет приезжающие сюда туристы и местные жители вынесли огромное количество подъемного материала и, в первую очередь, глазури и фрагментов украшений. Нами было найдено несколько фрагментов черепицы, покрытой зеленой и желтой глазурью, три незначительных по своим размерам фрагмента концевых дисков, а также узких черепиц, образывавших конек и скаты кровли. Глазури, покрывавшие кровельные изделия, сохранились неплохо, предположительно, они свинцовые, полупрозрачные, имеют блеск и прочно держатся на черепке.

Кирпичи и половые плиты имели стандартные размеры и форму, причем они соответствовали размерам целой и археологически целой черепицы: длина кирпича 31–34 см, ширина 14,8–17 см, толщина 4,8–5,5 см. Плиты квадратной формы, размером 30–32 см, толщиной 5–5,5 см. Некоторые из кирпичей имели потеки зеленой глазури на поверхности.

Черепица закреплялась в кровле с помощью очень толстого слоя очень густого известкового раствора, который до сих пор хорошо сохранился на некоторых изделиях и имеет такую плотную консистенцию, что его невозможно снять. Иногда в раствор подмешивалось некоторое количество травы. Строительные материалы (кирпичи, черепица, каменные базы) в целом аналогичны найденным на центральном дворце, с учетом того, что дворец был масштабнее и лучше украшен. Находки, обнаруженные внутри здания, очень немногочисленны. Это несколько железных гвоздей, каменное точило, две игральные фишки из черепицы и галечника, фрагменты бронзовой обкладки и фольги (?), а также небольшие фрагменты фарфоровых и фаянсовых сосудов, кости животных. Интересно, что кости молодого ягненка были найдены в основании стены. Возможно, это был жертвенный обряд при закладке здания. Кроме этого, в переотложенном состоянии найдена серия каменных изделий, относящихся к каменному веку.

Таким образом, как писали дореволюционные исследователи (Кузнецов 1925: 36), камень для изготовления гранитных баз добывали неподалеку. В 2012 г. нами было обследовано предполагаемое место каменоломни в 16 км к северо-востоку в пади Могойтуй. Это крутой каньон правого берега р. Могойтуй, где расположено много выходов гранита. Также была обследована каменоломня в районе горы Эке-Булаг в пади Барун-Нарын, которая находится на расстоянии 31 км к юго-западу от Кондуйского городка. Здесь также много выходов гранита. Удалось зафиксировать технологию изготовления плит. В подходящие куски гранита на расстоянии 6–8 см друг от друга бились углубле-

ния прямоугольной формы длиной 4–5 см и шириной 1–2 см. В результате получалась линия предполагаемого разлома, похожая на пунтир. Далее туда вбивались клинья. Похожая технология была зафиксирована в каменоломнях около Каракорума – столицы монгольской империи (Vemmann et al. 2011: 127).

Кроме этого, еще в 2012 г. нами были обнаружены гончарные печи, относящиеся непосредственно к Кондуйскому городку. Они расположены в 4 км на северо-восток от Центрального здания Кондуйского городка. Площадь памятника 1,2 га. Здесь зафиксированы остатки в общей сложности 11 всхолмлений разной формы. Памятник, к сожалению, отчасти разрушен проселочными дорогами, ирригационными сооружениями и проложенным кабелем. На поверхности одной из возвышенностей и вокруг него было разбросано большое количество подъемного материала в виде фрагментов кирпичей, черепицы, половых и облицовочных плит, кровельной скульптуры, часто бракованных. Большинство изделий имеют на своей поверхности следы глазури зеленого и желтого цвета. Находки аналогичных изделий найдены и в других частях памятника. Они идентичны находкам из Кондуйского городка. Вероятно, здесь производились необходимые строительные материалы для возведения дворцового комплекса.

В северо-западной части памятника были зачищены остатки стены в виде обнажившихся двух рядов кирпича длиной около 1,6 м. Кроме этого, на памятнике выявлены остатки стены в виде двух рядов лежащих плашмя кирпичей. Также зафиксирован участок, где разбросано большое количество керамического шлака. Выходы глины находятся здесь же; в качестве источника воды использовался некогда протекавший на этом месте ручей. В юго-западной части производственного комплекса был заложен раскоп площадью 36 м². Здесь были найдены остатки части основания обжигательного горна, заполненного сильно обгоревшими деревянными плахами. В раскопе собраны много шлака, фрагменты свода горна, бракованных изделий в виде деформированных остеклованных, ошлакованных изделий керамических строительных материалов со следами сильного пережога.

На вновь открытом памятнике был собран богатый подъемный материал, представленный в основном обломками глазурированных керамических строительных материалов – кирпича и кровельной черепицы, фрагментов облицовочных плит и кровельной скульптуры. В юго-западной части памятника имеется участок, на котором собраны остатки шлаков. Одна из предполагаемых печей разрушена, вокруг лежало большое количество кирпича, покрытого зеленой глазурью. Еще одна имела вид подковы.

Из материалов наших раскопок павильона в 2015 г. были получены калиброванные радиоуглеродные даты, которые позволили уточнить

хронологию памятника (рис. 3). Согласно этим данным, памятник датируется по первой сигме 1191–1253 гг. (1σ 68,2%), по второй сигме – 1166–1260 гг. (2σ 95,4%). Калиброванная радиоуглеродная дата показывает, что дворец существовал в первой половине XIII в.

Обсуждение результатов

Таким образом, время строительства дворца приходится на период расцвета империи Чингисхана и время проживания в монгольской исторической прародине братьев Чингисхана – Хасара и Темуге-отчигина и их наследников. Это подтверждается письменными источниками, где сказано: «Юрт и стойбище Есунгу и рода Джочи-Касара находится внутри Монголии на северо-востоке, в пределах Эргунэи Кулэ-наура и Килара, поблизости от места юрта Джибу, сына Отчи-нойона, и его внука Тукучара» (Рашид ад-Дин 1952: 52). Здесь место расселения четко локализуется с Аргунью, оз. Далай-нор и Хайларом. При этом одна весьма пикантная деталь, возможно, объясняет наличие большого числа памятников монументальной архитектуры на данной территории. Тот же источник сообщает, что «Отчи-нойон отличался (своей) большой любовью к строительству и везде, куда не приходил, он строил дворцы (сарай) и загородные дворцы (кушк) и (разбивал) сады» (55).

Наличие драконов указывает на императорский статус построек. Это подтверждается включенностью братьев Чингисхана и их потомков в высшую элиту империи. «Чингиз-хан соизволил его пожаловать и (выделил его) из всех братьев и сыновей братьев, дав ему и его детям, в соответствии с установленным обычаем правом, вытекающим из положения брата и царевича, степень (высокого) сана и звания. И до настоящего времени обычай таков, что уруг Чингиз-хана из всех (своих) дядей и двоюродных братьев сажает в ряду царевичей только уруг Джочи-Касара; все же другие сидят в ряду эмиров» (Рашид ад Дин 1952: 51). Нечто схоже написано в источниках о Темуге-отчигине. «Чингиз-хан любил его больше других братьев и сажал выше всех старших братьев. Его прямые потомки (фарзанд) до сих пор сидят выше прямых потомков двух других братьев» (55).

Потомки Хасара также имели высокий статус. Часть из них участвовала в военном походе на Иран и осела там (Рашид ад-Дин 1952: 53). Хасариды имели высокие должности в государстве ильханов и даже печатали свои монеты (Рева 2015). Один из них, Туга-Тимур, был даже правителем государства в 1338–1352 гг. (Jackson 2017: 3–5, 21, 17–39, 35–37; Султанов 2007: 106). На востоке империи из сыновей Хасара самым известным был Есунке (Исунке, Есунгу). «Есунгу был высокого роста, румян и имел продолговатое лицо и длинную бороду... Он входил в важные дела и в обсуждение государственных дел, и его весьма

почитали и считались с ним. Согласно обычаю, он ведал войсками и племенем отца и своих старших и младших родичей. В то время, когда между Кубилай-кааном и Ариг-Бука случилась распря, Есунгу был у Кубилай-каана и принадлежал к числу его войска, как это будет обстоятельно изложено в летописи о Кубилай-каане. Говорят, что когда Кубилай-каан в семидесятипятилетнем возрасте прибыл на курилтай, [у него] еще ни один волос не поседел» (Рашид ад-Дин 1952: 52).

В том же источнике сообщается, что «Юрт и стойбище Есунгу и рода Джочи-Касара находится внутри Монголии на северо-востоке, в пределах Эргунэ и Кулэ-наура и Килара, поблизости от места юрта Джибу, сына Отчи-нойона и его внука Тукучара» (Рашид ад-Дин 1952: 52). Здесь упомянуты следующие географические названия – реки Аргунь и Хайлар, озеро Кулун-нур (Далай-нор), что позволяет локализовать территории расселения потомков Хасара и Темуге в Северо-Восточной Монголии, Забайкалье и на западе Внутренней Монголии.

Высокое положение хасаридов и темугеидов продлилось до того момента, когда они вступили в сговор с Хайду против Хубилая. «Когда сговор (их) обнаружился, каан повел войско и схватил их. Некоторых он казнил, а их войска разделил (между другими). В настоящее время из их улуса никого не осталось» (Рашид ад-Дин 1952: 56). Напрашивается вывод, не тогда ли были сожжены и подвергнуты забвению забайкальские дворцы? Однако радиоуглеродные даты и юаньский фарфор дают возможность полагать, что исследованные памятники существовали и в XIV в. Подробную хронологию монгольских памятников Забайкалья еще предстоит разработать.

Заключение

В Монгольской империи были разные формы поселений – имперские столицы, города с мощной фортификацией, неукрепленные города, небольшие городища, дворцы, отдельные усадьбы, сельские поселения. Забайкалье относилось к периферийным территориям Монгольской империи. В данной статье были рассмотрены три разных типа археологических памятников, существовавших на территории Восточного Забайкалья: неукрепленный город, дворцовый комплекс, отдельная усадьба. Они имели различные функции. Хирхиринское городище было, по всей видимости, административным центром, местом сосредоточения ремесленников и земледельцев. Кондуйский дворец и усадьба Алестуй являлись пунктами сезонного проживания представителей разных элитных групп, а также местом сосредоточения простых категорий населения, обеспечивавших верхи общества продуктами (в том числе сельскохозяйственными) и изделиями ремесла. При этом нужно напомнить, что монументальная архитектура воплощает в себе в мате-

риальной форме политическое господство, служит точками притяжения коммуникаций и обеспечивает визуальный контроль над пространством (Smith 2003). Богато украшенные дворцы и другие здания символизировали идеологическое доминирование и формировали мировоззренческие установки у различных социальных групп населения. Ключевой вопрос, который интересует исследователей сейчас более всего, – как обеспечивались функционирование и жизнедеятельность данных форм поселений. Поэтому в качестве первоочередных задач ближайшего будущего видится изучение отдельных усадебных и домостроений, находившихся за пределами дворцовых комплексов.

Литература

- Артемов А.Р. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С. 3–18.
- Банзаров Д. Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-Хана // Записки императорского археологического общества. СПб., 1851. Т. III. С. 268–292.
- Вэй Цзянь. Археологическое исследование Верхней столицы (Шанду) династии Юань // Средневековые древности Приморья. Владивосток, 2015. Вып. 3. С. 396–421.
- Киселев С.В. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье // Советская археология. 1961. № 4. С. 103–127.
- Киселев С.В. (отв. ред.). Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965.
- Клюкин И.А. Древнейшая монгольская надпись на Хорхираском («Чингисхановом») камне: К разбору древнейших памятников // Труды Государственного Дальневосточного университета. 1927. Сер. VI. № 5. С. 168–212.
- Ковычев Е.В. К истории ранних монголов в Забайкалье // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2012. Вып. 9. С. 129–146.
- Крадин Н.Н. Актуальные проблемы истории Монгольской империи // Труды отделения историко-филологических наук РАН. 2015. М., 2016. С. 289–321.
- Крадин Н.Н., Крадин Н.П. Кондуйские древности // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 133–138.
- Крадин Н.Н., Саранцева С.Е., Харинский А.В., Ковычев Е.В. Исследование средневековой монгольской усадьбы Алестуй в Забайкалье // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы III Междунар. науч. конф. Улан-Батор, 2012. Т. 2. С. 381–387.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006.
- Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток: Книжное дело, 1925.
- Лбова Л.В., Васильева И.Г. К вопросу о развитии принципов планировочной структуры древнемонгольских городов // Археологические памятники эпохи Средневековья в Бурятии и Монголии / отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 145–160.
- Павлуцкий А. Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющихся вблизи кличкинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их и в других местах нерчинского горного округа // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества / ред Н.И. Калинин. Иркутск: Типография Окружного штаба, 1867. Кн. IX. X. С. 475–507.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I, кн. 2.

- Рева Р.Ю. Джочикасариды. Монетный чекан потомков брата Чингизхана // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015. М.: ГИМ, 2015. С. 85–93.
- Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2007.
- Харинский А.В., Номоконова Т.Ю., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) // Российская археология. 2014. № 2. С. 62–75.
- Bemmann J., Höllmann T., Ahrens B., Kaiser T., Müller S. A Stone Quarry in the Hinterland of Karakorum, Mongolia, with Evidence of Chinese Stonemasons // *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*. 2011. Vol. 6. P. 101–136, 227–231.
- Murayama S. Über die Inschrift auf dem "Stein des Čingis" // *Oriens*. 1950. Vol. 3, № 1. P. 108–112.
- Jackson P. *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven; London: Yale University Press, 2017.
- Smith A.T. *The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities*. Berkeley etc.: University of California Press, 2003.
- Srba O. Nápis na tzv. Čingisově kameni (Činggis-ün čilayun-u bičig) // *Linguistica Brunensia*. 2012. Vol. 60, № 1–2. P. 171–182.

Статья поступила в редакцию журнала 1 мая 2018 г.

Kradin Nikolay N., Baksheeva Svetlana E., Prokopets Stanislav D.

CITIES AND PALACES OF THE MONGOL EMPIRE IN EASTERN TRANS-BAIKAL

DOI: 10.17223/2312461X/20/4

Abstract. There are two unique archeological sites located in Eastern Transbaikal, namely, the city of Khirkhira and the Kondui palace, both dating back to the times of the Mongol Empire. They have been known since the 18th century and been excavated since the mid-20th century by S.V. Kiselev and other scholars. The results of recent investigations here open up some new prospects for research. The Mongol Empire's cities appeared in the 13th century and in all probability continued to exist in the 14th century. The city of Khirkhira is traditionally seen as the residence of Yesünggü, the son of Qasar. This view is supported by the fact that Yesünggü's name was found on the so-called 'Chinggis stone'. Written sources give us an opportunity to clarify some parts of his biography and consider Eastern Transbaikal and neighbouring areas of Inner Mongolia (Hailar) as territories controlled by Chinggis Khan's brothers Qasar and Tämügä (Otchi Noyan) and their descendants.

Keywords: Mongol Empire, Chinggis Khan, Qasar, Yesünggü, Khirkhira, Kondui, Chinggis stone

* The research is done with financial support from Russian Science Foundation (project No. 14-18-01165, titled "Cities of Medieval Empires in the Far East").

References

- Artemjev A.R. Novye issledovaniia drevnemongol'skikh gorodov Vostochnogo Zabaikal'ia [New studies of old Mongolian cities of the East Baikal region], *Vestnik DVO RAN*, 2005, no. 2, pp. 3-18.
- Banzarov D. Ob"iasnenie mongol'skoi nadpisi na pamiatnike kniazia Isunke, plemiannika Chingis-Khana [Explanation of the Mongolian inscription on the monument to Yesünggü Prince, the nephew of Chinggis Khan], *Zapiski imperatorskogo arkhelogicheskogo ob-*

- shchestva* [Writings of the Imperial Archaeological Society]. Vol. III. St. Petersburg, 1851, pp. 268-292.
- Wei Jian. Arkheologicheskoe issledovanie Verkhnei stolitsy (Shandu) dinastii Iuan' [An archaeological study of the Upper capital (Shangdu) of Yuan Dynasty], *Srednevekovye drevnosti Primoria* [Mediaeval sites of Primorye]. Vladivostok, 2015, Vol. 3, pp. 396-421.
- Kiselev S.V. Gorod mongolskogo Isunke na r. Hirhira v Zabaikalie [The city of the Mongolian Yesünggü on the Khirkhira River in Transbaikal], *Sovetskaia arkheologiya*, 1961, no. 4, pp. 103-127.
- Kiselev S.V. (ed.) *Drevnemongolskie goroda* [Ancient Mongolian cities]. Moscow: Nauka, 1965.
- Kljukin I. Drevneishaia mongol'skaia nadpis' na Khorkhiraskom («Chingiskhanovom») kamne: K razboru drevneishikh pamiatnikov [The oldest Mongolian inscription on the Khirkhira (Chinggis Khan) stone], *Trudy Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta*, 1927, Vol. VI, no. 5, pp. 168-212.
- Kovychev E.V. K istorii rannikh mongolov v Zabaikal'e [On the history of the early Mongols in Transbaikal], *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2010, Vol. 9, pp. 129-146.
- Kradin N.N. Aktual'nye problemy istorii Mongol'skoi imperii [Topical issues in the Mongolian Empire history], *Trudy otdeleniia istoriko-filologicheskikh nauk RAN*, 2015 [Works of the Department of History and Philology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2016, pp. 289-321.
- Kradin N.P., Kradin N.N. Konduiskie drevnosti [Ancient sites of Kondui], *Voprosy istorii*, 2016, no. 12, pp. 133-138.
- Kradin N.N., Sarantseva S.E., Kharinskii A.V., Kovychev E.V. Issledovanie srednevekovoy mongolskoy usadby Alestui v Zabaikal'e [A study of mediaeval Mongolian estate called Alestui in Transbaikal], *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri. Mat. III mezhd. nauchn. konf. T. 2*. [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Vol. 2]. Ulaanbaatar: State University of Mongolia, 2012, pp. 381-387.
- Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiia Chingis-khana* [The Empire of Chinggis Khan]. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2006.
- Kuznetsov A.K. *Razvaliny Konduiskogo gorodka i ego okrestnosti* [The ruins of the city of Kondui]. Vladivostok: Kniznoe delo, 1925.
- Lbova L.V., Vasil'eva I.G. K voprosu o razvitii printsipov planirovochnoi struktury drevnemongol'skikh gorodov [On the development of ancient Mongolian urban planning principles], *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Buriatii i Mongolii* [Medieval archaeological sites in Buryatia and Mongolia]. Ed. by P.B. Konovalov. Novosibirsk: Nauka, 1992, pp. 145-160.
- Pavlutsky A. Kratkoe opisanie tak nazvaemykh chudskikh drevnostei, imeiushchikhsia vblizi klichkinskogoserebro-svintsovogo rudnika, s ukazaniem nakhozhdeniia ikh i v drugikh mestakh nerchinskogo gornogo okruga [A brief description of the so-called Chudskie antiquities from the area of Klichkin silver-lead mine in the Nerchinsk mountainous region], *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. IX-X. Irkutsk: Tipografiia Okruzhnogo shtaba, 1867, pp. 475-507.
- Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey* [A collection of chronicles]. Vol. I, part 2. Moscow and Leningrad, 1952.
- Reva R.Yu. Dzhochikasaridy. Monetnyi chekan potomkov brata Chingizkhana [The Jochikasarids. The coinage of descendants of Chinggis Khan brother], *Numizmaticheskie chteniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* 2015 [Numismatic Readings at the State Historical Museum 2015]. Moscow: GIM, 2015, pp. 85-93.
- Sultanov T.I. *Chingis-khan i Chigizidy: Sudba i vlast* [Chinggis Khan and Chingisids: fate and power]. Moscow: AST, 2007.
- Kharinsky A.V., Nomokonova T. Yu., Kovychev E.V., Kradin N.N. Ostaniki zhivotnykh v mongol'skikh zakhoroneniakh XIII-XIV vv. mogil'nika Okoshki I (Iugo-Vostochnoe Za-

- baikal'e) [The remains of animals in Mongolian burials of the 13th to the 14th centuries, the burial ground of Okoshki 1 (southeastern Transbaikal)], *Rossiiskaya arkheologiya*, 2014, no. 2, pp. 62-75.
- Bemmann J., Höllmann T., Ahrens B., Kaiser T., Müller S. A Stone Quarry in the Hinterland of Karakorum, Mongolia, with Evidence of Chinese Stonemasons. *Journal of Inner Asian Art and Archaeology*, 2011, Vol. 6, pp. 101-136, 227-231.
- Jackson P. *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven and London: Yale University Press, 2017.
- Murayama S. Über die Inschrift auf dem "Stein des Čingis". *Oriens*, 1950, Vol. 3, no. 1, pp. 108-112.
- Smith A.T. *The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities*. Berkeley etc.: University of California Press, 2003.
- Srba O. Nápis na tzv. Čingisově kameni (Činggis-ün čilayun-u bičig) [Inscription on the so-called Chingis Stone]. *Linguistica Brunensia*, 2012, Vol. 60, no. 1-2, pp. 171-182.

«РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ» В ПОСТСОВЕТСКОЙ СИБИРИ

(ред. – Д.А. Функ)

Предлагаемая ниже вниманию читателей подборка статей включает тексты, родившиеся в ходе реализации проекта «“Ресурсное проклятие” на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (РНФ, грант № 15-18-00112)* в 2017–2018 гг. Первый из них – своего рода введение в проблему – публикуется на английском языке, поскольку изначально был написан в качестве программы (силлабуса) курса лекций на этом языке и как таковой на английском же и был прочитан магистрантам Института социальной и культурной антропологии и этнологии Венского университета весной 2018 г. Следующие три текста максимально детально показывают то, каким образом феномен «ресурсного проклятия» проявляется на различных территориях Сибири и Севера, и то, какого рода объяснительные модели могут быть задействованы при их анализе с позиций антропологии. Две статьи представляют собой исследовательские кейсы, реализованные аспирантами (или бывшими аспирантами) кафедры этнологии исторического факультета МГУ на якутских и курильских материалах, а завершающая статья, написанная на основе многолетнего мониторинга ситуации в Кемеровской области, стала результатом сотрудничества коллег Московского, Кемеровского и Томского государственных университетов.

* Подробнее о сути проекта и публикациях 2015–2016 гг. см.: Функ Д.А. «Ресурсное проклятие» (поиск новых подходов к «этнологической экспертизе» и оценке социального воздействия управленческих решений) // Мир культуры народов Севера: арктический вектор / под общ. ред. О.Н. Астафьевой. М.: ИПП «КУНА», 2016. С. 263–270.

THE “RESOURCE CURSE” PHENOMENA IN POST-SOVIET SIBERIA (RUSSIA): ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVES

Dmitriy Funk

Summary. The proposed course traces key developments in anthropological research on phenomena of the “resource curse” in post-soviet Siberia. After discussing some fundamental terminology used in the course and overviewing official documents drawn on in social impact assessment practices, as well as following a brief discussion of the history of resource extraction in territories inhabited by the indigenous peoples of Siberia and social and cultural consequences of industrial development in the region, the author goes through various case studies of so-called “ethnological impact assessment” (in Russian: *etnologicheskaya ekspertiza*) conducted in Siberia, taking note of some major problems of interaction between the state, business companies and indigenous peoples, and analysing underlying theoretical approaches in each of the cases.

Keywords: “resource curse”, resource rent, “ethnological impact assessment” in Russia, indigenous peoples, Siberia

A course proposal

A short description of the course, including methods of instruction

The course will trace key developments in anthropological research on phenomena of the “resource curse” in post-soviet Siberia and will be divided into three main parts. First, we will familiarise ourselves with some basic terms used in the course and overview official documents that are normally adhered to all over the world in social impact assessment practices. Second, we will look at the history of resource extraction in territories inhabited by the indigenous peoples of Siberia and discuss social and cultural consequences of industrial development in the region. Finally, we will go through various case studies of so-called “ethnological impact assessment” (in Russian: *etnologicheskaya ekspertiza*) conducted in Siberia, taking note of some major problems of interaction between the state, business companies and indigenous peoples, and analysing underlying theoretical approaches in each of the cases.

The course of 6 3-hour classes will consist of both lectures and seminars. The first half of the course will primarily include lectures, while the second one will be comprised of seminars. Throughout the course, sufficient time will be reserved for student presentations and discussions.

Learning objectives

On completion of the course, students will be able to:

1) compare main features of internationally recognised SIAs and examples of “*etnologicheskaya ekspertiza*” in Siberia,

2) demonstrate understanding of differences and similarities in ethnological impact assessment practices depending on the living conditions of IPs and types of extracted resources,

3) see and understand the reasons for the existence of a significantly more fragmented picture of interests than that of just three groups of stakeholders usually singled out in this type of analysis, namely, business, the state, and indigenous population,

4) analyse the phenomenon of “resource curse” not just from the “applied anthropology” or the anthropology of development point of view but in the frame of other (contemporary) theoretical approaches as well.

Assessment

Assessment will include a seminar paper and an exam. In order to pass the course, one needs to receive at least 60 points. A “*sehr gut*” grade requires at least 90 out of 100 points (a “*gut*” one at least 80 points, etc.).

An exam will count for 30% of the grade, and a short seminar paper – due by the end of the course – will count for 40%. Short oral presentations will make up 20% of the grade, and the remaining 10% will be determined by course participation.

Course syllabus (lectures)

Lecture 1. Relations between extractive companies, communities, and the state. An introduction

The introductory lecture provides an overview of academic research and current practice relating to dialogue between extractive companies, communities, and the state, both generally and in post-soviet Russia in particular. Applied anthropology, the anthropology of development, and certain aspects of it such as the “resource curse” or “the anthropology of oil” are the spheres of scientific and practical research that have been actively developing in the last 20 years. They cover the problems of existence of different socio-cultural and ethnic groups in situations of conflict over extraction of the resource rent – an income from production and sale of minerals – which characterises today’s economies in many countries of the world.

In Russia, this topic has been studied with regards to the situation that led to the fight for oil in Chechnya and in relation to the peaceful exploration of oil and gas reserves in Siberia for more than 60 years that laid the foundation for the welfare of the Russian state. Nevertheless, the use of the term “conflict” is quite acceptable and justified to describe the situation in Siberia. Throughout the history of northern resources development, intergroup interaction was accompanied by conflicts on various levels, and that has had most

dramatic implications for small Aboriginal groups whose lifestyle and culture have been transformed as a result. These conflicts were not strongly pronounced at the initial stage of development, having been veiled with the rhetoric of solidarity of the Soviet people with the development and enhancement of the common homeland's economic potential. However, it was during these early stages that the Aboriginal culture underwent revolutionary and – as history has shown – irreversible changes. The conflicts escalated and became explicit in the post-perestroika period when the redistribution of property and spheres of influence in oil production and resource rents were happening against the backdrop of a fall in living standards for ordinary people. That concerned Aboriginal indigenous peoples of the North and the “Russian” old-timers (the latter in fact being of varied ethnic origins and local cultures), as well as endemic descendants of the first settlers and builders in the North who had by that time long lived in these territories. By the beginning of the first decade of the 21st century, these conflicts seemed to have been muffled but they still had the potential of escalating during modern economic and financial crises. In world anthropology, these kinds of conflicts have been recently considered and approached from different angles ranging from traditional research on ethnic, linguistic and cultural conflicts and transformations to research on the “resource curse” as a special form of struggle for dominance which itself is becoming a separate culture whereby the ethnic and social boundaries of different groups are being changed.

The influence that such situations of domination and conflict have on the communities either existing or emerging in Siberia and the Far East of modern Russia is currently one of the most important and urgent social and humanitarian problems of practical importance that requires scientific understanding. One aspect of the problem not to be overlooked is sustainable development which has become one of the top lines of research in Russia and around the world.

Industrial development in areas inhabited by indigenous peoples is a common phenomenon in many territories adjacent to the Arctic. Often, the implementation of oil and gas projects causes conflicts between indigenous peoples and oil workers whose interests in land and resources inevitably overlap and whose views on the problem often do not match. The lecture will give a brief description of some models of interaction between industrial companies and indigenous peoples and discuss the most frequent causes of conflicts (as well as the ways to resolve them) through the example of several communities living on the lands of their ancestors in such countries as Canada, the United States, Norway, and Russia.

Also discussed in the lecture will be some fundamental ideas behind social impact assessment, the main steps in the development of applied anthropology, examples of so-called best practices, and major anthropological ap-

proaches to the analysis and resolution of conflicts over non-renewable resources in areas traditionally inhabited by indigenous ethnic groups.

Lecture 2. “Etnologicheskaya ekspertiza” in post-soviet Russia: history, fundamental features, and international context

The lecture presents the essence of the current interpretation of “etnologicheskaya ekspertiza” in Russia, as well as epistemological and practical problems associated with the interpretation of Russian “etnologicheskaya ekspertiza” projects. It discusses fundamental characteristics of the history of surveys within the framework of ethnography and applied anthropology and provides an overview of definitions, legal regulations, and practices of “etnologicheskaya ekspertiza” in Russia. Three major types of “etnologicheskaya ekspertiza” are differentiated: (1) complex modern research including ethnological impact assessment: legally binding ecological and historical-and-cultural surveys, (2) surveys initiated by citizens against the implementation of state designs, and (3) official investigations regulated by regional laws. All the three ways of conducting ethnological impact assessment will be briefly illustrated with examples from the past decades. We will come to a conclusion that nowadays there is no comprehensively elaborated or at least generally accepted academic concept of ethnological impact assessment in Russia. Methods used vary depending on the competencies of research groups. Modes of approaching and theorising on the topic that have been tested and are widespread in international scholarship are missing from or undefined in the research practice of Russian scholars.

Among these there is the methodology of business anthropology and the anthropology of corporations developed internationally which enables us not only to consider the relationship between extractive companies and indigenous peoples (local communities) in terms of assessing the influence of the former on the latter but to also see the reverse processes: natural (forced or voluntary) changes within corporations, on all levels of their structure.

This combination of traditional expert approach assessing the extractive industry’s impact on local indigenous communities and attempts to synchronously consider adaptive strategies of business corporations is undoubtedly valuable because it brings the researcher to the level of practically important conclusions about the most effective ways of mutual adaptation and further joint development of companies and the local population.

Such a methodology is characteristic of research offering the widest possible coverage of various issues of extractive companies’ social impact on local communities and provides a relevant social impact assessment, unlike the Russian research practice with its attempts to conduct ethnological or ethno-ecological impact assessment instead and its focus mainly on ethnic (ethno-social, ethno-cultural) aspects of interaction – hence “ethnological” impact assessment – as it is shown in the lecture.

Considerable attention is paid here to social anthropology in terms of evaluating the effectiveness of extractive companies' social responsibility policies and providing them with practical recommendations for general adjustments in such policies as well as for adjustments that would take into account specific circumstances of local communities. The experience of interaction between indigenous peoples and mining companies accumulated worldwide includes a number of cases where business corporations even superseded the state as a regulator of social processes. As a rule, this happens when the state does not demonstrate a high enough degree of centralisation with regard to solving local socio-economic development issues.

It is important not to forget about the practices of anthropology and indigenous research which make it necessary to ensure involvement of indigenous and local communities (place-based experts) in impact assessment, both at the stage of concluding agreements with corporations and when monitoring implementation thereof. The currently known Russian experience in carrying out "etnologicheskaya ekspertiza" basically comes down to the indigenous communities not participating in the research process directly but being just to some extent involved only at the stage of discussing the final results.

Finally, in all of the cases of community impact assessment we shall see the use of developed standards of impact assessment and scientific-and-technical justification for compensation measures and social-and-cultural rehabilitation of aboriginal groups in the event of their involuntary resettlement from the territories of traditional residence that have fallen into the category of intensive industrial development zones.

Following the overview of main features of research projects carried out in Russia, we shall also discuss some possible prospects for the future.

Lecture 3. Legally binding ecological and historical-and-cultural surveys in Siberia

Today, ethnological impact assessment (understood in almost all cases in accordance with the corresponding definition given in the Federal Law "On guarantees of rights..." of 1999) is carried out in one form or another in a number of regions of Russia. The lecture presents and discusses two of its variants.

The first one is ethnological impact assessment conducted within the framework of certain legislative ecological or historical-and-cultural expert works. Here, main examinations are done as state examinations, and the ethnological component serves as a basis for the development of certain recommendations that are or are not legally binding. Such was the examination of the Katun project in Altai in the late 1980s. This kind of impact assessment – with legally non-binding conclusions – is observed in the territory of the Yamal-Nenets Autonomous District (Golovnev et al., 2014). With certain reservations, within this "combined" type of ethnological impact as-

assessment also fall ethnological studies which are periodically conducted in the framework of historical-and-cultural assessment as a complement of, for example, archaeological works. Although, as follows from the published evidence, these ethnological reports are included in the final report as an independent volume, apparently they are not legally binding.

The second variant is public impact assessment. This type is exemplified by a number of examinations that have been done in the territory of the Yamal-Nenets Autonomous District and, in part, in the Kemerovo region.

The lecture presents and discusses these cases in detail.

Lecture 4. “Etnologicheskaya ekspertiza” in the Republic of Sakha (Yakutia): bureaucratic procedures and structural violence

Under the law of 2010, state ethnological impact assessment in the Republic of Sakha (Yakutia) is designed to protect the interests of indigenous peoples of the North (indigenous peoples) in conflict situations when “business entities” (primarily mining companies) claim the right to use the resources located in these peoples’ territories of traditional residence. Moreover, with regards to the procedure of such impact assessment, dialogue and partnership are expected to be established between industrial companies and communities of indigenous peoples. At the same time, “etnologicheskaya ekspertiza” is developed as a bureaucratic procedure, which means that it can be analysed in terms of projecting structural violence. According to David Graeber, in structural situations normative decisions – backed by the threat of anonymous state violence – are made based on limited and inadequate knowledge of the counterparty, in this case – knowledge about the indigenous people. In other words, if the conceptual foundations of D. Graeber’s theory of bureaucracy are correct, state ethnological impact assessment implemented as a bureaucratic procedure must be structurally inconsistent with the conditions needed for developing the dialogue and partnership between the parties. In the lecture we shall see whether these foundations are applicable to the analysis of ethnological impact assessment specifically in the Republic of Sakha but also in other contemporary cases of “etnologicheskaya ekspertiza” in Siberia more generally.

Lecture 5. Oil companies and indigenous peoples. On the rhetoric of development and anthropologists as cultural brokers: the case of Sakhalin

In one of his works the well-known anthropologist Adam Kuper wrote that scientists engaged in social research should reconsider or even abandon the uncritical use of the concept of “primitive society” and the mythology that accompanies this construct in favour of a comprehensive study of reality (Kuper 1998: 243–244). Be that as it may, the idea of the existence of a “primitive society” – which has long existed and is understandable – continues to be popular not only among some national leaders but also among state

power representatives – the fact that is particularly well reflected in the programmes of indigenous peoples' economic development.

The lecture will be based on the analysis of the “Assistance Plan” on the island of Sakhalin as it is a good example of such an approach and generally because it reproduces the ideas laid out in both state and regional programmes, as well as in World Bank directives, and in speeches and publications of representatives of the national intelligentsia, including many experts and scientists. In 2010, preparations for the implementation of the second “Assistance Plan” began. We will see that this plan, being “European” in terms of its form, remains “soviet” in terms of its contents, in fact playing in the life of the indigenous peoples of Sakhalin that same role of the patron that was the prerogative of the state in soviet times. “Sustainable development” began to be understood as another stage of evolution or a social formation that the indigenous peoples have yet to reach.

Contrary to this logic it turns out that at the moment the traditional economy and even the indigenous peoples themselves are developing somehow differently, unsteadily and incorrectly or are not developing at all. Such a view suggests that the “Europeans” either have already achieved this stage or have the knowledge of how to do that. Indigenous peoples, following the “European” example, should first go through the stage of capitalism, and as a result oil company's experts and authors of state economic development programmes pay so much attention to the integration of indigenous peoples into the system of market relations and their adaptation to modern (European) society. Thus, for them indigenous peoples are “the Other” that is different from their own society and is located on a different level of development. Consequently, the “manipulation of fantasy” as to the existence of the “primitive society” that Kuper wrote about successfully continues to be the case in post-soviet discourse and to influence policy towards indigenous peoples implemented by both state authorities and business.

Lecture 6. Shamanic and mining practices of dealing with the world(s) of spirits: the case of South Siberia

Spiritual / shamanic worlds as perceived by the Turkic-speaking groups in South Siberia consist of up to five worlds with a very detailed picture available of only one of these worlds – the lower one. In ritual texts and people's explanations this world is shown as the land of the deceased, even though some “practices” are known whereby a living person can enter the underworld / mountain world and eventually bring something valuable back. This “gift” is not particularly valued because his or her contemporaries would normally be dead by the time he / she returns to the middle world. One of the shaman's tasks was to search for a lost soul (a lost person) in the hope to regulate the temporarily broken social order.

Mining practices in soviet and post-soviet times reveal different approaches to subsurface treasures. Official ideologies and superstitions of mineworkers, among whom there often were representatives of local indigenous groups as well, varied significantly. The pressure of mining industries that has changed practically all social, cultural and ecological landscapes of indigenous societies has brought about a shamanic revival as a last means of resistance.

Drawing on our own field data and contemporary theoretical frames (such as indigenous perspectivism by E. Viveiros de Castro), we will identify major differences and similarities in dealing with the world(s) of spirits in shamanic cosmologies and in perceptions and practices of actors from mining companies thereby showing how different cultural interpretations are used, forgotten or invented in order to either defend the ancestral land or derive at least some benefit (or maybe even super profit) from losing it, and how these strategies interact in the apparently unequal social conditions which the main stakeholders find themselves in today.

Literature for the course

Handbooks/manuals on SIA

- Goldman, Laurence R. (ed.) *Social Impact Assessment. An applied anthropology manual.* Berg, Oxford, New York, 2000.
- Vanclay, F., Esteves, A.M., Aucamp, I. & Franks, D. 2015 *Social Impact Assessment: Guidance for assessing and managing the social impacts of projects.* Fargo ND: International Association for Impact Assessment, vii+98 pages,
http://www.iaia.org/uploads/pdf/SIA_Guidance_Document_IAIA.pdf

General and case specific monographs

- Åshild Kolås and Yuanyuan Xie (eds.). *Reclaiming the Forest. The Ewenki Reindeer Herders of Aoluguya.* New York, Oxford: Berghahn, 2015.
- Behrends Andrea, Reyna Stephen P., and Günther Schlee (eds.) *Crude Domination. An Anthropology of Oil.* Berghahn Books, New York, Oxford, 2011.
- Bovensiepen J.M. *The Land of Gold: Post-Conflict Recovery and Cultural Revival in Independent Timor-Leste.* Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015.
- Funk D.A. (ed.) *Kultura i resursy. Opyt etnologicheskogo obsledovaniia sovremennogo polozeniia narodov Severa Sakhalina [Culture and Resources. The Results of an Ethnological Survey of Contemporary Situation of the Peoples of the North of Sakhalin.]* Moscow, “Demos” Printing House” Ltd., 2015. (in co-authorship with N. Mamontova, K. Shakhovtsov, A. Terekhina, and A. Skibina).
- Golovnev A. & S. Lezova & I. Abramov & S. Belorussova & N. Babenkova. *Etnoekspertiza na lamale: Nenetskie kochev'ia i gazovye mestorozhdeniia. [Ethnological impact assessment on the Yamal Peninsula: Nenets pastures and gas fields]* Ekaterinburg: Izdatel'stvo AMB, 2014.
- Rogers Douglas. *The Depths of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism.* Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015.
- Welker, Marina. *Enacting the Corporation: An American Mining Firm in Post-Authoritarian Indonesia.* Berkeley - Los-Angeles - London: University of California Press, 2014.
- Wiget A., Balalaeva O. *Khanty, People of the Taiga: Surviving the Twentieth Century.* Fairbanks: University of Alaska Press, 2010.

Journals' special issues

- Sibirica. Special Issue on the Oil and Gas Industry Local Communities and the State. E. Wilson and F. Stammeler (edc.). 2006. Vol 5. Issue 2.
- Нефт', ekologiya, kul'tura / Pod red. A.A. Sirinoy, A.A. Yarlykapova, D.A. Funka [*Oil, environment, and culture / Edited by A.A. Sirina, A.A. Yarlykapov, and D.A. Funk*] // Etnograficheskoe obozrenie. 2008. No.3. S. 3–108.

Additional papers and reviews

- Funk, Dmitri. „Néprajzi szakértés” a posztszovjet Oroszországban // *Ethnographia*, 2016, T.127, sz.3: 345–368.
- Funk D. Northern Cultures under the Pressure of Industrial Development // *Folklore*, 2015, Vol.62/3, pp. 274–277.
- Funk, D. In Search of a “Roster of 26 Smaller Peoples of the North” of Russia // Vargyas G. (ed.) *Passageways. From Hungarian Ethnography to European Ethnology and Sociocultural Anthropology*. Budapest, 2009, p. 315–329.
- Funk D., Artsemovich S. Indigenous Groups and Industrial Development in the Arctic // *Folklore*. 2016. No. 04, Vol. 66, P. 201–204.
- Funk D. Where Do Spirits Re-Settle? Extractive Industries and New Spiritual Landscapes in South Siberia // Paper presented at Symposium “Changing Epistemologies and Life”, Uppsala, October 7, 2016. Video available at <http://www.antro.uu.se/beach-symposium/>
- Funk D.A., Ze'anko A.P. Nivkh // *Awakening Siberia. From Marginalization to Self-Determination: The Small Indigenous Nations of Northern Russia on the Eve of the Millenium*. L. Sillanpää (Ed.). *Acta Politica* № 33. Helsinki, 2008.
- Miskova E. (2016) Review of: *Hunters and oil workers. Research on legal anthropology*, by Natalia Novikova, Moscow, Moscow Science, 2014, 407 pp., USD \$32.00 (paperback), ISBN 9785020390898, Asian Ethnicity, DOI: 10.1080/14631369.2016.1143615
- Stammeler F., Forbes B. Oil and gas development in Western Siberia and Timan-Pechora // *Indigenous Affairs*. 2006. № 2–3. P. 48–57.

Acknowledgements. The course is developed under the RSCF project No. 15-18-00112. I would like to express my gratitude to Peter Schweitzer for his invitation to deliver the course in the framework of Non-EU Teaching Mobility Programme at the Institute for Cultural and Social Anthropology, University of Vienna, as well as to all my MA students who actively attended the course in the summer semester of 2018.

Статья поступила в редакцию журнала 30 апреля 2018 г.

УДК 39, 334.02, 304, 351
DOI: 10.17223/2312461X/20/6

ДИАЛОГ И БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ: ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ) РФ

Александр Сергеевич Басов

Аннотация. Государственная этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) призвана защищать интересы коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в конфликтных ситуациях, когда «хозяйствующие субъекты» (прежде всего добывающие компании) претендуют на использование ресурсов, находящихся на территориях традиционного проживания этих народов. С процедурой этнологической экспертизы также связывают ожидание установления диалога и партнерских отношений между промышленными компаниями и сообществами КМНС. При этом этнологическая экспертиза разворачивается как бюрократическая процедура. По Д. Греберу, бюрократические процедуры характеризуются структурным насилием, т.е. создают такие ситуации, в которых нормативные решения принимаются в условиях суженного, неадекватного знания о контрагенте, в данном случае – о КМНС. Другими словами, если концептуальные основания теории бюрократии Д. Гребера верны, государственная этнологическая экспертиза, реализуемая как бюрократическая процедура, должна структурно противоречить условиям, необходимым для организации диалога и установления партнерских отношений.

Ключевые слова: этнологическая экспертиза, КМНС, структурное насилие, работа воображения, бюрократия

Введение

В данной статье я представлю некоторые этнографические данные, касающиеся практики государственной этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия)¹, основываясь на которых предложу аргумент о структурной непригодности существующей процедуры экспертизы для оправдания связанных с ней ожиданий о налаживании диалога и партнерских отношений между локальными группами КМНС и промышленными компаниями. Статья построена следующим образом: вначале представлены концептуальные основания моего рассуждения и обоснована их применимость к процедуре этнологической экспертизы, охарактеризованы источники, на которые опирается проведенное исследование; затем даны общие сведения об этапах этнологической экспертизы и вовлеченных в неё участниках. Этапы экспертизы последовательно разбираются с точки зрения условий возможности

диалога; в заключении обобщены факторы, препятствующие возможности диалога в рамках процедуры ЭЭ.

Идея исследования, представленного в статье, тесно связана с рассуждением о бюрократии, предложенным Д. Гребером в работе «Утопия правил» (Graeber 2015; рус. пер. Гребер 2016). Гребер различает два базовых модуля человеческого общения, связанного с координацией каких-либо действий и принятием решений: без вмешательства насилия (собственно диалог) и с таковым (иерархическое общение). В первом модуле участникам взаимодействия приходится выполнять так называемую «работу воображения» (*interpretive labor*) по отношению друг к другу: когда участник А хочет наладить взаимодействие с участником Б, ему необходимо представлять себе, каково это – быть на месте Б, понимать, о чем Б беспокоится, на что он надеется, чего желает добиться и т.п. Если А не сможет заинтересовать Б в кооперации, она не состоится – ничто, кроме собственного желания, не толкает Б к взаимодействию с А.

Насилие преобразует ситуацию: если А силой может заставить Б выполнить желательную последовательность действий, то желания самого Б уже не имеют для него существенного значения, работу воображения можно отбросить. Это распространяется и на ситуации, которые хотя и не связаны с непосредственным использованием насилия, но подразумевают возможность его применения (ситуации структурного насилия²): например, Б заранее знает, что А готов применить силу и, выполняя дополнительную работу воображения, ведет себя так, чтобы не спровоцировать А. Структурное насилие создает искаженные структуры воображения (*lopsided structures of imagination*), поскольку способный применить насилие участник может экономить усилия на воображении и иметь очень упрощенное, схематичное представление о своем контрагенте.

Более сложным примером ситуации структурного насилия будет такое взаимодействие между А и Б, когда оба они знают о существовании В, который имеет право и возможность применять насилие и при этом устанавливает правила взаимодействия между А и Б. На уровне абстрактного рассуждения, по-видимому, следует принять, что участники будут прикладывать усилия, чтобы понять волю В, выраженную в правилах; при этом сами правила как таковые по определению являются условными и схематичными не только потому, что у В, согласно условиям рассуждения, нет необходимости выполнять работу воображения по отношению к А и Б и их взаимодействиям, но ещё и потому, что иначе они не могли бы быть приложены ко множеству различных ситуаций, т.е. быть собственно правилами. При этом А и Б имеют повод экономить на воображении друг друга, поскольку эта работа уже выполнена правилами, в согласии с которыми они обязаны действовать.

Впрочем, на это можно возразить, что ничто не мешает В составить действительно хорошие правила, которые бы подталкивали А и Б к взаимной работе воображения или даже обязывали к ней того из них, кто в силу каких-то причин уклоняется.

Последняя схема является модельной для бюрократических процедур, т.е. таких, в которых государство предлагает правила взаимодействия между участниками и поддерживает исполнение этих правил, опираясь на своё монопольное право на использование насилия. Процедура государственной этнологической экспертизы (далее по тексту также ЭЭ), как она действует в республике Саха (Якутия), конечно, в полной мере является бюрократической процедурой в указанном смысле. В неё вовлечены, с одной стороны, локальные группы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС), ведущие традиционный образ жизни; с другой стороны, «хозяйствующие субъекты», намеренные реализовать ту или иную хозяйственную деятельность на территориях традиционного проживания КМНС Якутии; с третьей стороны, государство, принявшее ряд нормативно-правовых актов, регулирующих взаимодействие между локальными группами КМНС и хозяйствующими субъектами и обладающих принудительной силой: лица и организации, не подчиняющиеся предложенным правилам, привлекаются к ответственности.

Однако как в публичном, так и в академическом дискурсах от этнологической экспертизы ожидается установление диалога между хозяйствующими компаниями и КМНС, ЭЭ воспринимается как площадка, где последние могут выразить свое мнение, которое обычно не учитывается компаниями, гораздо более могущественными игроками во всех отношениях³ (ср.: Слепцов 2015, Новикова 2017).

Таким образом, бюрократическая процедура ЭЭ воплощает проговариваемую различными акторами надежду на создание условий для возможности диалога, партнерских отношений между компаниями и коренными народами и полноценного участия последних в принятии касающихся их управленческих решений. Далее на материале полевого исследования будут рассмотрены возможности и ограничения функционирующей в настоящее время в РС(Я) процедуры ЭЭ относительно её способности производить указанные условия.

Характеристика источников

Для исследования, результаты которого описываются в статье, материалы собирались в г. Якутске (июнь–июль 2016 г.), а также в г. Москве (сентябрь 2016 г., март 2017 г.) с использованием включенного наблюдения (заседание экспертной комиссии), а также полуструктурированных и неструктурированных интервью с членами экс-

пертной комиссии этнологической экспертизы, экспертами, исполнителями раздела проектной документации «Оценка воздействия на этнологическую среду» (далее также ОВЭС), главой муниципального образования, главным инженером компании-заказчика одной из экспертиз, автором закона об этнологической экспертизе. Помимо диктофонных записей, расшифровок, полевого дневника в состав полевых материалов также входят любезно предоставленные собеседниками в ходе полевого исследования документы, сопровождающие процедуру этнологической экспертизы: заключение экспертной группы на материалы ОВЭС; протокол заседания экспертной комиссии; отдельные разделы готовящегося ОВЭС; открытая документация по закупке, техническое задание, коммерческое предложение, а также договор на реализацию ОВЭС.

Литература, посвященная тем или иным аспектам проведения ЭЭ в РС(Я), также входит в состав источников исследования, поскольку авторы интересующих меня академических статей зачастую являются также акторами, участвующими с той или иной стороны в проведении экспертизы. Так, ряд статей написан либо экспертами этнологической экспертизы (Слепцов 2012, 2013, 2015; Слепцов, Гоголев 2016; Величенко 2016; Пахомов, Мостахова 2016; Пахомов, Чомчоев 2017), либо исполнителями ОВЭС (Баишева 2014, 2016; Сосин 2015; Романова, Алексеева 2015-б; Потравный, Баглаева 2015; Потравный и др. 2016; Гассий и др. 2016). Также часть статей написана экспертами, которые иногда выступают в качестве исполнителей ОВЭС (Бурцева и др. 2012; Бурцева 2015; Шадрин 2013, 2014, 2015).

Кроме материалов, собранных в процессе полевого исследования, и упомянутой академической литературы, источниками для работы послужили также нормативно-правовые акты, регулирующие проведение этнологической экспертизы (законы, постановления, административные регламенты), материалы парламентских слушаний (как федеральных, так и региональных), отчеты глав муниципальных образований.

Этнологическая экспертиза и ее этапы

Этнологическая экспертиза является государственной услугой, которую предоставляет уполномоченный орган Правительства Республики Саха (Якутия). В нормативно-правовых актах этнологическая экспертиза определяется как «научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» (О гарантиях, ст. 1). Результатом проведения экспертизы является заключение, которое утверждается Правительством РС(Я); оно должно содержать «обоснованные выводы о допустимости (недопустимости) воздействия на исконную среду

обитания и традиционный образ жизни малочисленных народов намечаемой хозяйственной и иной деятельности и о возможности ее реализации» (Об этнологической экспертизе, ст. 8) и может быть, соответственно, положительным или отрицательным. В отсутствие положительного заключения реализация хозяйственной и иной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов не является легальной.

При реализации этнологической экспертизы события разворачиваются в такой последовательности. Юридическое лицо, предполагающее какую-либо деятельность на территории, являющейся местом традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, готовит пакет документов, в который входит пояснительная записка по реализации задуманной деятельности и проектная документация.

Обязательным в проектной документации является раздел «Влияние изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» (в интервью, собранных мной во время полевого исследования, данный раздел проектной документации фигурировал под названием «Оценка воздействия на этнологическую среду», ОВЭС; эти названия употребляются в статье как синонимичные), содержание которого регламентировано. Указанный раздел должен давать основные сведения о проекте намечаемой деятельности и об альтернативных вариантах его реализации; характеризовать состояние малочисленных народов, состояние видов традиционной хозяйственной деятельности, состояние соответствующих последней земель и необходимых ресурсов, а также фиксировать значимые объекты историко-культурного наследия, поселения, значимые постройки и стоянки; давать оценку размера причиненных убытков; давать рекомендации и предложения по минимизации ущерба и обеспечению устойчивого развития затронутых освоением мест проживания КМНС (Административный регламент... ст. 25.2). Оценка размера убытков, причиненных малочисленным народам и их объединениям в результате нанесения ущерба их исконной среде обитания, осуществляется в соответствии с «Методикой исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» (далее – Методика), утвержденной приказом Министерства регионального развития Российской Федерации от 09.12.2009 N 565 (О порядке организации... раздел II, ст. 5). В обычном случае (т.е. во всех проведенных до сих пор экспертизах) для подготов-

ки ОВЭС в качестве подрядчика нанимается отдельный исполнитель, способный выполнить удовлетворяющее названным требованиям исследование.

Подготовленный пакет документов передается в уполномоченный орган по проведению этнологической экспертизы. Экспертная комиссия в каждом отдельном случае проведения экспертизы формирует и утверждает состав экспертной группы (не менее трёх экспертов), которая будет проводить экспертизу поданной заказчиком документации. Таким образом, полевые исследования проводят исполнители ОВЭС. Сама процедура этнологической экспертизы не предполагает проведения экспертами полевых или вообще каких-либо научных исследований. Задача экспертной группы состоит в том, чтобы оценить соответствие полученных на экспертизу документов требованиям законодательства, а также оценить адекватность приведенных в документации заказчика исчислений размеров компенсации убытков и разработанных им предложений и рекомендаций, направленных на социально-экономическое и культурное развитие малочисленных народов, защиту их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов (Об этнологической экспертизе, ст. 3). Экспертная группа готовит заключение по документации заказчика, при необходимости обращаясь к заказчику за дополнительной информацией. Заключение должно содержать рекомендацию экспертной комиссии принять положительное или отрицательное решение.

Затем на заседании экспертной комиссии, состав которой утверждается Правительством РС(Я), при участии представителей заказчика и непосредственных представителей КМНС соответствующего района (без права голоса) рассматривается заключение экспертной группы. Квалификационным большинством состава комиссии принимается положительное или отрицательное итоговое заключение. Принятое заключение утверждается распоряжением Правительства РС(Я), после чего приобретает силу нормативно-правового акта и обязательно к исполнению. В случае положительного заключения реализация заказчиком хозяйственной или иной деятельности должна сопровождаться этнологическим мониторингом⁴.

Всего на момент написания статьи мне известно о проведении 8 этнологических экспертиз. Все проекты получили положительные заключения⁵. Далее будут рассмотрены отдельные этапы экспертизы с точки зрения тех обстоятельств её проведения, которые создают условия или барьеры для диалога, т.е. для того, чтобы прежде всего компания выполняла работу воображения по отношению к группам КМНС, с которыми сталкивается, а последние имели возможность полноценно представлять свои интересы и быть услышанными, т.е. полноценно участвовать в принятии касающихся их управленческих решений.

Подготовка и выполнение ОВЭС

Разработка технического задания для выполнения ОВЭС

Во всех состоявшихся экспертизах написание ОВЭС поручалось внешним относительно компании специалистам. Это действие сопровождается составлением технического задания и договора об оказании услуг. При этом исполнитель обязан следовать пунктам ТЗ, иначе его работа не будет принята и оплачена – таковы условия функционирования деловой, корпоративной бюрократии.

Из числа имеющихся в моем распоряжении документов я опишу наиболее подробно составленное техническое задание. Согласно данному ТЗ работа должна была состоять из четырех разделов: 1. «Оценка традиционного природопользования территории». 2. «Этнокультурная, социально-экономическая и медико-демографическая характеристика территории». 3. «Воздействие на объекты археологического наследия». 4. «Воздействие... (*проекта*)... на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера и мероприятия по минимизации такого воздействия». К каждому разделу даны более или менее подробные комментарии, поясняющие, каким должно быть его содержание или на что необходимо обратить особое внимание.

Так, во втором разделе, помимо стандартных статистических данных о численности и размещении коренных малочисленных народов, социальной структуре, занятости и образовании населения, медицинском обслуживании и уровне заболеваемости, уровне и качестве жизни населения, согласно ТЗ должны быть также приведены специфические «этнические» данные: «...показатели этнологического мониторинга (языковая ситуация, структура питания (доля этнической пищи)), функционирование родного языка (наличие литературы, СМИ, географических и административных названий на этнических языках, использование этнической символики в городской среде, в оформлении административных зданий). Показатели функционирования этнической культуры (наличие этнокультурных центров, музеев, фольклорных ансамблей, сувенирных мастерских, обеспечение права на традиционные промыслы и фольклор)» (ПМА 2016: ТЗ).

На выполнение всей работы отводится три с половиной месяца: один месяц – на полевую часть, два с половиной – на обработку данных и написание отчета (ПМА 2016: ТЗ). Указанные требования к разделам свидетельствуют о вполне серьезном подходе авторов ТЗ, о стремлении учесть различные нюансы и в целом – о благонамеренности и добропорядочности составителей. В этом же ключе любопытно следующее дополнительное условие к исполнителю: «Участие в общественных об-

суждениях с населением... (*населенного пункта*)... и общественности проекта ОВЭС (выезд в командировку)» – по-видимому, не частая практика (см. далее обсуждение заседания экспертной комиссии). Важно отметить, что рамках всего ТЗ общественные слушания ближе всего подходят к тому, что можно было бы назвать диалогом, все остальные требования к содержанию работ и способам их проведения скорее воспроизводят способ отношения к исследуемым группам как к объектам исследования, о которых необходимо получить достоверную объективную информацию, отражающую «реальное» положение дел. Особенно характерны в этом ключе следующие условия, которые ставились к ходу работ:

«Совместно с Комитетом по земельным и имущественным отношениям... (*района*)... получить правоустанавливающие документы, в том числе координаты и площади территорий отведенных для КРО [кочевые родовые общины. – *А.Б.*]. ...Запросить в пунктах заготовительных контор (ГУП ФАКП «...» и др.) официальные сведения о цене на прием продукции традиционного промысла за последние 2–3 года. ...В КРО получить официальные сведения о количестве продукции традиционного промысла, потребляемой на собственные нужды ее членов» (ПМА 2016: ТЗ).

Характерен акцент на необходимости получения документированных, подтвержденных, официальных сведений⁶. Более того, одно из требований к исполнителям в доступной мне конкурсной документации (во всех отношениях тщательно и внимательно написанной), а именно: «положительный опыт прохождения этнологической экспертизы проектной документации, разработанной Исполнителем», по-видимому, является более вежливой и аккуратной формой требования получить положительное заключение как таковое (работа считается выполненной, когда получено положительное заключение), о котором в качестве анекдотичного случая рассказывают исследователи (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС), и в этом качестве указывает на то, что задача компании при прохождении экспертизы состоит скорее в том, чтобы получить положительное заключение, нежели в том, чтобы оценить риски реализации хозяйственной деятельности с точки зрения групп КМНС.

Проведение исследований и написание отчета ОВЭС

Так или иначе, ситуация ОВЭС внутри экспертизы, по-видимому, является ситуацией наиболее полного участия КМНС в процедуре – на всех других этапах экспертизы участие непосредственных представителей локальных групп КМНС, как указывалось выше, никак не оговорено и не предполагается. Рассмотрим теперь, как проходит процесс полевого исследования, как «исполнитель» реализует заказанное ТЗ.

Исследователи, проводившие ОВЭС, иногда публикуют некоторые полученные результаты. Ниже я рассмотрю статью, в которой довольно подробно описывается ход исследования (Гассий и др. 2016).

Авторы сообщают, что исследование организовано следующим образом. На первом этапе проводился общий сбор информации, проходили встречи экспертов с представителями профильных министерств и ведомств РС(Я) (Министерства охраны природы, Государственного комитета по делам Арктики, Министерства сельского хозяйства и продовольственной политики, Департамента по делам народов Республики, Министерства здравоохранения, Департамента охотничьего хозяйства, ОАО «Сахагинрозем»). На втором этапе проводились полевые работы с выездом на объекты, социологические опросы населения, встречи экспертной группы с жителями национальных наслегов. На третьем этапе производилась оценка возможных убытков, а также разрабатывались механизмы компенсации потерь и устойчивого развития территории.

Наиболее вовлекающим КМНС, очевидно, является второй этап. Социологические исследования были сосредоточены на фиксации отношения местных жителей к деятельности добывающей компании (Гассий и др. 2016, 93–94). Результаты исследования представлены следующим образом. Было опрошено 167 человек, из которых 48% имеют отношение к традиционным промыслам. Опрос содержал вопросы о приоритетных социально-экономических проблемах (варианты ответа: отсутствие рабочих мест; низкий доход населения; отсутствие дорог; отсутствие перспектив у молодежи), экологических проблемах (сокращение количества объектов традиционного промысла; обеспечение качественной питьевой водой; отсутствие системы сбора и переработки мусора; изменение климата), способах получения компенсации (подписание соглашения о трехстороннем партнерстве (недропользователь, органы государственного управления и коренные жители); создание компанией фонда для компенсации убытков; соглашение о партнерстве и компенсационные платежи), формах компенсации (единовременная денежная выплата; ежегодная денежная выплата в течение хозяйственной деятельности на лицензионном участке; благоустройство территории поселка; создание и содержание объектов сельскохозяйственного назначения – оленеводческих, рыбоперерабатывающих и др.; участие компании в комплексном развитии территории), возможных адресатах компенсации (каждому жителю, коренным общинам поселка, улусу в целом, всем перечисленным). Ответы по каждому вопросу представлены в процентном отношении. На основе полученных ответов сформированы рекомендации по возможности ведения добывающей деятельности и по способам и формам компенсации наносимого ущерба, приведенные в конце статьи.

К сожалению, в статье не охарактеризованы способы проведения опроса и составления выборки (чего можно было бы ожидать, если авторы стремились к репрезентативности, на что указывает количественное представление результатов), а также не приведены разъяснения, касающиеся того, почему одни варианты ответа были более популярны, нежели другие. Также остается открытым вопрос о том, как были сформированы именно такие варианты ответа, предшествовало ли данному опросу какое-либо пилотное качественное исследование. Таким образом, оценить, насколько корректно проведенное авторами исследование представляет позицию групп КМНС, кажется затруднительным. В данном случае я бы хотел акцентировать внимание не на том, были ли у авторов какие-либо методологические основания при подготовке опроса (я предполагаю, что были), а на том, что авторам не кажется важным объяснять эти моменты, как если бы никто и не ожидал этого от статьи о результатах проведенной ОВЭС. Кроме того, из описания исследования кажется очевидным, что никакие представители КМНС не были вовлечены в исследование ни в какой иной роли, кроме как в роли объектов исследования.

К описанному ходу полевого исследования добавлю несколько деталей, почерпнутых из интервью с различными исполнителями ОВЭС. В рамках одного из исследований рабочая группа исполнителей действовала следующим образом. Была разработана анкета, сделана выборка по категориям, в которую попало 148 респондентов (общее население – около 700 человек), исследование проводилось в течение 10 дней. Обычную срочность подобной работы и связанные с ней издержки прекрасно охарактеризовал один из собеседников: «Тут еще, Вы поймите, это всегда форсмажор. Поэтому немножко сыровата анкета оказалась» (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС).

После анкетирования было проведено интервьюирование выбранных респондентов (около 50 интервью). Вопросы касались отношения к проекту, ожиданий/пожеланий, связанных с промышленной деятельностью и предполагаемыми компенсациями:

АБ: Как Вы строили интервью, какие темы?

Исполнитель ОВЭС (Исп): Спрашивали их отношение к проекту. Потом надо было на карте фиксировать священные места, где захоронения, старые стоянки. И еще: что бы они хотели от этого проекта. Главное – чтобы трудоустроили. Второе – чтобы была компенсация для оленеводов. Третье – чтобы в год хотя бы одного-двух выпускников, чтобы им оплачивали учебу на горных специальностях. И еще про онкологические заболевания (речь идет об обеспокоенности местных жителей ростом количества онкологических заболеваний, который они связывают с деятельностью промышленного предприятия. – А.Б.).

АБ: А про отношение к... (компании)... что говорят?

Исп: В прошлом году отношение было нормальное. Большинство говорили, что проект нужен, чтобы поселок развивался. Ждали дорог, трудоустройства, что наши будут учиться. А потом весной – вот поняла, что отношение совсем изменилось, потому что обещания не сдержали. Люди разочаровались (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС).

Показательным является набор ожиданий – стандартный, который соответствует стандартному, по-видимому, содержанию трехстороннего соглашения о сотрудничестве в области социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера: «принять на работу, научить-обучить, помочь при финансировании объектов» (ПМА 2016: представитель компании).

Любопытный комментарий, также касающийся ожиданий от этнологической экспертизы, был получен от другого исполнителя ОВЭС:

«Сейчас общины начали получать деньги – и бросаются в другую крайность, стараются только деньги получить, а все остальное не интересуется. А ведь этнологическая экспертиза о другом – не столько о выплатах, сколько о рассмотрении альтернатив, минимизации ущерба, только потом о компенсациях... Пример из работы по... (проекту)... Мнение населения, какие меры предприятие может оказать для компенсации и вообще: оплатить учебу детям, заплатить за изъятие земли, дать рабочие места, дорогу содержать. Я им говорю: ну, все это только поможет добить ваш образ жизни – дети уедут, люди станут работать на предприятии. А суть мероприятий – восполнить ущерб оленеводству. Чтобы оно дальше жило» (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС).

Любопытной в данном случае является не только точка зрения исследователя, но и его взаимодействие с исследуемым населением. Это взаимодействие, очевидно, не ограничивается исследованием и фиксацией того, что «на самом деле» думают и чего ожидают общины, а переходит скорее к производству этого «на самом деле». Исследователь включается в процесс производства ожиданий и понимания жителями собственного положения и собственных интересов. При этом его точка зрения является «одной из», она может быть оспорена, отвергнута или принята. В рамках работы над конкретным разделом ОВЭС, касающимся рекомендаций, исследователь вступает в диалог с членами исследуемого сообщества. Можно было бы сказать, что такого рода диалоги – одно из достоинств процедуры ЭЭ, которая своим существованием дает им повод случиться, дает повод представителям компании (можно считать, что исполнитель ОВЭС является в момент выполнения ТЗ частью компании) вступить в диалог с членами сообществ КМНС. С другой стороны, если кто-то пожелает не согласиться с тем, что данный диалог действительно является устойчиво воспроизводимым равноправным диалогом между КМНС и компанией, а скорее обусловлен личной позицией конкретного исследователя и не имеет непосред-

ственного или очевидного отношения ни к требованиям компании относительно ОВЭС, ни к тому, как в итоге будет выстроено дальнейшее взаимодействие компании и конкретного сообщества, – в таком случае сложно сказать, как можно было бы возразить. В самом деле, о других подобных диалогах мне в ходе полевого исследования слышать не доводилось.

Проведение общественных слушаний с обсуждением результатов ОВЭС

Как упоминалось в описанном выше ТЗ на ОВЭС, прежде чем отчет будет подан на этнологическую экспертизу, компания может обсудить его на общественных слушаниях. При проведении последних за месяц до слушаний сообществу должен быть открыт доступ к материалам, по которым готовятся вопросы и предложения, затем приезжает заказчик, приходят жители, регистрируются, вносят предложения и замечания, которые фиксируются в соответствующем журнале, а завершается всё голосованием по вопросам повестки.

При этом существуют определенные нюансы: «Постоянно объясняем, какой должен быть регламент. Что вопросы или замечания должны быть зафиксированы. Надо с паспортом приходить. Подпись поставить в явочном листе. За всем этим надо следить. Потому что если не следить – мнение могут не засчитать. В журнале надо писать свои соображения. Не просто “я против”, а аргументировать... Еще надо читать документацию. Все тома. Уметь это делать. У каждой общины есть какой-то выход на ученых – или выходцы, или через нас. Надо проявлять активность» (ПМА 2016: представитель ассоциации КМНС в РС(Я)). Другими словами, участие в общественных слушаниях в режиме привычного для жителей повседневного общения не является достаточным. Чтобы оказать какое-либо воздействие на дальнейшие управленческие решения, поведение жителей должно соответствовать определенной бюрократической культуре.

С другой же стороны, само по себе проведение общественных слушаний, независимо от того, какое влияние они оказывают (или не оказывают) на дальнейшие события, нельзя считать фактом диалога. В качестве иллюстрации я приведу фрагмент из рассказа о проведении конкретных общественных слушаний, на которых в том числе был представлен раздел отчета ОВЭС.

Исп: Открыл слушания местный гендиректор... (*имя*)... и дал слово московскому представителю. Тот стал рассказывать про всякое, но население прервало, спросило конкретно: как будут взаимодействовать с местным населением? Например, вот пообещали трудоустроить молодых, а до сих пор еще не трудоустроили. Из-за этого администрация очень враждебно была настроена на третьих слушаниях...

Второй момент: ...(*компания*)... улусу каждый год выделяет какие-то деньги – какая сумма доходит до самого наслега? Не смогли ответить тоже. И глава улуса не ответил.

Третий момент: на месте разработки находится территория 5 стада. Что будете с этим делать? ...(*компания*)... говорит, что там пастбища нет – они отправляли вопрос в ГУП (...), им ответили, что там нет ничего. Народ возмутился, была тоже конфликтная ситуация...

Четвертый вопрос – возмущение о шоферах, которые прямо посреди поселка проезжают очень громко и мусорят. Попросили сделать дорогу в объезд поселка.

Пятый вопрос – в качестве компенсации могут ли помочь в финансировании строительства спорткомплекса. Пообещали поставить окна, двери, батареи...

АБ: Кто составлял повестку заседания?

Исп: ...(*компания*)... Предварительно встретились, составили план, согласовали его с главой администрации наслега. На основе этого проекта пошли слушания...

АБ: За что голосовали?

Исп: Принять повестку дня. Разрешить деятельность... (*компания*)... Население сказали, что при условии учета требований. Проголосовали «да»...

По экспертизе я выступила. Вкратце сказала, что мы провели этно-экспертизу, и в своем отчете какие, как мы считаем, меры могут быть предприняты, как... (*компания*)... может компенсировать. И какая ситуация может быть впредь, какие угрозы.

АБ: Как люди реагировали?

Исп: Они согласились, что я все сказала про риски и компенсации... (*компания*)... молчала, а в конце моего выступления гендиректор мне сказал, что у него возникли вопросы по компенсации. Сказал, что потом меня пригласит. Но больше никакой связи с ним не было (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС).

В приведенном фрагменте следует отметить, во-первых, темы, которые беспокоят жителей в связи с деятельностью компании – уже перечислявшийся выше стандартный набор мер и проблем с которым привычно работать компании и который привычно проговаривать сообществу; во-вторых, фокус слушаний – основной вопрос касался того, разрешить или нет деятельность компании, отчет по ОВЭС был лишь одной из побочных тем; в-третьих, большое количество лакун в общении сторон («не смогли ответить»; «говорят, что там пастбища нет ...народ возмутился»; вопросы по компенсации у гендиректора, «больше никакой связи с ним не было»). Общественные слушания – разовое (впрочем, в некоторых случаях проводятся несколько раз) событие. Чтобы оно могло быть событием диалога, этому должна предшествовать, оче-

видно, некоторая история диалоговых отношений на предварительных этапах. Подготовка ОВЭС и в силу срочности полевого этапа, и в силу ориентированности исследователей на выполнение пунктов ТЗ, как кажется, не обеспечивает такой истории для вовлеченных сторон.

Прием компанией результатов ОВЭС

Чаще всего в ходе интервью исполнители ОВЭС отвечали, что не знают, кто и как в компании читает их отчет. В некоторых случаях сообщали, что «в... (компании)... целый департамент, и они подробно выспрашивали, особенно про правоустанавливающие документы» (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС). Характерный акцент на документальном удостоверении действительности уже отмечался выше. В других случаях упоминались совещания с представителями компании, на которых обсуждались отдельные результаты исследования: «...уже по возвращении нас директор... (компании)... позвал, хотел узнать наши ощущения относительно села, можно ли там работать. Мы сказали, что население не против, но надо больше контактировать с ним. Его больше, как я понял, интересовали частные вопросы – условно, в прошлом году приехали три дембеля, повлияли ли они на криминогенную обстановку в селе? Я о таком даже не задумывался» (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС). Любопытно, что направленность интереса представителя компании в данном случае была связана скорее с рисками ведения деятельности на определенной территории, чем с попытками понять положение того сообщества, с которым предстояло работать.

Текст ОВЭС

Результаты ОВЭС не публикуются. С тем, чтобы ознакомиться с примером такого текста во время полевой части моего исследования, также возникли некоторые трудности. Основным мотивом собеседников для отказа в таком ознакомлении были права собственности компании (при этом в самой компании у моего собеседника не оказалось отчета под рукой). Подобное отсутствие опубликованных отчетов по ОВЭС, кажется, в значительной степени тормозит совершенствование текстов отчетов, поскольку исследователи, работающие над следующими проектами, вынуждены начинать с чистого листа (если ранее они не были вовлечены в другие экспертизы). Впрочем, существует одно исключение: материалы ОВЭС по одной из экспертиз были выложены на сайте правительства РС(Я)⁷ и служат образцами, на которые ориентировались, по крайней мере, некоторые исследователи: «...ряд отчетов об Алданском и Олёкминском районах пару лет назад. Посмотрел, как они описывают, и попытался сделать так же. Чтоб была общая структура. Вот я посмотрел,

они делали много таблиц (*речь о разделах по демографии, социальному и экономическому положению КМНС*), я тоже решил много таблиц сделать, больше цифр, как можно нагляднее» (ПМА 2016: исполнитель ОБЭС). Именно этот текст и будет проанализирован мной далее.

Рассматриваемый текст ОБЭС в точности соответствует по структуре требованиям Постановления, описанным выше. Интересно, в первую очередь, как авторы отчета истолковали, что должно быть помещено в каждом разделе.

Во введении сообщаются основания для выполнения отчета (договор между исполнителем и заказчиком) и официальные требования к отчету, которые предъявляются в законодательстве, в том числе соответствующие определения и необходимые разделы. Помимо этого, во введении дан комментарий по поводу Методики: отмечено, что последняя «предназначена для оценки размера убытков в результате воздействия на окружающую природную среду и хозяйственную деятельность, но не предназначена в качестве инструмента оценки социальных и культурных последствий промышленного освоения на коренное население в зоне воздействия проекта», но также утверждается, что представленная работа направлена на комплексную оценку воздействия (Отчет 2013: 4). С одной стороны, это интригует: интересно, каким образом будет осуществлена оценка воздействия на социальную и культурную «среду». Однако, с другой стороны, кажется, что амбиции отчета ограничены именно оценкой воздействия и при этом сугубо в тех рамках, которые заданы законодательством. Еще более в этом убеждает подраздел 1.1 первого раздела под названием «Нормативно-правовая база». Содержание данного подраздела совершенно не описывает «Общие сведения о проекте намечаемой хозяйственной деятельности» (название первого раздела), поскольку состоит из перечисления нормативно-правовых актов, на которые ориентируются авторы отчета, а также перечня проанализированной проектной документации, законодательных норм и методической литературы, использованных при подготовке отчета. На этом основании мне кажется более уместным воспринимать его как часть введения. В этом разделе меня удивило отсутствие упоминаний о проведенных авторами полевых исследованиях или собранных в процессе таковых материалах. Такого упоминания следовало ожидать, поскольку далее в тексте имеются данные проведенных опросов, размещено большое количество фотографий, составлены подробные карты территорий родовых общин, что свидетельствует о том, что какие-то полевые исследования проводились. Но ни во введении, ни где бы то ни было еще в тексте отчета не описано, как и когда они проводились, как и почему были сделаны выводы.

Как и в случае с приведенной выше статьей, описывающей исполнение ОБЭС, мне кажется важным отмечать отсутствие подобных упо-

минаний, поскольку именно они могли бы свидетельствовать о качестве проведенных исследований, о каком-либо обосновании претензии на представление точки зрения КМНС. При этом, на мой взгляд, важно не столько то, что в отсутствие указанных разъяснений нет оснований доверять исследователям, сколько то, что исследователи не считают важным убедить читателя, что исследование проведено корректно, что точка зрения КМНС представлена адекватно. Судя по введению, исследователям кажется более важным убедить читателя, что учтены все относящиеся к делу нормативно-правовые акты, и исследование в точности соответствует имеющимся в них требованиям.

В разделе, касающемся «этнокультурного и социально-экономического развития малочисленных народов», сначала приводится обширная статистика по положению КМНС в Якутии вообще, потом по затрагиваемым в проекте районам вообще. Интересно при этом, что если в случае с описаниями экономической части авторы делают какие-то выводы, например, рост безработицы связывается с ростом значимости традиционных видов занятости (Отчет 2013: 25–26), то из данных об образовании, владении языком, здравоохранении никаких выводов не делается.

Раздел, характеризующий виды традиционной хозяйственной деятельности КМНС (наиболее объемный в отчете), так же, как и предыдущий, построен по принципу «от общего к частному»: при описании каждого вида промысла сначала дается статистическая информация о его состоянии в Якутии вообще, затем в конкретном районе. После общей части авторы отчета описывают положение каждой отдельной родовой общины, затронутой осуществлением проекта. К описанию каждой общины применена одинаковая схема, согласно которой сначала упоминается имя главы общины, затем указываются правоустанавливающие документы и лицензии, виды традиционной деятельности, в которые вовлечена община, количество членов общины, приводится карта её территории, отмечено, к какому «хозяйственному центру» (поселению) она привязана, представлены фотографии членов общины во время осуществления традиционной деятельности, перечисляется имеющаяся в распоряжении общины производственная техника (лодка, снегоход, мотоцикл), после чего приводятся количественные характеристики по каждому виду традиционного природопользования, в который вовлечена община: оленеводство (сколько оленей, как реализуется, схема угодий), охотпромысел, рыбалка, сбор ягод.

Из повторяющейся схемы «от общего к частному», большого количества приводимой авторами статистики (иногда даже не очень понятно, к чему именно она приводится – как в случае с данными о КМНС Якутии вообще), количественного описания состояния общин мы, как кажется, узнаем некоторые устойчивые, объективные вещи о состоянии живущих в местах реализации проекта людей, однако авторы ничего не

сообщают нам о том, что значит быть охотником в общине «Киндигирь». Любопытно, что и фотографии, которые дают довольно сильное ощущение присутствия, вписаны в текст не в этой роли, а скорее в виде иллюстраций к тому, что представители общины действительно занимаются традиционной хозяйственной деятельностью (пример подписи к фотографии, на которой запечатлены улыбающиеся дети с большим количеством собранных ягод: «Рисунок 4.4.17 Сбор дикоросов общиной «Сэргэлээх» (Отчет 2013: 49).

Что касается приверженности авторов доклада количественным показателям, любопытным примером таковой является приведенная в разделе «Разработка рекомендаций и предложений в соответствии с требованиями действующего законодательства» таблица оценки воздействия реализации проекта на этнологическую среду, итоговая цифра которой показывает, что «в результате строительства двух ЛЭП 220 кВ НПС-15 – НПС-16 ожидается ухудшение этнологической среды на 10%» (Отчет 2013: 65). Что именно скрывается за десятью процентами ущерба, и как авторы переводят в сравнимые единицы влияние на демографию, культуру, собирательство и рынки сбыта продукции, к сожалению, не объясняется.

Таким образом, стремление показать, что все правила учтены и объективно, в цифрах, зафиксированы все необходимые параметры деятельности КМНС, не только доминирует в тексте отчета и в том, как видят авторы свою задачу, но и вытесняет ту работу воображения, которая спонтанно возникает в процессе исследования или составления текста отчета.

Работа экспертной группы

Работа экспертной группы начинается после того, как проектная документация подается на этнологическую экспертизу.

Экспертная группа вырабатывает заключение, которое является основным источником информации для большинства членов комиссии. Заключение описывает проектную документацию (не только ОВЭС, но все разделы, поданные на экспертизу) и оценивает ее. Содержание данного текста не регламентировано. Наиболее сильное впечатление при чтении доступного мне заключения экспертной группы произвел контраст между весьма суровой критикой поданных на экспертизу материалов (например, некорректный радиус воздействия; заниженная стоимость оленя; заниженные убытки по охоте; опора на литературные источники и аналогии, а не на собранные на местах сведения в оценке рыболовства; недостаточная представленность социально-экономических обязательств компании) и итоговым положительным заключе-

нием. При этом решение всех названных проблем оставляется на период этномониторинга (ПМА 2016: заключение экспертной группы).

Одно из объяснений таких решений может быть построено как своеобразное отражение того способа, каким обосновывается преимущество процедуры государственной ЭЭ по отношению к общественной (ср. Слепцов 2015). Последнее заключается в том, что при применении ЭЭ сообщества КМНС гарантированно получают относительно большие суммы компенсации. В условиях противоречивости законодательства и политики, направленной скорее на поддержку промышленных компаний, чем на поддержку аборигенных сообществ, позиция «получить по крайней мере что-то» оборачивается необходимостью давать положительные заключения.

Исходя из описанной позиции, направленной скорее на обеспечение сообществам КМНС справедливых компенсаций, т.е. на экономические цели, чем на сохранение образа жизни («этнокультурные» цели), наличие/отсутствие диалога, учет мнения людей, проживающих в зоне освоения, уходят на второй план. Для определения размеров компенсации не нужно вести диалог и знать о тревогах и заботах контрагентов – достаточно фиксировать показатели, которые требуются для расчетов. Соответственно, часть, посвященная в заключении рекомендациям, выглядит до некоторой степени не связанной с остальным текстом.

Еще одно замечание, касающееся (косвенно) отсутствия направленности на диалог, связано с закрытостью информации, недоступностью заключений экспертных групп и с недоступностью текстов ОБЭС. Наличие того и другого в открытом доступе, вероятно, позволило бы будущим исполнителям быть более подготовленными при работе над собственными отчетами.

Заседание Экспертной комиссии этнологической экспертизы

Подготовленное экспертной группой заключение рассматривается членами Экспертной комиссии (ЭК). Далее будет кратко описан ход заседания экспертной комиссии этнологической экспертизы – я приведу частично обработанные записи полевого дневника (меня попросили не вести диктофонную запись), а затем прокомментирую их.

Заседание разворачивалось следующим образом. Руководитель экспертной группы представил заключение ЭГ – кратко пересказал содержание поданных на оценку материалов, комментарии экспертной группы и выводы о том, что несмотря на некоторые недочеты, которые предлагается исправить в ходе этнологического мониторинга реализации проекта, группа рекомендует принять положительное заключение.

Далее последовало выступление главы муниципального образования, в котором был высказан ряд критических замечаний по поводу

текста ОВЭС (в частности, о заниженной оценке ущерба), а также приведено пожелание провести общественные слушания для обсуждения ОВЭС, прежде чем будет вынесено решение комиссии: «...*другая компания*... весной проводила общественные слушания по ОВЭС по... *проекту*...». Дальнейшее обсуждение развернулось следующим образом.

Председатель комиссии спросил, действительно ли глава МО предлагает изменить порядок проведения ЭЭ. Глава ответил, что хотелось бы провести слушания, поскольку в тексте ОВЭС множество ошибок, «хотя мы и не можем обязывать, конечно». Руководитель ЭГ уточнил: чтобы провести общественные слушания, надо менять закон об ЭЭ. К этому председатель комиссии добавил, что если слушания провести в нынешней ситуации, и при этом на слушаниях будут не согласные с результатами ОВЭС, а комиссия будет согласна, получится коллизия. С другой стороны, продолжил руководитель ЭГ, хотя ущерб действительно занижен (в тексте, подготовленном ЭГ, все высказанные главой замечания учтены), он посчитан в соответствии с Методикой, и до тех пор, пока не принята более адекватная региональная методика расчета убытков, бессмысленно предъявлять претензии к исполнителю ОВЭС.

Затем последовал комментарий от одного из членов ЭК о том, что он считает текст ОВЭС очень некорректным (предоставил для протокола 4 листа замечаний) и опасается, что если по данному тексту будет принято положительное заключение, то следует и в будущем ожидать новых и новых некорректных текстов. В дополнение к этому прозвучал и комментарий главы МО о том, что «...*компания*... – это НАШЕ предприятие, мы должны пример показать другим недропользователям».

Комментарий представителя компании заключался в том, что показатели ущерба, может быть, и занижены («про Методику я молчу»), но при этом совокупный ущерб посчитан по всей территории участка, в то время как реально компания намерена задействовать только 25–30% территории. Кроме того, компания готова платить столько, сколько надо («если надо в два раза больше – мы готовы»), единственное требование – четко прописать в законе, чтобы это было ясно установлено.

В итоге было решено оформить поступившие замечания приложением к протоколу и поручить компании доработать ОВЭС, а также пригласить на следующее заседание исполнителя ОВЭС. Решение было принято комиссией единогласно (ПМА 2016: заседание комиссии).

На данном заседании меня удивил перевод заданного главой муниципального образования довольно практического вопроса об обсуждении результатов ОВЭС на общественных слушаниях, с одной стороны, в административно-правовую плоскость соотношения статуса решения слушаний со статусом решения ЭК и возможная коллизия несовпадения данных решений как повод снять предложенный вопрос с обсуждения; с другой стороны, перевод на язык различных для управляющего

корпорацией конкретных цифр, при этом вопрос об обсуждении на слушаниях, как и все другие вопросы, откладывающие принятие положительного заключения, воспринимаются, по-видимому, как ходы в торгах, которые компания со своей стороны должна уравнивать поднятием ставок денежных компенсаций. Оба ответа закрывают возможность для выстраивания диалога, подменяя его более формализованными и простыми взаимодействиями.

Итогом работы Экспертной комиссии является Заключение этнологической экспертизы. Текст заключения ЭЭ тесно связан с текстом заключения экспертной группы. По сути, это сокращенная версия последнего. Соответственно, прежде всего устанавливается соответствие поданных материалов принятому законодательству. Затем дается пересказ содержания материалов, включая цифры предполагаемых компенсаций. Фразой «По итогам экспертизы материалов...» вводится блок про выводы и дается положительное заключение. В конце следует блок с рекомендациями.

При сравнении заключений различных экспертиз интересно, что рекомендации в каждом случае устойчиво повторяются, и сводятся в итоге к тому, чтобы компания а) заключила соглашение с муниципальным образованием; б) разработала программу содействия устойчивому развитию КМНС (устойчивый набор предлагаемых для программы мероприятий: финансирование образовательных программ по смене профессиональной ориентации; содействие проведению мероприятий этнокультурной направленности; стимулирование обучения для КМНС с последующим трудоустройством на объектах предприятия); в) приняла программу этнологического мониторинга. Такая повторяемость заключений может быть связана с упомянутой вторичностью этнокультурной части экспертизы относительно экономической (и, соответственно, рекомендаций относительно компенсаций) и с тенденцией к формализации и упрощению процедуры.

Выводы

В данной статье для анализа процедуры этнологической экспертизы я предложил использовать концептуальную рамку, ставящую условием возможности диалога и партнерских отношений приложение сторонами усилий воображения. Основываясь на полевом исследовании, я могу утверждать, что в нынешней конфигурации процедура ЭЭ, несмотря на связанные с ней ожидания, не создает условий для того, чтобы компании выполняли работу воображения по отношению к локальным группам КМНС.

Работа воображения – очень этнографическое понятие. Я имею в виду, что это процесс, который всегда должен совершаться конкретны-

ми лицами в условиях некоторой повседневности – в этом смысле его наличие или отсутствие удобно фиксировать этнографически. Процедура ЭЭ как нечто целое не существует в повседневности – она складывается из действий множества людей, которые происходят в различных обстоятельствах в различное время. Рассмотрев этнографически складывающие процедуру экспертизы этапы (насколько это было возможно, учитывая ограничения, налагаемые характером и количеством собранных материалов⁸), я не могу указать какой-либо из них, на котором принимающий решения сотрудник компании прикладывает бы усилия, чтобы вообразить, что значит быть членом локальной группы КМНС, и как, исходя из этого, лучше строить взаимодействие.

Это связано с несколькими факторами. Во-первых, с бюрократической природой как процедуры, так и компании, проявляющейся в том, что участники с любой стороны в первую очередь заинтересованы в демонстрации выполнения регламентирующих процессы взаимодействия правил (ср. по этапам: составленное ТЗ следует требованиям НПА; исполнители ОВЭС следуют ТЗ, чтобы их труд был оплачен; итоговый отчет, заключения всех этапов всегда прежде всего перечисляют учтенные НПА). Во-вторых, со сложившейся культурой отчетов и вообще с пониманием того, что в контексте подобных процедур является убедительным, когда даже при наличии данных, собранных качественными методами (более значимыми с точки зрения работы воображения), предпочтение отдается в первую очередь фиксации действительности в «объективно проверяемых» числовых показателях, статистических закономерностях и т.п. (ср. требования к исполнителям ОВЭС, выраженные в ТЗ; отсутствие методологических комментариев в статьях исследователей ОВЭС и доступном отчете ОВЭС; ориентированность экспертов на расчет компенсации и сравнительно стандартная рекомендательная часть). В-третьих, с распространенным приемом перевода всего дискурса о ресурсном конфликте в плоскость денежного расчета и оценки компенсаций (ср. разбор заседания экспертной комиссии; доступные комментарии представителей компании по поводу отчетов исполнителей ОВЭС).

Все факторы, очевидно, взаимосвязаны: опора на правила взаимодействия, числовые показатели на входе, денежные компенсации на выходе, все вместе они делают взаимодействие максимально экономным в том смысле, что его реализация требует понятных и минимальных усилий. Но последний фактор особенно интересен в аналитическом плане. Кажется, что он довольно естествен – нам привычно представлять деятельность компаний (предполагая, что и их сотрудники так мыслят) в терминах денежного расчета (доходы, расходы, проценты, компенсации и т.п.). С другой стороны, денежный расчет, позволяющий и одновременно вынуждающий оперировать точными цифрами в

исчислении задолженности (в нашем случае – компенсации) является антиподом работы воображения. Возможность рассчитать и выплатить точную стоимость причиненного ущерба означает возможность по окончании выплат или даже по окончании расчетов больше не принимать во внимание ничего, что происходит с контрагентом далее. В этом смысле денежный расчет конституирует не отношения между членами одного сообщества (в добрососедских отношениях зачастую не принято рассчитывать точно – всегда или чуть больше, или чуть меньше – так создается сеть связывающих сообщество «долгов»), а отношения между чужими друг другу агентами, не желающими поддерживать скольконнибудь длительные социальные связи⁹. Но именно поддержание социальных связей требует работы воображения и является синонимом партнерства или диалога. Отказ от неё буквально означает отказ от того, чтобы составлять единое сообщество. Другими словами, процедура этнологической экспертизы в имеющихся культурных, дискурсивных и экономических условиях структурно противоречит возможности диалога между группами КМНС и промышленными компаниями.

В последнем абзаце я намеренно максимально заострил предложенный в статье аргумент – исключительно в аналитических и академических целях возбуждения критической дискуссии. В повседневности такие острые углы отсутствуют: представители компаний и локальных групп КМНС всё же сосуществуют, договариваются, экспертизы происходят, рекомендации исполняются, компенсации выплачиваются. Моя статья в этом смысле не носит алармистский характер, я не призываю отменять процедуру этнологической экспертизы в РС(Я) или как-либо существенно её менять (во всяком случае, я не знаю, как именно это можно было бы сделать). Но мне кажется важным всё же учитывать те структурные ограничения и барьеры для диалога и партнёрских отношений, которые рассматриваются в статье, по крайней мере, если диалог и партнёрство действительно являются искомым способом взаимодействия между группами КМНС и промышленными компаниями.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках работ по проекту «“Ресурсное проклятие” на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (РНФ, грант № 15-18-00112).

Автор выражает благодарность и глубокую признательность всем, без кого данное исследование было бы невозможным, в особенности Д.А. Функу, Н.А. Стручковой, А.Н. Слепцову, Е.Н. Романовой, В.И. Шадрину, а также А.И. и К.М. Яковлевым.

Список сокращений

КМНС – коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ
МО – муниципальное образование
НПА – нормативно-правовой акт
ОВЭС – оценка воздействия на этнологическую среду
ПМА – полевые материалы автора
РС(Я) – Республика Саха (Якутия)
ТЗ – техническое задание
ЭГ – экспертная группа
ЭК – экспертная комиссия
ЭЭ – этнологическая экспертиза

Примечания

¹ В Российской Федерации существуют различные варианты проведения этнологической экспертизы (см.: Богоявленский и др. 2002; Мурашко 2006; Звиденная, Новикова 2010; Мартынова, Новикова 2012; Садовой 2013; Головнёв и др. 2014; Поддубиков, Садовой, Белозёрова 2014; ср. также Функ 2015), но в данной статье термин «этнологическая экспертиза» отсылает к государственной этнологической экспертизе, как она проводится в РС(Я).

² Термин «структурное насилие», насколько можно судить, первоначально предложил Йохан Галтунг (Galtung 1969), после чего он много обсуждался (ср.: Diltz et al. 2012), однако, в работе Гребера и в данной статье термин используется несколько иначе – в качестве обозначения ситуаций, происходящих в условиях угрозы применения насилия.

³ О правовом и социальном состоянии различных групп КМНС в РС(Я), отдельных проблемах их взаимоотношений с промышленными компаниями см.: (Астахова 2011; Шадрин 2015; Романова, Алексеева 2015-а; Алексеева 2015; Потравный и др. 2016; Мостахова 2016).

⁴ На момент написания статьи опыт проведения такого мониторинга в РС(Я), а также какая-либо разъясняющая документация по способам его проведения отсутствуют.

⁵ Краткая информация о большинстве экспертиз доступна на сайте профильного министерства РС(Я) [<https://minobchestvo.sakha.gov.ru/-ekspertnaja-komissija-etnologicheskoy-ekspertizy/svedeniya-o-provedennyh-etnologicheskikh-ekspertizah>, дата обращения: 19.03.2018].

⁶ Для корректного расчета ущерба необходимо точно определять, какие именно территории закреплены за общинами коренных малочисленных народов, иначе отсутствуют правовые основания для получения соответствующих компенсаций. При попытке определения точных границ обнаруживаются разнообразные трудности с оформлением общинами документов по ведению хозяйственной деятельности, бухгалтерской отчетности, с государственной регистрацией недвижимости (Власов 2013; Слепцов 2015: 23; Баишева 2014-а: 93; 2016: 584). Другой проблемой является закрепление участков и документы об этом закреплении (Шадрин 2015). Проблема заключается в том, что стоимость проведения кадастровых работ, уточнения границ общины составляет 200–300 тысяч рублей (Баишева 2014-а: 93), это составляет большую часть годового дохода общины, ведущей традиционный образ жизни (Сосин 2015: 72), т.е. экономически невозможно.

⁷ Текст и материалы ОВЭС по одной из экспертиз можно найти на сайте предыдущего уполномоченного органа по ЭЭ, см. «Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов» [<http://old.sakha.gov.ru/node/119623>, обращение 28.02.2018].

⁸ Следует учитывать недостаточность проведенных полевых исследований для всесторонней разработки заявленной темы. Так, следует гораздо внимательнее отнестись как к исследованию позиций и действий, занимаемых и предпринимаемых сотрудниками

промышленных компаний в рамках проведения этнологической экспертизы, так и непосредственным обстоятельствам повседневных действий сообществ КМНС, проживающих на территориях интенсивного промышленного освоения. Безусловно, необходимо проведение дальнейших исследований.

⁹ См. подробнее о денежном расчете, долге и социальных связях (Гребер 2015).

Литература

- Dilts A., Winter Y., Biebricher T., Johnson E.V., Vázquez-Arroyo A.Y. & Cocks J.* Revisiting Johan Galtung's Concept of Structural Violence // *New Political Science*. 2012. № 34 (2). P. e191–e227. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/07393148.2012.714959> (дата обращения: 24.02.2017).
- Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1969. № 6(3). P. 167–191. URL: <http://www.jstor.org/stable/422690> (дата обращения: 24.02.2017).
- Graeber D.* The utopia of rules: on technology, stupidity, and secret joys of bureaucracy. New York; London: Melville House Publishing, 2015. 262 p.
- Gupta A.* Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India. Durham, NC: Duke University Press, 2012. 368 p.
- Административный регламент предоставления Департаментом по делам народов Республики Саха (Якутия) государственной услуги «Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов»:* Приложение к приказу Департамента по делам народов Республики Саха (Якутия) от «18» июля 2012 г. № 67-од.
- Алексеева Е.К.* Компании-недропользователи и коренные народы Арктики // *Научное и образовательное пространство: перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции*. Чебоксары, 2015. С. 222–224.
- Астахова И.С.* Власть и коренные малочисленные народы Севера: опыт взаимодействия на примере Республики Саха (Якутия) // *Арктика и Север*. 2011. № 3. С. 1–8.
- Баишева С.М.* Малочисленные этносы в местах традиционного природопользования: возможности и ограничения (из опыта этнологической экспертизы) // *Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: Сборник научных статей по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.)*. Кемерово: Практика, 2014. С. 91–100.
- Баишева С.М.* Взаимодействие бизнеса и коренных малочисленных народов Якутии: социальный контекст и жизненные реалии // *Business Economics*. 2016. Issue 4 (2), vol. 51. P. 580–584.
- Богоявленский Д.Д., Мартынова Е.П., Мурашко О.А., Хмелева Е.Н., Якель Ю.Я., Яковлева О.А.* Опыт проведения этнологической экспертизы. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. М., 2002. 134 с.
- Бурцева Е.И., Набережная А.Т., Барашков Н.А., Павлова А.Н., Ноговицын Р.Р.* Новый этап промышленного развития Южной Якутии и проблемы социальной защищенности малочисленных народов Севера // *Стратегия развития рынка*. 2012. № 20 (161). С. 13–23.
- Бурцева Е.И.* Проблемы социальной защищенности коренных малочисленных народов Севера и промышленное освоение Республики Саха (Якутия) // *Ресурсная экономика в контексте современных тенденций глобализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых*. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015. С. 186–189.

- Величенко В.В.* К методике оценки воздействия на охотничьи ресурсы территорий коренных малочисленных народов Севера // Вестник Северо-восточного федерального университета имени м. К. Аммосова. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2016. № 4 (04). С. 19–24.
- Власов А.В.* Доклад в Общественной палате Российской Федерации на конференции «Промышленные компании и коренные народы». 2013. URL: <http://old.sakha.gov.ru/special/node/131297> (дата обращения: 24.02.2017).
- Гасий В.В., Потравная Е.В., Кузнецов И.В., Захаров С.А.* Согласование интересов целевых групп в сфере недропользования: социально-экономические, экологические и этнографические аспекты // Недропользование XXI век. 2016. № 2 (59). С. 90–97.
- Головнёв А.В., Лёзова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А.* Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2014. 232 с.
- Гребер Д.* Долг: первые 5000 лет истории / пер. с англ. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 528 с.
- Гребер Д.* Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 224 с.
- Доклад* Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год. М., 2016. URL: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/d2015w.pdf>
- Звиденная О.О., Новикова Н.И.* Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД Стратегия; ИП Андрей Яковлев, 2010. 154 с.
- Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: Этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП А.Г. Яковлев, 2012. 132 с.
- Миськова Е.В.* Левиафан: дискурсивная зависимость от нефти. От ресурса к метонимии и обратно // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 83–107. DOI: 10.17223/2312461X/14/5
- Мостахова Т.С.* Социально-демографические аспекты освоения арктических районов: проблемы воспроизводства населения, промышленное освоение и локализация этносов КМНС // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Апатиты, 14–16 апреля 2016 г.). 2016. С. 337–344.
- Мурашко О.А.* Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы // Прил. к альманаху «Мир коренных народов – Живая Арктика». М., 2006. 114 с.
- Новикова Н.И.* Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4 (28). С. 125–135. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-1-125-135.
- О гарантии* прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от 13.07.2015).
- О порядке* организации и проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов (вместе с «Положением о порядке организации и проведения этнологической экспертизы», «Положением об Экспертной комиссии этнологической экспертизы»): постановление Правительства РС(Я) от 06.09.2011 N 428. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
- Об утверждении* методики исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации: Приказ Минрегиона РФ от 09.12.2009 N 565.
- Об этнологической* экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики

- Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 820-3 N 537-IV (принят постановлением ГС (Ил Тумэн) РС(Я) от 14.04.2010 3 N 538-IV). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
- Отчет* № 13/2013 по теме: Оценка воздействия на этнологическую среду объекта «Строительство двух одноцепных ЛЭП кВ НПС-15 - НПС-16» в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов севера Якутии ПСХК КРО «Киндигирь» МО «Олекминский район», КРО МНС-Э «Сэргэлээх», община «Амга» МО «Алданский район». Раменское; Якутск, 2013. 75 с.
- Парламентские слушания* – Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий. Федеральное Собрание Российской Федерации. Парламентские слушания. 25 октяб. 2007 г. М.: Изд-во Совета Федерации, 2008. 108 с. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f2438657bd5f0bd.pdf>
- Пахомов А.А., Мостахова Т.С.* Этносоциальные проблемы территорий Якутии в зоне строительства газопровода «Сила Сибири» // Регион: экономика и социология. 2016. № 3 (91). С. 133–142.
- Пахомов А.А., Чомчоев А.И.* Этносоциальные проблемы арктических территорий в зоне промышленного освоения на примере Анабарского национального (долганово-эвенкийского) и Оленекского национального эвенкийского районов Республики Саха (Якутия) // Sciences of Europe. 2017. № 12. С. 38–42.
- Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозёрова М.В.* Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: Практика, 2014. 358 с.
- Потравный И.М., Баглаева В.О.* Об интеграции задач экологического аудита и этнологической экспертизы при обосновании проектов хозяйственного освоения территории // Горизонты экономики. 2015. № 5 (24). С. 44–47.
- Потравный И.М., Гассий В.В., Черноградский В.Н., Постников А.В.* Социальная ответственность компаний-недропользователей на территории традиционного природопользования как основа партнерства власти, бизнеса и коренных малочисленных народов Севера // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2(22). С. 56–63.
- Потравный И.М., Гассий В.В., Тамбовцева Т.Т.* Этнологическая экспертиза как инструмент согласования интересов целевых групп в сфере традиционного природопользования // Экономика природопользования. 2016. № 3. С. 80–92.
- Романова Е.Н., Алексеева Е.К.* Экономические мегапроекты России: взаимодействие добывающих промышленных и коренных малочисленных народов Севера компаний (на примере Южной Якутии) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2015а. № 5. С. 84–88.
- Романова Е.Н., Алексеева Е.К.* Добывающие компании на земле оленеводов (этноэкспертиза на северо-западе Якутии) // Казанская наука. № 11. Казань: Казанский Издательский Дом, 2015б. С. 361–364.
- Садовой А.Н.* Этнологическая экспертиза в системе регионального этнологического мониторинга // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. Сборник статей по итогам межрегион. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.). Кемерово: Практика, 2013. С. 67–82.
- Слепцов А.Н.* О правовых аспектах взаимодействия промышленных компаний и народов Севера при промышленном освоении территорий традиционного природопользования // Правовые и социальноэкономические проблемы развития народов Арктики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Якутск, 2011 г.). Якутск, 2012. Вып. 9. С. 24–31.
- Слепцов А.Н.* Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов севера: региональный опыт правового

- го регулирования и правоприменительной практики // Евразийский юридический журнал. 2013. № 12 (67). С. 71–75.
- Слепцов А.Н. Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (4). С. 15–24.
- Слепцов А.Н., Гоголев П.В. Методические рекомендации по проведению этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2016. 48 с.
- Сосин П.В. Южная Якутия: социальная адаптация и этноэкологические проблемы коренных малочисленных народов Севера // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 2 (11). С. 69–74.
- Функ Д.А. (ред.) Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина. М.: Демос, 2015. 272 с.
- Шадрин В.И. Этнологическая экспертиза как инструмент защиты коренных малочисленных народов Севера: опыт, проблемы, перспективы (На примере Республики Саха (Якутия) // Арктическая зона Российской Федерации: Северо-Восточный вектор развития: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 380-летию вхождения Якутии в состав Российского государства. 28–30 ноября, г. Санкт-Петербург. СПб., 2013. Ч. II. С. 406–413.
- Шадрин В.И. Этнологическая экспертиза в Якутии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 331–337.
- Шадрин В.И. При принятии решений в сфере недропользования необходим учёт интересов коренных малочисленных народов Севера. 2015. URL: <http://iltumen.ru/content/vyacheslav-shadrin-%C2%ABpri-prinyatii-reshenii-v-sfere-nedropolzovaniya-neobkhodim-uchet-interes> (дата обращения: 12.03.2017).

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2018 г.

Basov Aleksandr S.

DIALOGUE AND BUREAUCRATIC PROCEDURES: “ETNOLOGICHESKAYA EKSPERTIZA” (ETHNOLOGICAL IMPACT ASSESSMENT) IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

DOI: 10.17223/2312461X/20/6

Abstract. State ethnological impact assessment (so-called “etnologicheskaya ekspertiza”) in the Republic of Sakha (Yakutia) is a legal procedure implemented in the region and aimed at regulating tense relations between industrial actors and indigenous peoples over natural resources. Such tensions seem to exist for as long as the “industrial” development and use of territories do not take into account “indigenous” interests which ethnological impact assessment is called on to defend. Furthermore, assessment procedures are expected to become a medium that would ensure dialogue and partnership between industrial companies and indigenous peoples. However, these procedures are very much bureaucratic in nature and are organised by specific bureaucratic means; thus they can be analysed through the concept of structural violence. In the article I argue that state ethnological impact assessment as a bureaucratic procedure is structurally incompatible with the conditions needed for the sought-after dialogue and partnership.

Keywords: ethnological impact assessment, indigenous peoples of the North, structural violence, work of imagination, bureaucracy

References

- Dilts, A., Winter, Y., Biebricher, T., Johnson, E.V., Vázquez-Arroyo, A.Y. & Cocks J. Revisiting Johan Galtung's Concept of Structural Violence. *New Political Science*, 2012, no. 34 (2), pp. e191-e227. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/07393148.2012.714959> (Accessed 24 February 2017).
- Galtung, J. Violence, Peace, and Peace Research. *Journal of Peace Research*, 1969, no. 6(3), pp. 167-191. Available at: <http://www.jstor.org/stable/422690> (Accessed 24 February 2017).
- Graeber, D. *The utopia of rules: on technology, stupidity, and secret joys of bureaucracy*. New York, London: Melville House Publishing, 2015. 262 p.
- Gupta, A. *Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India*. Durham, NC: Duke University Press, 2012. 368 p.
- Administrativnyi reglament predostavleniia Departamentom po delam narodov Respubliki Sakha (Iakutiia) gosudarstvennoi uslugi «Etnologicheskaiia ekspertiza v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i traditsionnoi khoziaistvennoi deiatel'nosti korennykh malochislennykh narodov»: Prilozhenie k prikazu Departamenta po delam narodov Respubliki Sakha (Iakutiia) ot «18» iuliia 2012 g. № 67-od. [The administrative regulation on the Department on the Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia) rendering state services in the category "Ethnological impact assessment in places of traditional residence and economic activity of small-numbered indigenous peoples": Supplement to the Order of the Department on the Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 67-od dated 18 July 2012]
- Alekseeva E.K. Kompanii-nedropol'zovateli i korennye narody Arktiki [Mining companies and indigenous peoples of the Arctic], *Nauchnoe i obrazovatel'noe prostranstvo: perspektivy razvitiia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The scientific and educational area: prospects for development. Proceedings of International research and practice-oriented conference]. Cheboksary, 2015, pp. 222-224.
- Astakhova I.S. Vlast' i korennye malochislennye narody Severa: opyt vzaimodeistviia na primere Respubliki Sakha (Iakutiia) [The authorities and the indigenous population of the North: interaction record through the example of the Republic of Sakha (Yakutia)], *Arktika i Sever*, 2011, no. 3, pp. 1-8.
- Baisheva S.M. Malochislennye etnosy v mestakh traditsionnogo prirodoopol'zovaniia: vozmozhnosti i ogranicheniia (iz opyta etnologicheskoi ekspertizy) [Small-numbered peoples in places of traditional use of natural resources: opportunities and limitations (based on ethnological impact assessment record)], *Malochislennye etnosy v prostranstve dominiruiushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniia i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki. Sbornik nauchnykh statei po itogam vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Kemerovo, 17–18 okt. 2014 g.)* [Small-numbered peoples in the dominant society: applied research and effective tools in ethnic politics: a collection of scientific articles following the All-Russian research and practice-oriented conference with international participation held in the city of Kemerovo on 17-18 October 2014]. Kemerovo: Praktika, 2014, pp. 91-100.
- Baisheva S.M. Vzaimodeistvie biznesa i korennykh malochislennykh narodov Iakutii: sotsial'nyi kontekst i zhiznennye realii [The interaction of business and small-numbered indigenous peoples of Yakutia: the social context and realities of life], *Business Economics*, 2016, Issue 4 (2), October, Volume 51, pp. 580-584.
- Bogoiavlenskii D.D., Martynova E.P., Murashko O.A., Khmeleva E.N., Iakel' Iu.Ia., Iakovleva O.A. *Opyt provedeniia etnologicheskoi ekspertizy. Otsenka potentsial'nogo vozdeistviia programmy OAO «Gazprom» poiskovo-razvedochnykh rabot v akvatoriakh Obskoi i Tazovskoi gub na komponenty ustoichivogo razvitiia etnicheskikh grupp korennykh malochislennykh narodov Severa* [Conducting ethnological impact assessment. Assessing a potential impact caused by the Gazprom natural resources exploration programme implemented in the water area of the rivers of Ob and Taz and identifying the elements of sustainable indigenous development]. Moscow, 2002. 134 p.

- Burtseva E.I., Naberezhnaia A.T., Barashkov N.A., Pavlova A.N., Nogovitsyn R.R. Novyi etap promyshlennogo razvitiia Iuzhnoi Iakutii i problemy sotsial'noi zashchishchennosti malochislennykh narodov Severa [A new phase of industrial development of Southern Yakutia and the problems of social protection of small-numbered peoples of the North], *Strategiia razvitiia rynka*, 2012, no. 20 (161), pp. 13-23.
- Burtseva E.I. Problemy sotsial'noi zashchishchennosti korennykh malochislennykh narodov Severa i promyshlennoe osvoenie Respubliki Sakha (Iakutiia) [Problems of social protection of small-numbered peoples of the North and industrial development of the Republic of Sakha (Yakutia)]. In: *Resursnaia ekonomika v kontekste sovremennykh tendentsii globalizatsii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i molodykh uchemykh* [The resource economy in the context of globalisation: Proceedings of All-Russian research and practice-oriented conference for students and young scholars]. Iakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2015, pp. 186-189.
- Velichenko V.V. K metodike otsenki vozdeistviia na okhotnich'i resursy territorii korennykh malochislennykh narodov Severa [The methodology of ethnological impact evaluation in relation to indigenous peoples of the North], *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta imeni m. K. Ammosova. Seriia «Ekonomika. Sotsiologiia. Kul'turologiia»*, 2016, no. 4, pp. 19-24.
- Vlasov A.V. *Doklad v Obshchestvennoi palate Rossiiskoi Federatsii na konferentsii «Promyshlennye kompanii i korennye narody»* [Report delivered at the Public Chamber of the Russian Federation at the conference titled "Industrial Companies and Indigenous Peoples"]. 2013. Available at: <http://old.sakha.gov.ru/special/node/131297> (Accessed 24 February 2017).
- Gassii V.V., Potravnaia E.V., Kuznetsov I.V., Zakharov S.A. Soglasovanie interesov tselevykh grupp v sfere nedropol'zovaniia: sotsial'no-ekonomicheskie, ekologicheskie i etnograficheskie aspekty [Harmonisation of target groups interests in the field of subsoil resources use: socio-economic, environmental and ethnographic aspects], *Nedropol'zovanie XXI vek*, 2016, no. 2 (59), pp. 90-97.
- Golovnev A.V., Lezova S.V., Abramov I.V., Belorussova S.Iu., Babenkova N.A. *Etnoekspertiza na Iamale: nenetskie kochev'ia i gazovye mestorozhdeniia* [Ethnological impact assessment in Yamal: Nenets pastures and gas fields]. Ekaterinburg: «Izdatel'stvo AMB», 2014. 232 p.
- Graeber D. *Dolg: pervye 5000 let istorii*. Per. s angl. A. Dunaeva [Debt: the first 5,000 years]. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. 528 p.
- Graeber D. *Utopiia pravil: o tekhnologiiakh, gluposti i tainom obaianii biurokratii* [The utopia of rules: on technology, stupidity, and the secret joys of bureaucracy]. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 224 p.
- Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii za 2015 god* [The 2015 report of Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation]. Moscow, 2016. Available at: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/d2015w.pdf> (Accessed 24 February 2017).
- Zvidennaia O.O., Novikova N.I. *Udegeitsy: okhotniki i sobirатели reki Bikin (Etnologicheskaiia ekspertiza 2010 goda)* [The Udege: hunters and gatherers on the Bikin River (ethnological impact assessment done in 2010)]. Moscow: ID Strategiia; IP Andrei Iakovlev, 2010. 154 p.
- Martynova E.P., Novikova N.I. *Tazovskie nentsy v usloviiakh neftegazovogo osvoeniia: Etnologicheskaiia ekspertiza 2011 goda* [The Taz Nenets under the conditions of industrial development: ethnological impact assessment done in 2011]. Moscow: IP A.G. Iakovlev, 2012. 132 p.
- Mis'kova E.V. Leviafan: diskursivnaia zavisimost' ot nefiti. Ot resursa k metonimii i obratno [Leviathan: the discursive dependence on oil. From resource to metonymy and back], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 4, pp. 83-107. DOI: 10.17223/2312461X/14/5

- Mostakhova T.S. Sotsial'no-demograficheskie aspekty osvoeniia arkticheskikh raionov: problemy vosproizvodstva naseleniia, promyshlennoe osvoenie i lokalizatsiia etnosov KMNS [Social and demographic aspects of developing Arctic territories: issues in population reproduction, industrial development, and locating small-numbered indigenous peoples of the North], *Sever i Arktika v novoi paradigme mirovogo razvitiia. Luzinskie chteniia: Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Apatity, 14-16 apreliia 2016 g.)* [The North and the Arctic in a new paradigm of global development. The Luzin Readings: Proceedings of the VIII International research and practice-oriented conference (Apatity, 14-16 April 2016)]. 2016, pp. 337-344.
- Murashko O.A. *Etnologicheskaiia ekspertiza v Rossii i mezhdunarodnye standarty otsenki vozdeistviia proektov na korennye narody* [Ethnological impact assessment in Russia and international standards of assessing project impact on indigenous population]. Pril. k al'manakhu «Mir korennykh narodov - Zhivaia Arktika». Moscow, 2006. 114 p.
- Novikova N.I. Etnologicheskaiia ekspertiza v akademicheskome diskurse i ozhidaniia korennykh narodov [Ethnological impact assessment in academic discourse and indigenous peoples' expectations], *Arktika: ekologiia i ekonomika*, 2017, no. 4 (28), pp. 125-135. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-1-125-135.
- O garantiakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 30.04.1999 N 82-FZ (red. ot 13.07.2015)* [On Guarantees of the Rights of Small-Numbered Indigenous Peoples of the Russian Federation: a federal law No. 82-FZ dated 30.04.1999].
- O poriadke organizatsii i provedeniia etnologicheskoi ekspertizy v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i traditsionnoi khoziaistvennoi deiatel'nosti korennykh malochislennykh narodov (vmeste s «Polozheniem o poriadke organizatsii i provedeniia etnologicheskoi ekspertizy», «Polozheniem ob Ekspertnoi komissii etnologicheskoi ekspertizy»): postanovlenie Pravitel'stva RS(la) ot 06.09.2011 N 428. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlius» [On the Order of Organizing and Conducting Ethnological Impact Assessment in Places of Traditional Residence and Economic Activity of Small-Numbered Indigenous Peoples (along with "Regulation on the Order of Organizing and Conducting Ethnological Impact Assessment" and "Regulation on Expert Commission on Ethnological Impact Assessment"): The Republic of Sakha (Yakutia) Government Decree No. 428 dated 06.09.2011. Accessed through the legal information and reference system "ConsultantPlus"] (Accessed 5 June 2017).
- Ob utverzhdenii metodiki ischisleniia razmera ubytkov, prichinennykh ob"edineniam korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii v rezul'tate khoziaistvennoi i inoi deiatel'nosti organizatsii vsekh form sobstvennosti i fizicheskikh lits v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i traditsionnoi khoziaistvennoi deiatel'nosti korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii: Prikaz Minregiona RF ot 09.12.2009 N 565 [On Adopting Methods of Calculating Damages Incurred by Associations of the Small-Numbered Indigenous Population of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation as a Result of Economic and Other Activities of Legal Entities and Individuals in Places of Traditional Residence and Economic Activity of Small-Numbered Indigenous Peoples of the Russian federation: the Order of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation No. 565 dated 09.12.2009].
- Ob etnologicheskoi ekspertize v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i traditsionnoi khoziaistvennoi deiatel'nosti korennykh malochislennykh narodov Severa Respubliki Sakha (Iakutiia): zakon Respubliki Sakha (Iakutiia) ot 14.04.2010 820-Z N 537-IV (priniat postanovleniem GS (II Tumen) RS(la) ot 14.04.2010 Z N 538-IV). Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlius» [On Ethnological Impact Assessment in Places of Traditional Residence and Economic Activity of Small-Numbered Indigenous Peoples of the North in the Republic of Sakha (Yakutia): the Republic of Sakha (Yakutia) law No. 820-Z N 537-IV, adopted by GS (II Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) No. Z N 538-IV dated 14.04.2010] (Accessed 5 June 2017).

- Otchet № 13/2013 po teme: Otsenka vozdeistviia na etnologicheskuiu sredu ob'ekta «Stroitel'stvo dvukh odnotsepykh LEP kV NPS-15 - NPS-16» v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i traditsionnoi khoziaistvennoi deiatel'nosti korenykh malochislennykh narodov severa Iakutii PSKhK KRO «Kindigir» MO «Olekminskii raion», KRO MNS-E «Sergeleekh», obshchina «Amga» MO «Aldanskii raion» [Report No. 13/2013 titled “Assessing the ethnological impact of the project titled “The Construction of two single-circuit power lines kV NPS-15 - NPS-16” in places of traditional residence and economic activity of small-numbered indigenous peoples of the North in Yakutia PSKhK KRO “Kindigir” MO “Olekminskii raion”, KRO MNS-E “Sergeleekh”, and the community of “Amga” MO “Aldanskii raion”]. Ramenskoe - Iakutsk, 2013. 75 s.
- Parlamentskie slushaniia - Pravovoe obespechenie etnologicheskoi ekspertizy kak obiazatel'nogo usloviia pri osvoenii severnykh territorii. Federal'noe Sobranie Rossiiskoi Federatsii. Parlamentskie slushaniia. 25 oktiab. 2007 g. [Parliamentary Hearings on legal support of ethnological impact assessment as a mandatory condition to be met prior to starting the exploration of northern territories. The Russian Federation Federal Assembly. Parliamentary Hearings held on 25 October 2007]. Moscow: Izd-vo Soveta Federatsii, 2008. 108 p. Available at: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f2438657bd5f0bd.pdf>
- Pakhomov A.A., Mostakhova T.S. Etnosotsial'nye problemy territorii Iakutii v zone stroitel'stva gazoprovoda «Sila Sibiri» [Ethnic and social problems of Yakut territories in the construction zone of the “Power of Siberia” pipeline], *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2016, no. 3 (91), pp. 133-142.
- Pakhomov A.A., Chomchoev A.I. Etnosotsial'nye problemy arkticheskikh territorii v zone promyshlennogo osvoeniia na primere Anabarskogo natsional'nogo (dolganoevenkiiskogo) i Olenekskogo natsional'nogo evenkiiskogo raionov Respubliki Sakha (Iakutiia) [Ethno-social problems of Arctic territories in industrial development zones: the case of Anabarsky National (Dolgan-Evenk) and Oleneksky National Evenk Districts in the Republic of Sakha (Yakutia)], *Sciences of Europe*, 2017, no. 12, pp. 38-42.
- Poddubikov V.V., Sadovoi A.N., Belozerova M.V. *Ekspertiza i monitoring traditsionnykh form prirodopol'zovaniia korenykh malochislennykh etnosov: metody prikladnoi etnologii* [Impact assessment and monitoring of traditional forms of natural resources use practiced by small-numbered indigenous peoples: methods of applied ethnology]. Kemerovo: OOO «Praktika», 2014. 358 p.
- Potravny I.M., Baglaeva V.O. Ob integratsii zadach ekologicheskogo audita i etnologicheskoi ekspertizy pri obosnovanii proektov khoziaistvennogo osvoeniia territorii [On integrating the objectives of environmental audit and ethnological impact assessment when justifying projects of economic development of territories], *Gorizonty ekonomiki*, 2015, no. 5 (24), pp. 44-47.
- Potravny I.M., Gassiy V.V., Chernogradskiy V.N., Postnikov A.V. Sotsial'naia otvetstvennost' kompanii-nerodopol'zovatelei na territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniia kak osnova partnerstva vlasti, biznesa i korenykh malochislennykh narodov Severa [Social responsibility of mining companies in the territory of traditional nature management as a basis for partnership between the government, business, and indigenous peoples of the North], *Arktika: ekologiia i ekonomika*, 2016, no. 2 (22), pp. 56-63.
- Potravny I.M., Gassiy V.V., Tambovtseva T.T. Etnologicheskaya ekspertiza kak instrument soglasovaniia interesov tselevykh grupp v sfere traditsionnogo prirodopol'zovaniia [Ethnological examination as a tool for coordinating target groups interest in the field of traditional use of natural resources], *Ekonomika prirodopol'zovaniia*, 2016, no. 3, pp. 80-92.
- Romanova E.N., Alekseeva E.K. Ekonomicheskie megaproekty Rossii: vzaimodeistvie dobyvaishchikh promyshlennykh i korenykh malochislennykh narodov severa kompanii (na primere Iuzhnoi Iakutii) [Russian economic megaprojects: the interaction between extractive industries and indigenous peoples of the North (the case of South Yakutia)], *European Social Science Journal*, 2015a, no. 5, pp. 84-88.

- Romanova E.N., Alekseeva E.K. Dobyvaiushchie kompanii na zemle olenevodov (etnoekspertiza na severo-zapade Iakutii) [Extractive companies on the land of reindeer breeders (ethnological impact assessment in the northwest of Yakutia)], *Kazanskaia nauka*, 2015b, no. 11, pp. 361-364.
- Sadovoi A.N. Etnologicheskaiia ekspertiza v sisteme regional'nogo etnologicheskogo monitoringa [Ethnological impact assessment in the system of regional ethnological monitoring], *Prikladnaia etnologiia i aktual'nye problemy gosudarstvennoi etnonatsional'noi politiki v regionakh Zapadnoi Sibiri: mekhanizmy vzaimodeistviia vlasti, nauki, obshchestvennosti. Sb. st. po itogam mezhtseletnogo nauch.-prakt. seminarov (Kemerovo, 21–22 noiabr. 2012 g.)* [Applied ethnology and topical issues of ethno-national state policy in the regions of Western Siberia: mechanisms of interaction between the government, science, and the public at large. A collection of papers following an interregional research and practice-oriented seminar held in the city of Kemerovo on 21-22 November 2012]. Kemerovo: Praktika, 2013, pp. 67-82.
- Sleptsov A.N. O pravovykh aspektakh vzaimodeistviia promyshlennykh kompanii i narodov Severa pri promyshlennom osvoenii territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniia [On legal aspects of the interaction between industrial companies and the peoples of the North during industrial development of territories of traditional use of natural resources], *Pravovye i sotsial'noekonomicheskie problemy razvitiia narodov Arktiki. Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Iakutsk, 2011 g.). Vyp. 9* [Legal and socio-economic problems of development of the Arctic peoples]. Iakutsk, 2012, pp. 24–31.
- Sleptsov A.N. Etnologicheskaiia ekspertiza v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i traditsionnoi khoziaistvennoi deiatel'nosti narodov severa: regional'nyi opyt pravovogo regulirovaniia i pravoprimeritel'noi praktiki [Ethnological impact assessment in places of traditional residence and economic activity of the peoples of the North: regional experience of legal regulation and practice], *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal*, 2013, no. 12(67), pp. 71-75.
- Sleptsov A.N. Gosudarstvennaia etnologicheskaiia ekspertiza Respubliki Sakha (Iakutiia) [State ethnological impact assessment in the Republic of Sakha (Yakutia)], *Arktika. XXI vek. Gumanitarnye nauki*, 2015, no. 1(4), pp. 15-24.
- Sleptsov A.N., Gogolev P.V. Metodicheskie rekomendatsii po provedeniiu etnologicheskoi ekspertizy v Respublike Sakha (Yakutiia) [Methodological recommendations on conducting ethnological impact assessment in the Republic of Sakha (Yakutia)]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2016. 48 p.
- Sosin P.V. Iuzhnaia Iakutiia: sotsial'naia adaptatsiia i etnoekologicheskie problemy korenykh malochislennykh narodov Severa [South Yakutia: social adaptation and ethnological problems of the small-numbered indigenous peoples of the North], *Severo-Vostochnyi humanitarnyi vestnik*, 2015, no. 2(11), pp. 69-74.
- Funk D.A. (red.) *Kul'tura i resursy. Opyt etnologicheskogo obsledovaniia sovremennogo polozheniia narodov Severa Sakhalina* [Culture and resources. An ethnological study of the current state of the peoples of the North in Sakhalin]. Moscow: Izdatel'stvo «Demos», 2015. 272 p.
- Shadrin V.I. Etnologicheskaiia ekspertiza kak instrument zashchity korenykh malochislennykh narodov Severa: opyt, problemy, perspektivy (Na primere Respubliki Sakha (Iakutiia)) [Ethnological impact assessment as a tool for protecting the small-numbered indigenous peoples of the North: experience, problems, and prospects (the case of the Republic of Sakha (Yakutia))], *Arkticheskaiia zona Rossiiskoi Federatsii: Severo-Vostochnyi vektor razvitiia. Sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashchennoi 380-letiiu vkhozhdeniia Iakutii v sostav Rossiiskogo gosudarstva. 28–30 noiabria, g. Sankt-Peterburg. Ch. II* [The Arctic zone of the Russian Federation: a north-eastern vector of development. A collection of papers following the International Research and Practice-Oriented Conference dedicated to the 380th anniversary of the accession of Yakutia to the Russian state, held on 28-30 November in Saint Petersburg. Vol. II]. St. Petersburg, 2013, pp. 406–413.

- Shadrin V.I. Etnologicheskaja ekspertiza v Iakutii [Ethnological impact assessment in Yakutia], *Etnopoliticheskaja situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2013 godu. Ezhegodnyi doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov* [The ethno-political situation in Russia and adjacent states in 2013. EAWARN annual report]. Moscow: IEA RAN, 2014, pp. 331-337.
- Shadrin V.I. *Pri prinyatii reshenii v sfere nedropol'zovaniia neobkhodim uchet interesov korennykh malochislennykh narodov Severa* [Interest of the indigenous population of the North should be taken into account when making decisions on subsoil resources use]. 2015. Available at: <http://iltumen.ru/content/vyacheslav-shadrin-%C2%ABpri-prinyatii-reshenii-v-sfere-nedropolzovaniya-neobkhodim-uchet-interes> (Accessed 12 March 2017).

УДК 572.027

DOI: 10.17223/2312461X/20/7

«РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ» И СТРАТЕГИИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НА ОСТРОВЕ ИТУРУП

Алевтина Сергеевна Бородулина

Аннотация. Рассматриваются особенности политик и практик потребления в квази-закрытых сообществах приграничных военных городков (действующего и расформированного) на Курильских островах. Расположенные на удаленных территориях, приравненных к территориям Крайнего Севера, изолированные формально (действует внутренний визовый режим) и территориально (низкая транспортная доступность), эти городки были изначально поставлены в ситуацию почти полной зависимости от распределяемого ведомственного ресурса. Во время «расцвета», которое выделяют сами информанты, ресурс распределялся в обмен на лояльность; в постсоветское время мы можем наблюдать трансформацию общественного договора, ограничение предоставляемого ресурса и адаптацию местных жителей к новым паттернам ресурсного обеспечения местных же потребительских практик, выработку местным населением новых стратегий жизнеобеспечения. Одним из инструментов адаптации становится кооперация с привлечением цифровых методов, которую автор предлагает обозначать как «мессенджерский поворот», характерный в разной степени для всего региона, но в представленных кейсах проявляющийся особенно выразительно. В указанных городках складываются уникальные квазирыночные отношения между жителями, а между гражданской, военной властью и местными жителями разворачиваются специфические конфликты вокруг возникающих потребительских практик и ресурсного обеспечения.

Ключевые слова: Сахалин и Курильские острова, военные городки, закрытые общества, «ресурсное проклятие», стратегии жизнеобеспечения, политики потребления

Сахалинская область и Курильские острова относятся к регионам классического «ресурсного проклятия». Богатые месторождениями нефти, газа, золота и редкоземельных металлов, а также ценными промысловыми ресурсами – красной рыбой и осетровыми в своих водах, эти острова демонстрируют парадоксальные (и полностью укладывающиеся в концепт «ресурсного проклятия») примеры недостатка инфраструктурного развития¹. Сверхприбыль от ресурса, как это часто бывает в таких регионах, не распределяется в пользу развития остальных отраслей местной экономики, но провоцирует экономический дисбаланс и имущественное расслоение между теми, кто участвует в распределении ресурса, и теми, кто отстранен от этого процесса; экономические и социальные отношения оказываются во многом детерминирова-

ны отношением акторов к ресурсу. В этом контексте интересно положение закрытых военных городков, которые, с одной стороны, существуют в данном экономическом ландшафте в качестве обособленных включений, а с другой – ярко демонстрируют дисбалансы сложившихся социально-экономических отношений.

В данной статье предпринята попытка проанализировать ситуацию, которую я наблюдала в расформированном военном городке Горный (в настоящее время официально село Горное, но я в этой работе вслед за информантами использую прежнее его название) и в действующем военном городке Горячие Ключи с точки зрения «политик потребления». На базе кейса Горного я попытаюсь продемонстрировать, какие практики могут складываться в военных городках на удаленных территориях в ситуации, когда они оказываются отрезанными от административного ресурса.

Антропологическое исследование стратегий жизнеобеспечения и потребительских практик в военных городках закрытых приграничных территорий ценно еще и тем, что столь активно разрабатываемая в последнее время в антропологии тема «политик потребления» практически не уделяет внимания авторитарным режимам и тем более режимным поселениям (Fulbrook 1997; Heldmann Ph. 2001), хотя именно это поле может принести уникальные примеры потребительских практик.

Специфика военных городков заключается в том, что построенные на неосвоенных приграничных территориях, иногда, как в нашем случае, в регионах Крайнего Севера и приравненных к ним, они могли существовать только за счет организованного «снабжения», в отрыве от окружающей инфраструктуры. Это создавало закрытые сообщества (с принудительной внутренней ротацией членов сообществ), спроектированные и регулируемые государством (Bohn 2006; Kutepova, Tsepilova 2007), со своей уникальной системой привилегий, продуктовым и жилищным обеспечением, что искусственно вырывало их из контекста местной экономики. В рамках этой системы, основанной на обособленном распределении производимых в стране ресурсов, устанавливался необходимый консенсус между властью и теми категориями граждан, на которые она опиралась (Zaslavsky 1982).

Сегодня научные и ядерные городки «открыты» и являются преимущественно предметом исторического исследования. Некоторые практики закрытых поселений сохранились разве что в так называемых военных городках, распространенных в современной России, но и они активно переводятся в статус «открытых» и даже гражданских. Военные городки Горячие Ключи и Горный сохраняют черты закрытых сообществ не в последнюю очередь потому, что находятся в пограничной зоне, доступ в которую ограничен внутренним визовым режимом².

Сравнение стратегий жизнеобеспечения населенных пунктов Горный и Горячие Ключи строится на том, что Горячие Ключи (далее в скобках при атрибуции информанта обозначаемый как ГК) остаются «рядовым» военным городком, а Горный (который теперь официально обозначается как «село») оказался в уникальном «маргинальном» положении. В 1994 г. на острове произошло землетрясение, и Горный должен был быть расселен³, но он вопреки всему остался обитаемым. Сейчас там живут в основном бывшие и действующие военнослужащие, часть в своих квартирах, часть как сквоттеры; иногда там селятся военные из соседних частей, которым не хватило места в Горячих Ключах; здесь в конечном итоге оказываются и те, кто приехал на Итуруп на заработки и остался ни с чем: квартиры невозможно продать и купить, но можно «продать ремонт» (так как Министерство обороны обладает монополией на собственность в военном городке, но уже не контролирует пользование ей, складываются такие квазирыночные отношения: продается неформальное право проживать в квартире под видом компенсации за проведенный в ней ремонт предыдущими обладателями этого права) перед тем, как уехать с острова (И.Г., Бийск / Горный). Формально земля в Горном и всё находящееся на ней принадлежат Министерству обороны, но городок, по заверениям моих информантов, уже не числится на балансе, поскольку не является действующим. Официальное положение Горного крайне запутано за счет того, что гражданские и военные власти «перебрасывают» друг другу Горный как объект, который ни один из стейкхолдеров не желает встроить в свою систему распределения.

Locus claudi

Мое исследование проходило на острове Итуруп, в пограничной с Японией зоне, как часть исследовательского проекта, посвященного изучению феномена «ресурсного проклятия» на циркумполярных территориях⁴. Итуруп – это малонаселенный остров⁵ со значительной долей сезонной трудовой иммиграции, связанной с работой компании «Гидрострой», которая занимается строительством объектов местной гражданской и военной инфраструктуры, добычей рыбы и красной икры и туристическим бизнесом, концентрируя в своих руках всю значимую экономическую активность на острове. Помимо формальных ограничений для доступа на остров⁶, его изолированность усиливается дороговизной билетов⁷, нестабильностью авиасообщения из-за погодных условий и частых поломок на пассажирском корабле⁸. Монополизирующая туристическая отрасль вкупе с транспортной ценовой политикой делают местный туризм невыгодным даже для жителей близлежащего острова Сахалин. Сам остров Итуруп, таким образом, представляет собой в некотором роде закрытое сообщество, а местные по-

требительские практики напоминают те, что существовали в экономиках закрытого типа (Heldmann 2001). При этом и сами военные городки оказываются довольно изолированными локальностями: регулярное транспортное сообщение отсутствовало между административным центром и Горячими Ключами; в Горный же ведет только военная дорога, «стратегичка», которую «можно использовать только если у тебя есть танк» (П.М., Хабаровск / Горный), обычно добираются на джипе по отливу по берегу океана, что может быть опасно, особенно в случае тумана (Мага, Дагестан / ГК). Сами информанты рефлексируют это состояние как чувство «заброшенности», что они «предоставлены сами себе» («если что-то случится, скорая сюда не приедет; можно попытаться найти машину, подождать отлива и еще через 5 часов быть в Курильске... Мы здесь как на заброшенной полярной станции» (Г.Н., Орел / Горный).

Быть предоставленными самим себе в этом случае, однако, сочетается с глубокой зависимостью от распределяемого властью (местной и министерством обороны) ресурса. Зависимость от «государства» усугубляется тем, что изначально военные городки были спроектированы как обеспечиваемые организованным снабжением; военный городок Горный получал регулярно все необходимые товары, продукты, медикаменты и материалы через близлежащий аэропорт «Буревестник» (сейчас практически не используется), что удовлетворяло базовые потребности местного населения, он же использовался полулегально для пассажирской коммуникации (об использовании вертолетов военных «по договоренности» для перелета на Сахалин мне рассказывали старожилы Горного).

Locus Laetitiaе

В позднесоветское время такие закрытые городки были «местом счастья», т.е. искусственно созданными островками изобилия в системе плановой советской экономики, особенной заботы государства, сопряженной с ощущением особой значимости своей деятельности для каждого жителя научного, пограничного, военного или ядерного городка; сейчас они становятся предметом для ностальгии (Bohn 2006). Особенно это справедливо в отношении новых, строящихся с нуля городов, в которых само общество было продуктом проекта советского «просвещения»: молодые, высококвалифицированные люди, которые отправлялись заселять «новый свет» и строить собственное будущее и свой город своими же руками, осознавая важность собственного жизненного пути в масштабах всей страны – делали ли они прогресс в науке или охраняли рубежи необъятной Родины⁹. В буклете, созданном работниками детского сада Горного в честь 70-летия Курильского района, где сотрудницы собрали

друг у друга интервью с историями их семей в контексте жизни в городке, каждый личный нарратив старожила содержит описание «золотого века» Горного. Сам по себе этот буклет представляет собой замечательный пример автоэтнографии и одновременно попытку сконструировать светлый образ будущего через образ прошлого и через частные истории. Цитаты приводятся с разрешения составителей:

«В те годы, как и сейчас, жили люди военного контингента и гражданского населения. Подавляющее большинство составляли люди молодого возраста. Концерты самодеятельных артистов, тематические вечера, танцы и другие культурные мероприятия были для нас лучшим развлечением. Жили и служили не только профессионалы своего дела, но и были весьма образованными людьми. Они наизусть знали стихи советских и зарубежных поэтов, пели, были душой компании. Им были хорошо известны музыкальные инструменты, а особенно таковой, как гитара. Для любителей читать работала библиотека» (Л.Н., Шымкент / Горный, Курилы в судьбах и лицах, 2016).

Такой образ складывался и из моих бесед с информантами, которые были также склонны описывать действующий военный городок как место «коммунального рая»: даже если они рассказывают, как делили квартиры с двумя другими семьями или жили в землянках, пока строили новые дома, это преподносилось не как тяготы быта, а как время, когда не было личной изолированности, была активная социальная жизнь. Они описывают дни рождения, Новый год и 8 марта как главные городские события, а весну, например, как время, когда столы выставлялись на улицы для общего празднования, и даже в сравнении с комфортной московской жизнью Москва проигрывает Горному того времени по субъективному ощущению «счастья» (Ю.Ю., Горный / Москва).

«Народу здесь было в то время¹⁰ очень много, и всем всего хватало, хотя вареная колбаса была страшным дефицитом, но никто не жаловался, даже когда в мае заканчивалась картошка; а ещё было время “сухого закона”, и нормально, дружно все жили, вообще скучать было некогда» (Л.М., Дербент / Горный, Курилы в судьбах и лицах, 2016).

«В торговле было настоящее изобилие. Товаров привозили много и в большом ассортименте. Конфеты московские, сгущенка, нескольких наименований и сортов колбасы и мясо. Без очереди можно было купить в магазине импортную и отечественную обувь и одежду... Хозяйственные и промышленные товары, продуктовый ассортимент на склады завозились грузовыми судами с весны до осени. Хранились на складах Военторга. Скоропортящиеся продукты в ограниченном количестве завозили самолетами» (Л.Т., Шымкент / Горный, Курилы в судьбах и лицах, 2016).

Старожилы Горного связывают образ «счастья» с уровнем культурного потребления, хотя и упоминая о наличии различных «дефицитов»,

бытовой неустроенности («полчища тараканов» (Л.М., Дербент / Горный), крыс, которые «всегда вели себя на острове, как хозяева. Итуруп и переводится с японского как «остров крыс» (Ю.Ю., Горный / Москва)). Образ благополучия связан с наличием «третьих мест», публичных пространств и городских сообществ, а также с окружающим «диким» ландшафтом, который тоже был «местом» коллективной активности: вспоминают женский клуб «Курильчанка», любительские спектакли и тематические вечера, местный оркестр, фотоателье, кинотеатр и кафе, туристические походы и рыбалку (Г.А., Бийск / Горный; Л.М., Дербент / Горный; А.Л., Забайкалье / Горный) Примечательно, что сохранение высоких стандартов культурного потребления было одним из рефлекслируемых инструментов совладания с «изоляцией»:

«Детей старались растить так, чтобы они не чувствовали себя чем-то обделенными вдали от цивилизации. Покупали им диафильмы, игрушки, книги. Сами сочиняли сказки, сами рисовали к ним картинки» (Л.М., Дербент / Горный, Курилы в судьбах и лицах, 2016).

С точки зрения отношения государства и граждан, ситуацию 80-х гг. в военных городках можно было бы описать как определенный социальный контракт, с формулой «обеспечение в обмен на лояльность»; объективное снижение уровня жизни в материальном отношении в первые годы строительства Горного воспринималось как необходимая жертва и издержка «начинания с нуля», а не как нарушение контракта; «Военторг» был каналом избытка, который связывал физически отдаленный форпост с остальным советским миром, привозя «московские конфеты» и даже «иностранные товары». Справедливость построенного мира отражается и в подчеркнутом внимании к «чистоте», которая была раньше в Горном (на контрасте с тем, как люди вынуждены жить сейчас). Конструируемый образ «светлого прошлого» в современном модусе «выживания» и сопротивления стал мощным источником мотивации борьбы за существование Горного, которая во многом и выглядит как борьба за возобновление этого социального контракта.

Locus Patientiae

Те, кто переезжал в Горный в 2000-е, увидели его уже совсем иным:

«Я прилетела сюда за мужем, на руках у меня было двое маленьких детей. Когда я увидела город, мне захотелось развернуться и лететь обратно. Первые полгода я плакала» (Ю.М., Казань / Горный). Ее супруг описывает Горный схожим образом:

«Я зашел на Централку, осматриваюсь и говорю: ого, если здесь такой замечательный полигон, то как же выглядит сама часть? Выглядело все так, как будто здесь отрабатывают стрельбу в условиях города. А мне говорят, так это и есть часть» (П.М., Хабаровск / Горный).

Местам счастья было суждено стать местами терпения – через перестройку и развал СССР и последовавшее за ним землетрясение 1994 до настоящего времени. В конце 80-х гг. информанты вспоминают «унижающие человеческое достоинство очереди»:

«Заварка, зубная паста, конфеты – все выдавалось поштучно. Например, на семью с двумя детьми выделялось по 200 грамм конфет и по два куриных яйца в месяц» (Л.Т., Шымкент / Горный, Курилы в судьбах и лицах 2016).

«Здесь всегда было непросто, но мы жили верой в то, что мы делаем, и в то, что трудности преодолимы. А потом жизнь затрепала по швам: рухнула страна, расформировали авиаполк, землетрясение. Все можно было бы легко восстановить, но жизнь шла уже не в этом направлении. Стали добывать» (Т.Л., Брянск / Горный).

Горный тогда еще не перестал быть действующим военным городком, поэтому воспоминания о перестройке и дефиците встраиваются в светлую картину «упорядоченной» жизни, когда горожане еще находились «под опекой» государства.

«В 1992 Горный... был густо населен, чисто убран и обустроен. Из магазинов существовал лишь Военторг. Снабжение происходило так: один раз в год на склады Военторга приходил корабль, привозил продукты питания, одежду и обувь. Это было время многочасовых очередей и плавального дефицита. Продукты четко распределялись. Например, на одну семью полагалось 3 куриных яйца и полкурицы... Несмотря на трудности, все жили дружно и весело, одной семьей» (С.Т., Одесса / Горный).

В этом контексте описывается и травматический опыт землетрясения 1994 г., который Горный пережил как солидарное сообщество: *«Землетрясение не затухало несколько недель. Мы боялись возвращаться в дома, а палаточный лагерь почти сразу же смыл тайфун, и люди неделями стояли у костра. Мы с соседкой пекли хлеб и раздавали мальчишкам, а те относили остальным. Так за неделю у нас ушел мешок муки. Те события очень сплотили людей»* (Л.М., Дербент / Горный).

Но очевидно, что к тому моменту сменился один из участников старого социального контракта, и новое государство, скорее, было нацелено на минимизацию собственных издержек и отказ от обязательств своего предшественника. Более того, оно не торопилось обговаривать условия нового сосуществования. Пострадавшие от землетрясения дома было решено разрушить. По словам информантов, это обосновывалось тогда соображениями «безопасности»: им объявили, что здания могут обрушиться и их необходимо снести; при этом о том, когда дома и объекты инфраструктуры будут восстановлены и будут ли восстановлены вообще, речи не шло. Предшествующий социальный контракт, с точки зрения самих жителей, был односторонне и «несправедливо»

нарушен, погрузив только недавно пережившее травматический, но консолидирующий опыт общество в состояние аномии. Впоследствии многие жители покинули город. Информанты говорили о том, что желали въехать и даже своими силами отремонтировать собственные дома (Л.М. Дербент / Горный; С.Т. Одесса / Горный, И.Л., Горный), но не получили на это разрешение. 13 из 29 жилых домов были признаны аварийными, их было приказано снести, то же самое было приказано и в отношении школы и клуба офицеров.

«Их строили по специальному проекту с учетом местной сейсмической активности. Ну это смешно, они как стояли, так и стоят. Но у нас тут военные, а не маляры, поэтому вопросы решаются взрывчаткой» (И.Л., Горный).

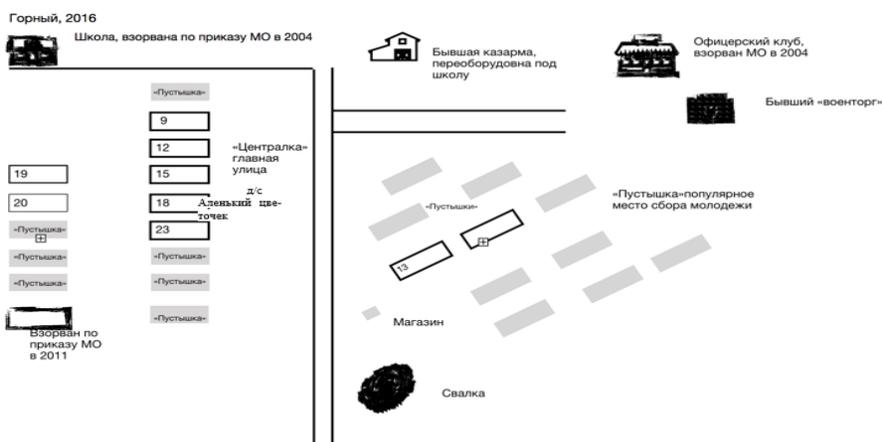


Рис. 1. Авторский набросок плана расформированного военного городка Горный в настоящее время на основе личных наблюдений и интервью с местными жителями.

Подписаны так называемые пустышки, полностью заброшенные дома, инфраструктурные объекты (школа, магазин «Военторг»), важные общественные локации. Жирной смазанной линией показаны дома, разрушенные специально по приказу Министерства обороны, остатки строений представляют собой руины из бетона и арматуры. Видно, что общественные строения были разрушены в 2004 г., а в 2011 г. взорван один из домов в непосредственной близости от жилой зоны

Оказалось, что сеймоустойчивые дома не так легко взорвать: дом на окраине пытались взорвать три раза, но он только покосился. Школа и офицерский клуб были взорваны первыми, но информанты с явной иронией относятся к постулируемой «безопасности»:

«Вот, лежат горы арматуры и бетона, уже больше 10 лет, в самом центре городка. И вот еще. Чтобы детям было где безопасно играть, видимо» (Ю.М., Казань / Горный).

Действительно, школу жители разместили в опустевшей казарме, и плац перед ней, который теперь выступает в роли физкультурной площадки, расположился между руинами.

Этот отказ от исполнений обязательств происходил не только без попыток достичь какого-либо консенсуса, но, напротив, с максимальным «расчеловечиванием» отношений и принимаемых решений. Сотрудники детского сада вспоминают, что в день взрыва дома-пустышки не проводилось ни эвакуации, ни хотя бы инструктажа, жителям только приказали оставаться дома:

«Внезапно врубил сирену, и я только успел занести детей в ванную¹¹, как раздался взрыв, нашу воспитательницу порезало осколками стекла, все повывлетало от взрывной волны» (И.Л., Горный).

Locus Latens

В 2017 г. Горный – это, как назвал его фотограф Олег Климов, город-призрак¹², в котором отмерли черты города: здесь не убирают снег и не вывозят мусор, пекарня и санитарный пункт стоят разрушенными. Общим городским пространством здесь можно считать разве что детскую площадку перед детским садом, куда приходят и мамы с маленькими детьми, и уже подростки школьники. Магазины и почту таковыми назвать сложно, так как последние либо представляют собой переделанные квартиры на первом этаже (где продают товары через импровизированную форточку, переходя в режим «ночник», т.е. ночной ларек), либо переделанный грузовой контейнер. Второе публичное пространство – закрытый «Военторг», который по выходным превращается в «кабак», как его называют местные: после того, как в соседнем городке Горячие Ключи закрыли дом офицеров, солдаты стали приезжать пить в Горный.

Жители знают, что на Дальний Восток и на Итуруп¹³, в том числе, выделяются большие средства, они читают в СМИ отчеты о том, как на острове решено построить дополнительные военные городки и как здесь ремонтируются дороги¹⁴. Диалог участников социального контракта становится невозможным, так как они начинают существовать в «параллельных вселенных». Как припоминает однажды встречавшийся с тогдашним министром обороны Ивановым информант П.М., первый во время визита на «Буревестник» (военный аэродром возле городка Горный) предложил устроить в зале ожидания аэропорта интернет-кафе, «чтобы солдатики писали письма родственникам»:

«Тогда я понял, что Иванов не из Москвы к нам прилетел, а прямоком с Луны свалился» (П.М., Хабаровск / Горный).

Существующий вариант неустановимого диалога с властью отобразился в элементе местного городского фольклора. Информанты расска-

зывают примерно одну историю в ответ на вопрос о том, когда городок официально вывели из ведомства Минобороны, а именно после визита Сергея Иванова¹⁵:

«Иванов полетел над нами на Буревестник на вертолете, и спросил – а что это там внизу за развалины? И ему ответили, что, конечно, все в порядке и там давно никто не живет. С тех пор нас не найти на стратегических картах, мы не существуем» (П.М., Хабаровск / Горный).

Интересно, что в соседнем городке Горячие Ключи мы встречаем вариант того же сюжета, но уже объясняющий ситуацию в Горячих Ключах, где (несмотря на то что Горячие Ключи, в отличие от Горного, действующий военный городок), социальный контракт между военнослужащими и государством далек от ясности. Летом 2016 г., опять же без какого-либо предварительного обсуждения, были запрещены подсобные хозяйства жителей городка, и почти незамедлительно власть приступила к уничтожению коммуникаций, в чем узнается паттерн взаимодействия власти и граждан в Горном¹⁶.

В варианте Горячих Ключей над городом пролетал кто-то из командования округа, «им вид сверху не понравился», и они приказали снести всё то, что не соответствует официальному плану городка (на плане штриховкой также обозначены «третьи места», ситуация с магазинами там ровно та же, что и в Горном. Кафе было закрыто как незаконное временное строение, заштрихованный участок дороги – это променад от танка (памятник защитникам Итурупа) до церкви). И в том, и в другом случае персонифицированная власть находится слишком далеко, высоко (во всех смыслах) и неверно интерпретирует то, что происходит на земле. Власть сверху на них смотрит, но не видит, а они снизу не могут до нее докричаться, чтобы исправить ошибки порочно устроенной коммуникации.

Распределяемый ресурс же растворяется по дороге, – так пояснял мне свое понимание проблем Горячих Ключей и Горного один из информантов, рассказав историю про то, как его в первый раз отправили набирать солдат в часть: сначала он изучил личные дела солдат и отобрал тех, которые были нужны части; но в Хабаровске у него забрали всех и отдали других 12 человек, из этих «ненужных» 12 кого-то отбрали и заменили в Южно-Сахалинске, и на остров приехали совсем не те люди, которые были нужны части: «...с тех я просто отсчитывал нужное количество личных дел сверху стопки и забирал случайных людей» (П.М., Хабаровск / Горный).

Тем не менее жители Горного в своих стратегиях жизнеобеспечения полагаются именно на установление диалога с властью и вынужденно имитируют нормальные социальные институты. Они исправно продолжают оплачивать счета за свет и воду¹⁷, правдами и неправдами¹⁸ заре-

гистрировали официальные школу и детский сад, последний после землетрясения временно был размещен в подъезде жилого дома, где и находится до сих пор. Это стремление к формальному соответствию здесь выражено даже больше, чем в Горячих Ключах: там есть только официальное здание школы, поэтому дети дошкольного возраста либо находятся дома с матерями, либо некоторые женщины создают импровизированные «детские сады» – забирают к себе двух-трех близких по возрасту детей на три часа в день и занимаются с ними.

Эти «имитация» и «соответствие» сопряжены с колоссальными дополнительными издержками: *«Снег зимой выпадает до окна второго этажа. И вот я закрываю смену в 4 утра (И. работает ночным продавцом в магазине) и до 7 утра успеваю прокопать узенький тоннель, чтобы дети могли зайти в сад»* (И.Л., Горный); директору детского сада приходится ремонтировать детский сад, который нельзя ремонтировать и нельзя не ремонтировать: *«Была программа областная по установке пластиковых окон. Это именно то, что нам позарез нужно, но по закону я права не имею тратить муниципальные деньги на ремонт собственности МО»*. В школе ведут занятия в полном соответствии с программой, даже если в классе всего один ученик, и сверх того ведут кружки и участвуют в региональных конкурсах и олимпиадах:

«Они нас там ненавидят все, наш город, детский сад и школу. Конечно, они пытаются убедить нас, что нас не существует, а мы приходим и берем первые места»¹⁹ (Ю.М., Казань / Горный).

Это сочетается как с локальным, так и государственным патриотизмом, что в первом случае проявляется в разговорах о Горячих Ключах (Горный действующий был «гораздо лучше, чем Ключи», да и теперь «что там хорошего, у нас зато какой вид здесь на горы и вот океан рядом») ²⁰, а во втором – с актуальными на осень 2016 г. переговорами Владимира Путина и Синдзо Абэ. Разговоры о передаче островов или о самостоятельной эмиграции здесь непопулярны; старшее поколение мечтает уехать разве что на родину, а дети – поступить в военное училище и служить здесь (П.М.; Ю.М.; В.Б.; А.Б.; Т.М., N / Горный; В.М.; А.М.; Р.Т.; И.Л.; А.С., Горный; Ю.Ю., Горный / Москва).

Locus Imaginatum

Место видимого безвластия оказывается на поверку сильно зарегулированным пространством жизни, где большая часть материальной культуры сформирована по лекалам военного ведомства, а возможности для ее изменения минимизированы ²¹. Это относится как к Горному, так и к Горячим Ключам: государство ограничивает свободу жителей острова самостоятельно компенсировать недостатки сложившейся системы. В условиях изоляции и удаленности дисбалансов в данной си-

стеме предостаточно: это и кратко завышенные цены в розничной торговле, и полное отсутствие некоторых продуктов на острове²². Описанная выше кампания против местных подсобных хозяйств в Горячих Ключах обернулась тем, что весна 2017 г. была отмечена «первой Пасхой без единого пасхального яйца», – с середины марта корабли не могли завезти продукты из-за льда вокруг острова. За видимые перемены, такие как постройка кафе или детской площадки и ремонт дома, приходится бороться в условиях экономики дефицита и политик запрета; в этих условиях существенную роль в жизнеобеспечении стали играть сформировавшиеся через Интернет сетевые структуры. Это произошло относительно недавно, с момента широкого распространения приложений – мессенджеров, феномен, который я предлагаю обозначать как «поворот к мессенджерам» (Бородулина 2018).

Сама по себе возможность интернет-коммуникации не стала даже механизмом преодоления изоляции и повышения уровня культурного потребления. В силу низкой скорости Интернета, получаемого через спутниковую связь, он использовался жителями крайне ограниченно. Невозможность сохранять паттерны потребления, с которыми они знакомы на Сахалине или материке, только подчеркивали для жителей изолированность их жизненного пространства:

«Мы не просто территориально изолированы. Мы почти отрезаны от глобальной сети. То, что является нормой для современного молодого человека – посмотреть новости, послушать музыку – этого здесь почти нет. Когда я поехал учиться в Питер, я почувствовал разницу» (И.Л., Горный).

«Это как загружать Интернет – когда кто-то из наших уезжает на материк, в отпуск или на учебу, то берет с собой хард и записывает фильмы новые и сериалы, а потом, когда возвращаешься, этот диск идет по всем товарищам. Так мы всем городком “Как я встретил вашу маму” смотрели» (А.М., Горный).

Именно мессенджеры, с их минимальным потреблением трафика, стали тем средством коммуникации, которое эффективно связало локальные и транслокальные группы Итурупа²³. С приходом мессенджеров, при доступности смартфонов, интернет-коммуникация стала существенной частью повседневности, при этом мессенджеры стали брать на себя функции, характерные для СМИ и социальных сетей. Более того, новые способы коммуникации, оказываясь преимущественно локальными, стали брать на себя и функции отсутствующих, но необходимых социальных институтов, обслуживая и создавая местные рынки сбыта для рыбаков, охотников и военных, позволяя им продавать излишки добытого ресурса.

Группы в чатах становятся субститутами отсутствующих в реальности магазинов одежды и косметики, воскресных рынков, где можно

продать самодельную выпечку, свежемороженую рыбу, домашние заготовки; через такие группы коллективно заказывают, например, косметику и одежду, создавая пространство виртуального коллективного шоппинга и преодолевая дисбалансы местной экономики. Местные чаты WhatsApp специфичны: стандартно исследователи описывают чаты в мессенджерах как соответствующие существующей в реальности малой социальной группе лично знакомых друг с другом людей (Miller 2016: 2). Группы же на острове Итуруп объединяют от 30 до 100 с лишним человек, где далеко не все участники связаны личным знакомством; информанты часто подписаны на 5–10 групп с ежедневной активностью, часть из которых удовлетворяет их потребности в преодолении социальной изоляции, а часть используется для решения практических вопросов. Существуют и метагруппы, своеобразные самообновляемые реестры локальных чатов (например, чат «ссылки сахалин-65»), в которых публикуются только ссылки-приглашения в группу, чаще всего от администраторов данных групп; это позволяет находить нужные чаты в регионе. Постоянная активность в чатах помогает решить проблему отсутствия публичных пространств, таких как кино, кафе, клубы, где горожане могли бы общаться (чаты «поговорим», «девчонки итуруп», «лясим-трясим»). Сами названия подразумевают нацеленность на удовлетворение потребности в общении, на приглашение к диалогу; часто это именно женские группы (что также видно из названий) или смешанные группы с большой пользовательской активностью женщин, так как именно они, в отличие от имеющих регулярные контакты на работе / службе мужчин, испытывают проблему исключенности из социума. Во время тайфунов женщины с детьми часто остаются изолированными в пределах собственной квартиры, и выход в чат становится единственно доступным способом социального контакта.

Интересен случай, когда групповой чат, который изначально имел функции городского рынка и доски объявлений, превратился в виртуальный городской форум, площадку для обсуждения и решения насущных проблем городка. Это примечательный кейс, который показывает, что чаты в мессенджерах могут становиться дополнительным инструментом консолидации и даже местного самоуправления. В ноябре 2017 г. в Горном произошла авария в отопительных коммуникациях²⁴, а попытки жителей согреться с помощью электрорадиаторов в один момент привели к общему инфраструктурному коллапсу. Местный групповой чат «Форум, объявления. Говорят» стал виртуальным местом схода городских активистов для решения этой проблемы, которая требовала выработки общей позиции для общения с министерством обороны и районной администрацией, а также со СМИ, которые в свою очередь помогали привлечь внимание к данной проблеме. В чат были включены и неместные активисты, и журналисты с Сахалина; группа

достигла максимального для приложения числа участников в 256 человек и «на добавление еще очередь человек в 30, постоянно кого-то удаляют и добавляют» (В.М., Горный).

Таким образом, сопротивление ограничениям, которые ставят властные структуры перед попытками жителей сформировать свои способы самообеспечения, эффективно реализуется в относительно невидимой для этих структур среде интернет-коммуникаций. При этом названные виртуальные закрытые форумы в итоге накапливают потенциал для использования рычага публичности, который может вынудить акторов от государства вернуться к прерванному диалогу.

Заключение

Горный, при всей уникальности сложившейся там ситуации и драматичности происходящих событий, показывает универсальные тенденции для современного Российского государства в условиях сокращения ресурсной ренты; исключение из цепи распределения ресурсов не происходит плавно, с учетом жизненных потребностей элиминированного населения, но, напротив, жестокие акции (как описанные взрывы домов или уничтожение подсобных хозяйств) ставят своей целью вынудить граждан самим выйти из договора «обеспечение в обмен на лояльность», который действует на ограниченной территории, маркированной как «северная» и «военный городок». Часть населения оказывается готовой отстаивать свои «права на привилегии» даже в экстремальных условиях магнализированного города, и продолжает «воскрешать» город-призрак через установление городских институтов вроде общеобразовательной школы и детского сада, продолжая жить в едва пригодных для жизни домах. Закрытое место, которое из места счастья стало местом терпения и страданий, сохраняет свой витальный потенциал за счет конструирования образа светлого прошлого и стремления оправдать потраченные усилия, так как становление места счастья на всем протяжении существования военного городка было связано с ситуациями преодоления. В ответ на жесткие ограничения свободы местных жителей в создании институтов самообеспечения и корректировки дисбалансов закрытой изолированной экономической системы возникают новые практики, в том числе и с участием цифровых технологий («поворот к мессенджерам»), которые позволяют преодолевать экономические дисбалансы в условиях ограниченных ресурсов и изолированности, а также дают сообществам дополнительный инструмент консолидации, который может быть использован для установления нового социального договора.

Благодарности

Автор благодарит Д.А. Функа за научное консультирование, а также Олега Климова, Юлию Мухину, Влада Мухина и Викторину Бородину за

помощь в организации полевой работы. Исследование выполнено в рамках проекта «Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (грант РНФ № 15-18-00112).

Примечания

- ¹ В качестве примеров: север и юга острова (столица Южно-Сахалинск и крупный нефтедобывающий город Оха) не связаны ни асфальтированной, ни железной дорогой; соседний с газоперерабатывающим заводом СПГ город Корсаков использует угольное отопление.
- ² В России ряд территорий, на которых могут находиться как гражданские, так и военные поселения, ограничен для посещения, разрешение выдается пограничным контролем как внутренняя виза на основании заявления. В соответствии с Приказом ФСБ России от 26 октября 2016 года № 644 «О внесении изменения в пункт 1 приказа ФСБ России от 14 апреля 2006 года № 149 “О пределах пограничной зоны на территории Сахалинской области”» ограничены для посещения все населенные пункты о. Итуруп, кроме г. Курильск.
- ³ На острове по стандартному проекту строили сейсмоустойчивые дома, поэтому после землетрясения они были абсолютно пригодны для проживания, что подтверждают информанты. Люди оставались по разным причинам: часть людей согласилась переселиться в деревянные дома в соседнем поселке, которые и были разрушены при очередном землетрясении, после чего они вернулись в свои прежние квартиры уже как сквоттеры (Л.Т., Шымкент / Горный); некоторые предпочли остаться жить в своих домах, а полученные квартиры продать или отдать детям (С.Т., Одесса / Горный); часть людей до сих пор стоит на очереди на получение квартиры; остальные стремятся оставаться на острове столько, сколько необходимо для получения северной пенсии; так или иначе, город существует.
- ⁴ Курильские острова юридически приравнены к районам Крайнего Севера по постановлению Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029.
- ⁵ Помимо обозначенных военных поселений, на острове есть административная столица г. Курильск и поселок Рейдово. Согласно переписи населения 2010 г., плотность населения о. Итуруп 1,9 чел./км².
- ⁶ Для получения пропуска в пограничную территорию необходимо обосновать причины посещения и перечислить все населенные пункты, в которые вы запрашиваете въезд; таким образом, пропуск дается не на всю пограничную зону, а на каждый отдельный остров. В моем полевом опыте это, однако, не было связано с какими-либо значительными трудностями, и недоступным данное поле окажется преимущественно для иностранных исследователей.
- ⁷ В 5 100 руб. обходится жителям о. Итуруп поездка на соседний остров Сахалин в одну сторону (субсидированные билеты для тех, кто имеет местную «прописку»); полет на материк добавит к этой сумме еще 25 тыс. руб. Для всех остальных билеты на Итуруп с осени 2017 г. стоят 16 тыс. руб.
- ⁸ На Сахалине никогда нельзя быть уверенным, что ты улетишь в тот же день, что написан в билете. Некоторое время назад нормальной практикой было недельное ожидание вылета в аэропорту. После строительства нового «всепогодного» аэропорта время ожидания сократилось, а авиакомпания взяла на себя обязательства по расселению пассажиров в гостиницы до времени вылета. Система распределения мест в гостиницах между пассажирами является отдельным интереснейшим кейсом, демонстрирующем представления о справедливости и практическую реализацию этих представлений – речь идет о «моральной экономике дефицита». В случае от-

мены рейса представитель авиакомпании должен распределить места в гостиницах среди пассажиров, которым задержали рейс. Места в гостинице – это классический ограниченный ресурс, который должен быть распределен между нуждающимися («по справедливости»). Те, кто имеет свое жилье в Южно-Сахалинске, самоустраиваются от раздела. Первыми пропускают пожилых и пассажиров с детьми, людей с ограниченными возможностями. Следующими распределяются места между семейными парами. И только в самом конце, если остаются места (количество мест никак не коррелирует с количеством пассажиров, так как невозможно предугадать, сколько рейсов в день будет задержано и сколько пассажиров на этих рейсах будут нуждаться в размещении, а держать бронь на всех пассажиров экономически невозможно) расселяются молодые люди, летящие по одиночке или с друзьями. При этом престижность гостиниц возрастает от первых пассажиров до последних, которые рискуют или остаться без мест, или получить наилучшие варианты из возможных. Последнее объясняется экономически – компании выгоднее распределить сначала дешевые номера, так как есть вероятность, что дорогие останутся невостребованными.

⁹ Я использую здесь расхожие советские лозунги, но этим идеологемам соответствовали реальные практики: так, информанты, участвовавшие в строительстве военных городков, упоминали, что первое время приходилось жить в землянках и строить сначала боксы для машин, а затем только жилые дома, так как необходимо было «быть в постоянной боевой готовности».

¹⁰ Л.М. переехала в Горный в 1983 г.

¹¹ Дверные проемы и ванны комнаты считаются самыми безопасными при землетрясениях и взрывах.

¹² См. Олег Климов. Город-призрак на Курилах. Жизнь военного городка на острове Итуруп. <https://meduza.io/galleries/2016/01/19/gorod-prizrak-na-kurilah>.

Благодаря моему знакомству с Олегом Климовым на Сахалине в предыдущий год работы по гранту и стали возможны моя поездка в поселок Горный и, в итоге, это исследование.

¹³ В 2016 г. здесь проходил форум Итуруп, и много медийного внимания было уделено обсуждению миллиардных инвестиций, проектов «ноосферного развития» Итурупа и т.п. См.: Криминальный Сахалин и ноосферный Итуруп – обзор СМИ. <https://regnum.ru/news/2232873.html>

¹⁴ Шойгу сообщил о строительстве военных городков на Итурупе и Кунашире. <http://www.interfax.ru/russia/482553>

¹⁵ В 2004 г., в момент описываемых событий, глава Министерства обороны.

¹⁶ Люди утверждали, что им даже не дали возможности собрать вещи и вынудили уничтожить кур и единственную корову: См.: Мы вас всех повыгоняем, всех сроняем с землей. Анна Бойцова для Гриффон. <https://www.griffon.media/articles/6/10/2016/soldiers-occupy-the-Kurils>

¹⁷ На мой вопрос о том, как могут предоставляться официальные услуги в здания собственности Министерства обороны, которое эти дома не обслуживает, и значит, контрактов на обслуживание ни с какими организациями не заключало, информанты затруднились ответить (Ю.М., Казань / Горный, И.Л., Горный, Л.Д. Дербент / Горный). Если бы Министерство обороны обслуживало эти дома, то счета бы все равно не приходили, как это происходит в Горячих Ключах. Там в доме, где я жила, никогда не выключался свет в ванной, на кухне и в туалете... «чтобы лампочки не перегорали».)

¹⁸ Очевидно, здания бывшей казармы, где располагалась школа, и подъезды жилого дома не удовлетворяют санитарным нормам для детских учреждений, и директора рассказывали о серии инцидентов с «проверками».

¹⁹ В этом году именно ученик из Горного, В.М., был выбран для поездки на Олимпиаду в Сеул от Курильского района по результатам собеседования на английском языке.

- ²⁰ Локальный патриотизм проявлялся и в обсуждении мной с информантами фотоистории Олега Климова: жители были расстроены, что их жизнь была показана слишком мрачно и однобоко, что усилилось стилистикой черно-белых фотографий. Они не столько видели пользы в том, что такая подача сможет привлечь внимание к их положению, сколько придавали значение чувству, что они ведут здесь достойную жизнь. В подтверждение они рассказывали свои о «романтическом хорошем», которое происходит здесь за видимой бытовой неустроенностью: как в прошлом году военные по просьбе местных мужчин привезли целый вертолет цветов, чтобы те могли поздравить женщин с 8 марта, о взаимопомощи, походах в горы, рыбалке и т.п.
- ²¹ Из относительно самодельных построек в Горном только гаражи, магазин из контейнера и баня из цистерны.
- ²² Я знала, что на остров нужно привезти продуктов, но не догадывалась, что самым востребованным окажется кефир: как и многие другие скоропортящиеся продукты, торговые точки просто не завозят его на остров.
- ²³ Широкое распространение мессенджеров представляется нам как «взрыв» интернет-активности в не слишком благоприятной для развития интернет-коммуникаций и в особенности мобильного Интернета, среде, который стал возможен благодаря «легкости» в отношении потребления трафика приложения WhatsApp. В опыте моего полевого наблюдения мобильная связь на острове была крайне нестабильна (оптоволокно отсутствует, в некоторых учреждениях есть дорогой спутниковый Интернет. В массе люди пользуются именно мобильным Интернетом. Эмпирические наблюдения были подтверждены анализом высказываний о качестве на локальных форумах sakh.com и drom.ru.
- ²⁴ См.: Село Горное на Курилах вновь осталось без тепла <https://astv.ru/news/conflict/2017-11-27-selo-gornoe-na-kurilah-vnov-ostalos-bez-tepla>

Источники

Полевые материалы автора (ПМА 2016). Указаны инициалы информанта и город проживания; если город рождения отличается от города проживания, то они даются по схеме «город рождения / город настоящего проживания».

«Курилы в судьбах и лицах». МБДОУ детский сад «Аленький цветочек», 2016 г., буклет, электронный экземпляр (из архива автора).

Литература

- Бородулина А.С.* «Поворот к мессенджерам»: кейс Сахалинской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 156–172.
- Bohn T.M.* Das sowjetische System der “geschlossenen Städte”. Meldewesen und Wohnungsmangel als Indikatoren sozialer Ungleichheit // Friedrich Lengler, Klaus Tenfelde (Hrsg.). Die europäische Stadt im 20. Jahrhundert. Wahrnehmung – Entwicklung – Erosion. Köln, 2006. S. 373–385.
- Fulbrook M.* Anatomy of a Dictatorship: Inside the GDR, 1949–1989. Oxford University Press, 1997.
- Heldmann Ph.* Negotiating Consumption in a Dictatorship: consumer politics in GDR in the 1950s and 1960s // Politics of Consumption: Material culture and citizenship in Europe and America / ed. M. Downton, M. Hilton. Oxford, 2001.
- Kutepova N., Tsepilova O.* A Short History of ZATO // Michael Edelstein, Maria Tysiachniouk, Lyudmila V. Smirnova (eds.). Cultures of Contamination: Legacies of Pollution in Russia and the U.S. Amsterdam and Oxford, 2007. P. 148–149.
- Miller D. et al.* How the World Changed Social Media. 1st ed., vol. 1. London, UCL Press, 2016.

Zaslavsky V. *The Neo-Stalinist State. Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Union*. Armonk, NY, 1982. P. 130–164.

Статья поступила в редакцию журнала 27 ноября 2017 г.

Borodulina Alevtina S.

THE “RESOURCE CURSE” AND LIFE STRATEGIES ON THE ISLAND OF ITURUP

DOI: 10.17223/2312461X/20/7

Abstract. The article explores the politics and practices of consumption in quasi-closed military border towns, both operating and disbanded, in the Kuril Islands. Located in remote territories of the same status as the Far North areas and isolated both formally (with an internal visa regime in place) and geographically (low transport accessibility), these towns from the very beginning found themselves heavily dependent on resources from the centre. The island’s good old times remembered by respondents saw the situation when the resources were allocated in return for loyalty. The post-Soviet period, however, has witnessed the transformation of social contract, reduced resource allocation and adaptation of the local population to new patterns of the latter, as well as changes in local consumption practices and the development of new life strategies. A part of the adaptation process has been constituted by cooperation enhanced by digital tools, which the author suggests should be called the “messenger turn”. To a greater or lesser degree, this turn is characteristic of the whole of the region and is particularly clearly seen from the cases under consideration in the article. In the studied cities of Iturup unique quasi-market relations are being built by the local population; and certain conflicts can be observed here between civilians, the military, and the locals over emerging consumption practices and resources.

Keywords: Sakhalin and the Kuril Islands, military towns, closed societies, resource curse, life strategies, the politics of consumption

References

- Borodulina A.C. «Povorot k messenzheram»: keis Sakhalinskoi oblasti [The messenger turn: the case of the Sakhalin region], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2018, no. 1 (143), pp. 156-172.
- Bohn T.M. Das sowjetische System der “geschlossenen Städte.” Meldewesen und Wohnungsmangel als Indikatoren sozialer Ungleichheit. In: Friedrich Lengler, Klaus Tenfelde (Hrsg.). *Die europäische Stadt im 20. Jahrhundert. Wahrnehmung – Entwicklung – Erosion*. Köln et al., 2006. S. 373-385
- Fulbrook M. *Anatomy of a Dictatorship: Inside the GDR, 1949-1989*. Oxford University Press, 1997.
- Heldmann Ph. Negotiating Consumption in a Dictatorship: consumer politics in GDR in the 1950s and 1960s. In: *Politics of Consumption: Material culture and citizenship in Europe and America*. Ed. M. Downton and M. Hilton. Oxford, 2001.
- Kutepova N., Tsepilova O. A Short History of ZATO. In: Michael Edelstein, Maria Tysiachniouk, Lyudmila V. Smirnova (Eds.). *Cultures of Contamination: Legacies of Pollution in Russia and the U.S.* Amsterdam and Oxford, 2007, pp. 148-149.
- Miller D. et al. *How the World Changed Social Media*. 1st ed., vol. 1. London, UCL Press, 2016.
- Zaslavsky V. *The Neo-Stalinist State. Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Union*. Armonk, NY, 1982, pp. 130-164.

УДК 504.3; 502.3

DOI: 10.17223/2312461X/20/8

«РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ» С АНТРАЦИТОВЫМ ОТБЛЕСКОМ: КОРЕННЫЕ НАРОДЫ И ДОБЫВАЮЩИЕ КОМПАНИИ КУЗБАССА В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА *

Владимир Валерьевич Поддубиков,
Сергей Александрович Арцемович,
Дмитрий Анатольевич Функ

Аннотация. Работа посвящена исследованию социальных издержек российской модели угольного экстрактивизма. На примере одного из наиболее резонансных и острых конфликтов между сообществами коренного малочисленного народа – шорцев – и угледобывающими компаниями Кемеровской области (Россия) описаны ключевые конфликтные дискурсы, исследованы практики переживания конфликта и его последствий, выявлен потенциал для постконфликтного восстановления индигенных сообществ. Работа подготовлена на основе материалов многолетних наблюдений авторов за развитием конфликтов в районах экстенсивной добычи угля. В российской практике социальной антропологии ресурсные конфликты на землях коренных народов недостаточно описаны в терминах переживания травмы, ее преодоления и постконфликтного восстановления. Представленный в работе кейс-стади частично восполняет данный пробел.

Ключевые слова: экстрактивизм, ресурсные конфликты, «ресурсное проклятие», социальная антропология, оценка социального воздействия промышленных проектов, коренные народы

Проблема, обсуждению которой посвящена настоящая работа, очевидно, не нуждается в обосновании актуальности. Она находится в самом центре острого и нередко эмоционального публичного дискурса, по существу, социальных издержек экстрактивизма, цены и перспектив развития, основанного на экстенсивном освоении невозобновляемых ресурсов, воздействии добывающих производств на глобальный климат и местные сообщества (прежде всего, коренных народов) во всем мире. Распространенная в этом направлении риторика концептуально восходит к критике самой неолиберальной модели капитализма (Veltmeyer

* Исследование выполнено в рамках проекта «“Ресурсное проклятие” на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (грант РФФ № 15-18-00112).

2014; Engels 2017) как не соответствующей идеалам сбалансированного и устойчивого развития (Acosta 2017; Valencia 2016), социально-справедливого распределения ресурсной ренты и вытекающих из нее благ, преодоления (нео-, пост-)колониальных парадигм ресурсного империализма, риски которого для значительной части человечества настолько очевидны, что формируют ряд значимых глобальных угроз экологического, социального и экономического порядка.

Особое беспокойство во всем мире вызывает проблема нарастающих диспропорций в доступе к материальным благам и, в частности, фактическое отстранение от них той части человечества, которая сосредоточена именно в регионах производства этих благ.

Еще в 1995 г. в докладе научно-исследовательского института социального развития ООН (UNRISD) отмечалось, что «многим [людям] быстрые социально-экономические перемены второй половины XX столетия принесли улучшение жизни, но есть и миллионы тех, кто не получил никаких преимуществ...», а, скорее напротив, испытывает лишь негативное влияние со стороны развивающейся инфраструктуры мировой экономики, сориентированной на удовлетворение растущего спроса на товары и услуги в экономически развитых странах, и связанной с этим экстенсивной добычи ресурсов (Тревоги 1997: 24). Речь в докладе шла о социально уязвимых группах населения развивающихся стран, в значительной степени отстраненных от глобальной системы распределения социальных и экономических благ. «Люди, которых обгоняет модернизация» – так авторы доклада обозначили часть населения мира, насчитывающую сотни миллионов человек, для которых характерен низкий уровень жизни, затрудненный доступ к высокооплачиваемому труду, образованию, медицинскому обслуживанию и жизненным стандартам общества потребления. По сути, речь идет о масштабном мировом социальном дисбалансе, который, вопреки логике самой глобализации и распространенного концепта «глобальной деревни», не сближает народы мира, стремясь к их интеграции в структуре мирового социума, а, напротив, усиливает разделяющие их социальные дистанции и обостряет уязвимость значительной части населения мира.

Коренные народы в регионах добычи полезных ископаемых, вне всяких сомнений, составляют важную часть этого уязвимого в социальном отношении глобального сообщества, поскольку многие из них испытывают на себе весь комплекс негативных воздействий со стороны объектов добывающей промышленности, находясь при этом на периферии дистрибутивной системы экстрактивистской экономики. В этом контексте во многих странах мира (включая развитые в экономическом отношении государства Европы и Северной Америки) применительно к коренным / индигенным народам уместно говорить о «ресурсном проклятии». Из-за обилия запасов стратегически важных ресурсов на тер-

риториях их основного проживания многие из этих этнических групп сегодня оказались в ситуации неопределенности, связанной с болезненным и непростым выбором траектории дальнейшего развития.

Один из очевидных, казалось бы, вариантов решения проблемы заключается в консолидации сообществ коренных народов на почве «общей опасности» и их мобилизации на борьбу с экстрактивизмом в защиту своих законных прав, в том числе на сохранение среды обитания, культурной самобытности и устойчивую практику «этнической традиции». Довольно часто этот (нео)традиционалистский вектор предполагает институционализацию движений коренных народов в виде общественных организаций, их национальных и международных ассоциаций, а также последовательную деятельность по закреплению особых прав уязвимых общностей в рамках национальных и международной правовых систем. Надо сказать, к настоящему времени в этом направлении сделано достаточно много: сегодня в мире и отдельных странах ключевые права коренных народов не просто закреплены на законодательном уровне, но и реально гарантируются через различные механизмы правоприменительной практики. Вместе с тем, несмотря на развитое правовое поле для решения проблем коренных народов, что, как можно было бы ожидать, должно стабилизировать дискурс экстрактивизма и связанных с ним рисков для коренных народов, мы отнюдь не наблюдаем существенного снижения числа конфликтных ситуаций в отношениях индигенных групп и добывающих компаний. Напротив, такие конфликты возникают практически в каждом случае, связанном с началом разработки месторождений полезных ископаемых на землях коренных народов. Различными могут быть лишь уровень резонанса конфликтной риторики, степень ее политизированности да конфигурация субъектов конфликта.

В чем же состоят основные причины конфликтогенеза и те болезненные точки в отношениях индигенных сообществ и добывающих компаний, которые, несмотря на наличие гарантированных прав коренных народов, все же не сняты с повестки дня? Возможно, они связаны с трудностями, характеризующими второй возможный (и, видимо, более важный) вектор развития сообществ коренных народов на современном этапе. Речь идет о необходимости адаптации к изменяющимся жизненным условиям, в том числе воздействию со стороны ресурсодобывающей индустрии, включая ее негативный социальный и экологический импакт¹. Во многом эта задача не решается автоматически даже при наличии самого развитого правового поля, которое само по себе, конечно, не сводит на нет социальные риски экстрактивизма, а лишь формирует механизмы их компенсации, так или иначе подталкивая индигенные сообщества к интеграции в новые контексты, адаптации к новым социальным, экономическим и культурным связям. Очевидно,

это довольно болезненный, а во многих случаях мучительный процесс, требующий от сообществ коренных народов не просто элементарного приспособления к современной конъюнктуре, но также готовности позиционировать себя в новом социальном пространстве. Это почти всегда связано с глубокими и эмоционально насыщенными трансформациями не только в культурных практиках, но и самой основы группового самоопределения, которое, как часто декларируют участники конфликтных дискурсов, подчас находится на грани полного исчезновения и вот-вот приведет к окончательной утрате самих уязвимых в современном контексте «этносов». Однако же такая оценка ситуации и перспектив ее развития не всегда соответствует действительности и далека от фокуса на реально важной проблеме – анализе того, как, собственно, переживается процесс адаптации; какие уровни социальной организации, культурных практик и групповой идентичности индигенных сообществ и насколько он трансформирует; как концептуализируются травма, понесенный ущерб, прямые и косвенные потери в связи с воздействием добывающих компаний; каковы возникающие в этом контексте реальные напряжения, создающие основу для развития конфликтов.

Концепт переживания конфликта и его последствий, дискурсивного осмысления травмы и путей ее преодоления, как нам кажется, исключительно важен с точки зрения поиска чувствительной оптики для социально-антропологических, в том числе прикладных исследований, направленных на адекватное описание ресурсных конфликтов на землях коренных народов на языке, который мог бы стать основой для дальнейшей медиации и эффективного переговорного процесса.

Стоит в этой связи отметить, что для российского исследовательского опыта почти не характерен фокус на анализе дискурсивного переживания травмы или последствий ресурсных конфликтов на землях коренных народов. В практике этнологической экспертизы (исследования, направленного на получение практически значимых оценок воздействия добывающей индустрии на сообщества коренных народов), к примеру, сложилась относительно устойчивая традиция давать подробные описания состояния «этнокультурной среды» (Мурашко 2002), «традиционных систем жизнеобеспечения» и характерных форм природопользования исследуемых групп коренных народов (Садовой и др. 2005; Бойко и др. 2008) с перспективой оценки воздействия на них со стороны промышленных проектов, связанного с этим ущербом, потерей и рисками, требующих компенсации. Соответственно, внимание экспертов сосредоточено в основном на описании видимой стороны некоторой идеализированной модели «нормального» состояния основных культурных и социально-экономических характеристик индигенных сообществ, которые затем анализируются в контексте возможных трансформаций, вызванных воздействием добывающих компаний. Исполни-

зуемый при этом язык сочетает преимущественно академические нарративы этнической традиции, культурного уклада, социальной организации этнических групп коренных народов с описательной статистикой населения, его демографической устойчивости и социально-экономического профиля. Получаемая в итоге картина дает весьма усредненное представление по существу реальных проблем² и, что особенно важно отметить, не проясняет специфику их восприятия в среде самого исследуемого сообщества, точнее, его конкретных представителей. В итоге за официальными заключениями этнологических экспертиз за редким исключением (Головнев и др. 2014) практически не слышно голосов самих носителей «уязвимой культуры». Между тем именно переживание конфликтной ситуации и дискурс ее основных «болевых точек» (причем одновременно всеми субъектами конфликта, а не только сообществами коренных народов) может представлять существенный интерес, поскольку в нем сокрыта мотивация сторон и, как нам видится, ключ к построению устойчивого диалога.

Что касается мировых исследовательских практик антропологов, то среди них как раз имеются удачные кейс-стади, демонстрирующие возможности анализа конфликтных дискурсов, потенциала и практик постконфликтного восстановления сообществами коренных народов ключевых компонентов их групповой идентичности. Великолепный тому пример содержится, в частности, в монографии британского антрополога Джудит Бовенсипен (Bovensiepen 2015), посвященной исследованию процессов культурного возрождения в локальных сообществах коренного населения Восточного Тимора, переживших длительный период Индонезийской оккупации и связанных с этим потерь.

В настоящей работе мы предпринимаем попытку дать краткое, в известном смысле демонстрационное описание едва ли не самого острого и в настоящее время резонансного кейса ресурсного конфликта на землях коренных народов в России, используя при этом оптику и теоретическую рамку дискурсивного анализа переживания локальными группами коренных народов последствий конфликта и вызванной им травмы. Цель наших усилий состоит в выявлении эвристических возможностей данного подхода, обосновании его применимости в отечественной практике социально-антропологических исследований, в частности, в области оценки социального воздействия промышленных проектов на сообщества коренных народов. Речь пойдет о ситуации, сложившейся на юге Кемеровской области, точнее, на территории муниципального образования «г. Мыски», где локальные группы коренного малочисленного народа – шорцев – не просто ощущают на себе вот уже на протяжении нескольких десятилетий весь объем социальных издержек экстрактивизма в виде разрушающего воздействия на среду обитания и в целом жизненное пространство со стороны угледобывающих компа-

ний, но и стремительно это пространство теряют, подвергаясь вынужденному переселению со всеми вытекающими из этого последствиями и, прежде всего, необходимостью ускоренной социальной адаптации в измененных условиях. Далее мы рассмотрим лишь некоторые сюжеты, как нам представляется, наиболее показательные с точки зрения общей картины переживания местными сообществами самого конфликта, вызванных им последствий и травмы. Опираясь при этом мы будем в основном на материалы многолетних полевых исследований в местах локализации конфликта, собранные преимущественно в период с 2004 по 2018 г. усилиями всех авторов этой работы³. В основе своей используемые данные представляют собой глубинные структурированные и полуструктурированные интервью с представителями вовлеченных в конфликт местных сообществ, органов муниципальной власти и добывающих компаний, действующих в указанном районе. Также нами используются опубликованные в медиа-пространстве выступления по существу конфликтной ситуации, включая письменные заявления участников конфликта и видеоконтент, представленный в свободном доступе. Частично для прояснения отдельных нюансов и деталей конфликтной ситуации нам удалось привлечь отдельные делопроизводственные и нормативные документы органов власти, общественных организаций шорцев и добывающих компаний. Для общей характеристики контекста развития ресурсного конфликта и его последствий мы используем фоновую статистику из открытых источников.

Перед тем как перейти к характеристике конфликтного дискурса, соответствующих ему риторик и нарративов, приведем общие сведения о контексте конфликта и краткую историю его развития.

Особенности российской модели угольного экстрактивизма: ресурсные конфликты в Кузбассе в контексте дискурса прав человека

Определяя контекст развития рассматриваемого нами кейса ресурсного конфликта и переживания его последствий локальными группами шорцев, начать необходимо, по-видимому, не с формирования самой конфликтной ситуации, отстоящего по времени от сегодняшнего дня как минимум на 40 лет, когда производственные площадки по добыче энергетических углей в южной части Кузбасса только проектировались, а с беглого обзора резонансной риторики, по существу, уже состоявшихся событий, распространенной в медиа-пространстве, в том числе в зарубежных источниках, рисующих картину современного восприятия российской модели угольного экстрактивизма в целом.

Не вдаваясь во все очевидные политические подтексты дискурса российского угля как «грязного» топлива с несоизмеримо высокой це-

ной, исчисляемой невосполнимыми потерями в окружающей природной среде, низким качеством жизни местного населения, сокращением его численности и полным разрушением среды обитания коренных малочисленных народов, стоит, однако, выделить два доминирующих тезиса в осуждающей российский угольный экстрактивизм риторике, транслируемой известными за рубежом общественными правозащитными движениями.

Первый из них, исходящий от российской экологической организации «Экозащита»⁴ и ее зарубежных партнеров в лице британской сети действий против угледобычи «Coal Action Network»⁵ и британско-бельгийской организации в защиту леса «Fen»⁶, вполне можно считать задающим тон дискуссии об издержках угольного экстрактивизма в глобальном контексте. Ряд аналитических публикаций указанных организаций, упоминающих ресурсные конфликты на юге Кемеровской области или прямо им посвященных (Ditch 2015; The Cost 2015; Brown 2016; Андреева Харрис 2018), развивает тему причинно-следственной связи между потребностью европейских стран в угле как энергетическом сырье и той ценой, платить которую приходится локальным сообществам в местах его добычи. В этом смысле коренные народы и в частности шорцы юга Кемеровской области характеризуются как символ жертвы ресурсного капитализма, беззащитной перед лицом его хищнических устремлений. Сопутствующие этому выводы вполне очевидны: западные общества, построенные на ценностях уважения к правам человека и обеспокоенные глобальным потеплением, должны максимально сократить потребление «кровавого» ресурса, а в перспективе полностью от него отказаться.

Второй распространенный в международном дискурсе угольного экстрактивизма тезис, сформулированный в докладе Международной группы по делам коренных народов (IWGIA) вице-президентом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и дальнего Востока Российской Федерации Дмитрием Бережковым (Berezhkov 2012), проблематизирует социальный контекст распределения ресурсной ренты. В этом тезисе обращается внимание на то, что в условиях российской модели угольного экстрактивизма суперприбыли, распределяемые далеко за пределами территорий добычи ресурсов, собственно, возможны лишь за счет перекалывания бизнесом большей части не прямых издержек (таких, как ухудшение экологической ситуации и качества жизни) на местные сообщества.

Не оспаривая в целом логики этих рассуждений, необходимо, тем не менее, отметить, что они не описывают уникальной специфики именно Кузбасса или угольной отрасли России в целом. Аналогичная стигма символической жертвы практически всегда характерна для любого населения регионов экстенсивного изъятия полезных ископаемых. И все соответствующие издержки местные сообщества практически

всегда на себе ощущают вне зависимости от того, о какой стране или каком именно ресурсе идет речь. В этом можно убедиться на многочисленных примерах, описанных в литературе (см., например, Gilberthope, Nilson 2014). Высказываемые правозащитными организациями критические замечания в адрес действующих на территории Кемеровской области угольных компаний, скорее, касаются глобального уровня обобщений относительно самой природы ресурсного капитализма и сохраняющейся углеводородной зависимости мировой экономики.

Существенная особенность именно Кемеровской области состоит, пожалуй, в том, что она является старопромышленным регионом с давно сформировавшимся базовым сектором региональной экономики, ориентированным на экстенсивное освоение и переработку запасов каменного угля и других полезных ископаемых с экспортной ориентацией значительной части добычи. Вопросы защиты прав коренных народов, оказавшихся в зонах техногенного воздействия угледобывающих предприятий, появились в региональной повестке намного позднее, чем были определены стратегии экономического развития и планы по освоению недр, то есть не раньше первой половины 1990-х гг. История освоения угольных месторождений на юге Кемеровской области в предшествующие десятилетия (начиная с 1970-х гг.) связана со множеством случаев вынужденного расселения населенных пунктов, попадавших в границы лицензионных участков. Были прецеденты ликвидации и шорских поселений. Поселок Курья, к примеру, расположенный на территории современного МО «г. Мыски», был расселен в 1970-е гг. в связи со строительством Сибиргинского угольного разреза, что ни тогда, ни позже не вызвало социального протеста со стороны шорской или местной в целом общественности⁷. Все это не способствовало в итоге ни осознанию значимости проблем вынужденного расселения целых общин коренного малочисленного народа, ни накоплению какого-либо опыта компенсаций населению за понесенные потери. Таким образом, в момент начала казасского конфликта к нему оказались, по большому счету, не готовы ни местные власти, ни угольные компании. Да и само население, вовлеченное в протестное движение, вряд ли отчетливо представляло, как следует отстаивать свои интересы. Хотя определенный опыт разыгрывания «этнической карты» в конкурентной борьбе между добывающими компаниями в регионе уже имелся и, возможно, история казасского конфликта явилась в определенном смысле развязкой ранее сформированных противоречий.

Из истории взаимоотношений коренных народов и добывающих компаний на юге Кузбасса

Предысторию событий вокруг ныне ликвидированного шорского поселка Казас необходимо отсчитывать с начала 1990-х г., поскольку именно

тогда местные сообщества оказались вовлечены в дискурс угольного экстрактивизма и механизмов распределения ресурсной ренты.

В 1991 г. было принято постановление Администрации Кемеровской области, в соответствии с которым часть налоговых поступлений от предприятий-недропользователей, действующих на территориях так называемых национальных сельских советов⁸, должна направляться в их бюджеты и расходоваться на цели, связанные с развитием социальной инфраструктуры и реализацией программ национально-культурного развития. В 1992 г. статус национального приобрел Чувашенский сельский совет, на территории которого (площадью 158,4 тыс. га) располагались практически моноэтничные шорские поселки Чувашка, Казас, Чузас, Тоз и действовали два угольных разреза, перечислявших в бюджет сельсовета часть налогов в соответствии с имеющимися соглашениями о социальном партнерстве (Садовой и др. 2005: 9). В условиях финансовой нестабильности последнего десятилетия XX в. это позволяло обеспечивать местные сообщества регулярными поступлениями ресурсной ренты, функция распределения которой, к тому же была спущена на уровень местного самоуправления. Ни одна другая территория компактного проживания коренных народов в Кемеровской области ни на тот момент, ни позже не обладала подобными преференциями. Безусловно, налоговые поступления в бюджет сельской территории не только позволяли решать текущие проблемы и финансировать программы национально-культурного развития, но также способствовали осознанию местными сообществами своей значимой роли в переговорном процессе по вопросам недропользования на этнической территории (как она тогда воспринималась в общественном сознании местных групп шорцев). Строительство новых производственных площадок и объектов промышленной инфраструктуры на территории сельсовета в обязательном порядке согласовывалось с местным населением. В частности, своим добровольным решением Чувашенский национальный сельский совет передал часть своих земель под строительство новой шахты на Урегольском каменноугольном месторождении в непосредственной близости от пос. Чувашка. Никаких конфликтных ситуаций в отношениях с шахтой Урегольской, как, собственно, и с другими угольными предприятиями, у местных групп шорского населения не возникало вплоть до начала 2000-х гг.

Ситуация начала резко меняться с 1999 г., когда Чувашенский национальный сельский совет был выведен из состава Новокузнецкого района и административно подчинен муниципальному образованию «г. Мыски». Характерно, что именно этот момент положил конец финансовой автономии сельсовета: в дальнейшем налоговые поступления от недропользователей были перенаправлены в муниципальный бюджет. От недавних преференций, которые уже начали восприниматься

населением как норма, осталась лишь функция прямого согласования решений о строительстве новых объектов промышленной инфраструктуры на землях сельского совета. И именно это сыграло свою роль в дальнейшем развитии событий.

Одновременно в этом районе назревал конкурентный конфликт между добывающими компаниями. Лицензию на освоение Урегольского месторождения получило ООО «МетАл» – дочерняя компания ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», которое планировало за счет самостоятельной добычи коксующихся углей снизить себестоимость этого необходимого в металлургическом производстве сырья. Первая же попытка нового собственника шахты «Урегольская» договориться с местным монополистом – Угольной компанией «Южный Кузбасс», владевшей разрезами «Сибиргинский» и «Красногорский», – об аренде некоторых объектов промышленной инфраструктуры (технологической дороги, высоковольтной линии электропередач и подстанции) выявила массу конкурентных противоречий и ни к чему не привела. ООО «МетАл» было вынуждено проектировать собственное строительство.

Однако согласовать эти проекты с населением Чувашенского национального сельского совета оказалось непросто: неожиданно для собственника местное население высказало крайнюю озабоченность в связи с планируемыми работами по строительству новых промышленных объектов и сформировало рабочую группу, инициировавшую официальное обращение местных жителей на адреса Президента Генеральной Ассамблеи ООН Р. Хунге, Представителя Европейской комиссии Романо Проди, Президента РФ В.В. Путина, Президента РАIPON С.Н. Харючи, губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева, а также в журнал «Мир коренных народов». Обращение указывало на ряд фактов грубого нарушения законных прав представителей коренной малочисленной народности (так в документах) – шорцев – в связи с деятельностью ООО «МетАл» и содержало требования о запрещении ее деятельности на территории Чувашенского сельского совета. Столь жесткая позиция активистов рабочей группы, которая в итоге спровоцировала длительные разбирательства и проведение этнологической экспертизы по факту конфликта (Садовой и др. 2005), надолго парализовала работу ООО «МетАл» на Урегольском месторождении. Так в конкурентной борьбе двух добывающих компаний во многом решающим оказалось мнение местных жителей, что, конечно, создало важный прецедент. Именно в его контексте следует, на наш взгляд, рассматривать новый виток развития конфликта, разгоревшегося в первой половине 2010-х гг. в связи с проблемой Казаса, но уже между местными жителями и угольной компанией «Южная», правопреемницей «Южного Кузбасса», когда-то одержавшего верх в конкурентной борьбе с ООО «МетАл» не без поддержки со стороны местного индигенного сообщества.

«Родина и остальные мелочи...»: Казас как утраченное жизненное пространство

В 2012 г. одно из старейших поселений шорцев в низовьях реки Мрассу – пос. Казас – оказалось в непосредственной близости от производственных площадок угольной компании «Южная». Экологическую ситуацию в районе поселка и в целом условия жизни к тому времени иначе как катастрофическими назвать было нельзя. Население вынуждено было использовать заводскую питьевую воду в связи с загрязнениями естественных водоемов и подземных источников. Пылевые и шумовые загрязнения в результате взрывных работ (рис. 1) на разрезе превышали все допустимые нормы. Даже доступ в Казас был ограничен дежурным постом угольной компании, на котором производился досмотр личных вещей и проверка документов у всех желающих проехать в поселок по технологической дороге (иные возможности транспортного сообщения, за исключением переправы на лодке, отсутствовали). Жители начали в этой связи проявлять беспокойство и ставить вопрос о компенсациях за причиненные им неудобства.

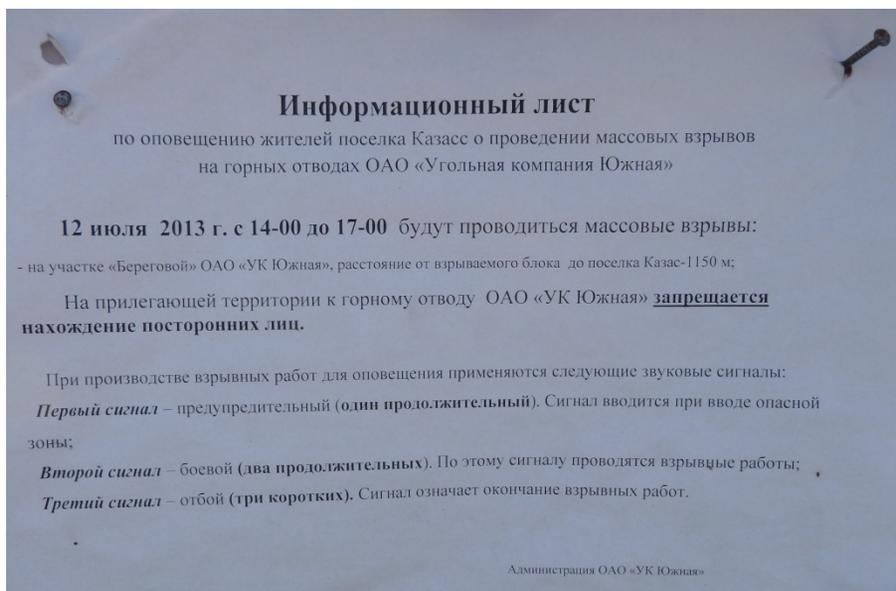


Рис. 1. Объявление на жилом доме в пос. Казас. 17 июля 2013 г. Фото Д.А. Функа

Однако не в этом, как оказалось, крылась основная проблема. Лицензия УК «Южная» на эксплуатацию недр распространялась и на территорию самого поселения, что ставило перед угольщиками задачу ее скорейшего высвобождения. По инициативе добывающей компании

начались переговоры о выкупе у казасинцев их земельных участков и недвижимого имущества.

Реакция со стороны местных жителей и последовавшие далее события, стремительно раскрутившие маховик конфликта, представляют особый интерес, поскольку касаются формирования новых, во всяком случае, для этого региона, форм групповой солидарности и протеста, а также дискурсивного переживания предстоящего разрыва с привычным жизненным миром, собственной уязвимости, незащищенности, бессилия.

Одним из первых возник дискурс приемлемого размера денежной компенсации за «добровольное» переселение, довольно быстро разделивший население поселка на большинство, согласившееся с предлагавшимися угольной компанией суммами (исчисленными, по видимому, по усредненному рынку жилой недвижимости и земельной собственности, но каждый раз, как утверждали наши информанты, варьирующимися), и более эмоционально настроенное меньшинство, которое склонно было связывать переезд не просто с продажей объекта собственности, а в значительной степени с витально значимым разрывом с привычным жизненным миром, не подлежащим монетарной компенсации. Комментарии представителей второй группы, которая по истечении года насчитывала всего пять домовладельцев, в целом звучали приблизительно так: *«...если бы я просто продавал дом, я знал бы, что этот дом стоит, а так, я знаю, что теперь я этот дом продаю под снос, то есть совсем другое в душе. Это несоизмеримо, несоизмеримо с чувством потери родины»*; *«Древнее место... Это память. Есть вещи, которые не посчитаешь на деньги»* (ПМА 1). С подобной установкой, которая лишь на первый взгляд может показаться избыточно абстрактным, практически ничем не подкрепленным заявлением или же завуалированной попыткой торга с целью увеличения суммы компенсации⁹, связаны и более понятные для стороннего человека проблемы, неоднократно высказывавшиеся жителями Казаса. В этом ряду уместно упомянуть, к примеру, озабоченность судьбой сельского кладбища (рис. 2, 3), которое, во-первых, должно быть перенесено, без чего невозможно будет его посещение, а во-вторых, и сам факт переноса довольно болезнен, поскольку в этом случае будут потревожены предки, что не просто нежелательно, но может, как полагают люди, навлечь несчастья на живущих в случае, если при переносе не будут соблюдены все необходимые ритуалы.

В целом концепт памяти и, в частности, памяти предков – частая тема в дискурсе утраты Казаса как жизненного мира, наполненного символами связи поколений. В этом контексте пространственное перемещение мыслится и как разрыв этих символических связей. В риторике казасинцев старшего поколения как до ликвидации поселка, так и, в особенности, после него заметно стремление дискурсивно восстановить связи с

предками. Проявляется оно в основном в рассказах о некогда живших выдающихся казасинцах, родителях и более далеких предках наших информантов. Таких рассказов, действительно, много, что позволяет предположить, что эта тема была актуализирована именно дискурсивным переживанием травмы, связанной с утратой людьми освоенного, привычного и эмоционально ценного жизненного пространства.



Рис. 2. Вид на кладбище дер. Казас. 15.07.2013 г. Фото Д.А. Функа



Рис. 3. Фрагмент места захоронения выдающейся шорской сказительницы М.Е. Токмагашевой («Алтын Маня»). Кладбище дер. Казас, 15.07.2013 г. Фото Д.А. Функа

Эмоциональная привязанность наших информантов к Казасу совершенно непонятна для представителей другой стороны конфликта. Для пояснения достаточно привести одну цитату из беседы с работниками угольной компании, занимавшимися сносом выкупленных домов в Казасе: *«Ну а что, им деньги выплачивают и переселяют. ...А почему им плохо? За такую «развалюху» 2 миллиона? Я бы не дал. Можно за 1,3 купить коттедж. Сейчас [всех] интересуют только деньги! Родина и остальные мелочи... Боролись за волю, вот она – воля!»* (ПМА 2).

Хроника дальнейших событий в Казасе отражает стремительный процесс подготовки угольной компании к его ликвидации. К осени 2013 г. в поселке оставалось всего пять домов, чьи собственники не согласились на добровольное переселение. Некоторые из них отказывались даже обсуждать цену своей недвижимости. Зима 2014 г. поставила в этом противостоянии точку, когда необъяснимым образом череда пожаров уничтожила оставшиеся дома и хозяйственные постройки. Казас в дальнейшем продолжил свое существование именно как дискурсивный образ утраченного жизненного пространства и символ неотвратимой угрозы остальным шорским поселениям в низовьях р. Мрассу.

Вместе с тем по инициативе национальных общественных объединений шорцев возникла идея возрождения Казаса на новом месте. Это место даже было определено муниципальной властью и символически отмечено установкой коновязи. Однако до настоящего времени этот проект так и не был до конца реализован.

Шаманизм и (ре)сакрализация объектов конфликта

Еще одной особенностью развития описываемого конфликта и, в большей степени, дискурсивных практик его переживания является отчетливо выраженная тенденция к ревитализации культуры шаманизма, воспринимаемого в качестве «традиционной шорской религии»¹⁰. Внешние проявления этого процесса связаны в основном с демонстрационными действиями лидеров местных сообществ, направленными на сакрализацию основных объектов конфликта, памяти об утраченном Казасе и пространства для нового поселения. Едва ли не важнейшей задачей городской общественной организации «Шория» на стадии ликвидации старого Казаса провозглашалась необходимость выбрать и освятить место для строительства нового поселения. На эти цели муниципалитетом был выделен соответствующий бюджет, который предполагалось потратить на оплату расходов, связанных с проведением серии ритуалов, в том числе по «переселению» духов из района старого Казаса в предполагаемое место его переноса¹¹. В поселке Чувашка довольно быстро возник хорошо обустроенный центр шорской культуры Эне-Тар¹² (рис. 4).



Рис. 4. Фрагмент подготовки к освящению центра шорской культуры. Дер. Чувашка, 19.07.2014 г. Фото А.С. Хлебцевич (из материалов студенческой практики под рук. Д.А. Функа, архив кафедры этнологии МГУ)

Однако, помимо этих инициатив, направленных на общую стабилизацию ситуации, переживаемая травма обуславливает также реальный рост интереса населения к сакральным практикам, в том числе и к культуре шаманизма. По нашим наблюдениям во время полевых исследований 2013 г., казалось, что в обращении к шаманизму многие люди ищут не столько «защиту» для уже, безусловно, потерянного на тот момент пос. Казас, сколько душевное спокойствие и силы, необходимые для сохранения оставшихся шорских деревень и в первую очередь пос. Чувашка, последнего «оплота» шорской культуры в низовьях р. Мрассу. В настоящее же время, с учетом уже завершенных стадий конфликта и начала периода восстановительных практик, ревитализация шаманизма у шорцев Чувашенской территории видится несколько в ином ключе. Дело, конечно, не только в «душевном спокойствии». «Возрожденный» шаманизм в контексте исследуемой ситуации, скорее всего, необходим именно для переживания местным сообществом нанесенной им травмы через сакрализацию нарушенного угольными компаниями природного пространства. Наделенные сакральными свойствами природные объекты, такие, к примеру, как священная гора Карагайляш (к настоящему времени полностью уничтоженная), как, собственно, и сам ликвидированный Казас, продолжают не только суще-

ствовать в пространстве локального дискурса, но и поддерживать групповую солидарность индигенного населения.

Мировая антропология такие примеры знает и в большом количестве их описала¹³. Нарушенные природные объекты в этом случае, обретая символическое бессмертие и неуязвимость перед лицом экстрактивизма, консолидируют сообщества, способствуют более отчетливой манифестации групповой отличительности и поддержанию дискурса неповторимости разрушающейся уникальной этнической культуры, этнической памяти, идентичности.

Нормативная культура как потенциал постконфликтного восстановления

Помимо описанных выше практик ревитализации шаманизма и сакрализации переживаемой травмы потенциал постконфликтного восстановления у рассматриваемых сообществ шорцев может быть найден также в специфике нормативной культуры. Как уже было отмечено в литературе (Hansen 2015), индигенные традиции обычного права, в отличие от государственно-правовых систем, чаще всего нацелены не на реализацию ретребутивной функции, связанной с идентификацией вины и наказанием виновных с целью восстановления абстрактной справедливости, а, скорее, исполняют функцию ресторативную, цель которой состоит в восстановлении нарушенных внутри сообщества связей, предписанных и культурно атрибутированных отношений и взаимодействий. При этом понятие вины часто может даже не фигурировать при рассмотрении тех или иных случаев нарушения обычно-правовых норм.

Для рассматриваемого нами случая переживаемой шорским населением травмы и последствий конфликта эта оптика открывает новый угол зрения, открывающий в чем-то неожиданные перспективы анализа локальных дискурсов.

Последние хотя и задействуют обвинительную риторику в адрес «внешних сил» в лице угольных компаний, разрушающих жизненное пространство шорцев, бездействующей власти, не способной им помочь, собственных лидеров, преследующих лишь личные интересы и т.д., все же довольно редко выводят концепт (чужой) вины на уровень «вынесения приговора», назначения кому-либо наказания или хотя бы простого пожелания справедливого возмездия. Имеющиеся у нас материалы, пожалуй, не содержат ни одного подобного высказывания информантов. Исключение составляет лишь мотив наказания со стороны духов (Funk 2016b). Чаще вина, скорее, интериоризируется, укладывается в контекст воспоминаний о некогда лично совершенных проступках, либо (что наблюдается намного чаще) замещается призывами ис-

кать выход из создавшегося тяжелого положения, а не заниматься поиском виновных.

Последняя из упомянутых позиций, явно доминирующая в среде рассматриваемых сообществ, сегодня нашла свое воплощение сразу в трех проектах постконфликтного восстановления, развиваемых наиболее активными инициативными группами.

Первая из них объединяет в основном пятерых собственников сгоревших в Казасе домов. Ею на данный момент организована общественная организация «Возрождение Казаса и шорского народа», от лица которой сформулированы требования к руководству угольных разрезов и региональной власти. Суть их заключается в выплате погорельцам достойной компенсации, реанимации Чувашенского национального сельского совета и в гарантиях сохранения казасского кладбища.

Вторая группа, состоящая из активистов пос. Чувашка, рассматривающих (и не без оснований) свой поселок как следующую жертву угольных разрезов, видит путь к разрешению конфликта между шорцами и угольщиками в создании Территории общественного самоуправления (ТОС), которая должна позволить шорским поселкам выходить на прямой контакт с добывающими компаниями, как это было в период существования Чувашенского национального сельского совета.

Позиция местных властей нашла свое отражение в действиях третьей группы, которая ведет работу над проектом строительства «нового» Казаса, мыслимого как пространство развития шорской культуры на базе крупного культурного центра и развития туризма.

Использованная нами оптика, по большому счету, не характерная для российской практики социально-антропологических исследований ресурсных конфликтов, вполне рельефно демонстрирует свои достаточно широкие эвристические возможности, раскрывая не столько видимую сторону количественных и качественных изменений в положении индигенных сообществ, сколько их внутреннюю мотивацию и потенциал, направленные на постконфликтное восстановление и адаптацию в измененных социальных условиях. Столь же очевидны и практические аспекты нового языка описания ресурсных конфликтов на землях коренных народов, применимого в контексте медиации и построения устойчивого диалога на стадии постконфликтного восстановления.

Обращает на себя внимание и тот факт, что опробованный нами язык хотя и был применен для описания кейса ресурсного конфликта на землях одного из коренных малочисленных народов, в достаточной степени универсален и, как нам видится, может послужить основой для

аналогичного исследования в иных этнических, географических, культурных контекстах. В нашем случае шорцы суть лишь «модельное» сообщество. Как показывает опыт наблюдения за развитием конфликта в данном регионе, основная масса населения в районах экстенсивной добычи полезных ископаемых может рассматриваться с использованием сходных терминов и с тех же позиций.

Примечания

¹ Здесь мы имеем ввиду то, что в англоязычной литературе принято обозначать понятие *resilience*, выражающим способность человеческого сообщества гибко, оперативно и эффективно приспосабливаться к изменяющимся жизненным условиям, восстанавливая при этом основы характерных для него социальных связей, культурных практик и групповой идентичности с учетом новых контекстов.

² Подробно о критике теоретических подходов и практики «этнологических экспертиз» в России см. (Funk 2016a: 345–368).

³ Речь идет о многолетних исследованиях на территории МО «г. Мыски» Кемеровской области, выполненных: (1) Лабораторией этносоциальных и этноэкологических исследований Кемеровского государственного университета в 2004–2017 гг., в том числе в рамках общественной этнологической экспертизы 2004 г., проведенной на территории Чувашенской сельской администрации (н.п. Чувашка, Тоз, Казас) по оценке воздействия промышленной инфраструктуры шахты «Урегольская» на местные сообщества коренной малочисленной народности – шорцев, а также экспедиционных выездов в указанный район в 2010–2017 гг. в рамках выполнения грантов РФФФИ № 13-06-98081 (рук. В.В. Поддубиков), 16-46-420035 (рук. В.В. Поддубиков) и РНФ № 15-18-00112 (рук. Д.А. Функ). Все собранные в результате этих работ используемые нами материалы сохранились в личном архиве В.В. Поддубикова; (2) Лабораторией социально-антропологических исследований Томского государственного университета, осуществлявшей ежегодные наблюдения за развитием конфликта между локальным сообществом шорцев пос. Казас (ныне ликвидированного) и угольной компанией «Южная» в период с 2013 г. по настоящее время в рамках гранта РНФ № 15-18-00112 (рук. Д.А. Функ) и мегапроекта № 14.В25.31.0009, реализовывавшегося в рамках Постановления Правительства РФ № 220 (рук. Д.А. Функ). В этой части используемые в настоящей работе материалы предоставлены С.А. Арцемовичем; (3) кафедрой этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, сотрудники которой имеют опыт полевых исследований на юге Кемеровской области с начала 1980-х гг. по настоящее время (используются полевые материалы из личного архива Д.А. Функа).

⁴ URL: <https://ecodefense.ru>

⁵ URL: <http://coalaction.org.uk>

⁶ URL: <http://fern.org/about-us>

⁷ Тогда жителей довольно крупного поселка, в котором были восьмилетняя школа и клуб, административным решением переселили в город. Этот сюжет является первым в истории ликвидации шорских поселений в связи с промышленным освоением района.

⁸ В 1990-е гг. в Кузбассе целый ряд сельских советов, в том числе в местах компактного проживания шорцев, получил статус национальных.

⁹ В этом направлении в региональной прессе и медиа-пространстве существуют довольно острые высказывания. См., например: Бабаев Т. Двадцать девять миллионов причин // Кузбасс. 15.04.2015. URL: <http://kuzbass85.ru/2015/04/15/29-millionov-prichin>.

¹⁰ Кавычки в данном случае есть лишь свидетельство использования этого термина без какой-либо тени иронии. Попутно можно заметить, что проблема определения шама-

низма как религии настолько сложна, что ее обсуждение ни в коем случае не могло стать задачей данной статьи.

¹¹ Обсуждение локальных дискурсов участия духов в ситуации вокруг Казаса см.: Funk 2016b.

¹² В Мысках появится духовный центр шорцев // Новости Кузбасса. Информационное агентство [сайт]. 2007–2014. URL: <http://www.kuzbassnews.ru/2013/07/16/v-myskah-royavitsya-duhovnyu-centr-shorcev.html>

¹³ Здесь вновь в качестве удачной иллюстрации уместно упомянуть работу Джудит Бовенсипен (Bovensiepen 2015).

Литература

- Андреева Д., Харрис А. Медленная смерть в Сибири – почему зависимость Европы от поставок угля губительна для лесов России и коренного населения шорцев. Брюссель: Fern, 2018. 26 с.
- Бойко В.И., Садовой А.Н., Поддубиков В.В. и др. Этнологическая экспертиза. Вып. 2: Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеугов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Новосибирск: Изд.-во ИФИП СО РАН, 2008. 257 с.
- Головнев А.В., Лезова С.В., Абрамов И.В. и др. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014. 232 с.
- Мурашко О.А. (отв. ред.) Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, 2002. 131 с.
- ПМА 1 – аудиозаписи 2013 г., г. Мыски, д. Казас (архив кафедры этнологии МГУ).
- ПМА 2 – из материалов личного архива С.А. Арцемовича.
- Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Поддубиков В.В. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «Город Мыски» Кемеровской области. Кемерово: ИУУ СО РАН, 2005. Вып. 1.
- Тревоги мира: социальные последствия глобализации мировых процессов. Доклад UNRISD для всемирной встречи на высшем уровне в интересах социального развития. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997.
- Acosta A. 'Post-Extractivism: From Discourse to Practice – Reflections for Action'. *Alternative Pathways to Sustainable Development: Lessons from Latin America*. International Development Policy series Vol. 9. Geneva; Boston: Graduate Institute Publications, Brill-Nijhoff, 2017. P. 77–101.
- Berezhkov D. 'Coal Mining in Kemerovo Oblast, Russia'. Briefing Note, September 2012 (IWGIA, RAIPON). URL: https://www.iwgia.org/images/publications//0595_Coal_Mining_in_Kemerovo_Oblast_Briefing_note_Sept_2012.pdf
- Bovensiepen J.M. *The Land of Gold. Post-Conflict Recovery and Cultural Revival in Independent Timor-Leste*. Ithaca, New York: Cornell University, Southeast Asia Program Publications, 2015. 216 p.
- Brown K. 'Where king coal is a cruel ruler. Coal imported from Russia leaves a trail of destruction' Big Issue North. *The Independent Street Paper*. June 26, 2016. URL: <https://www.bigissuenorth.com/news/2016/06/where-king-coal-is-a-cruel-ruler/>
- Ditch Coal. *The Global Mining Impacts of the UK's Addiction to Coal. A Report of Coal Action Network*. November, 2015. URL: <https://www.coalaction.org.uk/wp-content/uploads/2018/01/Ditch-Coal-Report.pdf>

- Engels B., Dietz K.* Contested Extractivism, Society and the State: Struggles Over Mining and Land. London: Palgrave Macmillan, 2017. 255 p.
- Funk D.* „Néprajzi szakértés” a posztszovjet Oroszországban // *Ethnographia*. 2016a. T. 127, sz. 3. P. 345–368.
- Funk D.* “Where Do Spirits Re-Settle? Extractive Industries and New Spiritual Landscapes in South Siberia”. A talk presented at Symposium “Changing Epistemologies and Life”, Uppsala, 7 October 2016b. URL: <http://www.antro.uu.se/beach-symposium/>
- Gilberthorpe E., Hilson G. (eds.)*. Natural Resource Extraction and Indigenous Livelihoods: Development Challenges in an Era of Globalization. Surrey; Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2014. 283 p.
- Hansen J.G.* ‘Decolonizing Indigenous Histories and Justice’ / eds. M. Neuburger, P. Dörrenbächer // *Nationalisms and Identities Among Indigenous Peoples: Case Studies from North America. Nationalisms Across the Globe Series*. Oxford; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York: Peter Lang, 2015. Vol. 16. P. 13–25.
- The Cost of Coal*. Impact of Russian Coal Mining on the Environment, Local Communities and Indigenous peoples. Ecodefence. 2015. URL: <https://ecdru.files.wordpress.com/2015/12/russian-coal.pdf>
- Valencia A.* Human Rights Trade-Offs in Times of Economic Growth: The Long-Term Capability Impacts of Extractive-Led Development. New York: Palgrave Macmillan, 2016.
- Veltmeyer H., Petras J.* The New Extractivism: A Post-Neoliberal Development Model or Imperialism of the Twenty-First Century? London: Zed Books, 2014. 311 p.

Статья поступила в редакцию журнала 21 марта 2018 г.

Poddubikov Vladimir V., Artsemovich Sergey A., and Funk Dmitry A.

THE “RESOURCE CURSE” WITH A SHADE OF ANTHRACITE: INDIGENOUS PEOPLES AND EXTRACTIVE COMPANIES OF KUZBASS IN A CONFLICT SITUATION

DOI: 10.17223/2312461X/20/8

Abstract. The article discusses research on social costs of the Russian model of coal extractivism. Through the case of one of the most notorious and acute conflicts between indigenous population – the Shors – and coal mining companies operating in the Kemerovo region (Russia), it describes key conflict discourses, explores practices of coping with the conflict as well as the implications thereof, and identifies the potential for indigenous communities’ post-conflict recovery. The article draws on the authors’ multi-year observation of conflicts unfolding in the regions of extensive coal mining. In Russian social anthropology scholarship, conflicts over resources on the land of indigenous peoples have not been much elaborated on in terms of experiencing trauma, overcoming it, and undergoing post-conflict recovery; the case study presented in the article partly fills this gap.

Keywords: extractivism, conflicts over resources, “resource curse”, social anthropology, industrial development projects’ social impact assessment, indigenous peoples

References

- Andreeva D., Harris A. *Medlennaia smert’ v Sibiri – Pochemu zavisimost’ Evropy ot postavok uglia gubitel’na dlia lesov Rossii i koremnogo naseleniia shortsev* [The slow death in Siberia – Why Europe’s dependence on coal is disastrous for Russian forests and the indigenous Shor population]. Briussel’: Fern, 2018. 26 s.
- Boiko V.I., Sadovoi A.N., Poddubikov V.V. i dr. *Etnologicheskaia ekspertiza. Vyp. 2. Etnopoliticheskie, sotsial’no-ekonomicheskie i etnodemograficheskie protsessy v srede te-*

- leutov Belovskogo i Gur'evskogo raionov Kemerovskoi oblasti* [Ethnological impact assessment. Issue 2. Ethno-political, socio-economic, and ethno-demographic processes among the Teleut population of the Belovo and Gurievsk areas of the Kemerovo region]. Novosibirsk: Izd.-vo IFiP SO RAN, 2008. 257 s.
- Golovnev A.V., Lezova S.V., Abramov I.V. i dr. *Etnoekspertiza na Iamale: nenetskie kochev'ia i gazovye mestorozhdeniia* [Ethnological impact assessment in Yamal: Nenets pastures and gas fields]. Ekaterinburg: "Izdatel'stvo AMB", 2014. 232 s.
- Murashko O.A. (otv. pred.) *Opyt provedeniia etnologicheskoi ekspertizy: otsenka potentsial'nogo vozdeistviia pprogrammy OAO "Gazprom" poiskovo-razvedochnykh rabot v akvatoriiakh Obskoi i Tazovskoi gub na komponenty ustoičevogo razvitiia etnicheskikh grupp korennykh malochislennykh narodov Severa* [Conducting ethnological impact assessment. Assessing a potential impact caused by the Gazprom natural resources exploration programme implemented in the water area of the rivers of Ob and Taz and identifying the elements of sustainable indigenous development]. Assotsiatsiia korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka, 2002. 131 s.
- PMA 1 – audiozapisi 2013 g., g. Myski, d. Kazas (arkhiv kafedry etnologii MGU).
- PMA 2 – iz materialov lichnogo arkhiva S.A. Artsemovicha.
- Sadovoi A.N., Nechiporenko O.V., Poddubikov V.V. i dr. *Etnologicheskaiia ekspertiza. Otsenka vosdeistviia OOO "MetAL" (OAO MMK – Magnitogorskii metallurgicheskii kombinat) i UK "Iuzhnyi Kuzbass" (stal'naia gruppy "Mechel") na sistemy zhisneobespecheniia avtokhtonnoego i russkogo naseleniia Chuvashenskoii sel'skoi administratsii MO "Gorod Myski" Kemerovskoi oblasti* [Ethnological impact assessment. Assessing the impact of MetAL LLC (Magnitogorsk Metallurgical Plant – MMK OJSC) and the Management Company "Yuzhnyy Kuzbass" ("Mechel" Steel Group) on living conditions of the local indigenous and Russian population of the village of Chuvashka MO "Gorod Myski", Kemerovo region]. Kemerovo: IUU SO RAN, 2005. Vyp. 1.
- Trevogi mira: sotsial'nye posledstviia globalizatsii mirovykh protsessov. Doklad UNRISD dlia vsemirnoi vstrechi na vysshem urovne v interesakh sotsial'nogo razvitiia* [The world's worries: social implications of globalisation. UNRISD report at the high-profile world meeting for social development]. M: In-t etnologii o antropologii RAN, 1997.
- Acosta A. 'Post-Extractivism: From Discourse to Practice—Reflections for Action'. *Alternative Pathways to Sustainable Development: Lessons from Latin America. International Development Policy series* Vol.9. Geneva, Boston: Graduate Institute Publications, Brill-Nijhoff. 2017. p. 77–101
- Berezhkov D. 'Coal Mining in Kemerovo Oblast, Russia'. *Briefing Note, September 2012 (IWGIA, RAIPON)* [https://www.iwgia.org/images/publications/0595_Coal_Mining_in_Kemerovo_Oblast_Briefing_note_Sept_2012.pdf].
- Bovensiepen J.M. *The Land of Gold. Post-Conflict Recovery and Cultural Revival in Independent Timor-Leste*. Ithaca, New York: Cornell University, Southeast Asia Program Publications. 2015. 216 p.
- Brown K. 'Where king coal is a cruel ruler. Coal imported from Russia leaves a trail of destruction' *Big Issue North. The Independent Street Paper*. June 26, 2016 [<https://www.bigissuenorth.com/news/2016/06/where-king-coal-is-a-cruel-ruler/>]
- Ditch Coal. *The Global Mining Impacts of the UK's Addiction to Coal. A Report of Coal Action Network*. November, 2015 [<https://www.coalaction.org.uk/wp-content/uploads/2018/01/Ditch-Coal-Report.pdf>]
- Engels B., Dietz K. *Contested Extractivism, Society and the State: Struggles Over Mining and Land*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 255 p.
- Funk D. „Néprajzi szakértés” a posztszovjet Oroszországban // *Ethnographia*, 2016a, T. 127, sz.3: 345–368.
- Funk D. "Where Do Spirits Re-Settle? Extractive Industries and New Spiritual Landscapes in South Siberia". A talk presented at Symposium "Changing Epistemologies and Life", Uppsala, 7 October 2016 [<http://www.anthro.uu.se/beach-symposium/>].

- Gilberthorpe E., Hilson G. (eds.): *Natural Resource Extraction and Indigenous Livelihoods: Development Challenges in an Era of Globalization*. Surrey, Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2014. 283 p.
- Hansen J.G. 'Decolonizing Indigenous Histories and Justice'. *Neuburger M., Dörrenbacher, P. (eds.) Nationalisms and Identities Among Indigenous Peoples: Case Studies from North America. Nationalisms Across the Globe Series*, Vol. 16. Oxford & Bern & Berlin & Bruxelles & Frankfurt am Main & New York: Peter Lang, 2015. p. 13–25.
- The Cost of Coal. *Impact of Russian Coal Mining on the Environment, Local Communities and Indigenous peoples*. Ecodefence. 2015 [<https://ecdru.files.wordpress.com/2015/12/russian-coal.pdf>]
- Valencia A. *Human Rights Trade-Offs in Times of Economic Growth: The Long-Term Capability Impacts of Extractive-Led Development*. New York: Palgrave Macmillan, 2016.
- Veltmeyer H., Petras J. *The New Extractivism: A Post-Neoliberal Development Model or Imperialism of the Twenty-First Century?* London: Zed Books, 2014. 311 p.

MISCELLANEA

UDC 903.01/.09

DOI: 10.17223/2312461X/20/9

ETHNOARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON INDIGENOUS IRON SMELTING IN SIBERIA *

Evgeny Vodyasov

Abstract. The article presents an ethnoarchaeological study of iron smelting as practiced by the indigenous population of Siberia. The relevance of it is accounted for by the fact that archaeological (pre-written) and ethnographic (written) data demonstrate continuous development of traditional iron metallurgy in the region since the early first millennium A.D. up until the early 20th century. Author suggests that thanks to the common physical and chemical processes involved ethnographic descriptions of iron production can help us reconstruct iron smelting practices used even further back in time.

The undertaken research yielded the following results. Firstly, Siberian iron smelters used different types of iron ore together and the choice of ore depended on the quality of iron required. Secondly, ethnoarchaeological data revealed that they also had different types of blacksmith's bellows at their disposal. Thirdly, the Siberian climate with its changing summer and winter seasons, as well as the quantity of iron needed, had an impact on the types of iron smelting furnaces developed within the same culture. Finally, the 18th to the 20th century written data indicate certain similarities in iron smelting technologies applied in different Siberian cultures, and that seems to constitute a basis reliable enough for reconstructing ancient technologies of the pre-literary era.

Keywords: ethnoarchaeology, ethnography, iron smelting, Siberia

Introduction

Ethnoarchaeological research on iron metallurgy in indigenous peoples of Eurasia and Africa is of great importance for the reconstruction of ancient iron smelting technologies. Archaeological evidence by itself cannot give a comprehensive picture of the past. As Michael Pearson put it, "archaeologists can study incomplete systems of material culture communication (which itself is fragmentary since it is all that is left of a fuller system of verbal and non-verbal communication) since the relationships and associations embodied by material culture can be reconstructed into a system of re-

* This research was supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme (grant No. 8.1.2.28.2018).

relationships between signifiers” (Pearson 1982: 100). Studying “living” ethnographic reality can provide us with the answers to archaeological questions, help us build “bridges” and make the connections between scattered archaeological sources available.

The study of iron smelting and blacksmithing occupies a special place in ethnoarchaeology (Lane 2006: 412). In some cases, ethnoarchaeological models of iron smelting present in “living” cultures can be extrapolated to older times, especially when it comes to Siberia where traditional cultures continue to exist and there is archaeological (pre-written) and ethnographic (written) data available that demonstrate continuous development of iron metallurgy here since the early first millennium A.D. up until today.

Despite the wealth and uniqueness of the ethnographic data on traditional Siberian metallurgy, nearly all research on this theme is only available in Russian and is inaccessible to the wider international scientific community. Moreover, no comprehensive ethnoarchaeological studies have been conducted on each stage of the iron making cycle (from iron ore extraction to finished iron production) practiced by various Siberian iron smelters. It is also worth admitting that so far iron metallurgy in traditional cultures has been best studied in Africa (Ackerman et al. 1999; Haaland, Haaland 2000; Haaland 2004).

Thus, the present article aims to collect and summarise written data describing each stage of iron production in different Siberian peoples. It draws on sources such as ethnographic descriptions of smelting procedures made by scholars and travellers throughout the 18th to the 20th centuries, drawings by artists who had accompanied expeditions to the indigenous peoples of Siberia, and historical documents. It particularly focuses on technological characteristics of indigenous iron production.

Unfortunately, due to the limited volume of the article, the sacred and symbolic aspects of traditional iron smelting and ritual practices associated with this process are not discussed here. These have been studied thoroughly by Russian ethnographers and archaeologists (Popov 1933; Belikova 2010).

Mining and Preparation of Iron Ore

Mining and preparation of iron ore as practiced by the *Yakut people* in the late 19th to the early 20th centuries are described in great detail (Strelov 1928; Seroshevskiy 1993: 368). The *Yakuts* extracted ore in two ways: either from small pits or from natural outcrops. However, what they preferred was the open ore mining method whereby they would search for “iron stones” on the banks of rivers and on the slopes of river terraces. The search was carried out by both adult men and children. For example, a *Yakut* old man named Kapiton is known to have repeatedly sent his young grandchildren to look for iron ore on the banks of the Aldan River in the late 19th century, and they

would find the ore rich in iron and easy to smelt in simple Yakut furnaces (Seroshevskiy 1993: 385).

When the *Yakut* smelters found ore in small pits, they would leave it in heaps nearby for the winter. In the spring, the ore would be taken to furnaces where it was kindled in fireplaces, cleaned of stones and soil, pushed into powder, and sifted using special sieves with fine wires (Strelov 1928: 53; Seroshevskiy 1993: 368). The smelters would then ground the ore into powder in a special wooden trough with the help of a wooden mortar (Strelov 1928: 55).

The *Kondoma Tatars* (a people inhabiting the Tom River basin in the south of today's Kemerovo region in Siberia) also found iron ore in the 18th century in either outcrops on river banks or in swamps under the turf (Georgi 1776: 168). In his work, Johann G. Gmelin mentioned the fact that the *Tatars* living on the banks of the rivers of Kondoma and Mras-Su extracted iron ore from beneath the turf and, like the *Yakut people*, finely ground it before smelting (Gmelin 2003: 102–104) – a method similar to the one described by Gerhard F. Müller. In his field diary of 1734, Müller reported that the *Tatars* on the Kondoma River smelted iron into small pieces of wrought iron lumps but first they had to dig for the ore using iron hoes (Elert 1999: 43).

Some useful information on ore processing methods applied by the *Tatars* referred to by Gmelin and Müller is also contained in the Charter of Tsar Mikhail Fedorovich Romanov dated 11 September 1623. The Charter states that not far from Kuznetsk, on the rivers of Kondoma and Mras-Su, the *Kuznetsk Tatars* collected iron ore, kindled it using firewood, then crushed it with hammers and sieved it, and afterwards gradually placed it into furnace (Spasskiy 1819: 141). This tradition had been kept by the *Shor people* (a people inhabiting the Tom River basin in the south of today's Kemerovo region, Siberia) until the first half of the 20th century (Sunchugashev 1979: 157).

The Siberian smelters worked with several types of iron ore. In the first third of the 20th century *old Tubalar men* (inhabiting the north of today's Republic of Altai) told that in the past smelters had mined iron from different mountains. Certain types of ore had then produced soft malleable steel, whereas others had given brittle steel (Potapov 1933: 28). The *Yakut* metallurgists were familiar with *bog* ores located not very deep underground and with *siderite* ores which were extracted from outcrops on river banks. The smelters were very well aware of the fact that different ores produce iron of different quality and with different properties. Some ores were used to make knives, some – for nails, and others – for axes (Struminskiy 1948). At one point the smelters would get soft iron, and at some other point – high quality steel, but more often they got a mixture of both, that is, a flexible steel that could yet be hardened. The *Yakuts* valued this steel above all others, and for this reason they preferred to mine *siderite* ores on the banks of rivers (Seroshevskiy 1993: 368).

I believe that when doing archaeological research and trying to identify what raw materials were relied on in ancient metallurgy, the fact that the indigenous peoples of Siberia knew and used different types of ore should be taken into consideration as these ores leave slags different in their chemical composition. Moreover, different slags found in ancient settlements can serve as a marker of not only what technologies were used but also of what sources of ore there were. Also, one cannot exclude the possibility that ancient metallurgists could experiment and mix *different* ores in *one* furnace, thus seeking to make steel of higher quality. Such “experiments” would yield a specific group of slags different from all the others in their chemical composition.

Written ethnographic sources show that iron ore deposits of Siberia influenced the way the smelters settled. At the turn of the 19th to the 20th centuries, the *Yakut* metallurgists preferred to live in close proximity to iron ore outcrops (Strelov 1928: 55; Seroshevskiy 1993: 368). It was a common phenomenon to transport ore over the distance of 10 to 15 km away from the ore deposit to the settlement where furnaces and blacksmith workshops were located. For example, a *Yakut* smelter named Savin lived in the early 20th century near the Shestakovskoe ore deposit but had to travel for ore to the mouth of the Tostur River, that is, 12 km away from home. He himself explained that was needed due to the low quality of ore available in the Shestakovskoe deposit (Strelov 1928: 58). In 1842, the *Altaians* told that blacksmiths mined ore for iron smelting near those settlements where their workshops were (Rosen 1983: 32–33). The same was true of the *Tatars* that lived in the Upper Tom region in the 17th to the 18th centuries (Spasskiy 1819: 141; Gmelin 2003: 102–104).

This link between settlements and ore deposits can also be traced through archaeological data of medieval metallurgy. The mapping of ore occurrences and medieval archaeological sites of black metallurgy in the Upper Ob region (in the south of Western Siberia) revealed a collection of workshops all located no further than 15 km away from ore deposits (Vodyasov 2015; Vodyasov, Zaitceva 2015: 474–475; Vodyasov, Zaitceva 2017). The average distance between the iron metallurgy sites and mineral and raw materials sources there ranged from 6 to 10 km. The same situation existed in the neighbouring territories and is characteristic of ancient metallurgy in Gornyy Altai (Zinyakov 1988: 201, 210, fig. 1, 10). In the Sayan-Altai mountainous region, there are numerous ore deposits rich in iron. This is why metallurgists of the Turkic Khaganates in the second half of the first millennium A.D. settled either directly at the mining sites here or nearby (Kyzlasov 1997: 27). The same is true of Khakassia where medieval furnaces were often built at the distance of 5 to 9 km away from ore deposits (Sunchugashev 1979: 52–54).

Charcoal Making

Metallurgists apparently burnt coal in one of the two ways characteristic of many Siberian peoples: the “heap” one (in Russian: *kuchnyy*) or the “pit” one (in Russian: *yamnyy*). The *Yakuts* are known to have used light and soft charcoal with a lot of charred wood. They produced charcoal by burning wood placed in a special cage in the open air and then extinguishing the fire with water (Seroshevskiy 1993: 370). Afterwards the *Yakuts* sifted the charcoal, selecting pieces of different size for smelting: from finely sifted coal powder to coal pieces of medium size of 1.5 cm (Strelov 1928: 54).

The “pit” method of making charcoal was described by the *Evenks* and consisted in that firewood was placed into pits and burnt with limited oxygen to form coals (Vasilevich 1969: 91). As this method of coal burning is universal, simple and accessible, it is not surprising that it is still widely used.

In this regard it seems relevant to suggest that in ancient and medieval times coal burning technologies were identical to the ones referred to above. Moreover, obtaining charcoal by any other method seems merely impossible in traditional cultures. The archaeologisation of actions associated with charcoal making can manifest itself either in the form of fireplaces if the ‘heap’ method was used or as pits with a large amount of ash and coal in case the ‘pit’ method was applied. However, here we are immediately confronted with the issue of how to identify the very places of charcoal making because fireplaces and pits with ash found in settlements can in fact be associated with many different events and factors. According to Ya.I. Sunchugashev, it is extremely rarely that one can manage to find pits for burning coal in territories with ancient workshops or in proximity to furnaces (Sunchugashev 1979: 59).

Indeed no evidence of ancient coal burning practices was discovered through archaeological methods in the Ob-Tomsk interfluvium of Western Siberia. There seems to be quite a rational explanation for that fact: it was more convenient to burn coal in the forest and then to bring ready-to-use fuel back to the settlement than to transport massive logs to places for smelting to make charcoal (Sunchugashev 1979: 59). Interestingly, one of the Mongolian legends written down by Rashid-ad-Din in the 14th century tells us that when a tribe needed some coal for iron smelting, its people went to the forest, and it was there that they got the coal which they then took to the mining site and started kindling it with bellows (Rashid-ad-Din 1952: 154).

Bellows

Bellows were used to pump air into the working chamber of the furnace. The principle underlying their operation was quite universal and thus their design did not differ across vast territories. According to written sources, *two types* of bellows were spread in traditional Siberian metallurgy.

The first type of bellows looked like bags and was made of the skin of horse hind legs. The skin was completely removed and a nozzle was then attached to its narrow end. In the second third of the 18th century, Gerhard F. Müller wrote that the *Yakut* bellows consisted of two leather bags which were thicker in the middle, with two narrow necks at their top and bottom. Attached to the bottom were iron tubes to be directed toward the fire. The top part was designed to let in air, with two round pieces of wood attached to it which the blacksmith, while raising the bags, parted with the help of the thumb and other fingers, thus letting in air. Then he squeezed them together when pressing the bellows and the air escaped from the bottom openings. In this way the blacksmith raised and lowered both bellows alternately with his right and left hand and smelted iron (Müller 2009: 285).

The *Mongolian* blacksmiths used this type of bellows in the late 18th century (Fig. 1).



Fig. 1. The Mongolian blacksmiths. Drawn by Peter Simon Pallas in the late 18th century (Source: Pallas 1776: tabl. 5)

Waclaw Seroshevskiy described this type of bellows (Fig. 2) as used by the *Yakut* blacksmiths in the late 19th century as follows: “Their bellows, just like the *Mongolian* ones, are bags of soft leather sewn in such a way that their form resembles a lot the skin removed as one piece from the backside of a mare; these bags are attached to a common two-necked wooden sleeve

whose aperture is placed in the front wall of the furnace” (Seroshevskiy 1993: 369, fig. 83).



Fig. 2. The Yakut blacksmiths. Drawn by V.L. Seroshevskiy in the late 19th century
(Source: Seroshevskiy 1993: fig. 83)

The *Altaians* had similar bellows in the 19th century (Chikhachyov 1974: 139) as well as the *Tungus* people though the latter made bellows from seal-skin (Seroshevskiy 1993: 380). In the early 20th century, the *Shor* blacksmiths (in the south of Western Siberia) also produced bellows from the skin of horse hind legs (Fig. 3).

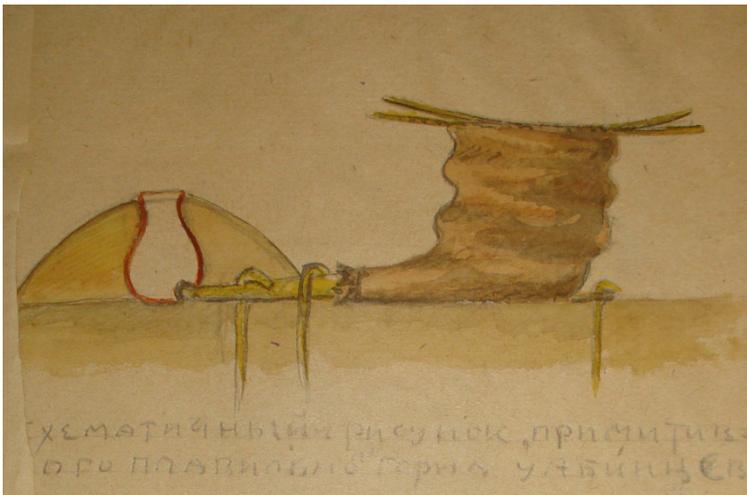


Fig. 3. Shor blacksmith bellows and smelting furnace. Drawn by Concordiy Evreinov in the first half of the 20th century. (Source: Evreinov, no year)

Thus, the available written sources show that this type of blacksmith bellows was widespread in Western and Eastern Siberia, as well as in Central Asia, throughout the 18th to the early 20th centuries. Despite the fact that archaeological research did not reveal the presence of blacksmith bellows in Siberia, we can hypothesise that smelters and blacksmiths used bellows of similar design here in medieval times as, for example, bellows of this type made from horse and sheep skin are known to have been used by the *Mongols* in the 13th to the 14th centuries, according to a legend written down by Rashid-ad-Din at that time (Rashid-ad-Din 1952: 154).

The second type of bellows was made up of two wooden covers tied together with leather. In 1734, Johann W. Lursenius made a drawing of such blacksmith bellows used by the *Shor* smelters (in the south of today's Kemerovo region, Siberia) (Fig. 4).



Fig. 4. Methods of producing alcohol from milk (A) and of smelting iron from ore (B) used by the Kondoma Tatars, A copy of the drawing made by Johann W. Lursenius on 19 September 1734 (Source: Vodyasov 2016: fig. 1)

The *Selkups* are also known to have used such bellows in the early 20th century (Sel'kupskaya... 2007: 252) as well as the *Vakhovskie Ostyaks* (Istoriya Yamala... 2010: 89) and the *Yakuts* (Strelov 1928: fig. 3). Notably, ethnographic data indicate the coexistence of the two types of blacksmith bellows in same traditional cultures. We cannot exclude the possibility that Siberian smelters could use both types much further back in time. The choice of bellows was most probably made depending on the quantity of air needed for a particular type of smelting and blacksmith furnaces.

It is also worth stressing that it is two bellows that many researchers mention that the smelter or the blacksmith alternated for continuous supply of air

to the furnace, and the two bellows were put into one nozzle on the side of the furnace. This technology was found in many *Yakut* blacksmiths (Seroshevskiy 1993: 369; Strelov 1928). In the 18th century, Johann G. Georgi also described *Yakut* bellows as two leather bags tied together in such a way that pressing alternately one and then the other ensured a continuous flow of air into the furnace (Georgi 1776: 184). Two blacksmith bellows directed toward one furnace as done by the *Shors* were drawn by Concordiy Evreinov (Evreinov, no year). Gmelin also mentioned that fact when describing iron smelting in a *Tatar* yurt on the Kondoma River (in the south of today's Kemerovo region, Siberia) in 1734. (Gmelin 2003: 102).

Iron Smelting Furnaces

Drawing on the ethnographic descriptions of iron smelting we can identify *two major types* of smelting furnaces (Fig. 5).

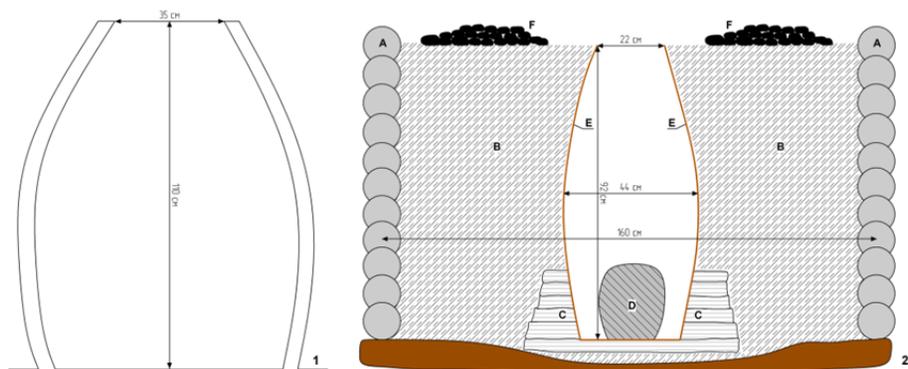


Fig. 5. Major types of Yakut smelting furnaces used in the late 19th to the 20th centuries. The reconstruction is made by Evgeny Vodyasov and is based on ethnographic materials (Strelov 1928: 53–54; Seroshevskiy 1993: 367). 1 – Furnaces of the first type; 2 – Furnaces of the second type. The “log frame” furnace in section. A – log frame; B – clay; C – chert; D – a hole in the furnace; E – refractory clay on the inner walls of the smelting chamber; F – charcoal for smelting

The first type is represented by ground constructions made of clay (Fig. 5, 1). In different cultures their size varies. In the 18th century, the *Kondoma Tatars* built small clay furnaces of 30 cm in height with the diameter of the base equal to only 15 cm. The top hole for loading coal and ore did not exceed 4 cm in diameter. There was an opening in the front which was clogged with clay during smelting, and two bellows were inserted on the side (Gmelin 2003). Similar parameters of furnaces were described by Concordiy Evreinov as they existed in the *Shors* in the early 20th century. He identified four types of furnaces in accordance with the diameter of the base of the ground clay dome: 1) 20–25 cm; 2) 20–30 cm; 3) 40–45 cm; and 4) 40–

50 cm (Evreinov, no year). The general design of the early 20th century *Shor* furnaces was not different from that described 200 years ago by Gmelin.

Müller wrote that the *Yakut* furnaces were much bigger than the *Tatar* ones, and thus wrought iron blooms produced by the *Yakuts* was heavier (Müller 2009: 285). Waclaw Seroshevskiy described the *Yakut* furnaces as “jug-shaped” constructions 110 cm high, with a top hole for filling coal and ore of around 30 cm in diameter and with a bottom hole for bellows. The walls of the furnace were maximum 5 cm thick (Seroshevskiy 1993: 367).

The second type of smelting furnaces could be called the “log frame” one (Fig. 5, 2). In the late 19th to the early 20th centuries, the *Yakuts* constructed wooden square log frames, with logs around 10 cm thick. The log frame was around 110 cm high and 160 cm wide. It was filled up with clay to the top edge, and a full-height furnace was built in the centre of it. The inner walls of the smelting chamber were covered with refractory clay. At the bottom of the chamber there was a hole for heating the furnace with firewood, releasing liquid slags, and pumping air with bellows. At the top, there was also a hole (of around 20 cm in diameter) for loading coal and ore. Charcoal was piled around the top hole and added to the furnace when needed (Strelov 1928: 53–54).

Interestingly, such “log frame” furnaces were found in the first half of the 20th century in Gornaya Shoria (in the south of today’s Kemerovo region, Siberia). In 1935, a local history specialist Concordiy Evreinov learnt from old *Shor* men that smelting furnaces were placed in a separate workshop which was a log construction filled with tamped clay, with a semicircular hole in the center; also, two blacksmith bellows were inserted on its side (Fig. 6).

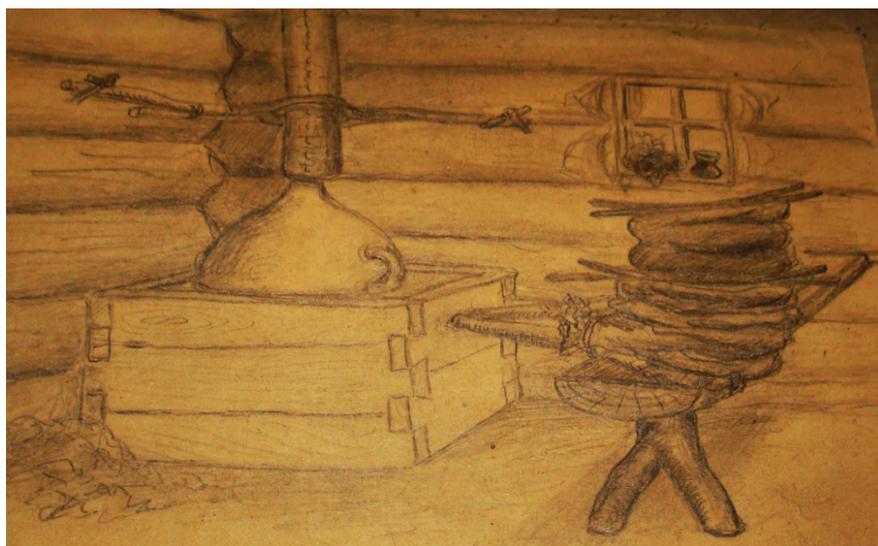


Fig. 6. The *Shor* “log frame” furnace. The first half of the 20th century.
Drawn by Concordiy Evreinov (Source: Evreinov, no year)

Doing archaeological research on ancient iron production technologies it is important to consider the fact that *different types* of furnaces could coexist in one same culture. Ethnographic materials show that smelters in Western and Eastern Siberia used both “classic” clay furnaces and “log frame” constructions. The choice of a particular type of furnace was most probably dictated by natural conditions. In the late 19th century, Waclaw Seroshevskiy wrote that the *Yakuts* used “log frame” furnaces in the winter in order to save heat (Seroshevskiy 1993: 367). Indeed, in the severe Siberian climate, especially in cold winter time, thin clay walls of the furnace of the first type did not create the conditions needed for the extraction of iron from ore. The problem of ensuring necessary heat capacity of the smelting chamber was resolved through the use of the “log frame” construction with an enormous amount of clay inside. It can be calculated that smelters needed around 2.3 cubic meters of clay weighing up to 5 tons (!) in order to build a *Yakut* furnace (Fig. 5, 2). Moreover, “log frame” furnaces produced much more iron than small “classic” clay furnaces known to be used by the *Kondoma Tatars* in Western Siberia. From an ethnoarchaeological point of view, it is important to note that whereas the first type of clay furnaces is widely present on archaeological sites of Western Siberia, “log frame” furnaces have not so far been discovered through archaeological research. However, if to imagine a model of archaeologisation of such furnaces, it will become clear that logs rot and tamped clay, with the passage of time, turns into an amorphous stain which does not allow reconstructing the initial appearance of the furnace. Moreover, if such constructions were ground ones, then trying to recognise a log frame in a cluster of clay would be merely impossible. Thus, it still remains unknown whether iron was indeed produced in log frame constructions in Western Siberia in ancient and medieval times.

Iron Smelting Process

Ethnographic descriptions of iron smelting in Siberia constitute a significant basis for making archaeological reconstructions of and experimental research on ancient technologies. Below i present a detailed overview of iron production technologies applied in each of the types of furnaces described above.

In 1734, Gmelin wrote about iron smelting process as practiced by the *Kondoma Tatars*. They used small clay furnaces of about 30 cm in height. All work was done by two *Tatar men*. The one would alternately add coal and ore (the amount of finely ground ore taken here was small enough to fit onto the tip of a knife) until the furnace was full, while the other was pumping air into the furnace with two bellows. As soon as the volume of the coal became less, another portion of ore and coal was loaded, and the whole process would continue until the furnace was filled with around 3 pounds there-

of (i.e., 1.2 kg) – the maximum amount it could contain at a time. After the last portion of ore was inside the furnace, the smelter pumped some more air with the bellows and, using forceps, took out from the bottom of the furnace pieces of wrought iron bloom, cleaning them of slags and coals. This process lasted for 1.5 hours in total (Gmelin 2003).

More information is available on iron smelting by the *Yakuts* done in “log frame” furnaces. The first thing to do was to heat the furnace using firewood. Then the *Yakuts* formed a finely ground charcoal layer of 6.5 cm in thickness covered with another layer of the same thickness but with charcoal pieces of 1.5 cm. The *Yakuts* called these two layers the “bed” for iron. Following that, the smelters inserted two bellows into the furnace and closed its front hole. Then a small amount of hot coals was put into the furnace and the next step was to fill the furnace with cold coal up to the level of 20 cm above its surface. When the one smelter started pumping air, the other put 2.8 kg of iron ore ground into powder onto the coal. When, in around 20 minutes, the coal burnt to an extent it was no longer visible above the furnace, they added more coal to form a small mound of 20 cm in height and the same amount of ore. The process repeated 5 times. In this way the *Yakuts* smelted around 20 kg of ore during one smelting cycle. In 1 hour and 15 minutes after the first portion of ore was added, with less than half of the coal left in the furnace, the *Yakut* smelters stopped pumping air with the bellows and made holes at the bottom to let liquid slag out. Then the holes were closed and the bellows were reapplied to burn the rest of the coal. By the end of the smelting cycle the *Yakuts* reopened the hole and removed a piece of iron bloom about 7 cm thick. They threw it onto the snow, cleaned it of any remaining slags using a piece of wood and cut it with an axe in order to assess the quality of iron produced. The total duration of the cycle was about 2 hours (Strelov 1928: 54–55).

In the late 19th century, Waclaw Seroshevskiy described iron smelting in “log frame” constructions practiced exactly the same way by the *Yakuts*, with only one exception, that is, that the *Yakut* smelters would load coal and ore 15 to 20 times (Seroshevskiy 1993: 367–368). No ethnographic description of indigenous iron smelting in Siberia reports the use of flux. Waclaw Seroshevskiy indicated directly that the *Yakuts* did not use flux during smelting and could not manage the process so as to produce the required kind of iron (Seroshevskiy 1993: 368).

Iron production technologies seem to have varied depending on the experience and knowledge of the smelter, although, on the whole, many 18th and 19th century scientists pointed to the similar nature of technologies applied by different indigenous peoples of Siberia. As early as in the 18th century, Georgi paid attention to similar iron making methods used by the *Abinsk Tatars*, *Yakuts*, and *Yenisei Ostyaks* (Georgi 1776: 184; 1777: 23). It is noteworthy that in 1734 Gmelin wrote in relation to the *Kuznetsk Tatars* that “...although they had many places for iron smelting, becoming familiar with

one of these places was enough since they all did the smelting in the same way” (Gmelin 2003: 102).

For that reason, the fact that there are common physical and chemical foundations underlying iron making is of invaluable help for the reconstruction of this process whose very nature determined similarities in technologies used for burning and crushing ore, getting charcoal, designing furnaces and bellows, and for smelting as such, both in Siberia and beyond.

Yield of Iron

In ethnoarchaeological research on Siberian iron smelting technologies, the issue of smelting furnaces productivity is of particular significance. Such data which can be verified by experimental methods are crucial for the reconstruction of the scale of ancient iron production in a particular settlement.

With regard to the *Yakut* iron, Waclaw Seroshevskiy wrote that 1.4 to 1.6 kg of iron could be made out of 16 kg of iron ore. The weight of wrought bloom ranged from 10 to 16 kg, and this iron was porous and covered with a layer of slag, and so it had to be repeatedly heated to be cleaned, as a result of which half of its weight was gone. Out of 16 kg of wrought iron maximum 10 kg of iron was produced (Seroshevskiy 1993: 368). Thus, of a particular amount of ore only 8 to 10 % of iron was extracted.

Strelov, however, provides some different data on the *Yakut* metallurgy. According to him, on average, out of 16 kg of ground ore 7.4 to 8.2 kg of iron was produced, that is, 50 to 57 %. Another description of iron smelting process as practiced by the *Yakuts* indicates that from an equal amount of ore and coal (24.5 kg each), 8.2 kg of wrought iron was produced, that is, 33 % of the total amount of ore (Strelov 1928: 55–57). Gmelin writing on the *Kuznetsk Tatars* reported an even greater amount of iron yielded – at 65 % (Gmelin 2003: 102–103). However, if to consider significant losses of wrought iron after forging referred to neither by Strelov nor by Gmelin, we can see that the yield of iron varies from 8 to 20% depending on the quality of ore and technologies applied. The losses of wrought iron during forging reported to be equal to 40 to 50% (according to ethnographic descriptions), as well as the amount of iron produced from ore, are confirmed through contemporary experimental research (Crew, Maentwrog, Salter 1993).

Of great significance are the data of Waclaw Seroshevskiy on the total weight of iron consumed by one *Yakut* family in the late 19th century. Iron objects needed in a family of 5 persons include an axe (adze), 2 knives, a tinderbox, needles, awls, buckles, etc., with the total weight of 2.5 kg. If to add locksmith and blacksmith tools, weapons and a bridle set, then the average amount of iron needed will amount to 4 kg per year (Seroshevskiy 1993: 375–377). Thus, a few successful “log frame” smelting cycles can provide one family with the necessary amount of iron for at least a year.

Smelters or Blacksmiths: Division of Labour

Written sources on Siberian metallurgy demonstrate that in different communities of metallurgists different forms of division of labour existed between smelters and blacksmiths. Siberian metallurgists can be, with certain reservations, divided into three categories: smelters-blacksmiths who knew how to smelt ore and forge iron; smelters who only made wrought iron and sold it (or exchanged it) to other communities; and blacksmiths who did not smelt ore but forged wrought iron they obtained from others.

Interestingly, these three categories could coexist within one culture. For example, in the second third of the 18th century, Müller mentioned the fact that there were the *Yakut* metallurgists who could both smelt ore and forge different objects: knives, axes, arrows, tinderboxes, etc. (Müller 2009: 285). Waclaw Seroshevskiy gave another example from the late 19th century. He wrote that the *Yakut* smelters rarely processed wrought iron. More often, they sold it to the city or exchanged it with blacksmiths (Seroshevskiy 1993: 369). It is also known that in Siberia indigenous smelters subject to tribute could pay it with wrought iron (30 to 40 pieces of wrought iron (or 16 kg) instead of one sable) (Shirin 1999). 17th century written documents state that the *Yakuts* exchanged wrought iron for weapons, decorative items (small beads), deer, and sable fur (Ivanov 1966: 72–73). Finally, scientists also described communities of *Yakut* blacksmiths who did not smelt iron but obtained wrought iron and forged it for their own needs as well as exchanged finished iron products with the *Yukagirs*, *Chukchi*, *Kamchadals*, and other peoples unfamiliar with metallurgy (Müller 2009: 285). Throughout the 17th to the 19th centuries, many *Ostyaks*, *Tungus people*, *Samoyeds*, and *Yukagirs* did not practice iron smelting but forged wrought iron (Ivanov 1966: 72–73; Seroshevskiy 1993: 380; Müller 2009: 284–285). The *Ostyak* and *Tungus* blacksmiths made only simple arrowheads and could not produce axes or knives (Müller 2009: 284–285).

Thus, written evidence gives us a complex picture of smelting and blacksmithing technologies present even in one culture and that should be taken into account when interpreting archaeological sources. Through the example of the 17th to the 19th century *Yakut* metallurgists, at least three groups can be identified: smelters-blacksmiths, smelters, and blacksmiths. It is noteworthy that in early medieval times in the Upper and Middle Ob region no remains of iron smelting technologies were found and all the traces of iron metallurgy that were discovered are in fact indicative of blacksmithing (Vodyasov, Zaytseva 2017: 244). In the Middle Ages, there most probably were communities of metallurgists-blacksmiths as well who did not smelt ore but used ready-to-use wrought iron made by professional smelters from other communities.

Conclusions

Ethnoarchaeological research on indigenous iron smelting in Siberia provides a more comprehensive picture than separate archaeological sources. Written descriptions enable us to reconstruct many aspects of iron production adding to the archaeological knowledge of this problem. The analysis of written and ethnographic data revealed a number of noticeable characteristics of Siberian metallurgy which may be useful in archaeological and experimental research. Firstly, Siberian smelters used different types of iron ore together, and the choice of ore was made depending on the quality of iron required. Secondly, ethnoarchaeological data show that smelters also combined different types of bellows: all the scientists in the 18th to the 20th centuries mentioned the fact that two bellows were involved in smelting. Ethnoarchaeological evidence seems to be the only source for reconstructing the design of ancient bellows because these are not preserved in the archaeological layer. Thirdly, the climate with its changing summer and winter seasons, as well as the quantity of iron needed, had an impact on the types of iron smelting furnaces. In Western and Eastern Siberia, small furnaces with clay ground elements coexisted with “log frame” furnaces filled up with clay which produced wrought iron pieces of up to 16 kg. Finally, written data reveal similarities in smelting technologies in different cultures of Siberia; among these – the preliminary drying and burning of ores before smelting, the use of ore ground into powder, similar ways of making charcoal and types of smelting furnaces used, the use of two bellows for continuous supply of air into the furnace, and the repeated loading of coal and ore (where the furnace was filled up with coal onto which ore was placed).

To conclude, I believe that of further research interest would be a series of archaeological experiments with the “log frame” furnace, thanks to a detailed description available in the *Yakut* culture of its design and of the smelting process itself. Also, we are not aware of such experiments to be ever conducted before – the fact that only adds to their relevance for taking the current ethnoarchaeological research on indigenous iron smelting in Siberia further.

References

- Belikova O.B. *Zyrianskii mogil'nik kontsa XVI-XVII v. taezhnogo Prichulyum'ia v svete arheologii i arheobotaniki: (Opyt kompleksnogo issledovaniia odnogo kurgana)* [The 'Zyrianskiy' burial site dating to between the late 16th to the 17th centuries of the taiga Chulyum region through the prism of archaeology and archeobotany (A comprehensive study of one mound. Edited by D.G. Savinov)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010. 432 p.
- Vasilevich G.M. Evenki [The Evenks]. In: *Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII-nachalo XX v.)* [Historical and ethnographic essays (18th to the early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka, 1969. 304 p.
- Vodyasov E.V. Zhelezorudnye mestorozhdeniia v srednevekovom kul'turnom landshafte Tomskogo Priob'ia [Iron ore deposits in the medieval cultural landscape of the Tomsk Ob

- region]. In: *Integratsiia arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniï: sbornik nauchnykh trudov* [The integration of archaeological and ethnographic research: a collection of scientific writings]. Barnaul; Omsk: Izd. dom "Nauka", 2015, pp. 172-176.
- Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. Ternisty put' chernoï metallurgii v taezhnom Ob'-Irtysh'e [A thorny path of black metallurgy in the taiga Ob-Irtysh region], *Stratum Plus*, 2017, no. 6, pp. 237-250.
- Georgi J.G. *Opisanie vseh v Rossiiskom gosudarstve obitaiushchih narodov, takzhe ih zhi-teiskih obriadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochih dostopamiatnostei. Chast' vtoraia. O narodah tatarskogo plemeni* [A description of all the nationalities that inhabit the Russian State, of their rites, customs, clothing, dwellings, pastimes, beliefs, and other notable characteristics. Part II. On the Tatar peoples]. St. Petersburg: Tipografiia K.V. Millera, 1776. 188 p.
- Georgi J.G. *Opisanie vseh v Rossiiskom gosudarstve obitaiushchih narodov, takzhe ih zhi-teiskih obriadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochih dostopamiatnostei. Chast' tret'ia. Samoiadskie, mandzhurskie i vostochnye sibirskie narody* [A description of all the nationalities that inhabit the Russian State, of their rites, customs, clothing, dwellings, pastimes, beliefs, and other notable characteristics. Part III. The Samoyed, Manchurian, and Eastern Siberian peoples]. St. Petersburg: Tipografiia Veitbrehta i Shnora, 1777. 130 p.
- Gmelin J.G. Poezdka po Rudnomu Altaiu v avguste-sentiabre 1734 g. (iz knigi "Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1734") [A journey across the Ore Altai in August and September 1734 (from the book "Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1734")]. In: *Kuznetskaia starina* [The Kuznetsk antiquities]. Novokuznetsk: Izd-vo "Kuznetskaia krepost'", 2003, pp. 86-108.
- Evreinov K.A. *Atlas tablits po istorii metallurgii nashego kraia. Risunki, chertezhi, fotografii* [Atlas of tables on the history of metallurgy in our region. Drawings, drafts, and photographs]. Rukopis' hranitsia v Novokuznetskom kraevedcheskom muzee OF. KP 1897.
- Zinyakov N.M. *Istoriia chernoï metallurgii i kuznechnogo remesla drevnego Altaia* [The history of black metallurgy and blacksmithing in ancient Altai]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1988. 276 p.
- Ivanov V.N. Kuznechnoe delo u iakutov v XVII v. [Blacksmithing in the Yakuts in the 17th century]. In: *Iakutskii arhiv (sbornik statei i dokumentov). Vyp. 3* [The Yakut archives (a collection of articles and documents). Issue 3]. Iakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966, pp. 64-76.
- Istoriya Yamala: v 2-h tomah* [The History of Yamal: in two volumes. Edited by V.V. Alekseev] / Pod obshch. red. V.V. Alekseeva. Ekaterinburg: Izd-vo "Basko", 2010. T. 1: Yamal traditsionnyi. Kn. 2. Rossiiskaia kolonizatsiia [Volume 1: The traditional Yamal. Book 2. The Russian colonisation] / Pod red. I.V. Poberezhnikova i dr. 324 p.
- Kyzlasov L.R. Pervyi Tiurkskii kaganat i ego znachenie dlia istorii Vostochnoi Evropy [The First Turkic Khaganate and its role in the history of Eastern Europe], *Tatarskaia arheologiya*, 1997, no. 1, pp. 24-31.
- Müller G.F. *Opisanie sibirskikh narodov* [A description of the peoples of Siberia]. Izd. A.H. Elert, V. Hintzsche. Translated from German by A.H. Elert. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2009. 456 p.
- Potapov L.P. *Ocherk istorii Oirotii: altaitsy v period russkoi kolonizatsii* [Essays on the history of Oiroitia: The Altaians during the Russian colonisation]. Novosibirsk: OGIZ, 1933. 203 p.
- Rashid-ad-Din. *Sbornik letopisei* [A collection of chronicles]. Vol. 1. Book 1. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. 220 p.
- Rosen M.F. Drevniaia metallurgii i gornoe delo na Altae [Ancient metallurgy and mining in Altai]. In: *Drevnie gorniaki i metallurgi Sibiri* [Ancient metallurgists and miners of Siberia]. Barnaul: Izd-vo AGU, 1983, pp. 19-35.

- Sel'kupskaia etnograficheskaia kolleksiia Kolpashevskogo kraevedcheskogo muzeia: Katalog. Avt.-sost. A.A. Pihnovskaia* [The Selkup ethnographic collection of the Kolpashevo Local History Museum: a catalogue, compiled by A.A. Pihnovskaya]. Tomsk: Tomskii obl. kraevedcheskii muzei, 2007. 278 p.
- Seroshevskiy V.L. *Iakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniia* [The Yakuts. An ethnographic study]. 2-e izd. M., 1993. 736 p.
- Spasskiy G. *Sibirskii vestnik* [The Siberian Newsletter]. St. Petersburg, 1819, vol. 7. 198 p.
- Strelov E.D. K voprosu ob ekspluatatsii zalezhei zheleznykh rud po rekam Botome i Liutenge (po arhivnym dannym) [On the development of iron ore deposits on the rivers of Botom and Lyutenge (based on archival data)], *Hoziaistvo Iakutii*. no. 1. Iakutiia: Izdanie Gosplana, 1928, pp. 48-63.
- Struminskiy M.Ya. Kustarnyi sposob dobychi rudy i vyplavki iz nee zheleza iakutami [The Yakut artisanal method of mining and forging iron]. In: *Sbornik materialov po etnografii iakutov* [A collection of materials on the ethnography of the Yakuts]. Iakutsk: Iakutgosizdat, 1948, pp. 49-59.
- Sunchugashev Ya.I. *Drevniaia metallurgiiia Khakassii (epoha zheleza)* [The ancient metallurgy of Khakassia (the Iron Age)]. Novosibirsk: "Nauka", 1979. 191 p.
- Chikhachyov P. *Puteshestvie v Vostochnyi Altai* [A journey to Eastern Altai]. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury "Nauka", 1974. 360 p.
- Shirin Yu.V. Metallurgiiia kuznetskikh tatar v XVIII veke [The metallurgy of the Kuznetsk Tatars in the 18th century]. In: *Voprosy arheologii i istorii Iuzhnoi Sibiri* [Issues of the archaeology and history of South Siberia]. Barnaul, 1999, pp. 209-216.
- Elert A.H. *Narody Sibiri v trudakh G.F. Millera* [The peoples of Siberia in the writings of Gerhard F. Müller]. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 1999. 240 p.
- Ackerman K.J., Killick D. J. Herbert E.W., Kriger C. A Study of Iron Smelting at Lopanzo, Equateur Province, Zaire, *Journal of Archaeological Science*, 1999, no. 26, pp. 1135-1143.
- Crew P., Maentwrog, Salter C.J. Currency Bars with Welded Tips. In: *Bloomery Ironmaking during 2000 years: Seminar in Buddalen*. Volume III. Trondheim: University of Trondheim, 1993, pp. 11-30.
- Haaland R. Iron smelting a vanishing tradition: Ethnographic study of this craft in South-west Ethiopia, *Journal of African Archaeology*, 2004, Vol. 2 (1), pp. 65-79.
- Haaland R., Haaland G. Ethnoarchaeological research on iron smelting in southwest Ethiopia, *Nyame Akuma*, 2000, no. 54, pp. 6-12.
- Lane P.J. Present to Past: Ethnoarchaeology. In: *Handbook of Material Culture*. ed. W. Keane; S. Kuechler; Christopher Tilley. London: SAGE Publications, 2006, pp. 402-424.
- Pallas P.S. *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*. durch P. S. Pallas. St. Petersburg, 1776-1801. Bd. 1. 1776. XIV, 232 p.
- Pearson M.P. Mortuary practices, society and ideology: An ethnoarchaeological study. In: *Symbolic and Structural Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982, pp. 99-113.
- Popov A. Consecration Ritual for a Blacksmith Novice among the Yakuts, *The Journal of American Folklore*, 1933, Vol. 46, no. 181, pp. 257-271.
- Vodyasov E.V. Kondoma Tatars and the Bloomery Process (source: the Great Northern Expedition), *Bylye Gody*, 2016, Vol. 40, Is. 2, pp. 335-344.
- Vodyasov E.V., Zaitceva O.V. The appearance and development of iron production on the border between the "steppe" and "taiga" cultural worlds in Western Siberia (Tomsk Ob Region), *Bylye Gody*, 2015, Vol. 37, Is. 3, pp. 472-478.

УДК 93/94

DOI: 10.17223/2312461X/20/10

СМЕНА МОДЕЛЕЙ ОСВОЕНИЯ СОВЕТСКОГО СЕВЕРА В 1950-е гг. СЛУЧАЙ КОМИССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ СЕВЕРА*

Екатерина Алексеевна Калеменева

Аннотация. Статья посвящена анализу институциональных изменений экономических исследований советского Севера в середине 1950-х гг., благодаря которым меняется концепция северных районов СССР. На примере деятельности Комиссии по проблемам Севера при СОПС АН СССР и работ ее создателя С.В. Славина в статье раскрыты причины и механизмы изменений принципов освоения советского Севера в послесталинское время. Комиссия по проблемам Севера стала главным координационным центром, связывающим разнообразные научные учреждения в центре и на местах, плановые инстанции и промышленные ведомства для выработки новых схем освоения Севера без применения принудительного труда. На основе опубликованных работ С.В. Славина и неиспользованных ранее архивных материалов показано, как с середины 1950-х гг. Славин стал активно формулировать новую концепцию советского Севера, смещая акценты с диктата развития промышленности на необходимость создания благоприятной среды для человека на Севере.

Ключевые слова: советский Север, С.В. Славин, Комиссия по проблемам Севера, Академия наук СССР, период Оттепели в СССР

Освоение Крайнего Севера было важным ориентиром советской политики. Благодаря обнаружению богатейших запасов полезных ископаемых Север стал одним из наиболее динамично изменяющихся регионов в XX в. На протяжении всего столетия неизменным оставалось доминирование задач индустриализации и милитаризации региона, что повлияло на характер его освоения (Vruno 2016). В результате для характеристики Крайнего Севера нередко было достаточно упоминания сурового климата и безмерного ресурсного потенциала, а процесс его освоения описывался, в первую очередь, как создание промышленных центров.

История изучения и экономического освоения Крайнего Севера нередко рассматривается как продолжение официальной советской политики (Голдин 2011; Коровин 2013; Тимошенко 2014; Josephson 2014). В то время как работы, посвященные роли этнографии в выработке им-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 16-18-10255.

перских и советских практик освоения региона, обращают пристальное внимание на зависимость изменений научных дисциплин от более широких перемен политического курса (Слезкин 2008), исследователи экономического освоения и интеграции Севера традиционно рассматривают этот процесс «сверху» или «снизу», сосредоточивая внимание на правительственных действиях (McCannon 1998) или на реакции населения на эти меры (Рожанский 2012; Bruno 2010). Однако при таком подходе из поля зрения выпадает слой экспертов, по-своему влиявших на практику экономического освоения Крайнего Севера.

Представления об Арктике в массовой культуре зачастую конструировались приезжими, будь то описания путешественников, записки полярников, материалы корреспондентов или фильмы центральных киностудий. Ученые в этом процессе играли одну из ключевых ролей. Авторитетность и представления об истинности научного знания создавали убедительные и устойчивые нарративы описания территорий Крайнего Севера в различных национальных контекстах (*Narrating the Arctic...* 2002; Spring 2012). Более того, являясь публичными фигурами, эксперты своими работами не просто развивают научное понимание мира, но и закладывают непосредственные категории описания действительности. Ряд современных работ показывает, каким образом ученые посредством исследований, выступлений и других практик научной жизни в той или иной мере моделируют и нарративно конструируют объект своего исследования, задавая определенный язык его описания (*Narrating the Arctic...* 2002; *Science, Geopolitics and Culture...* 2013). Более того, научные концепции важно рассматривать в тесной взаимосвязи с политическим и культурным контекстом, в котором они возникли. К примеру, исследование трансформации мерзлых грунтов как геологического объекта в научную концепцию «вечной мерзлоты» в СССР в 1930-е гг. наглядно показывает тесную взаимосвязь науки, экономики и политики периода сталинской индустриализации, когда ученые были вынуждены обосновывать значимость своих исследований и всей дисциплины не только в профессиональном сообществе, но и для политических элит (Peu-Yi Chu 2015).

Связь научных исследований и политического контекста особенно заметна в переломные политические периоды, когда прежние научные концепции ставятся под вопрос и открываются возможности для утверждения новых дисциплин. История изменения концепции освоения Крайнего Севера как одного из наиболее стратегически важных ресурсных районов может послужить наглядным примером, раскрывающим различные стратегии ученых, вынужденных встраиваться в новые условия. Одни из наиболее серьезных изменений принципов освоения советского Севера произошли после смерти Сталина, когда политические и социальные изменения периода Оттепели и реформа систе-

мы Гулаг сформировали запрос на создание новых методов управления и освоения Севера. Однако содержание и характер этих изменений во многом зависели от конкретных научных институтов и людей, стоявших за их разработкой.

Созданная в 1954 г. Комиссия по проблемам Севера при Совете по изучению производительных сил Академии наук стала одним из наиболее влиятельных институтов, определявших принципы ресурсного освоения советского Севера в послесталинское время. Цель данной статьи – анализ изменений в системе организации исследований советского Севера в 1950-е гг., благодаря которым меняется сама концепция северных районов СССР. С этого времени инициатор создания Комиссии и ее руководитель Самуил Венедиктович Славин в своих работах стал активно формулировать принципиально новый подход к определению Севера, смещая акценты с диктата развития промышленности на необходимость создания благоприятной среды для человека. Самуил Славин был одним из наиболее авторитетных советских экономистов – североведов. Он стоял у истоков формирования и реализации концепции освоения региона в 1930-е гг. и ее изменения в 1950-е, на протяжении почти пятидесяти лет работая в центральных исследовательских институтах СССР, занимавшихся вопросами развития Севера. Анализ трансформации его исследовательских позиций демонстрирует не просто тесную взаимосвязь смены научных концепций освоения региона и политического контекста, но и серьезное изменение роли и влиятельности экспертов в годы Оттепели. Роль С.В. Славина и Комиссии в формировании новой северной стратегии СССР во второй половине XX в. можно реконструировать по личным и институциональным архивным документам, его многочисленным работам и другим материалам об освоении Севера.

Профессиональный путь С.В. Славина (1901–1989)

Фигура самого С.В. Славина заслуживает особого рассмотрения, поскольку с 1950-х гг. именно он во многом влиял на экономическую политику освоения советского Севера. Несмотря на то что Славин был известным и влиятельным ученым, подробная биография его до сих пор не написана, хотя в исследованиях часто встречаются ссылки на его работы и сжатое описание профессиональной деятельности (Витязева, Котырло 2007: 30). Реконструкция его профессионального пути позволит показать, каким образом меняющиеся политические условия влияли на концепции освоения региона.

Самуил Венедиктович родился в семье врача в Могилевской губернии в 1901 г. О его юности и образовании сведений практически нет, но известно, что уже в 1925 г. Славин начал работать в Госплане СССР в

Москве. В самом начале 1930-х гг. он становится заведующим группой Севера, созданной при Госплане для разработки планов освоения северных районов. Вся его последующая многолетняя карьера была связана с этим регионом.

На первый взгляд, профессиональный путь Славина выглядит более чем успешным – на протяжении почти пятидесяти лет он возглавлял головные центры исследования и планирования экономики советского Севера, благодаря чему был одним из наиболее влиятельных специалистов в своей области. Однако сравнение «истории академического успеха», описанной в его биографических текстах, с другими источниками вскрывает ряд важных лакун, которые позволяют объяснить изменения содержания его научной деятельности. Как будет показано ниже, смена мест работы, а также инициатива организации Комиссии по проблемам Севера в 1954 г. были не просто частью его карьерного роста, но в первую очередь – следствием перемен в советском политическом и научном контексте в 1930–1950-е гг.

С 1932 г. он был одним из главных сотрудников важнейших центров, связанных с освоением ресурсов Крайнего Севера, одновременно занимая должность заместителя руководителя Сектора размещения производительных сил СССР и Совета по изучению и освоению Севера при Госплане СССР. В этой должности Славин стоял у истоков создания Главного управления Северного морского пути (далее – ГУСМП или Главсевморпуть), в 1932 г. став членом комиссии по его организации (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 88). Важно понимать, что функциями ГУСМП были не только перевозки вдоль арктического побережья, но и освоение прибрежной территории, осуществление торговли и заготовительной деятельности на Крайнем Севере (Положение о Главном Управлении... 1936). Таким образом, ГУСМП в 1930-е гг. было одним из наиболее влиятельных и властных институтов, сосредоточивших в одних руках огромные финансовые, промышленные и людские ресурсы. Славин, будучи представителем Госплана в ГУСМП, играл в этом далеко не последнюю роль, придавая экономическую обоснованность действиям Главсевморпути (Славин 1988: 181).

В 1937 г. он неожиданно покидает Госплан СССР, но спустя год возглавляет только что созданное Бюро экономических исследований при ГУСМП (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 88. Л. 24). Резкая смена научных учреждений, судя по всему, была связана с угрозой ареста. Редких ученых, начавших карьеру в центральных советских учреждениях в начале 1930-х гг., обошли стороной репрессии. Не исключением была и семья Славиных. В 1937 г. за неосторожное упоминание Троцкого на политических занятиях в адвокатской коллегии был осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей отец Славина Венедикт Григорьевич, но при активном содействии его сыновей, занимавших высокие посты в Москве и

Ленинграде, приговор пересмотрели и в том же году он вышел на свободу (Славина 2006). Однако всего через месяц после этого был арестован старший брат С.В. Славина Илья (1883–1938), юрист, профессор Института советского строительства и права Коммунистической академии в Ленинграде, и в 1938 г. он был расстрелян. Как писала позднее его дочь Ида Ильинична в своих мемуарах, после известий об аресте брата Самуил наглухо отгородился от родственников, поскольку именно из-за арестов отца и брата в 1937 г. его уволили из Госплана. Однако вскоре свою роль сыграло заступничество знаменитого полярника И.Д. Папанина, с которым Славин сохранял дружеские отношения, поскольку именно при его содействии в 1938 г. было создано Бюро экономических исследований при ГУСМП, которое возглавил Славин (2006).

Спустя несколько лет Бюро было реорганизовано в Экономическое отделение Арктического научно-исследовательского института (АНИИ), куда перешел и С.В. Славин, возглавив его в 1945 г. (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 88. Л. 18). Однако в 1947 г. он в очередной раз меняет место работы. Судя по архивным документам, причиной этого также стала угроза репрессий: в 1946 г. в отношении него было создано две комиссии, производившие расследование по письмам его коллеги А.А. Храпалы. Одно письмо было отправлено на имя И.В. Сталина, второе – в ЦК ВКП(б). Как писал Славин в письме И.Д. Папанину, «в обоих письмах Храпаль выдвигает против меня ряд клеветнических обвинений: в травле его, Храпалы и др.» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 88. Л. 9). В результате служебное расследование по делу Славина длилось два месяца, и только в июле 1946 г. обвинения в его адрес были сняты. Однако расследовавшая дело комиссия предложила отстранить Славина от должности начальника Московского филиала АНИИ, с чем, вероятно, и был связан его переход в Институт экономики Академии наук СССР в 1947 г., где он вскоре возглавил Сектор экономики Севера.

Научные работы Славина этого периода свидетельствуют, что неоднократные угрозы репрессий сформировали у него очень аккуратное следование колебаниям партийного курса. По ряду высказываний можно судить о том, что в сталинские годы он был классическим научным функционером, тщательно действовавшим в рамках существовавшей системы ценностей. Любые неудачи освоения советского Севера в 1930-е гг. он списывал на вражеские выходы, объясняя их тем, что «только наличием зазнайства и самоуспокоенности среди работников Главсевморпути, а также вредительством пробравшихся в Главсевморпуть врагов народа объясняются неудачи навигации 1937 г., когда во льдах Арктики зазимовал ряд ледокольных и транспортных судов» (Славин 1939: 30). Таким образом, став авторитетным специалистом по развитию Севера еще в 1930-е гг., С.В. Славин до 1950-х гг. был весьма осторожен в высказываниях. Только в период Оттепели ха-

рактик его выступлений изменяется: он начинает активно предлагать новые принципы освоения советского Севера, формулируя собственную концепцию региона.

Создание Комиссии по проблемам Севера

Профессиональная деятельность Славина с 1950-х гг. была связана с Комиссией по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил – первым координационным центром северных исследований при Академии наук и Госплане СССР. Причин для создания нового центра северных исследований в 1954 г. было несколько. Во-первых, в середине 1950-х гг. происходит институциональная реорганизация арктических исследований. В сталинское время одним из наиболее влиятельных институтов, занимавшихся освоением арктических районов, был Главсевморпуть, в задачи которого, помимо прочего, входило изучение ресурсов северных районов и их освоение, развитие промышленности, строительство портовых сооружений. Однако в 1953 г. ГУСМП было переведено из ведения Совета министров СССР в Министерство морского транспорта СССР. Таким образом, Главсевморпуть превратился лишь в транспортную организацию, что поставило под вопрос продолжение исследований материкового Крайнего Севера. Во-вторых, после смерти Сталина начинает реформироваться система Гулаг, которой ранее принадлежали крупнейшие северные промышленные центры и поселения (Широков 2014; Barenberg 2014; Hardy 2016). В результате изменился не только социальный состав полярных поселений, куда ежегодно стали приезжать сотни новых работников со всей территории СССР, но и принципы управления и изучения региона. К примеру, если раньше геологической разведкой на Крайнем Севере занимались службы Главсевморпути, Дальстроя и других организаций, то после их расформирования необходимо было искать новые институты для изучения экономического развития региона в изменившихся условиях.

Сами ученые также отмечали, что по сравнению с «арктическим бумом» 1930-х, когда Академия наук играла большую роль в освоении Арктики, к 1950-м гг. изучение природных ресурсов северных районов было отодвинуто на задний план, существующие исследовательские работы не координировались, проводились разрозненно и без единого замысла (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58. Л. 60). Все это остро ставило вопрос о поиске новых форм управления, планирования и изучения Крайнего Севера в 1950-е гг. Попытки создать подобный координационный совет исследований северных районов в рамках Академии наук СССР (далее – АН СССР или Академия) были и раньше. Еще в 1951 г. профессор Б.А. Тихомиров предлагал создать Комитет по делам Севера при Президиуме АН СССР, состоящий из представителей различных

институтов. Однако этот пункт в то время не был утвержден. Как позднее говорил Тихомиров, «казалось, вот-вот Север заблестит, а в результате – похоронили (идею)» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58. Л. 51).

Ситуация изменилась спустя всего два года, и ведущую роль в организации Комиссии сыграл уже С.В. Славин. В декабре 1953 г. он адресовал председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову докладную записку, в которой отмечал, что «вопросы комплексного развития районов Севера никем не разрабатываются, что ведет к большим потерям в народном хозяйстве, которые практически не учитываются» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 256). Для исправления этого Славин предлагал поручить АН СССР заниматься указанными вопросами, для чего необходимо организовать специальный отдел, где были бы сконцентрированы все работы Академии наук в области Севера. Параллельно с этим он предоставил президенту Академии наук А.Н. Несмеянову проект предложений об организации исследований районов Севера. Как вспоминал позднее он сам, после отправки докладной записки он был вызван для «обстоятельной беседы по существу» к Управляющему делами Совета министров СССР А.В. Коробову, после чего его записка была доложена руководству Совета министров (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 256).

В мае 1954 г. с подачи Славина при Президиуме АН СССР состоялась важная дискуссия о перспективах создания центра исследований Севера. Материалы этой дискуссии проливают свет на то, какую роль отводили ученые и чиновники изучению Севера в системе организации советской науки и экономики в середине 1950-х гг. Так, несмотря на то, что никто из участников не сомневался в необходимости усиления работ по изучению региона, вопрос институциональной принадлежности будущей комиссии был решен не сразу. Часть выступавших высказались за то, чтобы комиссия была частью Совета по изучению производительных сил АН СССР (далее – СОПС), что обеспечило бы тесную связь между «кабинетной» и «полевой» наукой. Б.А. Тихомиров эмоционально отмечал: «толку не будет, если люди, сами работающие, сами спящие в мешках, сами чувствующие холод Севера, не возьмутся за это дело. Все институты ведут исследования Севера кустарно, примитивно и главным образом за счет энтузиазма и не больше. <...> Нужно сделать акцент на коренной поворот к проблемам Севера институтов Академии наук» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58. Л. 53).

Почти все участники дискуссии признавали, что к 1950-м гг. внимание Академии наук к изучению Севера ослабло, работа была основана исключительно на личном энтузиазме, многие кадры или «расползлись по югу», или занимались другими вопросами. Поэтому создание Комиссии по проблемам Севера при СОПСе или Президиуме Академии наук позволило бы вернуть тему арктических исследований в центр

научной жизни. Более того, звучали предостережения, что вне Академии комиссия легко может стать обычным бюрократическим институтом, чиновничьим аппаратом и «пустой говорильней» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58. Л. 43, 68). В то же время подчинение Комиссии Академии наук осложняло бы поиск финансирования и снабжения. Организация экспедиций и исследований требовала большого количества ресурсов и ни одно академическое учреждение не могло самостоятельно себе этого позволить. К примеру, необходимыми транспортными средствами на местах обладали только различные ведомства, которые непосредственно Академии Наук, осуществляющей экспедиции, ничем не обязаны (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58. Л. 46).

Альтернативным вариантом была идея организовать комиссию по Северу не при Академии наук, а непосредственно при Госплане. Главным аргументом в данном случае был вопрос влияния будущей комиссии: сторонники «госплановского» варианта опасались, что в Академии наук она бы имела только консультативное значение, не обладая распорядительными функциями, в лучшем случае, собирая пожелания и вставляя их в планы исследовательских работ в качестве дополнительных тем (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58. Л. 39). Иными словами, у комиссии не было бы возможности обязать какое-либо ведомство выполнить необходимую работу, в то время как решения представителей Госплана оказывались бы практически обязательными к исполнению.

В целом во всей дискуссии в Президиуме АН СССР в 1954 г. прослеживается проводимое участниками четкое разграничение между влиятельными, но безразличными к результату чиновниками и учеными, болеющими за изучение и развитие Севера, но не обладающими для этого необходимыми ресурсами. В то же время ответственность за организацию нового исследовательского центра ни один институт брать на себя не собирался: представители всех институтов Академии эмоционально признавали необходимость увеличения работ по исследованию Севера, диспропорцию внимания к морям Арктики и материковой полярной части, но заявляли о невозможности повысить научно-исследовательские планы работ своего института, мотивируя это недостатком кадров или финансирования. Даже по последующей переписке между представителями Госплана СССР и Академии наук становится очевидным, что, признавая разрозненность и недостаточность существующих исследований и необходимость создания специальной руководящей комиссии, ни одна организация не стремилась брать на себя столь большие обязательства и, следовательно, расходы (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 256–258).

В результате обсуждений в конце 1954 г. был достигнут компромисс: Комиссия по проблемам Севера была создана при Президиуме Академии наук СССР, а в 1958 г. переведена в состав СОПС АН СССР.

В нее вошли 47 представителей различных научных институтов и филиалов Академии наук, учреждений и ведомств, а также представитель Госплана для придания ей авторитетности и действенности. Поскольку деятельность СОПС по изучению ресурсного потенциала была тесно связана с задачами индустриализации, организованная при ней межведомственная Комиссия по проблемам Севера не только имела большой вес в научной среде, но и влияла на практическое освоение региона. Она стала важным связующим элементом между Академией и Госпланом СССР. С одной стороны, ее сотрудники на основе многочисленных экспедиций проводили комплексные исследования ресурсного потенциала Крайнего Севера. С другой стороны, тесная связь с вопросами развития промышленности, а также институциональная близость с Госпланом делала Комиссию по проблемам Севера влиятельным институтом, который не только формулировал, но и влиял на внедрение новых принципов экономического развития Севера. Комиссия занималась систематическим изучением природных ресурсов и производительных сил Севера и Северо-Востока СССР, в ее задачи входили направление и координация научно-исследовательских работ, расширение исследований, контроль выполнения поручений научными учреждениями. С 1958 г. она стала издавать журнал «Проблемы Севера», который объединял на своих страницах ученых и специалистов различных дисциплин, занимавшихся вопросами изучения арктического региона, и стал основным научным периодическим изданием по этой тематике.

Изначально С.В. Славин входил в состав Бюро Комиссии, но уже в скором времени был назначен заместителем председателя, а в 1962 г. – председателем Комиссии, преобразованной в Межведомственную комиссию по проблемам Севера СОПС при Госплане СССР. Благодаря этому преобразованию Комиссия стала координационным центром не только для институтов, ассоциированных с Академией наук, но и для многочисленных ведомств и организаций, связанных с развитием промышленности, строительства и другими практическими вопросами, что сделало статус ее сотрудников еще более авторитетным. На протяжении нескольких десятилетий Славин участвовал в многочисленных конференциях, посвященных обсуждению принципов освоения Крайнего Севера, писал монографии и научно-популярные книги, в том числе на английском языке, публиковал статьи в научных изданиях и периодической печати. Он вел обширную переписку со специалистами по арктическому и северным районам, координировал общение советских специалистов с иностранными исследователями, занимался организацией визитов международных делегаций. Таким образом, будучи почти бессменным руководителем Комиссии по проблемам Севера, Славин с 1950-х гг. стал одним из наиболее влиятельных специалистов по экономическому освоению северных районов СССР. Его высокий статус и

административный вес позволили ему сформулировать и утвердить новый взгляд на Советской Север во второй половине XX в.

Формирование новой концепции северных районов СССР

Работы С.В. Славина периода Оттепели заметно отличаются от более ранних трудов своим критическим характером. До 1950-х гг. он, как и большинство его коллег, прославлял действия советского правительства по освоению Крайнего Севера, отмечая, что «за годы Сталинских пятилеток коренным образом изменена уродливая география размещения промышленности, доставшаяся нам в наследство от царской России» (Славин 1939: 25). Но уже с середины 1950-х гг. он не столько описывал достигнутые успехи, сколько указывал на существующие недостатки и предлагал пути решения проблем.

Одна из главных черт работ Славина в 1950–1970-е гг. – это попытка обосновать особое положение Севера, отличное от всех других регионов, а также его исключительную роль для страны. Будучи доктором экономических наук, Славин больше всего интересовался перспективами транспортного освоения, поэтому в большинстве работ он рассматривал Север максимально широко и формулировал принципы его развития как единого региона (Славин 1961; Славин 1972; Славин 1975). Почти во всех своих статьях и выступлениях он настаивал на неразрывной связи между освоением Севера и экономическим развитием всего СССР: «ныне уже не вызывает сомнений то положение, что освоение ресурсов зоны Севера – одно из важнейших условий непрерывного роста производительных сил нашей страны» (Славин, Догаев 1972: 5). Одним из следствий такого широкого подхода к Северу была критика существовавшей системы управления промышленностью. Экономическое планирование в эти годы производилось по отраслям производства и по экономико-административным районам. При таком подходе районы освоения Севера входили в состав сразу нескольких административно-экономических районов. Координация между ответственными ведомствами и экономическими организациями была крайне слабой, что приводило к срывам планов или серьезным потерям (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 17. Л. 169).

В противовес этому Славин с 1950-х гг. активно предлагал перейти к единому экономическому управлению регионом. Он отмечал, что северные районы, несмотря на их административную разделенность и внутреннюю неоднородность, существенно отличаются от других по экономико-географическим показателям. С одной стороны, предложенный им способ районирования не был инновационным: первые российские труды по экономическому районированию появились еще в XIX в., однако они носили лишь теоретический характер (Саргасян

2015). Позднее под руководством председателя Госплана Г.М. Кржижановского территория СССР была поделена на 21 экономический район. Однако в то время северные территории были составной частью сразу нескольких районов. Развивая идеи экономического районирования, Славин утверждал, что северные районы должны быть выделены как единый объект управления и развития производительных сил (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 17. Л. 167, 170). Обосновывалось это также тем, что совнархозы соседних «северных» областей не хотят согласовывать свои планы и стремятся отгородиться друг от друга, что усложняло экономическое регулирование (Славин 1958: 4). Таким образом, Славин с 1950-х гг. стал формулировать концепцию Севера как единого, хоть и неоднородного экономического и административного региона, призывая к комплексному управлению без меридионального деления. Его последующая переписка проливает свет на серьезность затеи: так, в середине 1970-х гг. он неоднократно обращался с письмами в Госплан РСФСР, в Центральную Ревизионную комиссию КПСС и в 1980-е даже к генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву с предложением создать более влиятельный центр изучения Севера – Комиссию при Совете министров РСФСР и вхождением в ее состав представителей министерств и ведомств, ведущих работу на Севере (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 60. Л. 41, 57, 90). Несмотря на то что эта инициатива не получила продолжения, она свидетельствует о том, что вплоть до последних лет жизни Славин пытался усилить внимание к Северу как к особому региону.

Следующим важным теоретическим нововведением С.В. Славина стал его новаторский для своего времени подход к определению границ и существенных характеристик советского Севера. Проведение четких границ региона до сих пор является дискуссионным в различных дисциплинах: Крайний Север может определяться как зона распространения вечной мерзлоты, как место проживания коренных малочисленных народов либо по показателям летней изотермы, как территория распространения «северных» льгот и т.д. (Тараканов 2010). Однако вместо формулировки очередных четких критериев Славин стал формулировать конструктивистский подход к определению границ, даже в своей докторской диссертации постулируя, что «определение границ изучаемого района находится в зависимости от целей исследования и включает элемент условности» (Славин 1957: 7). Поскольку для него Север являлся не просто географической, а, в первую очередь, природно-экономической территорией, то и границы региона он предлагал определять по совокупности критериев освоенности в сравнении с центральными регионами страны. Он выделял несколько критериев отношения к зоне Севера: 1) северное расположение относительно старообжитых и географически развитых районов страны; 2) суровые природ-

ные условия, затрудняющие развитие сельскохозяйственной деятельности и создание многих отраслей промышленности, что в свою очередь влияет на слабую заселенность территории; 3) слабое развитие транспортной сети на огромных пространствах; 4) повышенные затраты труда по сравнению с южными районами (Славин 1979: 2). Заметно, что особенность Севера в данном случае определялась в сравнении с более южными и развитыми регионами. Более того, такой подход подразумевал, что промышленное продвижение в северные широты постепенно сокращало бы зону Севера, поскольку уровень инфраструктурного развития населенных мест постепенно уравнивался с центральными городами. Таким образом, Славин постулировал, что для каждого периода границы Севера были динамичными, поскольку со временем регион все больше осваивался и, следовательно, сокращался. Для разграничения степени освоенности региона он предлагал условно делить его на «ближний» и «дальний» Север, граница между которыми также определялась степенью освоенности и была изменчивой.

Третье важное дополнение к концепции Севера, появившееся в его работах в середине 1950-х гг., – повышенное внимание к «человеческому измерению» региона. В 1940-е гг. освоение Севера рассматривалось исключительно через призму развития производительных сил и транспорта. В текстах об освоении полярных широт в то время практически не говорилось о приезде населения, о необходимости создания приемлемых городов в полярных условиях. Основное внимание было уделено исключительно вопросам промышленности, которая являлась главным и едва ли единственным признаком вовлечения в «цивилизацию» ранее пустовавших полярных районов. Вопросы населения Крайнего Севера поднимались только в связи с положением коренных народов Севера, однако не обсуждались широко экономическими географами.

Однако в 1950-е гг. вследствие постепенного расформирования системы лагерей и создания новых промышленных центров силами тысяч добровольных мигрантов, приезжавших по комсомольским путевкам или самостоятельно на строительство новых объектов, материальная и социальная среда арктических поселений кардинально изменилась. На не обжитых ранее территориях с суровыми природными условиями возникло несколько сотен городов и рабочих поселков, население которых составляли в основном приезжие из более южных районов. Именно в период Оттепели эти новые города, заводы, электростанции стали широко освещаемыми символами современности, которые транслировала советская власть на всю территорию, включая наиболее суровые северные районы (Вайль, Генис 2013: 97–104). В то же время условия жизни в новых северных городах были настолько далеки от приемлемых, что неудовлетворенность новым местом провоцировала массовую

обратную миграцию населения, а также появление резкой критики условий жизни среди новоприбывших (Калеменева 2017).

Будучи руководителем главного координационного центра исследований Севера, Славин быстро реагировал на подобное изменение повседневной среды региона, во всех своих работах уделяя особое внимание вопросам организации необходимых условий жизни для работников полярного региона. Более того, он стал призывать к необходимости создания на Севере более высокого уровня жизни населения, чем в среднем по стране, чтобы компенсировать тем самым трудные природные условия. В некоторых его популярных статьях это требование формулировалось в характерных романтических тонах: «...покорителям севера, число которых все время пополняется энтузиастами со всех концов нашей необъятной Родины, должны быть созданы благоприятные условия жизни, помогающие преодолеть трудности Севера» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 17. Л. 93). Особой критике подвергались вопросы использования неприспособленной техники для северных условий, неучет природной специфики при строительстве полярных городов, расточительное и нерациональное использование финансов и других ресурсов. Таким образом, он начал проблематизировать необходимость особых подходов не только к экономике северных районов, но и для создания комфортной среды для населения. Казалось бы, это сильно выходило за рамки его компетенций как советского экономического географа, ответственного за разработку схемы размещения производительных сил в регионе. Но в то же время для вышестоящих инстанций он нередко обосновывал эти предложения именно в экономических категориях. К примеру, в письме в Политбюро ЦК КПСС «О мерах по ускорению темпов и повышению эффективности развития производительных сил районов севера СССР» он объяснял важность обеспечить опережающий уровень жизни для населения районов Севера в сравнении с другими частями страны необходимостью снижения текучести кадров и привлечения квалифицированных специалистов, а также для того, чтобы «компенсировать дискомфорт, вызванный суровыми климатическими условиями Севера и повышенные затраты на продовольствие и теплую одежду» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 60. Л. 31).

В процитированном фрагменте обращает на себя внимание аргументация: необходимость особой заботы о населении на Севере объяснялась не столько гуманистическими причинами, сколько экономическими расчетами. Это имело под собой определенные основания, ведь освоение и строительство на Севере были крайне дорогостоящими. Во-первых, сложность строительства в условиях вечной мерзлоты, длительные отрицательные температуры (до 9–10 месяцев в год), удаленность от других индустриальных центров, сложности снабжения, крайняя малонаселенность территории и высокие затраты на труд являлись

основными факторами, которые приводили к многократному удорожанию освоения Севера по сравнению со средними широтами. Во-вторых, много средств выделялось на так называемые северные льготы, которые выступали основным инструментом привлечения новой рабочей силы на северные стройки. В-третьих, большая текучесть кадров и сложность привлечения квалифицированных специалистов приводили к увеличению затрат на поиск новых работников. В результате освоение Севера обходилось в несколько раз дороже по сравнению со средними широтами. Поэтому в приведенной выше цитате Славин старался обосновать, что создание комфортной среды в городах поможет решить проблему с обратной миграцией специалистов и в конечном итоге обойдется дешевле, чем постоянные траты на северные льготы.

Из постулирования особого положения Севера Славин выводил необходимость новых методов и принципов его освоения, отличных от применяемых в других районах. В своих работах и письмах в вышестоящие инстанции он много писал о необходимости разработки и создания специальных машин «в северном исполнении», о выборочном («оазисном») характере освоения ресурсов, о важности создания комфортных условий для населения северных городов, о необходимости исследований в области акклиматизации приезжих, что в конечном итоге должно было влиять на их работоспособность, и обо многом другом. Таким образом, если раньше экономисты описывали Крайний Север исключительно через призму его ресурсного потенциала, то с середины 1950-х гг. Славин из тезиса об «особости» Севера выводил необходимость повышенного внимания к населению и создания надлежащего уровня комфорта в регионе.

В то же время кричный тон Славина был направлен только на современные ошибки, но не на исторические страницы. К примеру, говоря об освоении севера в 1930-е гг., Славин ни словом не упоминал о сотнях лагпунктов в полярном регионе, а уклончиво писал об «особых формах и методах управления процессом освоения» в те годы – промышленно-транспортных комбинатах, возникновение которых якобы объективно обусловлено специфическими условиями региона (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 17. Л. 19). Однако по тому, каким образом Славин описывает эти комбинаты, становится очевидным, что за общим понятием скрывается система лагерей Гулаг. Несмотря на то, что в годы Оттепели он уклончиво отмечал, что «в этой области многое <...> является наследием времен культа личности Сталина, когда на Севере не считались с затратами труда» (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 22. Л. 230), закрытие комбинатов в 1950-е гг. он также объяснял объективными причинами, говоря, что такие формы носят исторический характер и применимы только в начальный период освоения региона.

Может возникнуть закономерный вопрос о степени влияния деятельности Комиссии по проблемам Севера и распространенности подобной концепции освоения региона. Оценить ее влияние можно хотя бы по последующей организационной деятельности Комиссии и институциональным трансформациям в поле исследований Севера. Так, уже в 1957 г. Комиссии было поручено разработать гипотезу развития производительных сил Севера СССР (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 345). Славин стал одним из основных ее разработчиков, формулируя в ней свое понимание Севера. В последующие несколько лет Комиссией были проведены первые широкие научные совещания по проблемам развития производительных сил: в 1957 г. в Петропавловске-Камчатском, в 1958 г. в Якутии и в 1959 г. в Магадане, что способствовало лучшей консолидации различных специалистов-североведов, а также распространению концепции освоения Севера, сформулированной Славиным. Когда в 1960 г. СОПС перешел в систему Госплана, он стал головным институтом в территориально-экономических исследованиях и его работа была сосредоточена на разработке Генеральных схем развития и размещения производительных сил СССР. С конца 1960-х гг. обязательным условием согласования и утверждения титульных списков капитального строительства, реконструкции и расширения предприятий стало получение по ним заключений СОПС как головной организации по размещению производительных сил. Все это позволяло требовать выполнения сформулированных Славиным принципов от подотчетных инстанций.

Более того, после организации Комиссии по проблемам Севера при СОПС вопрос усиления исследований освоения Севера был выведен на новый уровень, что способствовало появлению новых специализированных отделов и институтов или целых полей исследования. Так, в 1956 г. был организован особый Сектор градостроительства на Севере при Ленинградском филиале Академии строительства и архитектуры СССР, в задачи которого входили разработка новых принципов строительства и поиск новых материалов для Крайнего Севера. Архитекторы и инженеры из этого Сектора вели активную переписку со Славиным, публиковали свои проекты «городов с улучшенным микроклиматом» для полярных широт на страницах «Проблем Севера». В декабре 1958 г. была создана Постоянная комиссия по акклиматизации человека и краевой патологии на Крайнем Севере, которая тесно сотрудничала с Комиссией по проблемам Севера (РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36. Л. 345). Ссылки на труды Славина и его определение Севера встречались как в работах его современников, так и в современных исследованиях (Тараканов 2010). Как вспоминал его коллега по Комиссии Г.А. Агранат, «...во времена Славина была достигнута совершенно необходимая для Севера координация средств и усилий. Ничего даже близкого по эффективности работавшей тогда <...> Комиссии сейчас нет» (Агранат 2007: 13).

Проанализировав профессиональную деятельность С.В. Славина, его нельзя назвать революционером в своей научной области. Анализ эволюции его взглядов и траекторий деятельности показывает, что колебания его профессионального курса зачастую находились в общем русле общеполитических изменений на протяжении XX в. Однако это не умаляет его заслуг в формировании новой концепции освоения советского Севера в послесталинское время. Созданная по его инициативе Комиссия по проблемам Севера СОПС определяла принципы освоения и вектор развития северного региона во второй половине XX в., выводя эту проблему на высший уровень.

Во-первых, само создание Комиссии по проблемам Севера в 1954 г. свидетельствует о важном институциональном изменении в системе изучения советского Севера. После закрытия системы трудовых лагерей она стала первым открытым координационным центром, связывающим разнообразные научные учреждения в центре и на Севере, плановые инстанции и промышленные ведомства для выработки схем рационального освоения региона.

Во-вторых, за несколько десятилетий активной публикационной работы Славину удалось сформулировать новый взгляд на Север как на единый регион, отличный от более южных частей страны. С.В. Славин на своей руководящей должности был ответственным за разработку рациональных и эффективных с экономической точки зрения принципов освоения севера. В то же время в своих многочисленных работах основной акцент при аргументации предложений он делал не только на экономических, но и на гуманистических принципах – необходимость создания благоприятной среды для человека на Севере. Он стал описывать Север не просто как богатый ресурсами экономический регион, в котором необходимо развивать промышленность, но и как место работы и проживания тысяч людей, для которых необходимо создавать комфортные условия. В настоящее время эта концепция может звучать как очевидное высказывание, но ее историзация показывает, что она появилась и утвердилась как в научной литературе, так и в массовых источниках именно в период Оттепели.

Литература

- Агранат Г.А.* Экономико-географический анализ проблем развития северной периферии // Север: проблемы периферийных территорий / отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2007. С. 7–20.
- Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: Corpus, 2013.
- Витязева В.А., Котырло Е.С.* Социально-экономическое развитие Российского и зарубежного Севера. Сыктывкар: СыктГУ, 2007.

- Голдин В.И. Арктика в международных отношениях и геополитике в XX – начале XXI века: вехи истории и современность // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 22–34.
- Калеменева Е. Политика освоения Крайнего Севера и критика жизненных условий арктических городов в нарративах хрущевского времени // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 1. С. 153–170.
- Коровин В.П. История исследования и освоения Арктики. СПб.: РГГМУ, 2013.
- Положение о Главном Управлении Северного Морского Пути при СНК Союза ССР: утв. постановлением СНК СССР от 22.06.1936 № 1100 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (СЗ СССР). 1936. № 36. Ст. 3176.
- Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 746. Оп. 1. Д. 17.
- РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 22.
- РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 36.
- РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 58.
- РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 60.
- РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 88.
- Рожанский М. «Оттепель» на Сибирском морозе. Устная история ударных строек // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). С. 184–206.
- Саргасян А.А. Экономическое районирование России: история и хозяйственное значение // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. № 3 (42). С. 161–166.
- Славин С.В. Природные ресурсы Севера в народном хозяйстве СССР. М.: Знание, 1975.
- Славин С.В. Проблемы развития магистрального транспорта в связи с промышленным освоением природных ресурсов советского Севера: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М., 1957.
- Славин С.В. Проблемы хозяйственного освоения северных территорий на востоке РСФСР. М.: б.и., 1979.
- Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Изд-во экон. лит-ры, 1961.
- Славин С.В. Районный разрез плана второй пятилетки и концепция освоения Севера // Страницы памяти. О планах, планировании и планировщиках. М., 1988. С. 181–195.
- Славин С.В. Северный морской путь в Третьей пятилетке // Советская Арктика. 1939. № 5. С. 25–37.
- Славин С.В. Северо-Восток Советского Союза как новый формирующийся экономический район. Доклад на секции районных и международных комплексных проблем. М.: б.и., 1958.
- Славин С.В. Советский Север. М.: Просвещение, 1972.
- Славин С.В., Догаев Ю.М. Развитие производительных сил Севера и проблемы регионального научно-технического прогресса // Проблемы Севера. 1972. Вып. 17. С. 5–20.
- Славина И.И. Тоненький нерв истории. (США). 2006. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13089> (дата обращения: 25.05.2017).
- Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Тараканов М.А. Эволюция пространственной локализации понятий «Крайний Север» и «Север» в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 28. С. 32–41.
- Тимошенко А.И. Арктика – национально значимая территория: опыт российского освоения в XX столетии // Горные ведомости. 2014. № 11. С. 92–99.
- Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР. 1930–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2014.

- Barenberg A.* Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. New Haven, 2014.
- Bruno A.* Industrial Life in a Limiting Landscape: An Environmental Interpretation of Stalinist Social Conditions in the Far North // *International Review of Social History*. 2010. № 55 (18). P. 153–174.
- Bruno A.* The Nature of Soviet Power. An Arctic Environmental History. New York: Cambridge University Press, 2016.
- Hardy J.S.* The Gulag after Stalin. Redefining punishment in Khrushchev's Soviet Union. Cornell University Press, 2016.
- Josephson P.R.* The Conquest of the Russian Arctic. Harvard University Press, 2014.
- McCannon J.* Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union 1932–1939. New York and Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Narrating the Arctic: a Cultural History Of Nordic Scientific Practices / ed. by M. Bravo and S. Sörlin. Canton, Massachusetts, 2002.
- Pey-Yi Chu* Mapping Permafrost Country: Creating an Environmental Object in the Soviet Union, 1920s–1940s // *Environmental History*. 2015. № 20 (3). P. 396–421.
- Spring U.* Between Spectacle and Science: The Aurora in Central Europe, 1870s – 1880s // *Acta Borealia*. 2012. Vol. 29 (2). P. 197–215.
- Science, Geopolitics and Culture in the Polar Region. Norden Beyond Borders / ed. by S. Sörlin. Farnham, UK: Ashgate 2013.

Статья поступила в редакцию журнала 18 января 2018 г.

Kalmeneva Ekaterina A.

MODELS OF THE SOVIET NORTH DEVELOPMENT IN THE 1950S: THE CASE OF COMMISSION ON ISSUES OF THE NORTH*

DOI: 10.17223/2312461X/20/10

Abstract. The article analyses institutional changes in economic research on the Soviet North in the mid-1950s due to which the concept of USSR northern territories itself changed. Through the case of Commission on Issues of the North (operating under control of Council for the Study of Productive Potential at the USSR Academy of Sciences) and the activity of its head Samuil V. Slavin, the article discusses the reasons for and mechanisms of changing the principles of development of the Soviet North in the aftermath of Stalin's rule. The Commission became the main centre coordinating work of different scientific institutions, both in the centre and the periphery, as well as planning institutions and industrial agencies, on elaborating new schemes of development of the North without compulsory labour. Drawing on the publications by Samuil V. Slavin and previously unstudied archival materials, the article shows how, beginning from the mid-1950s, Slavin started to devise a new concept of the Soviet North, shifting emphases from industrial development to creation of comfortable living conditions for people in the North.

Keywords: Soviet North, Samuil V. Slavin, Commission on Issues of the North, USSR Academy of Sciences, the USSR Thaw period

* The research is done with support from Russian Science Foundation (grant No. 16-18-10255).

References

Agranat G.A. Ekonomiko-geograficheskii analiz problem razvitiia severnoi periferii [An economic and geographical analysis of development issues in the northern periphery]. In:

- Sever: problemy periferiinykh territorii* [The North: issues of peripheral territories]. Ed. by V.N. Lazhentsev. Syktyvkar, 2007, pp. 7-20.
- Vail' P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 1960s. The Soviet person's world]. Moscow: Corpus, 2013.
- Vitiazeva V.A., Kotyrlo E.S. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossiiskogo i zarubezhnogo Severa* [The social and economic development of the Russian and non-Russian North]. Syktyvkar: SyktGU, 2007.
- Goldin V.I. *Arktika v mezhdunarodnykh otnosheniakh i geopolitike v XX – nachale XXI veka: vekhi istorii i sovremennost'* [The Arctic in international relations and geopolitics in the 20th to the early 21st centuries: history and present time], *Vestnik Pomorskogo universiteta*. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2011, no. 2, pp. 22–34.
- Kalmeneva E. *Politika osvoeniia Kraïnego Severa i kritika zhiznennykh uslovii arkticheskikh gorodov v narrativakh khrushchevskogo vremeni* [Developing the Far North: policies and the critique of living conditions in arctic cities in narratives of the Khrushchev period], *Quaestio Rossica*, 2017, Vol. 5, no. 1, pp. 153–170.
- Korovin V.P. *Istoriia issledovaniia i osvoeniia Arktiki* [A history of research on and development of the Arctic]. St. Petersburg: RGGMU, 2013.
- Polozhenie o Glavnom Upravlenii Severnogo Morskogo Puti pri SNK Soiuza SSR: utv. postanovleniem SNK SSSR ot 22.06.1936 № 1100 [Regulations on the Head Department of the Northern Sea Route operating under control of the USSR Council of People's Commissars, adopted by Decree of the USSR Council of People's Commissars dated 22.06.1936 No. 1100]. In: *Sobranie zakonov i rasporiazhenii Raboche-Krest'ianskogo Pravitel'stva SSSR (SZ SSSR)* [The collection of the USSR Workers and Peasants Government laws and regulations], 1936, no. 36, art. 317b.
- Russian State Archive of Economics (RGAE) F. 746, In. 1, C. 17.
- RGAE F. 746, In. 1, C. 22.
- RGAE F. 746, In. 1, C. 36.
- RGAE F. 746, In. 1, C. 58.
- RGAE F. 746, In. 1, C. 60.
- RGAE F. 746, In. 1, C. 88.
- Rozhanskii M. «Ottepel'» na Sibirskom moroze. Ustnaia istoriia udarnykh stroek [The Thaw period in the Siberian cold], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 5 (50), pp. 184-206.
- Sargsian A.A. *Ekonomicheskoe raionirovanie Rossii: istoriia i khoziaistvennoe znachenie* [Economic zoning of Russia: history and economic value], *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii*, 2015, no. 3 (42), pp. 161-166.
- Slavin S.V. *Prirodnye resursy Severa v narodnom khoziaistve SSSR* [Natural resources of the North in the USSR economy]. Moscow: Znanie, 1975.
- Slavin S.V. *Problemy razvitiia magistral'nogo transporta v sviazi s promyshlennym osvoeniem prirodnnykh resursov sovetskogo severa: Avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni doktora ekon. nauk* [The issues of developing main transport and communications during industrial development of natural resources of the Soviet North: a summary of a dissertation for the degree of 'Doctor of Sciences (Economics)']. Moscow: Akad. nauk SSSR. In-t ekonomiki, 1957.
- Slavin S.V. *Problemy khoziaistvennogo osvoeniia severnykh territorii na vostoke RSFSR* [Problems of economic development of northern territories in the east of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1979.
- Slavin S.V. *Promyshlennoe i transportnoe osvoenie Severa SSSR* [The industrial and transport development of the USSR North]. Moscow: Izd-vo ekon. lit-ry, 1961.
- Slavin S.V. *Raionnyi razrez plana vtoroi piatiletki i kontseptsii osvoeniia Severa* [The regional dimension of the second 5-year plan and the concept of development of the North]. In: *Stranitsy pamiati. O planakh, planirovanii i planirovshchikakh* [Pages of memory. On the plans, planning, and planners]. Moscow, 1988, pp. 181-195.

- Slavin S.V. Severnyi morskoi put' v Tret'ei piatiletke [The North Sea Route in the 3rd 5-year plan], *Sovetskaia Arktika*, 1939, no. 5, pp. 25-37.
- Slavin S.V. Severo-Vostok Sovetskogo Soiuza kak novyi formiruiushchiisia ekonomicheskii raion. Doklad na sektiiv raionnykh i mezhdunarodnyi kompleksnykh problem [The USSR North-East as an emerging economic zone. Report presented at the panel on regional and international complex problems]. Moscow, 1958.
- Slavin S.V. *Sovetskii Sever* [The Soviet North]. Moscow: Prosveshchenie, 1972.
- Slavin S.V., Dogaev Iu.M. Razvitie proizvoditel'nykh sil Severa i problemy regional'nogo nauchno-tehnicheskogo progressa [Development of the North's productive potential and problems of regional scientific and technological progress], *Problemy Severa*, 1972, Vol. 17, pp. 5-20.
- Slavina I.I. *Tonen'kii nerv istorii. (SShA)* [The thin nerve of history (the USA)], 2006. Available at: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13089> (Accessed 25 May 2017).
- Slezkine Iu. *Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa* [Arctic mirrors. Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2008.
- Tarakanov M.A. Evoliutsiia prostranstvennoi lokalizatsii poniatii «Krainii Sever» i «Sever» v Rossii [The evolution of spatial localisation of the concepts of 'the Far North' and 'the North' in Russia], *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2010, no. 28, pp. 32-41.
- Timoshenko A.I. Arktika-natsional'no znachimaia territorii: opyt rossiiskogo osvoeniia v XX stoletii [The Arctic, a territory of national importance: a history of development by Russia in the 20th century], *Gornye vedomosti*, 2014, no. 11, pp. 92-99.
- Shirokov A.I. *Dal'stroi v sotsial'no-ekonomicheskom razvitiu Severo-Vostoka SSSR. 1930-1950-e gg.* [Dalstroy in the social and economic development of the USSR North-East, the 1930s to the 1950s]. Moscow: ROSSPEN, 2014.
- Barenberg A. *Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta*. New Haven, 2014.
- Bruno A. Industrial Life in a Limiting Landscape: An Environmental Interpretation of Stalinist Social Conditions in the Far North. *International Review of Social History*, 2010, no. 55 (18), pp. 153-174.
- Bruno A. *The Nature of Soviet Power. An Arctic Environmental History*. New York: Cambridge University Press, 2016.
- Hardy J.S. *The Gulag after Stalin. Redefining punishment in Khrushchev's Soviet Union*. Cornell University Press, 2016.
- Josephson P.R. *The Conquest of the Russian Arctic*. Harvard University Press, 2014.
- McCannon J. *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union 1932-1939*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Narrating the Arctic: a Cultural History Of Nordic Scientific Practices*. Ed. by Bravo M. and Sörlin S. Canton, Massachusetts, 2002.
- Pey-Yi Chu Mapping Permafrost Country: Creating an Environmental Object in the Soviet Union, 1920s-1940s. *Environmental History*, 2015, no. 20 (3), pp. 396-421.
- Spring U. Between Spectacle and Science: The Aurora in Central Europe, 1870s - 1880s. *Acta Borealia*, 2012, Vol. 29 (2), pp. 197-215.
- Science, Geopolitics and Culture in the Polar Region. Norden Beyond Borders*. Ed. by Sörlin S. Farnham, UK: Ashgate, 2013.

УДК 94(430)

DOI: 10.17223/2312461X/20/11

«ХАЙЛЬ БИСМАРК!» «ЖЕЛЕЗНЫЙ КАНЦЛЕР» КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФИГУРА НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ОТКРЫТКАХ РУБЕЖА XIX–XX вв.

Александр Сергеевич Медяков

Аннотация. Впервые рассматривается роль открыток в становлении образа Бисмарка в качестве одного из ключевых символов немецкого национализма на рубеже XIX–XX вв. Показаны пути мифологизации и «национализации» этой реальной исторической фигуры, а также особая роль в указанном процессе правых националистических группировок и организаций Германии и Австро-Венгрии. Основным способом наделения образа Бисмарка националистическими смыслами являлось его вербальное и визуальное соединение с уже этабличированными национальными символами, позволившее ему в конечном счете самому пополнить их ряды. Отмечаются инструментализация фигуры Бисмарка различными политическими силами в собственных целях и соперничество предлагавшихся ими интерпретаций. Являясь массовым средством информации и коммуникации, почтовые открытки выступали в качестве важного способа распространения образа Бисмарка. В статье анализируются иконография, а также контексты, коды и атрибуты, дающие возможность трактовать Бисмарка в националистическом ключе. Указывается специфика открытки как исторического источника, позволившая исследовать не только собственно визуальные образы, но и реакцию на них в тексте личных посланий. Комплексный анализ открыток служит основанием для выводов о сознательном выборе их сюжетов националистически настроенной публикой, о функции открыток как важного средства коммуникации для такого рода сообществ и о превращении фигуры Бисмарка в один из символов принадлежности к ним.

Ключевые слова: Бисмарк, открытки, национализм, национальный миф, Германия, Австро-Венгрия, фёлькишское движение

Практически сразу после отставки Бисмарка с поста канцлера в 1890 г. стала набирать обороты его популярность, к началу нового века вылившаяся в настоящий культ. Все больше теряя реальные, исторические черты, Бисмарк превращался в олицетворение, символ созданной им империи. Главной причиной подобной метаморфозы, с одной стороны, была потребность в единой идентификационной фигуре, которая могла бы воплотить для обитателей объединенных в 1871 г. в Германскую империю немецких государств их новое отечество. С другой стороны, интегрирующая функция символического Бисмарка в это время оказалась востребованной также перед лицом тех изменений, которое претерпевало общество, – кризиса социального статуса традиционных

слоев и поиска своего места новыми, усиления социальной и пространственной мобильности, продолжавшейся девальвации старых политических и духовных ценностей. Вместе с тем восприятие и трактовка Бисмарка в качестве символической фигуры не были едиными, различаясь в отдельных социальных и идеологических группах. Энергичнее всего в конкретной ситуации 90-х гг. Бисмарка и его «старый курс» стали превращать в свое знамя те, кто был недоволен более либеральным «новым курсом» преемников «железного канцлера» – аграрии, разного рода правые и националистические силы. Своим главным героем сделало Бисмарка и так называемое фёлькишское движение в Германии и Австро-Венгрии, складывавшееся из разного рода националистических объединений часто с расистской, антиславянской и антисемитской направленностью (Hartung 1996). В значительной степени как раз благодаря чрезвычайной активности всех этих сил фигура Бисмарка начала восприниматься в качестве воплощения не только нового государства, но и «немецкости», тем самым получив возможность выполнять «национализирующую функцию» (Machtan 1994: 10). Однако для того чтобы ее осуществлять, образ Бисмарка должен был быть сначала «национализирован» сам, наполниться специфическими «национальными» смыслами, вытеснявшими прежнее конкретное политическое содержание его фигуры.

Среди разнообразных форм и способов, которыми осуществлялся этот процесс, весьма заметное место занимала иллюстрированная открытка. Она сыграла важную роль в превращении Бисмарка из реального исторического лица в символ Германской империи, она же активно использовалась для разного рода «национальных» трактовок фигуры бывшего канцлера. Специфика открытки, с одной стороны, заключается в ее поистине массовом характере, особенно что касается Германии. Согласно официальной статистике Всемирного почтового союза за 1901 г., германской почтой внутри страны был доставлен 1 млрд открыток, в то время как, например, во Франции – лишь 60 млн (Allgemeine Poststatistik für 1901: 457–458). Наряду с массовостью, открывавшей широкие возможности для агитации, открытки применялись членами различных объединений в качестве средства коммуникации между собой, использовались ими в разных социальных практиках, служивших «национализации» Бисмарка. Особенный интерес представляют специфическая иконографическая трактовка образа Бисмарка, а также отклик на нее самих участников переписки. Все эти процессы, практически не освещенные в литературе, являются предметом изучения в настоящей статье¹.

«Дуб Германии»

Основным способом придания фигуре Бисмарка «национальных» трактовок стали его введение в пантеон уже существовавших нацио-

нальных мифов, визуальное или вербальное соединение его образа с персонажами германской мифологии (Зигфрид, Вотан), историческими фигурами (вождь херусков Арминий (Герман), кайзер Барбаросса, Лютер), национальными символами («германский дуб»). Подобные параллели проводились широко и в рамках самых разных визуальных стратегий.

Весьма распространенными были отсылки к «германскому дубу» и топосу «немецкого леса». Дуб считался «германским» деревом, воплощающим национальные ценности – твердость, надежность и «немецкую верность» (Osmond 2006: 23). На рисованных открытках с изображением Бисмарка практически всегда присутствуют дубовые листья как своеобразный код, представляющий его в качестве «истинного немца». Получили распространение открытки, на которых медальон с изображением Бисмарка помещался на фоне могучего дуба. Помимо подобных фантазий установлению связи Бисмарка с этим символом способствовало и отражение в открытке специфической социальной практики, а именно посадок «дубов Бисмарка». У ее истоков стоял сам Бисмарк, заведя обыкновение рассылать поклонникам дубовые саженцы из своих владений, затем продолженное его потомками (Breitenborn 1990: 151). Открытки не просто распространяли информацию о посадке очередного «дуба Бисмарка», но и придавали ей новое качество, сообщая о появлении такой своеобразной местной достопримечательности.

В ряде открыток связь Бисмарка с «немецким дубом» превращалась в уподобление первого второму. Комплексный характер открытки, сочетание изображения с текстом, в принципе, позволяли посредством комментария придать фигуре Бисмарка едва ли не любое содержание, в том числе и такое. Например, на одной из открыток жанра «Привет из...» под фотографией Бисмарка в обрамлении дубовых листьев помещена надпись «Дуб Германии». Помимо прочего, образ Бисмарка-дуба имел важную для немецкого национализма «органическую», «почвенническую» коннотацию: Бисмарк – это плоть от плоти немецкой земли, это впитавший в себя ее силу побег из ее почвы (Rapp 1992: 80–82). Иногда изображение Бисмарка на фоне дуба дополнялось первой строкой из популярной «Песни Бисмарка» («Внимал ли песне ты дубов старинных, немецкий мой народ...»), уподоблявшей Бисмарка дубу и призывавшей немцев равняться на него в стойкости (May 2014: 179, 193).

Топос «природности» Бисмарка был тесно связан с представлениями о «немецком лесе». В течение XIX в. «немецкий лес» превратился в один из основных национальных мифов. Немцы толковались как «народ леса», глубоко естественный, вечный и неизменный, как породивший их лес, и принципиально отличный как от французов и англичан с их оторванными от природы искусственными парками, так и от русских – «народа степи», а впоследствии и от евреев – «народа пустыни» (Lehmann 1999; Zechner 2006; Wilson 2012).

Связь Бисмарка с лесом открытки подчеркивали многократно и разными способами. Наиболее распространенным сюжетом были изображения его одиноких прогулок под лесным кровом в сопровождении верного пса, некоторые из которых имели прямо-таки мистический колорит. Иногда изображение усиливалось текстом: «Старец из Захсенвальда [леса саксов]». Само название лесного массива, в котором находилось имение Бисмарка, позволяло делать отсылку к одному из важнейших элементов мифа «немецкого леса» – связи с древними германцами. На открытках с бисмарковскими сюжетами можно увидеть стихи писателя Теодора Фонтане, написанные на следующий день после смерти бывшего канцлера: легендарный вождь саксов Видукинд приглашает Бисмарка к себе «как сакса», он должен стать частью этой земли, поскольку «плоть и камень распадется // но лес саксов, он остается». Мистика вечного «немецкого леса», вне времени и вне всякого исторического контекста, прямо связывала Бисмарка с некогда населявшими его германцами, делала его частью крайне значимого для немецкого национализма «германского мифа» (See 1970).

Особенно важной была связь с одним из ключевых событий в мифологии немецкого национализма – битвой в Тевтобургском лесу, в которой легендарный вождь херусков Арминий разбил римские легионы, что позволило возвести его впоследствии в ранг важнейшей национальной фигуры. В публицистике конца XIX в. проводились прямые параллели между этими двумя «германцами», вплоть до наименования Арминия «первым Бисмарком» (Kirper 2002: 260–261). Свою роль играли и открытки. В частности, широкое распространение получили открытки с изображением двух памятников, расположенных по соседству в Тевтобургском лесу – «камня Бисмарка» с барельефом канцлера и знаменитой гигантской статуи Германа. Уже само появление «камня Бисмарка» в одном из главных «мест памяти» немцев было достаточно символичным, однако выбранная фотографом перспектива еще больше усиливала впечатление: Арминий и Бисмарк в буквальном и переносном смысле слова оказывались на одной линии германской истории. Находящийся на заднем плане памятник Арминию символизировал прошлое, а крупно взятый на переднем плане «камень Бисмарка» – настоящее немцев.

Бисмарк связывался и с другой культовой национальной фигурой – кайзером Фридрихом Барбароссой (Kaul 2007: 689–699). Легенда о спящем в горе Киффгойзер императоре долгие годы символизировала надежду на национальное объединение и возрождение Германии. Бисмарк сделал легенду былью – на одной из открыток он появляется у входа в пещеру, где сидит длиннородый кайзер (рис. 1).

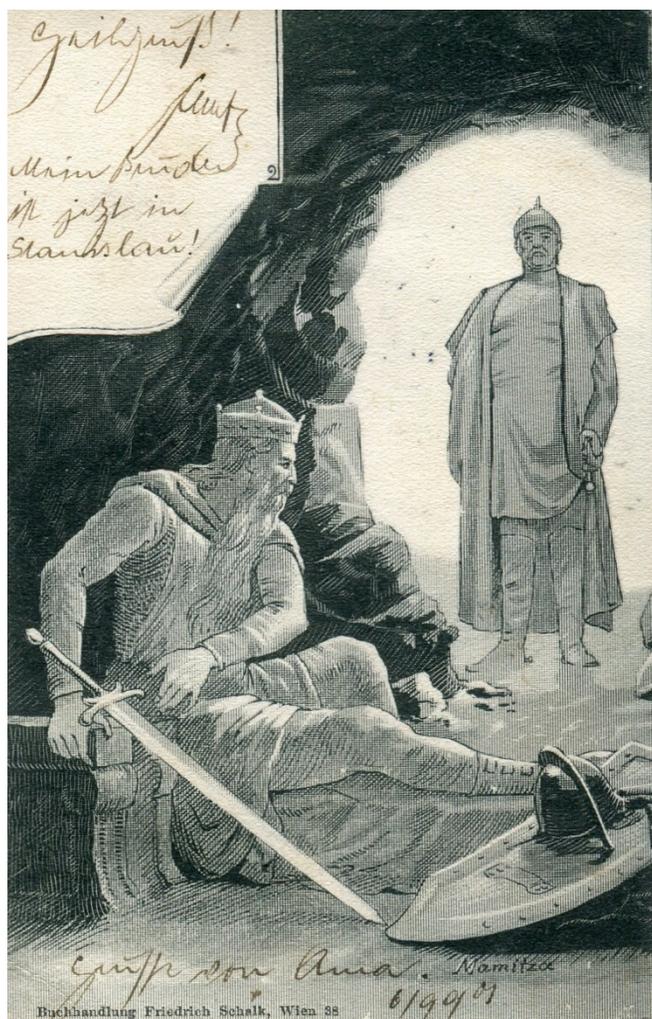


Рис. 1. Бисмарк у входа в гору Киффгойзер. Вена. Изд-во Ф. Шальк. 1899

Барбаросса и легенда Киффгойзера символизировали скорее имперскую ипостась немцев; фигура же Лютера, стоящего на открытках рядом с Бисмарком, помогала характеризовать их как народ – Лютер являлся выразителем «немецкой сути», «немецкой свободы», был почитаем как создатель современного немецкого языка (Schmidt 2014). Кроме того, все три «немецких героя» отличились в борьбе против «вельшей» (романских народов): Арминий разбил римлян, Лютер освободил немцев от «римских оков» в духовной сфере, а Бисмарк нанес поражение их «наследственному врагу» – французам.

Если подобное переосмысление исторического Лютера «в национальном духе» на фоне непростой конфессиональной ситуации в Гер-

мании рубежа веков не было до конца беспроблемным, то фантазии на тему германской мифологии не знали никаких ограничений. В них Бисмарк уже не ставился в один ряд, как это было с историческими символическими фигурами, а часто прямо отождествлялся с героями германского эпоса. Тем самым бывший канцлер, взятый уже вовсе вне всякого исторического контекста, должен был воплощать неизменность и чистоту пронесенной сквозь века «немецкой сути». Так, Бисмарк связывался с Зигфридом: у цоколя памятника Бисмарку в Берлине Зигфрид кует для «основателя империи» меч; в планировавшемся «национальном памятнике» на Рейне обе фигуры и вовсе сливаются: «Бисмарк как освободитель народа от чуждой сути должен быть олицетворен юным Зигфридом, этим образом света и силы германской саги, рожденной на Рейне» (Goebel 2006: 148). Бисмарк предстает еще в одной ипостаси Зигфрида – как «убийца дракона». Характерная для ритуалов памяти в Германии причудливая смесь христианства и язычества, средневековых и германских традиций (52) в трактовках Бисмарка проявлялась в полной мере: «драконоборцем» он выступал то в облике Зигфрида, то – как на главном портале рейхстага – в образе Св. Георгия (Galle 2002: 107–108). Под «драконом» также понималась то внутренняя рознь, то побежденная Франция. Открытки тиражировали подобные образы, иногда снабжая их комментариями, позволяющими понять суть аллегорий.

Более простая визуальная стратегия изображения Бисмарка в качестве «германца» заключалась не в сравнении либо отождествлении его с легендарными героями древности и персонажами мифов, а в наделении специфическими «германскими» атрибутами. Например, на одной из открыток Бисмарк-кузнец предстает не в привычной остроконечной каске – «пикельхаубе», а в крылатом шлеме; иногда подпись к изображению делалась стилизованными «руническими» буквами.

«Национализация» Бисмарка с помощью описанных выше стратегий, превращение его из реальной исторической личности в символ не только созданного им рейха, но и немцев как таковых, способствовали в дальнейшем использованию его фигуры в конкретных политических целях. Бисмарк-символ позволял проецировать на себя интересы и установки различных политических групп и идеологических течений, между которыми возникало своеобразное соперничество за право трактовки Бисмарка именно в своем ключе. Демонстрация наибольшей приверженности Бисмарку позволяла представить себя в качестве его подлинного наследника и претендовать на приоритет в этом соперничестве (Frankel 2005: 9–10). Наряду с другими способами такой демонстрации (активность в проведении разного рода памятных мероприятий, сооружения памятников Бисмарку, риторические отсылки к нему) важным средством выступали открытки.

С помощью открыток различные немецкие политические силы пытались инструментализировать наследие Бисмарка – как реальное, так и воображаемое. Примером первого являются ссылки противников католической партии Центра на проводившуюся им политику «культуркампа». В одной из предвыборных открыток они остроумно переиначили известную картину «Народы Европы, храните свои святые богатства», написанную в 1895 г. по проекту Вильгельма II: вынырывающий из облаков Бисмарк показывает кулак католикам, а в роли «святых богатств» выступают немецкие символы – Рейн и статуя «Германии». Бисмарка сделали своим знаменем также консервативные аграрии объединения «Союз сельских хозяев», недовольные таможенной политикой канцлера Каприви. Так, одна из открыток приводит лозунг Бисмарка из его выступления перед представителями «Союза» в 1895 г.: «За стебель и колос!»². На другой открытке Бисмарк изображен на фоне идущего за плугом крестьянина, и приводится его высказывание: «Я тоже немецкий крестьянин». Помимо конкретного политического контекста здесь обращают на себя внимание также «почвеннические» коннотации, уже знакомые нам по «германскому лесу»: «крестьянин» Бисмарк обрабатывал «национальную», «германскую» землю; ее же он «обрабатывал», «культивировал» как политик (Pag 1992: 80).

Гораздо более проблемной была трактовка взаимоотношений с рабочими, со времен гонений на их партию и ее лидера Августа Бебеля относившимися к Бисмарку враждебно. Широкого распространения эта тема на открытках не получила, хотя делались отсылки на ключевую роль Бисмарка в создании социального законодательства Германии, в частности, цитировалось его высказывание из речи 9 мая 1884 г.: «Дайте рабочему право на труд, если он здоров, обеспечьте ему уход, если он болен, обеспечьте ему средства к существованию, если он стар»³. Однако даже такой сюжет оказалось возможным трактовать «национально». Открытка, выпущенная австрийским «Союзом немецких рабочих альпийских провинций» (Breitenborn 1990: 79), поместила эту цитату под расхожим образом «Бисмарка – кузнеца империи», существенно изменив его смысл. Бисмарк, с засученными рукавами и в кожаном фартуке, становился «рабочим», символом труда – но труда «немецкого». Провозглашалась солидарность скорее не социальная, а национальная: Бисмарк был здесь задействован не столько в своей исторической роли создателя социального законодательства, сколько как символическая фигура, воплощавшая «немецкость» и предлагавшаяся австрийским рабочим именно в этом качестве. Несмотря на аутентичную цитату, мы видим смещение акцента с исторического наследия Бисмарка на воображаемое, приписываемое, символическое – и гораздо более востребованное, особенно в правой части политического спектра. В первую очередь речь идет о фёлькишских организациях Германии и

Австро-Венгрии, сотрудничавших и оказывавших друг на друга взаимное влияние.

«Бисмарк – Вотан»

В случае с выпускавшимися на рубеже веков открытками австрийских немцев разрыв между историческим и символическим Бисмарком очевиден более всего: как раз Бисмарк в 1866 г. изгнал Австрию из Германии, но стал теперь для австрийских немцев символом национального единства. Наряду с различными националистическими течениями и объединениями, действовавшими в Германии, именно немецкие националисты Австро-Венгрии оказались главным двигателем «национализации» образа Бисмарка, не удовлетворяясь недостаточной для них трактовкой его как «основателя империи» и превращая его в важнейший национальный миф.

Для немецких националистов раздираемой противоречиями Австро-Венгрии Бисмарк стал символом борьбы за «германство», в которой открыткам отводилась далеко не последняя роль. Многочисленные националистические объединения использовали их в предвыборной борьбе, для привлечения новых сторонников, а также в качестве способа финансирования их деятельности. Одним из самых ярких «бисмаркианцев» являлся лидер австрийских пангерманистов Георг фон Шённерер, занимавший крайние антиславянские и антисемитские позиции (Wladika 2005: 88–90).

Активнее всего издание открыток практиковали в Австро-Венгрии так называемые немецкие ферейны (общества) защиты, ставившие своей целью национальную пропаганду, а также поддержку немецкого языка в этнически смешанных регионах. Наиболее крупными из них являлись «Немецкий школьный ферейн» («Шульферейн») и «Ферейн Зюдмарк».

Если в Германии в 90-е гг., несмотря на стремительную «национализацию» Бисмарка, его фигура все же не до конца потеряла связь с реальной политикой, в том числе благодаря едкой критике, которой «старец из Фридрихсру» через подконтрольные органы прессы подвергал сменивших его политиков «нового курса», то в Австро-Венгрии подобной политической привязки не существовало, и превращение Бисмарка в абстрактный символ всего немецкого шло быстрее, тем более что и потребность в этом из-за остроты национальных противоречий была выше. Поэтому часто для заявления политической и национальной позиции оказывалось достаточным уже простой репродукции какого-либо портрета Бисмарка с логотипом соответствующего ферейна. Характерно, что и противная сторона – соперничавшие с немцами в языковых конфликтах славянские народы, прежде всего чехи, а также отчасти

австрийские власти, воспринимали фигуру Бисмарка на открытках именно как выражение немецкого национализма. Например, националистическая и антисемитская газета «Немецко-социальные листки» осенью 1897 г. с возмущением сообщала об участившихся случаях, когда в Богемии почта не пропускала открытки с портретами Бисмарка (*Deutsch-Soziale Blätter* 28.10.1897; 25.11.1897).

Изображения Бисмарка часто наделялись дополнительными смыслами с помощью различных атрибутов, комментариев, цитат, разного рода фольклорных и литературных аллюзий. Так, своеобразным кодом для обозначения радикальных «немецко-национальных» взглядов являлось изображение василька (Weißmann 1991: 35, 38; Retterath 1997: 409–411). «Прусский цветок», связанный с культом королевы Луизы и любимый цветок ее сына, первого императора объединенной Германии Вильгельма I (Förster 2011: 106–107), трактовался как выражение «немецкой верности» и стал для пангерманистов Австро-Венгрии и их единомышленников в Германии наглядным выражением политического кредо. Букет васильков, добавленный на открытке к портрету Бисмарка, превращал ее в послание, требовавшее продолжить дело «железного канцлера» по объединению немцев. Похожий смысл имело и использование черно-красно-золотых цветов, которые далеко не всегда воплощали собой демократическую традицию, как в трактовках нынешнего флага ФРГ. Напротив, эти цвета широко применялись различными националистическими, антисемитскими и антиславянскими объединениями и течениями в Германии и Австро-Венгрии (Weißmann 1991: 34, 36).

Культь «германцев» получил среди радикальных немецких националистов Австро-Венгрии и Германии особое распространение. Типичным сюжетом открыток рубежа веков было изображение «германцев», поклоняющихся Бисмарку, часто в сочетании с каким-либо воинственным призывом. Присутствие Бисмарка показывало, что, несмотря на шкуры и крылатые шлемы, речь идет о современных немцах, которым предлагалось открыть в себе «германство», объединившись вокруг его главного теперешнего символа. Иногда Бисмарк оказывался фактически возведенным в пантеон германских богов. На одной из открыток А. Шмидхаммера, известного иллюстратора рубежа веков и горячего почитателя Бисмарка, щит Вотана, наблюдающего за пиром в Вальгалле, украшен фамильным гербом Бисмарка (наложенные друг на друга трилистники клевера и дуба), который приведенное тут же четверостишие объявляет «гербом всех немцев» (рис. 2). На других открытках Бисмарк превращается непосредственно в Вотана. Узнавание его в этом качестве обеспечивалось широко известным благодаря операм Вагнера сценическим атрибутам Вотана-странника – широкополой шляпе с посохом или копьем, а также сопровождавшей его паре воронов или паре волков.

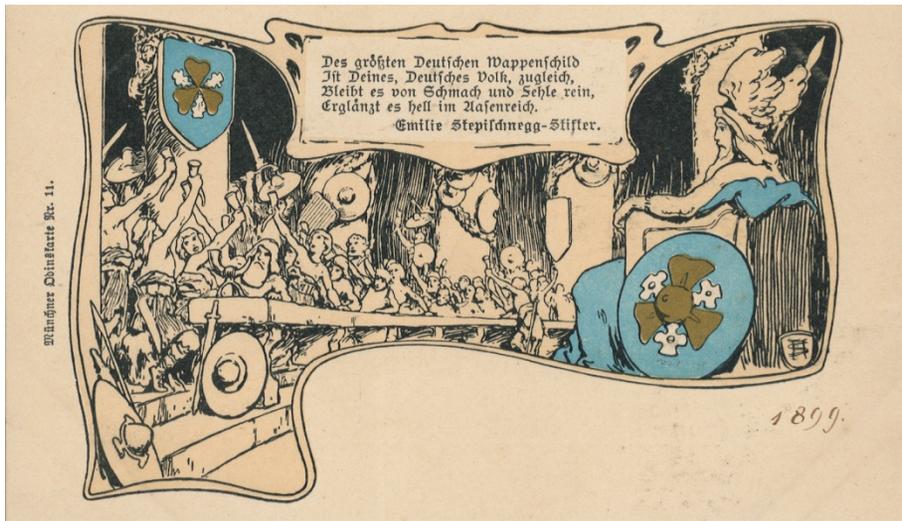


Рис. 2. Пир в Вальгалле. Мюнхен: Один, 1899

Еще одна открытка избавляет зрителя от всякой необходимости подобного декодирования, заявляя о своем содержании прямо: «Вотан – Бисмарк». Историческое, легендарное и символическое сливаются здесь в единый «национальный» комплекс. В основании композиции в медальоны с обрамлением из дубовых листьев помещены «национальные герои» – Карл Великий, Фридрих Барбаросса и Лютер, а ее центральными фигурами являются схожие внешне и статью Вотан и Бисмарк. На фоне стоящего между ними дуба помещены стихи, говорящие о том, что Вотан не исчез, а сокрылся в «святом зеленом лесу» и возрождается всякий раз в помощь немецкому народу – сначала в облике прежних трех героев и теперь в образе «старца из Заксенвальда» (рис. 3). Здесь явственно проступают черты сакрализации фигуры Бисмарка, проявляющиеся не только в его отождествлении с богом, считавшимся «всеобщим отцом» (Graf 2015: 151), но и в наделении его чертами мессии, который в случае необходимости явится и спасет.

Как и в Австро-Венгрии, в Германии фигура Бисмарка также оказалась востребованной со стороны разного рода националистических фёлькишских организаций. Одной из них был созданный в 1891 г. Пангерманский союз. В 1895 г. пангерманцы сделали Бисмарка почетным членом своей организации, невзирая на то, что их цели, в частности стремление к экспансии, были прямо противоположны той политике, которую в свое время проводил Бисмарк. Однако, как и в других случаях, превращение Бисмарка в икону немецкого национализма позволяло инструментализировать его фигуру практически любым образом.

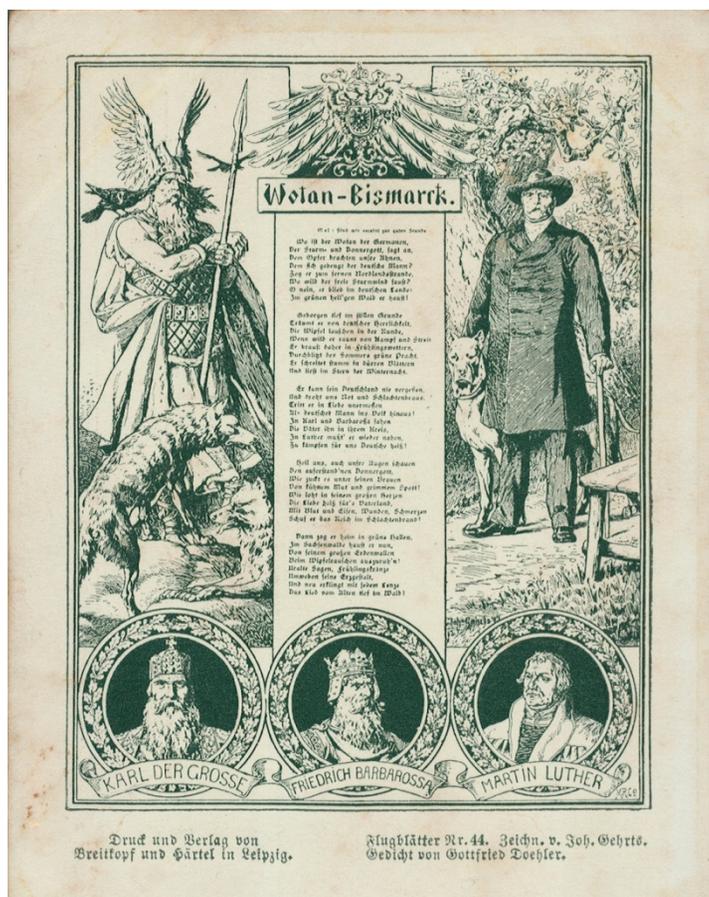


Рис. 3. Бисмарк – Вотан. Лейпциг: Брейткопф и Хэртель, 1899

Пангерманцы использовали ее для критики, на их взгляд, слишком осторожного внешнеполитического курса Германии на рубеже веков (Hering 2006: 24). Открытки с Бисмарком служили одним из средств агитации союза (May 2014: 183–184).

В качестве отклика на создание австрийского «Немецкого школьного ферейна» в 1881 г. в Берлине был основан «Всеобщий немецкий школьный ферейн за сохранение германства за границей» (с 1908 г. – «Ферейн за германство за границей»). Бисмарка сделал своим знаменем и «Немецко-национальный союз торговых служащих» – фёлькишская, националистическая и антисемитская организация. На одной из ее открыток барельеф Бисмарка украшал средневековый щит, что в сочетании с надписью «Немецкий привет из немецкой земли» и неизбежными дубовыми листьями позволяло представить бывшего канцлера как защитника «немецко-национальных» интересов.

«Немецкий союз Восточной марки», созданный в 1894 г. с целью защиты «германства» в польских землях Германской империи, также апеллировал к Бисмарку, известному своим часто негативным и даже пренебрежительным отношением к полякам, едва ли не активнее других. Накануне учреждения союза его будущие члены совершили массовое «паломничество» во Фридрихсру за своеобразным благословением бывшего рейхсканцлера. В открытках союза цитировалось искаженное и вырванное из контекста (Puschner 2006: 161) высказывание Бисмарка о том, что «ни одной пяди немецкой земли не должно быть потеряно».

О подлинно массовом значении фигуры Бисмарка для немецкого национализма рубежа веков свидетельствует активность женщин. В 1894 г. почитательницами Бисмарка был создан женский бисмарковский ферейн «Союз трилистника», близкий по своим взглядам к пангерманистам (Bruns 1991: 122), который также начал широко издавать открытки с изображением своего кумира.

В целом открытки фелькишских и националистических объединений не только восприняли образ Бисмарка как символической национальной фигуры, но и радикализировали и политизировали его, подчиняя собственным целям, наделяя агрессивными и отчасти расистским чертами. Фактически они попытались узурпировать символическое значение фигуры Бисмарка, «немецкость» которой должна была быть абсолютной. В числе прочего это означало возможность антисемитской трактовки образа Бисмарка. Возмущение националистов вызывало даже издание предпринимателями-евреями открыток с Бисмарком. Так, антисемитские «Немецко-социальные листки» с негодованием сообщали, что в витринах многих лавок «выставлены открытки с Бисмарком... издатель которых носит прекрасное имя Макс Маркус. И похвалы этим открыткам мы находим даже в рекламных отделах немецко-национальных газет!» (Deutsch-Soziale Blätter 18.10.1898). В свою очередь, попытки инструментализировать образ Бисмарка на открытках в антисемитских целях встречали критику со стороны либерального «Ферейна по отпору антисемитизма». По поводу выпуска очередных подобных открыток его печатный орган писал: «Использовать имя Бисмарка в таком отношении и с коммерческими целями – это с антисемитской агитации станется» (Mitteilungen aus dem Verein zur Abwehr des Antisemitismus 22.04.1899).

Таким образом, «открытки с Бисмарком» оказывались не только средством агитации, но периодически могли вызывать резонанс в более широкой публичной сфере. Весьма активно они задействовались также в различных социальных практиках националистов, в частности в разного рода празднествах и инициативах поклонения Бисмарку.

«Как во времена саксов и норманнов...»

Политические мифы становятся действенными не в последнюю очередь благодаря связанными с ними разного рода социальным интеракциям – празднествам, церемониям, ритуалам, созданиям памятников (Speth 2000: 115–126). Это в полной мере относилось и к фигуре Бисмарка, по сути, превращавшейся в политический миф. В такого рода инициативах вновь наибольшую активность проявляли националистические и фёлькишские круги, включившие, в частности, в число пангерманских (Alldeutsche) празднеств «день Бисмарка» (1 апреля, день его рождения) – наряду с «древнегерманскими» праздниками летнего и зимнего солнцестояния. «Германство» Бисмарка нередко доносилось уже самым выбором места действия. Так, в 1900 г. националисты из Баварии и их австрийские гости праздновали день летнего солнцестояния перед памятником Бисмарку на Штарнбергском озере близ Мюнхена (Bozner Zeitung 23.06.1900). Соответствующие открытки служили популяризации этих праздников, а также находили применение непосредственно на них, о чем свидетельствует приурочивание издания открыток к данным событиям (Bozner Zeitung 13.06.1900). Например, такие открытки заказывало художникам «немецко-фёлькишское издательство «Один» из Мюнхена (Bozner Zeitung 29.05.1900). На одном из устроенных им конкурсах «среди художников немецкой нации» на лучшую «немецко-национальную открытку» высших премий удостоились открытки с сюжетами о празднике солнцестояния и о Бисмарке (Grazer Tagblatt 21.05.1899).

Этот эпизод может являться примером многофункциональности открытки для связей представителей фёлькишского движения по обе стороны австро-германской границы: открытка не только свидетельствовала об их полной идейной близости (не случайно победителем конкурса стал богемский немец), не только распространяла соответствующие образы и задействовалась непосредственно на самом празднике, но и служила более практическим целям сотрудничества – национальные ферейны Австро-Венгрии приглашались к приобретению подобных открыток, причем указывалось, что часть прибыли будет передана обществам «Зюдмарк», «Нордмарк» и «Союзу немцев Богемии» (Grazer Tagblatt 20.06.1899).

Наряду с участниками радикальных националистических «ферейнов» активнее всего культ Бисмарка распространяли объединения формально не «национального» характера, но справедливо относимые к феномену «организованного национализма» (Düding 1984) – «гимнастические», «певческие» и «стрелковые» общества, а также студенческие корпорации. В отличие от националистических ферейнов, «неполитические» союзы не выдвигали определенных программ, однако об-

ладали гораздо большей численностью (например, в начале XX в. объединения «гимнастов» насчитывали свыше 1 млн человек) и образовывали массовую «бисмарковскую» среду, в которой активнее всего шло превращение Бисмарка в национальный символ, в том числе посредством участия в соответствующих социальных практиках и ритуалах – «паломничествах» во Фридрихсру, празднованиях дня рождения Бисмарка, сооружении памятников ему и т.д. Свою роль играли и открытки. Они включали Бисмарка в «гимнастическую» культуру, помещая, например, его портрет рядом с портретом основателя движения Ф.Л. Яном; для информации о мероприятиях таких объединений (создании новых ферейнов, общегерманских состязаниях) часто использовались уже имеющиеся открытки с «бисмарковским» сюжетом, для чего надпечатывался текст или просто ставился штамп организации на обратной стороне.

Движение «гимнастов» не было единым, располагаясь на шкале от патриотизма до агрессивного национализма, особенно на окраинах Германской империи и в Австро-Венгрии. В частности, в монархии Габсбургов открытки добавляли к портретам Яна и Бисмарка изображение Шёнера, выстраивая, таким образом, пангерманскую перспективу от мечтавшего о национальном объединении «отца гимнастов» через осуществившего эту мечту основателя Германской империи к новому вождю, призывавшему довершить «дело Бисмарка» и создать «великую Германию» (May 2014: 191).

Огромную роль в распространении культа Бисмарка и придании ему нового качества сыграли студенческие объединения – как традиционные корпорации, так и основанная в 1880–1881 гг. общегерманская организация «Ферейн немецких студентов», националистическая и антисемитская (Zierlewagen 2015). Студенты проявляли огромную активность во всех формах почитания Бисмарка – ежегодных торжественных празднествах в его честь, так называемых коммерсах, коллективных обращениях к нему, «паломничествах» во Фридрихсру (в 1895 г. – около 5 тыс. представителей практически всех студенческих объединений), инициативах по строительству памятников.

В декабре 1898 г. немецкое студенчество обратилось «к немецкому народу» с призывом сооружать в честь Бисмарка памятники совершенно нового типа – не привычные фигуративные, а символические «огненные колонны»: «...как во времена древних саксов и норманнов над телами их павших витязей возвышались простые скалы-колонны, вершины которых несли сигнальные огни, так мы хотим в честь нашего Бисмарка на всех возвышенностях нашей родины... воздвигнуть мощные носители огня из гранита» (Alings 1996: 235). Наверху каждой башни должна была располагаться огромная чаша с горючим материалом, которую следовало зажигать в день рождения Бисмарка 1 апреля, а

также в «германский» праздник летнего солнцестояния 21 июня. Всего было создано 203 монумента, включая уже существовавшие «башни Бисмарка», поверх смотровых площадок которых соорудались чаши для огня (Zierlewagen 2015: 55).

В самой идее памятника отразились характерные черты немецкого национализма рубежа веков – «германский» мистицизм, культ «леса» и «почвы» (колонны должны были, по возможности, воздвигаться в лесистой местности и из местного материала, «вырастать» из местной почвы) (Part 1992: 85), а также дальнейшая деперсонализация Бисмарка, превращение его проекционную поверхность для все более агрессивного национализма (Koch 2006: 80).

Открытки играли существенную роль как в практической, так и в символической сторонах сооружаемых памятников. Путем продаж открыток частично финансировалось их строительство и осуществлялось дальнейшее содержание. Они распространяли информацию об открытии очередной колонны, а в дальнейшем представляли ее как местную достопримечательность – как и другие памятники Бисмарку, колонны становились известными публике не только и даже не в первую очередь в качестве оригиналов, сколько в различных изображениях, причем все памятники можно было увидеть и купить на открытках (Gerwarth 2005: 22; Alings 2006: 534). Особенно важной была предметная визуализация студенческого начинания, грандиозный масштаб которого осознавался лучше, если совершаемое «всей Германией» своеобразное огненное поклонение Бисмарку можно было окинуть взглядом на открыточной витрине. Виртуальное первенствовало над реальным и в ином отношении: если в действительности попытки разжечь чаши часто сталкивались с техническими сложностями, то на открытках – благодаря дорисовкам к фотографиям и художественным изображениям – во славу Бисмарка полыхали столбы пламени самых эффектных оттенков (May 2014: 169–171).

«Хайль великому Бисмарку!»

В «открытках с Бисмарком» в полной мере проявилась та особенность, которая делает открытку поистине уникальным источником – возможность анализа непосредственной реакции человека на предложенное ему изображение.

Судить о репрезентативности подобных откликов с окончательной уверенностью едва ли возможно, однако нельзя не отметить, что тексты личных посланий нередко перекликались с предложенными издателями образами и текстами. В целом, чем большей степенью аллегоричности и «национальной насыщенности» обладала открытка, тем более вероятным становился соответствующий отклик на нее в личном послании.

Напечатанным «немецким» приветствиям часто соответствовали такие же рукописные, иными словами, содержательное послание подобной открытки было понято и принято, и выбор именно в ее пользу был сделан совершенно сознательно. Более того, посредством «истинно-германских» приветствий потребители иногда придавали более «национальный» смысл даже открыткам, которые визуалью и текстуально не приглашали их это делать. Речь идет, например, об открытках с репродукциями портретов и памятников Бисмарку. Так, посланная из Вены в сентябре 1898 г. открытка лейпцигского издателя предлагает образ Бисмарка не столько как национального символа, сколько в качестве «создателя империи»: изображается ее провозглашение в Версале в 1871 г., цитируется придуманная самим Бисмарком надгробная эпитафия, говорящая о нем как о «верном немецком слуге кайзера Вильгельма I». Текст же личного послания гораздо более «национален»: «Неподдельный немецкий привет от твоего дяди» (рис. 4).



Рис. 4. Провозглашение Германской империи в Версале. Лейпциг: Фогель, 1898

«Национальный образ мыслей» автора очевиден как из использования излюбленного словосочетания из лексикона речей Шёнерера (издававшего также газету «Неподдельные немецкие слова»), так и из самого факта отправки открытки, единственной целью которой была демонстрация его национальной позиции. Даже простой репродукции портрета Бисмарка иногда оказывалось достаточно, чтобы выразить «национальный образ мыслей» короткой подписью «хайль!» под ним

или “хайль” великому Бисмарку». Приветствие «хайль» имело давние корни (Behrenbeck 2009), но к рубежу веков стало считаться «истинно-немецким» и получило широкое распространение в фёлькишском и пангерманском движениях (Schmitz-Berning 1998: 299–300). Именно это приветствие в сочетании с соответствующей картинкой является достаточно надежным маркером националистических настроений отправителя.

Особенно часты такого рода отклики на открытки с аллегорическими национальными сюжетами. Так, на открытку, где с изображением Бисмарка соседствует едва ли не весь символический комплекс немецкого национализма (статуя «Германии», дубовые листья, васильки и самая знаменитая цитата Бисмарка «Мы, немцы, боимся только Бога и больше ничего на свете!»), отправитель откликнулся следующим текстом: «Хайль! Внимал ли песне ты дубов старинных, немецкий мой народ» (рис. 5). Никакой личной информации открытка не содержит, лишь это характерное приветствие и цитату из «Песни Бисмарка». Подобные открытки, отправители которых предоставляли в большей степени «говорить» изображению, так или иначе с ним солидаризуясь, не являются редкостью. С точки зрения функций их допустимо сравнить с современной социальной сетью в Интернете: задача заключалась в поддержании контакта внутри сообщества по определенным – в данном случае национальным – интересам, изложенным понятным всем членам символическим языком; подтверждался статус принадлежности к этому сообществу; иногда изображение предлагали «оценить», отсылая к нему в тексте послания; распространялась специфическая для этого сообщества информация. С точки зрения подобных функций конкуренцию дешевой, не требовавшей практически никаких затрат по времени, адресной по изобразительному содержанию и быстро доставлявшейся почтой открытке не могли составить ни пока еще мало доступный телефон, ни традиционное письмо. Тексты открыток свидетельствуют, что фигура Бисмарка безоговорочно принималась радикальными националистами в качестве символического воплощения их политических целей, и выбор в пользу таких открыток осуществлялся осознанно, даже если на то нет прямых указаний. Это верно, например, для открытки со следующим текстом, отправленной из Гамбурга в сентябре 1898 г: «К моей огромной печали я узнал о несчастном случае с нашим дорогим вождем профессором Хассе⁴... Немецким братьям, собравшимся на съезд Пангерманского союза, шлю я многократный продолжительный хайль, да найдет он эхо у всех немцев и разбудит спящих» (рис. 6).

Для студентов открытки в своем качестве личного послания также служили средством поддержания коммуникационного сообщества на «национальной» основе, подтверждаемого символическими и ритуальными действиями. Так, текст личного послания на одной открытке

1905 г., изображающей бравого студента на фоне «колонны Бисмарка», звучит следующим образом: «Посылаю тебе привет с коммеса по случаю закладки колонны Бисмарка» (May 2014: 169).



Рис. 5. Бисмарк. Памятная открытка. Вена: Карл Швидернох, 1898



Рис. 6. Бисмарк. Памятная открытка. Ханану: Аугуст Брунинг, 1898

В современных исследованиях много внимания уделяется различным формам и средствам создания национальной идентичности – символическим фигурам, памятникам, разного рода ритуалам и празднествам. Открытка же не только отражала каждый из них, но и была средством персональной идентификации с национальным символом, а также ее демонстрации. Важно отметить, что открытка являлась феноменом гражданского общества – издание открыток и все их функции никак не направлялись властями, а были делом личной и гражданской инициативы. Распространяя новый национальный символ в лице Бисмарка визуально, открытка не ограничивалась созерцательностью, она позволяла социальное действие: уже просто купив открытку с «бисмарковским» сюжетом, можно было заявить о своей «национальной» позиции, внести вклад в сооружение памятника, выразить почтение самому «старцу из Фридрихсру» и его близким, подтвердить свое членство в одном из национальных сообществ и т.д. Учитывая массовость этого феномена (только в 1910 г. открытки с простыми портретами Бисмарка достигли общего тиража в 1,5 млн) (May 2014: 102), нужно признать открытку важным средством «национализации масс», поскольку к этому моменту сама фигура Бисмарка была уже отделена от исторического прототипа и «национализирована» настолько, что вполне могла выполнять подобную функцию. Как показано выше, особую роль в этих процессах сыграли представители разного рода правых и националистических организаций. Во многом благодаря их активности культ Бисмарка получал все более широкое распространение. Это показала Первая мировая война, массово воспринятая в Германии как война за «дело Бисмарка».

Примечания

¹ Источниковой базой для разработки темы «Бисмарк в открытке» послужили открытки, опубликованные в иллюстрированных изданиях May O. Bismarck und sein Mythos auf Postkarten. Hildesheim, 2014. (свыше 500 шт.) и Breitenborn K. Bismarck. Kult und Kitsch um den Reichsgründer. Frankfurt, Leipzig, 1990. (ок. 100 шт.), открытки из коллекции университета Оснабрюка <http://www.bildpostkarten.uni-osnabrueck.de/index.php?cat=93> (80 шт.), а также из частных коллекций.

² Приведена в: May O. Op. cit. S. 121. Речь идет о противопоставлении аграрной политике Каприви, который в выступлениях в рейхстаге в 1893 г. подчеркнул характеризовал себя как *не* агрария, как человека «без стебля и колоса».

³ О контексте и смысле этого высказывания см.: Kunisch J. Bismarck und seine Zeit. Berlin, 1992. S. 176.

⁴ Очевидно, что речь идет об Э. Хассе (1846–1908) – одном из основателей Пангерманского союза.

Литература

Alings R. Monument und Nation: Das Bild vom Nationalstaat im Medium Denkmal: zum Verhältnis von Nation und Staat im deutschen Kaiserreich 1871–1918. Berlin: De Gruyter, 1996.

- Allgemeine Poststatistik für 1901* // Archiv für Post und Telegraphie. Beiheft zum Amtsblatt des Reichs-Postamts. 1903. № 15. S. 457–458.
- Behrenbeck S.* “Heil” // François E., Schulze H. (eds.) *Deutsche Erinnerungsorte*. München: C.H. Beck, 2009. Bd. III. S. 291–308.
- Bozner Zeitung*. 23.05.1990; 13.06.1990; 23.06.1990.
- Breitenborn K.* *Bismarck. Kult und Kitsch um den Reichsgründer*. Frankfurt am Main; Leipzig: Keip, 1990.
- Bruns K.* *Völkische und deutschnationale Frauenvereine im “zweiten Reich”* // Puschner U., Schmitz W., Ulbricht J.H. (eds.) *Handbuch zur “Völkischen Bewegung”*. München: Saur, 1991. S. 377–380.
- Deutsch-Soziale Blätter*. 28.10.1897; 25.11.1897.
- Düding D.* *Organisierter gesellschaftlicher Nationalismus in Deutschland (1808–1847): Bedeutung und Funktion der Turner und Sängervereine für die deutsche Nationalbewegung*. München: Oldenburg, 1984.
- Förster B.* *Der Königin Luise-Mythos: Mediengeschichte des “Idealbilds deutscher Weiblichkeit”, 1860–1960*. Göttingen; V & R unipress, 2011.
- Frankel R.E.* *Bismarck's Shadow. The Cult of Leadership and the Transformation of the German Right, 1898–1945*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Galle M.* *Der Erzengel Michael in der deutschen Kunst des 19. Jahrhunderts*. München: Herbert Utz, 2002.
- Gerwarth R.* *The Bismarck Myth: Weimar Germany and the Legacy of the Iron Chancellor*. Oxford: Clarendon Press, 2005.
- Goebel S.* *The Great War And Medieval Memory: War, Remembrance and Medievalism in Britain and Germany, 1914–1940*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Graf A.* “Los von Rom” und “heim ins Reich”: Das deutschnationale Akademikermilieu an den cisleithanischen Hochschulen der Habsburgermonarchie 1859–1914. Berlin: LIT, 2015.
- Grazer Tagblatt*. 21.05.1899; 20.06.1899.
- Hartung G.* *Völkische Ideologie* // Puschner U., Schmitz W., Ulbricht J.H. (eds.) *Handbuch zur “Völkischen Bewegung”*. München: Saur, 1996. S. 22–41.
- Hering R.* “Dem besten Steuermann Deutschlands”. Der Politiker Otto von Bismarck und seine Deutung im radikalen Nationalismus zwischen Kaiserreich und “Drittem Reich”. Friedrichsruh: Otto-von-Bismarck-Stiftung, 2006.
- Koch L.* *Der Erste Weltkrieg als Medium der Gegenmoderne: zu den Werken von Walter Flex und Ernst Jünger*. Würzburg: Königshausen und Neumann, 2006.
- Kunisch J.* *Bismarck und seine Zeit*. Berlin: Duncker & Humblot, 1992.
- Lehmann A.* *Von Menschen und Bäumen. Die Deutschen und ihr Wald*. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1999.
- Kaul C.G.* *Friedrich Barbarossa im Kyffhäuser: Bilder eines nationalen Mythos im 19. Jahrhundert*. Köln: Böhlau, 2007.
- Kipper R.* *Der Germanenmythos im Deutschen Kaiserreich: Formen und Funktionen historischer Selbstthematization*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2002.
- Machtan L.* *Einführung* // *Bismarck und der deutsche National-Mythos*. Bremen: Temmen, 1994. S. 6–13.
- May O.* *Bismarck und sein Mythos auf Postkarten*. Hildesheim: Franzbecker, 2014.
- Mitteilungen* aus dem Verein zur Abwehr des Antisemitismus. 22.04.1899.
- Osmond J.* *Politische Symbolik in der deutschen Kunst* // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2006. № 20. S. 22–30.
- Parr R.* “Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust”. Strukturen und Funktionen der Mythisierung Bismarcks (1860–1918). München: Fink, 1992.
- Puschner U.* *Katholisches Milieu und allddeutsch-völkische Bewegung. Die Münchner Zeitschrift “Odin” (1899–1901)* // Grunewald M., Puschner U. (eds.) *Le milieu intellectuel catholique en Allemagne, sa presse et ses réseaux (1871–1963) / Das katholische Intellektu-*

- ellenmilieu in Deutschland, seine Presse und seine Netzwerke (1871–1963). Bern: Peter Lang, 2006. S. 143–167.
- Retterath H.-W. Von “deutscher Treue” bis zu “deutscher Weltgeltung”. Zur Symbolik der auslanddeutschen Kulturarbeit in der Zwischenkriegszeit am Beispiel ihrer Institutionsabzeichen // Brednich R.W., Schmitt H. (eds.) Symbole. Zur Bedeutung der Zeichen in der Kultur. Münster, New York, München, Berlin: Waxmann, 1997. S. 408–421.
- Schmidt G. Luther und die Freiheit seiner “lieben Deutschen” // Schilling H. (ed.) Der Reformator Martin Luther 2017: eine wissenschaftliche und gedenkpolitische Bestandsaufnahme. Berlin: De Gruyter, 2014.
- Schmitz-Berning C. Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin; New York: De Gruyter, 1998.
- See K. v. Deutsche Germanen – Ideologie. Vom Humanismus bis zum Gegenwart. Frankfurt am Main: Athenäum-Verlag, 1970.
- Speth R. Nation und Revolution. Politische Mythen im 19. Jahrhundert. Opladen: Leske + Budrich, 2000.
- Weißmann K. Schwarze Fahnen, Runenzeichen: die Entwicklung der politischen Symbolik der deutschen Rechten zwischen 1890 und 1945. Düsseldorf: Droste Verlag, 1991.
- Wilson J.K. The German Forest: Nature, Identity, and the Contestation of a National Symbol, 1871–1914. Toronto: University of Toronto Press, 2012.
- Wladika M. Hitlers Vätergeneration. Die Ursprünge des Nationalsozialismus in der k.u.k. Monarchie. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2005.
- Zechner J. “Ewiger Wald und ewiges Volk”: Der Wald als nationalsozialistischer Idealstaat // Gröning G., Wolschke-Bulmahn J. (eds.) Naturschutz und Demokratie? München: Martin Meidenbaue, 2006. S. 115–120.
- Zirlewagen M. “Sinnbild der Einheit Deutschlands”: Die Bismarcksäule auf der Rothenburg im Kyffhäuser. Norderstedt: Books on Demand, 2015.

Статья поступила в редакцию журнала 15 ноября 2017 г.

Medyakov Alexander S.

“HEIL, BISMARCK!” THE “IRON CHANCELLOR” AS A SYMBOLIC FIGURE OF GERMAN NATIONALISM IN POSTCARDS AT THE TURN OF THE 19TH TO THE 20TH CENTURIES

DOI: 10.17223/2312461X/20/11

Abstract. For the first time studied and presented here is the role of postcards in the formation of Bismarck’s image as one of the key symbols of German nationalism at the turn of the 19th to the 20th centuries. Ways of mythologising and “nationalising” this real historical figure are shown, as well as the special role in this process of right-wing nationalist groups and organisations of Germany and Austria-Hungary. The main way to endow Bismarck’s image with nationalist meanings was to create a verbal and visual connection between him and the already established nationalist symbols, which eventually made him closely associated with these. The article shows the instrumentalisation of Bismarck’s figure by various political forces for their own purposes, as well as some related competing interpretations of theirs. Being a mass medium, postcards were used as an important element in spreading the image of Bismarck. Furthermore, the article analyses iconography, as well as contexts, codes, and attributes which made it possible to perceive Bismarck in a nationalistic way. It indicates distinctive features of the postcard as a historical source which allowed exploring not only the actual visual images but also the reaction to them in personal messages of the postcards. The integrated analysis of the postcards led to a conclusion that the choice of postcard images was consciously made by people of nationalist orientation, and that these postcards acted as an

important means of communication for them, while the figure of Bismarck himself turned into one of the symbols of nationalism.

Keywords: Bismarck, postcards, nationalism, national myth, Germany, Austria-Hungary, völkisch movement

References

- Alings R. *Monument und Nation: Das Bild vom Nationalstaat im Medium Denkmal: zum Verhältnis von Nation und Staat im deutschen Kaiserreich 1871–1918*. Berlin: De Gruyter. 1996.
- Allgemeine Poststatistik für 1901, *Archiv für Post und Telegraphie. Beiheft zum Amtsblatt des Reichs-Postamts*, 1903, no. 15, pp. 457–458.
- Behrenbeck S. “Heil”. In: François E., Schulze H. (eds.) *Deutsche Erinnerungsorte*. Bd. III. München: C.H. Beck, 2009, pp. 291–308.
- Bozner Zeitung*. 23.05.1990; 13.06.1990; 23.06.1990.
- Breitenborn K. *Bismarck. Kult und Kitsch um den Reichsgründer*. Frankfurt am Main, Leipzig: Keip, 1990.
- Bruns K. Völkische und deutschnationale Frauenvereine im “zweiten Reich”. In: Puschner U., Schmitz W., Ulbricht J.H. (eds.) *Handbuch zur “Völkischen Bewegung”*. München: Saur, pp. 377–380.
- Deutsch-Soziale Blätter*. 28. 10.1897; 25.11.1897.
- Düding D. *Organisierter gesellschaftlicher Nationalismus in Deutschland (1808–1847): Bedeutung und Funktion der Turner und Sängervereine für die deutsche Nationalbewegung*. München: Oldenburg, 1984.
- Förster B. *Der Königin Luise-Mythos: Mediengeschichte des “Idealbilds deutscher Weiblichkeit”, 1860–1960*. Göttingen; V & R unipress, 2011.
- Frankel R.E. *Bismarck's Shadow. The Cult of Leadership and the Transformation of the German Right, 1898-1945*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Galle M. *Der Erzengel Michael in der deutschen Kunst des 19. Jahrhunderts*. München: Herbert Utz, 2002.
- Gerwarth R. *The Bismarck Myth: Weimar Germany and the Legacy of the Iron Chancellor*. Oxford: Clarendon Press, 2005.
- Goebel S. *The Great War And Medieval Memory: War, Remembrance and Medievalism in Britain and Germany, 1914-1940*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Graf A. *“Los von Rom” und “heim ins Reich”:* Das deutschnationale Akademikermilieu an den cisleithanischen Hochschulen der Habsburgermonarchie 1859-1914. Berlin: LIT, 2015.
- Grazer Tagblatt*. 21.05.1899.
- Hartung G. Völkische Ideologie. In: Puschner U, Schmitz W., Ulbricht J.H. (eds.) *Handbuch zur “Völkischen Bewegung”*. München: Saur, pp. 22-41.
- Hering R. „Dem besten Steuermann Deutschlands“. *Der Politiker Otto von Bismarck und seine Deutung im radikalen Nationalismus zwischen Kaiserreich und „Drittem Reich“*. Friedrichsruh: Otto-von-Bismarck-Stiftung, 2006.
- Koch L. *Der Erste Weltkrieg als Medium der Gegenmoderne: zu den Werken von Walter Flex und Ernst Jünger*. Würzburg: Königshausen und Neumann, 2006.
- Kunisch J. *Bismarck und seine Zeit*. Berlin: Duncker & Humblot, 1992.
- Lehmann A. *Von Menschen und Bäumen. Die Deutschen und ihr Wald*. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1999.
- Kaul C.G. *Friedrich Barbarossa im Kyffhäuser: Bilder eines nationalen Mythos im 19. Jahrhundert*. Köln: Böhlau, 2007.
- Kipper R. *Der Germanenmythos im Deutschen Kaiserreich: Formen und Funktionen historischer Selbstthematization*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2002.

- Machtan L. Einführung. In: Machtan L. (ed.). *Bismarck und der deutsche National-Mythos*. Bremen: Temmen, 1994. S. 6-13.
- May O. *Bismarck und sein Mythos auf Postkarten*. Hildesheim: Franzbecker, 2014.
- Mitteilungen aus dem Verein zur Abwehr des Antisemitismus*. 22.04.1899.
- Osmond J. Politische Symbolik in der deutschen Kunst, *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 2006, no. 20, pp. 22-30.
- Parr R. „Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust“. *Strukturen und Funktionen der Mythisierung Bismarcks (1860-1918)*. München: Fink, 1992.
- Puschner U. Katholisches Milieu und alldeutsch-völkische Bewegung. Die Münchner Zeitschrift „Odin“ (1899-1901). In: Grunewald M., Puschner U. (eds.) *Le milieu intellectuel catholique en Allemagne, sa presse et ses réseaux (1871-1963)*. Das katholische Intellektuellenmilieu in Deutschland, seine Presse und seine Netzwerke (1871-1963). Bern: Peter Lang, 2006, pp. 143-167.
- Retterath H.-W. Von „deutscher Treue“ bis zu „deutscher Weltgeltung“. Zur Symbolik der auslanddeutschen Kulturarbeit in der Zwischenkriegszeit am Beispiel ihrer Institutionsabzeichen. In: Brednich R.W., Schmitt H. (eds.) *Symbole. Zur Bedeutung der Zeichen in der Kultur*. Münster, New York, München, Berlin: Waxmann, 1997, pp. 408-421.
- Schmidt G. Luther und die Freiheit seiner „lieben Deutschen“. In: Schilling H. (ed.) *Der Reformator Martin Luther 2017: eine wissenschaftliche und gedenkpolitische Bestandsaufnahme*. Berlin: De Gruyter, 2014.
- Schmitz-Berning C. *Vokabular des Nationalsozialismus*. Berlin, New York: De Gruyter, 1998.
- See K. v. *Deutsche Germanen – Ideologie. Vom Humanismus bis zum Gegenwart*. Frankfurt am Main: Athenäum-Verlag, 1970.
- Speth R. *Nation und Revolution. Politische Mythen im 19. Jahrhundert*. Opladen: Leske + Budrich, 2000.
- Weißmann K. *Schwarze Fahnen, Runenzeichen: die Entwicklung der politischen Symbolik der deutschen Rechten zwischen 1890 und 1945*. Düsseldorf: Droste Verlag, 1991.
- Wilson J.K. *The German Forest: Nature, Identity, and the Contestation of a National Symbol, 1871-1914*. Toronto: University of Toronto Press, 2012.
- Wladika M. *Hitlers Vätergeneration. Die Ursprünge des Nationalsozialismus in der k.u.k. Monarchie*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 2005.
- Zechner J. „Ewiger Wald und ewiges Volk“: Der Wald als nationalsozialistischer Idealstaat. In: Gröning G., Wolschke-Bulmahn J. (eds.) *Naturschutz und Demokratie?* München: Martin Meidenbaue, 2006, pp. 115-120.
- Zirlewagen M. „Sinnbild der Einheit Deutschlands“: *Die Bismarcksäule auf der Rothenburg im Kyffhäuser*. Norderstedt: Books on Demand, 2015.

UDC 27-565

DOI: 10.17223/2312461X/20/12

A RITUAL OF DEATH OR LIFE? THE CASE OF *RADONITSA* IN THE SMOLENSK REGION, RUSSIA

Irena Mostowicz

Abstract. The author describes the ritual of *radonitsa* in the Smolensk region of Russia. The ritual is a remembrance holiday taking place usually on the first Tuesday after Russian Orthodox Easter. People meet at the cemetery and act out a particular ritual with offerings including food and alcohol at the graves of their deceased family members. The goal of the article is to find out the origins of the ritual and explore its continuity, meaning and framing at present. This article uses historical and anthropological perspectives which, in comparison to other scientific publications on this rite, focus on analysis of contemporary ritual performance in a particular place. It also presents a historical transformation of the rite from pre-Christian times to the 21st century. The analysis of the ritual also features a cross cultural approach: the influence of *radonitsa* can be observed among other religious and ethnic minorities living in the Smolensk region today. The ethnographic data was gained through participant observation and interviews in the Smolensk region in 2016.

Keywords: *radonitsa*, ritual, Orthodox Church, Smolensk

Introduction

Death as part of human life has always been an important element of culture. It is also one of the most important philosophical phenomena which helps people to understand the reality of life as something meaningful. Even if death is related to a feeling of sadness, due to the loss of a close person, it still brings some positive moments with it. This kind of moment is a remembrance which might be considered as the passage from the world of death into the world of life (van Gennep 1960: 164). The remembrance of ancestors gives a feeling of connection to generations and enables them to bond with the past. For centuries death was connected to particular rituals. In many cultures death rituals stand at the centre of social life and are often characterized by a festive celebration (Huntingdon, Metcalf 1991: 10). Celebrations begin with the preparations for a funeral and continue afterwards with activities like a wake and remembrance ceremonies. All such activities are aimed at remembering the departed and bringing people together through mourning.

In 2016, I did my fieldwork in the Smolensk region of Russia. My research was related to everyday life. My interlocutors once mentioned that

during the Easter season they needed to prepare for *radonitsa*. Since I had never heard about anything like that before, I asked them to let me participate in preparations. People, with whom I cooperated, were surprised at my lack of knowledge: “You mean you never heard about *radonitsa*?” In this way I discovered a very peculiar element of my small research group’s daily life: a remembrance ritual which has been celebrated by their families for generations. Very soon I discovered that this ritual is an absolutely typical element of Easter celebrations in this particular region. Moreover, the literature research I did showed that the borderland region, where Smolensk is located, has kept a characteristic commemoration rite, which is systematically spread to other Russian regions, being perceived as an Orthodox tradition. Meanwhile, I was interested in the origins of the rite. I wanted to find out how the ritual evolved, why people perform it today and what meaning the ritual as such bears¹.

Thus, the Smolensk region can be seen as a place, where some specific forms of commemoration rituals, which are different than in other places, i.e., Western Europe, have survived and *radonitsa* is an example of this.

Furthermore, in Smolensk I observed minority groups, which adapted to the ritual of *radonitsa*. The region is inhabited by two significant minorities, Roma and Jews, who are visible in the public space and who make *radonitsa* a part of their everyday life. The religious majority of the region consists of Orthodox Christians. This article presents a comprehensive picture by showing how all the three groups interact, while being very different from each other. They share one ritual, in one place at the same time, but in different ways. History also plays an important background role for the analysis of the ritual adaptation by the three groups. The historical analysis of *radonitsa*, as well as of Russian history, serves to give a detailed picture of this phenomenon.

As mentioned above, the rite attracted my attention as something unusual personally to me. Also, as it will be presented *radonitsa* is performed nowadays in other Russian regions as well, but according to historical literature, its core in Russia seems to have stayed in the Smolensk region. The ritual is closely associated with Orthodox Easter. This is the reason why it is perceived as a part of the Russian Orthodox tradition.

On the first Tuesday after Easter people go to cemeteries to visit graves of their family. A central element of the celebration is feasting at the graves: people gather around a grave which plays the role of a table covered with a tablecloth. They consume food and alcohol believing that their ancestors join them to celebrate together. The festival has a very joyful character. It takes place in spring when nature rejuvenates after the cold Russian winter. The festival is not only for the closest family members; it is characterized by hospitality and warmth because family members invite their acquaintances to join them.

The historical background of *radonitsa* displays a very long continuity of the same style of commemoration rituals and dates back to ancient times.

This historical element is missing from a great variety of scientific materials from mostly ethnographic and folklore studies (e.g. Sokolova 1979; Kazakova 1995; Agapkina 2002; Pankeev 2008; Listova 2015). This article aims to fill this gap. Authors do not address the history in their analysis of *radonitsa*. They for the most part describe the ritual in a general way, presenting similarities or differences between the regions where the same or similar celebrations occur. Meanwhile, some historical anthropological research shows that *radonitsa* has a rich and ancient heritage (e.g. Fisher 1921, 1923; Lewicki 1955). The tradition of feasting at graves to commemorate one's ancestors can be observed in remote geographical places and ethnic groups. As a historical analysis will later show, *radonitsa* in the Smolensk region portrays a continuity of these ancient traditions. The belief that a soul has the same needs after death as a living person comes from ancient Egypt, Greece and Rome.

Generally, rituals play an important role in culture. They construct particular stages of life and build a certain life order. The theoretical framework applied shows how the ritual of *radonitsa* can be analyzed through its particular elements.

The research results are based on participant observation and interviews with interlocutors who agreed to include me in their private circle. The protagonists of this article show how they tried to cope with the mystery of death.

The structure of the article is as follows: first, I discuss the theoretical approach used; next I describe the history of *radonitsa*; and finally, I present the ethnographic results of my research: how the ritual is celebrated by the Orthodox population and by the Roma and Jewish minorities.

The Meaning of Rituals

Rituals are specific forms of performative and symbolic actions that are associated with many areas of life. Max Gluckman claims that rituals are functional since they transform conflicts and channel them in a harmless direction. Participants are necessary: they show interaction between individual motivations and societal functions (1954: 34).

For Arnold van Gennep rites are based on a belief that natural or acquired characteristics are material and transmissible (1960: 7).

Rites are procedural, transformative and dynamic, but they are also characterized by a constant repetition of action sequences (Michaels 2003: 4). Rituals influence people and are actively shaped by them. Moreover, rituals represent and reinforce social, cultural or political orders. The concept of a complex ritual executed by certain social roles that are supported by a group can be singled out, too. These officially accepted forms of action aim to create a kind of logic to reduce the uncertainty of human action. This action is constantly updated and adapted (Michaels, 2003: 5–6).

The different stages of a ritual can be distinguished in the form of the general standard specification levels in a general concept of framing. Framing means the social organizing principles of perception of the events. Included in the concept of framings are procedural aspects such as speech acts (Who says what?; Where is the beginning and end of a ritual?), meta-communicative framing channels (e.g., facial expressions, gestures), space (Where does the ritual take place?), material culture (e.g., decor, costumes, symbolic objects) and actions (such as dancing, etc.) (Ambos, Weinhold 2013: 4–7).

The significance of the ritual background depends not only on a mythological belief or ideological assumptions but also on the context. The historical and socio-cultural environment together can play a part which is as important as the ideological aspect. Rituals can be analyzed in the form of tools for the design of social realities. Rituals are shaped by their social context because they are a central element of cultural practices generally as they are crucial in shaping and changing the cultural configurations (Kapferer 2008: 507).

All these theoretical elements can be easily recognized in the ritual of *radonitsa*.

The Origins of *Radonitsa*

The cult of ancestors is an important element in many religions and cultures. The analysis of ancient rituals shows that the rite of *radonitsa* has a very long tradition; offering food and organizing celebrations in honour of the departed were practiced for centuries by many groups in different regions. Bringing food to a grave was a very characteristic custom in many pre-Christian societies in Europe (Fischer 1921: 351).

The Torah, or Old Testament, describes how the Israelites sacrificed harvest and animals to their God. In ancient Egypt, in India, as well as in Persia, food offerings to spirits and organizing feasts as a part of commemoration were a common practice. Very often such ceremonies were organized during the spring as in the case of *radonitsa*. In ancient Greece, special rituals at the graves were performed while people were feasting and drinking after a funeral. Moreover, the custom of celebrating a dead person's birthday was also popular then. On this day the person's relatives brought pots with food, usually broad bean, fish, fruits, as well as drinks, i.e., honey and milk to the grave (Fisher 1923: 6). This tradition was later adopted in the Roman Empire.

In medieval times, the Christian Church wanted to destroy all pagan traditions but this took ages to do. Archaeologists and historians have proven that pagan rituals in the former Roman territory endured into the Middle Ages. Libations at cemeteries were still popular in Italy in the 9th century (Fischer 1923: 9). In Romania people used to bring bread and wine to the graveyards of the dead until the 20th century. In France, Germany and among the Southern

Slavs the Roman tradition of sprinkling a grave with alcohol was documented as a tradition existent in the first centuries of the Christian era.

Later the fight against paganism intensified, especially in the newly Christianized regions like Poland or Lithuania. In 1428, the Synod of Riga forbade bringing food and drinks to churches and cemeteries. In the 15th century, benches would be put next to graves so that the people could spend some time with the departed² (Fischer 1923: 17–18). Bishops were worried about the fact that in the early 20th century Polish province peasants still offered food to priests in churches during the All Souls Day. The custom of bringing food to the church rather than to the graveyard reflects the persistence of the old pagan traditions among the people. People often celebrated remembrance days at home by organizing feasts. Later food leftovers were offered to a priest and not to the dead. Such a long presence of pagan traditions in Catholic countries is explained by a slow but systematic and progressive propagation and establishment of the Catholic order, which expanded from the centre to the periphery.

Although Eastern European inhabitants considered themselves to be Christian, they still practiced some pre-Christian rituals, sometimes even without knowing their origins. As the analysis of *radonitsa* will show, these rituals still take place. Nevertheless, feasting and libations so characteristic of ancient Greece remained popular mostly among the Eastern Slavs.

Feasting rituals, like *radonitsa*, are considered to have come through Bulgaria to Eastern Europe with Byzantium (Fischer 1923: 13). In the 19th century, people believed that only the Byzantine influence, not the Western Catholic tradition, had an effect on the Orthodox tradition (Janion 2006: 76). The word *radonitsa* is believed to have its origins in the ancient Roman ritual “*dies rosarum*” or “*rosalia*” which has a very similar framing (Fischer 1923: 43). Furthermore, some scientists emphasize the prefix-*rad* – which in Slavic languages indicates joy since the ritual always had a positive character (Gołębek 1926: 41).

Many Arab travellers and merchants observed and described rituals similar to *radonitsa* in the regions of contemporary Serbia, Bulgaria, the Czech Republic, Poland and Ukraine. Descriptions can be found in the texts from the 9th to 10th centuries (Fischer 1923: 19). Feasts during burial ceremonies were organized in accordance with a general belief that a dead person has the same need for food and fun as during his / her lifetime. The conception suggested that there is life after death and that this life has the same elements of everydayness as the one preceding death (Kupisiński 2006). Moreover, Arabs observed remembrance ceremonies during the anniversary of someone’s death. In Russia and in the Balkans there were libations made on such days: alcohol was brought in the pitcher and consumed; after that, people returned to their homes (Lewicki 1955: 129–130).

In comparison to the Catholic Church, the Orthodox Church accepted some pre-Christian customs due to its softer policies. Years of inquisition,

violence against pagan traditions and strict dogmatism helped the Catholic Church to educate people in a new way. The Orthodox Church adopted Byzantine customs and never created an institution which would fight against all undesirable elements. Even though paganism was considered anti-Christian, many pre-Christian customs were able to survive in an unchanged form. *Radonitsa* is a great example of such a custom in the Eastern Church whose Orthodoxy did not reject those rights as they did not contradict the Gospels. This process is framed as the churching of a folk culture (Rachinsky, Fyodorov 2016: 6).

Another explanation for *radonitsa*'s current presence lies in the issue of the United Church. Its formation was a result of political processes in Poland in the 16th century when the Smolensk region belonged to Poland. It was created to unify the Orthodox order with the Pope as its head and its presence is typical for the today's border region (Belarus, Ukraine and Russia). Since the United Church did not interfere with the old pagan commemoration rituals, these were able to survive. In the late 18th century, this area was annexed by Russia and the United Church lost its position to the Orthodox Church. The Orthodox Church tried to transform some United Church rituals and reestablished them in the same form but in a different period of time. *Radonitsa* is an example of this kind of ritual which was initially practiced in autumn (as an equivalent of the rite *dziady* celebrated in Belarus) (Janion 2006: 75). The traces of the United Church may also be found in the Smolensk region nowadays. For instance, in Lubavich village one church survived World War II relatively unscathed but despite the fact that it remains closed and inactive today, still it reminds us of the united community which existed here before the war.

The fact that modern culture has been less influential in Russia is believed to be another reason for the preservation of some pagan rituals. The early modern period and scientific progress destroyed the last remnants of paganism in Western Europe (Fischer 1921: 39).

Finally, using the term *pagan* is not quite adequate in the case of *radonitsa* celebrations. Informants who took part in this research consider themselves to be Orthodox only. No one of them has ever thought about the origins of this rite. Moreover, they treat it as a natural element of their daily life.

***Radonitsa* in the Smolensk Region**

For an outsider who has never had contact with this kind of ritual before, *radonitsa* is an extraordinary event, intriguing and fascinating at the same time, since food and alcohol consumption at the cemetery is not always a popular commemoration activity in other regions today.

Radonitsa is a rite which emphasizes family and social connections. It is a social-religious holiday which is a significant event for a community.

The main goal of the ritual is maintaining social bonds within the community both in a village where the people have known each other well for generations and in a town where celebrations are participated in by family and relatives.

Inhabitants of the Smolensk region find *radonitsa* a very natural element of their everyday life and do not even think about its meaning or history. This practice is also noted by other researchers (Listova 2015: 62). The absence of self-reflection means that people are accustomed to the rite. Among the people, with whom I had contact, the overwhelming majority celebrate *radonitsa* because this ritual was also performed by their parents and grandparents, thus displaying a generational connection. Usually, the whole family goes to the cemetery with parents taking their children and sometimes some other relatives along. Asked about conveying knowledge of the rite to children, a man in his forties told me:

If children ask why we celebrate it, I can explain that it is a custom, but basically everything is clear: everyone does it. We all know how to do it.

Those words suggest a general belief about the order existing from time immemorial, which is well known to everyone and is followed by everyone, even children who through observation and participation obtain necessary knowledge and practice will successfully perform the same rite in the future.

This conviction is interesting, since it goes somewhere far from the general explanation of *radonitsa*, which mixes the Slavic tradition with the Orthodox one: Eastern Slavs used to have the custom of symbolic feeding of their ancestors. It consisted in either leaving food in front of the house or calling the spirits to come and join the living members of the family. It was believed that the souls of ancestors would come to the Earth before Easter and join their families (Agapkina 2002: 45). An evident pagan ritual – food offering – was adapted to a new religion – the Orthodox one – thus the holiday of Easter became a time frame for a commemoration rite.

Easter which takes place in spring is a symbolic holiday. The resurrection of Jesus Christ can be compared with spring as a season of nature's revival. In this respect, a belief in the return of ancestors to the Earth makes a lot of sense. They cross the passage from the world of death to that of life. By returning to the last place they were in in life, that is, a cemetery, they join their families and spend time celebrating together in the framework of Orthodox Christianity.

According to official sociological statistics, around 75% of the Russian society today considers itself to be Orthodox³. A significant social revival of religiousness can be clearly observed nowadays, especially after the long period of atheism. Participation in religious events, considered to be obligatory until 1917, was difficult in Soviet times (Sokolova, Yudkina 2015: 6). The communist regime abolished the Orthodox Church's control over the

main fields of human everyday life, i.e., over weddings, births and deaths. Although town halls took over the role of the church, some people remained religious as in the case of my informants from the Smolensk region. *Radonitsa* can be perceived as this kind of religious example being celebrated by many people during Soviet times. The ritual was usually associated with the Orthodox tradition. One of the interviewees, an old woman aged 67, told me:

Sure, we celebrated radonitsa. Of course, during Soviet times it was not desirable to show it. It was forbidden. On the other hand, everyone knew about it and no one said anything. There were no security checks in the cemetery, so everybody could easily go there. Also, the main cathedral was open all the time. It was never closed. People attended Easter and Christmas services [...] Nowadays, radonitsa is a day free of work but in the past it was not like that. We went to the cemeteries after the end of the working day. Hundreds of people did it everywhere.

This quote shows two interesting aspects. First of all, the informant emphasizes the lack of state intervention into the performance of the ritual, mentioning the period of the 1970s to the 1980s, a time which was politically more liberal than the Stalin era. Later, during the Brezhnev era the state made it possible for the people to have more privacy than there had been under Stalin. The freedom of observing remembrance customs can be considered as one of the elements of private life. Living in a collective was the main principle of social life in the USSR. The Bolsheviks implemented this concept, for example, through mass demonstrations and social organizations which organized human life from early childhood. All those elements suggest being a part of a larger group. Socialism built an impressive public sphere with the people engaged in social life. In comparison to that, a cemetery and remembrance of a family member were seen to be part of the private sphere and here the authorities showed some respect towards the intimate nature of the activity. The woman emphasizes that people had the possibility to celebrate the ritual and its enactment was not hindered, even though it was officially forbidden. Unofficial celebrations of religious festivals in public, with a cemetery being a public space of a kind, depict an interesting image of the late period of socialism. The possibility of this religious enactment runs counter to the general belief in the repressive and dogmatic character of the Soviet system.

Furthermore, the speaker believes that *radonitsa* is celebrated in all the other regions as well. On the one hand, this statement might be perceived through the previously mentioned belief, with the rite being a part of the local life forever. On the other hand, the adoption of the ritual by the Orthodox Church made the rite popular in other regions of Russia, and nowadays it is believed to be a Russian commemoration tradition (Listova 2015: 56). Thus *radonitsa* can now be observed in places far away from the Russian-

Belarussian-Ukrainian borderland, i.e., among the Komi-Permyaki group in the Perm region (Chugaeva 2010: 200) or in some parts of Siberia where the rite was transmitted by the migrants from Belarus (Dayneko 2016: 68). Nevertheless, many of my informants from different age groups outside the Smolensk region had no knowledge of the ritual. This means that through the Orthodox Church a spread of the ritual may slowly proceed and be adapted by others in the future.

Since *radonitsa* is seen as a religious commemoration ritual, it contains some elements also present in the Easter celebrations: bringing coloured eggs and saying a Paschal greeting “*Khristos Voskrese*” meaning “the Lord has risen” (Agapkina 2002: 280; Listova 2015: 63). The egg is an important symbol of Easter and is considered to symbolise new life in the Christian tradition (Kopalinski 1997: 214). Tatyana Agapkina in her research on Slavic folklore traditions claims that bringing eggs to a grave is meant to inform one’s ancestors that Easter has arrived and it is time to come and join the family (2002: 281). This setup symbol can be interpreted as a first sign of *radonitsa* being the ritual of life. Moreover, it is strongly connected to the origins of the rite, particularly to the topic of food and its sacrificing. It shows a transformation of the ritual from ancient times to the present.

The general festive and positive atmosphere during the rite is another sign of *radonitsa* being the ritual of life. The element of joy is included already in the rite’s name – *rad* – which is the root of *radost*, that is, joy. During the commemoration people are not as sad as during a funeral or a wake. Both ceremonies are a time of departure when a dead soul is heading to the world of death. During *radonitsa* all family members become connected, and so it is a cheerful moment of connection in the world of the living. Jesus, rising from the dead, makes Easter a holiday of joy, with life achieving victory over death. Thus the *radonitsa* celebration is positive character. In the past, it was very often linked to some particular games like egg rolling on a grave, telling jokes and even dancing. In this way people wanted to emphasize the power of life (Sokolova 1978: 113–122). The positive nature of *radonitsa* was often mentioned by my informants. One of them, a man aged 43, told me:

Radonitsa is a very special moment for each family. I remember this festival from my early childhood as a very magical moment. After the Easter night service my mom woke me up and during the preparations before going to the cemetery, she drew a coloured egg around my face. It was the most beautiful and intimate moment between us. She did it to bless me and ensure me good luck and good fortune. Radonitsa was always celebrated together with the other family members, neighbours and friends. We visited other graves, drank and ate with the families of people we knew. It is a holiday which brings people together. <...> Zdmittrovka is of a completely different nature. We celebrate it in November. It is also a remembrance day but it is more private because we only visit the

graves of our parents and grandparents and we do not make any other visits.

For this man the ritual of *radonitsa* has even some magical element to it. He associates it with his mother and the special moments they shared on this day. The issue of memory is relevant here as it is clear that the knowledge about the celebration was transferred to the man by his family. For him the positive memories also present a special role of social life which the rite is associated with. The mystery of death is not frightening or sad for anyone. People spend the day together in a group, either in a small family circle or in a larger group of relatives and acquaintances. During this day people are united by the memory of the departed. The meta-communicative activity of remembering the people they knew brings them together and through that they feel to be part of a larger community. Being a member of a group evokes a good feeling because it forms an identity based on shared memory. The common practices like drinking and eating together are a binding element, the culmination of the ritual. Whereas *radonitsa* is characterized by its social character, *zdmítrovka* is largely private, with only relatives and no friends taking part.

Furthermore, my informant mentions a more intimate aspect performed in the private sphere between him and his mother: moving a coloured Easter egg around his face. A coloured egg is an element of Easter. Eggs are boiled in water containing onions so that they later could obtain a characteristic red colour. This personal rite can be perceived as a preparation ritual for *radonitsa*.

Cleaning the grave before *radonitsa* is a very important element of preparation as well. The family members need to visit the cemetery a few days before to clean the grave from grass and leaves and put flowers (usually artificial ones) on it, and, if necessary, to restore the grave, i.e., by painting the fence around it. This process can be compared to the preparation for hosting a guest at home in terms of cleaning and creating a welcoming atmosphere. The same happens here: since a soul should come back to the world of life, this visit should be properly prepared.

The next step is food preparation. Women making pancakes for *radonitsa* were documented already in the 19th century in the Smolensk region (Agapkina 2002: 271). Flat cakes are still the main ritual meal prepared. One man in his forties told me about how this food is made in his family:

When it comes to food, pancakes are required. We make them with the stuffing like caviar and salted fish. Usually we also bring some sausages, bread, fruits and vegetables. We drink only vodka. We do not say anything special. When we start, we just drink three glasses to my parents and have a snack. We pour a bit of vodka on the grave and put a piece of bread or sandwich on it as well.

Here we can see not only the elements of feasting but a scenario of the rite. This man considered *radonitsa* as something incredibly normal. A tech-

nical description of the actions displays the feeling of a routine procedure. His words reveal a very symbolic picture: a son organizes a feast for his parents; even without any words he invites the souls of his ancestors to join him. To do so, he pours alcohol on the grave and leaves a piece of food on it as well.

Words are an important part of *radonitsa*, according to some authors describing the ritual (Kazakova 1995; Agapkina 2002; Listova 2015). In the case of my informant, words were never mentioned as something sufficient. The expression “everyone celebrates it in their own way” was said very often. The man in the above quote said “We do not say anything special”. My observation showed that the people performing the rite in the presence of the closest family members were mostly focused on consumption. The scenario was a bit different when other people joined in the ritual as the hosts displayed greater hospitality to their guests.

Even if the goal of the rite is to preserve the memory of someone’s ancestors, acquaintances and strangers are welcome. I experienced that hospitality once when I was invited by a family, having been noticed with their neighbours at the cemetery. When the family came to the cemetery carrying food for *radonitsa*, they noticed their neighbours who took me along so that I could observe how they cleaned the grave before *radonitsa*. These neighbours immediately invited us to join in and celebrate the holiday with them. Thus, the family fulfilled the rite of incorporation which reunites all the surviving members of a community and a deceased person in order to restore the chain broken by death (van Gennep 1960: 164). By virtue of their hospitality they not only incorporated me into their community but they also incorporated their ancestry into the world of life.

Alcohol consumption came first. First, a few drops of vodka were sprinkled around the gravestone; then we sat around the grave and laid a tablecloth on it. A tablecloth is important for the rite since it turns a grave into a festive table for the living and the dead alike (Listova 2015: 72). People usually use a special tablecloth, the one used only for *radonitsa*. It must be of a particular size and look festive enough.

It is important to mention that benches (and sometimes even tables on which visitors can put food) are placed around the graves. If there is no special table, offerings are left on the tablecloth on the grave. In the case of the ritual in which I took part on that day, we sat on two benches opposite each other, on either side of the grave.

A shot of vodka or cognac is served by the closest relative of the departed (child, widow / widower or parent) to the other visitors. In this case it was a widow who came with her children to commemorate her husband. As the drinking continued, people recalled good stories about the deceased. The feeling of loss was strongly present but there was an intense sense of unity among the visitors as well. Later we ate food which included pancakes,

cucumbers, apples and some candies. We also continued drinking while commemorating the deceased. This part of the ritual is closely associated with reflection: people vividly recall things relating to the deceased person that had happened in the past and analyze their own behaviour. This is equally a moment of reflection about the present and the future. They ask themselves in a kind of inner dialogue: “How can we live without you now and how will things be later?” This reflection can be perceived as a kind of bonding with the deceased by treating him or her as a real participant of the feast. After the meal people left some food and alcohol on the grave. The alcohol usually evaporates from a glass in a few days and the food is eaten by animals.

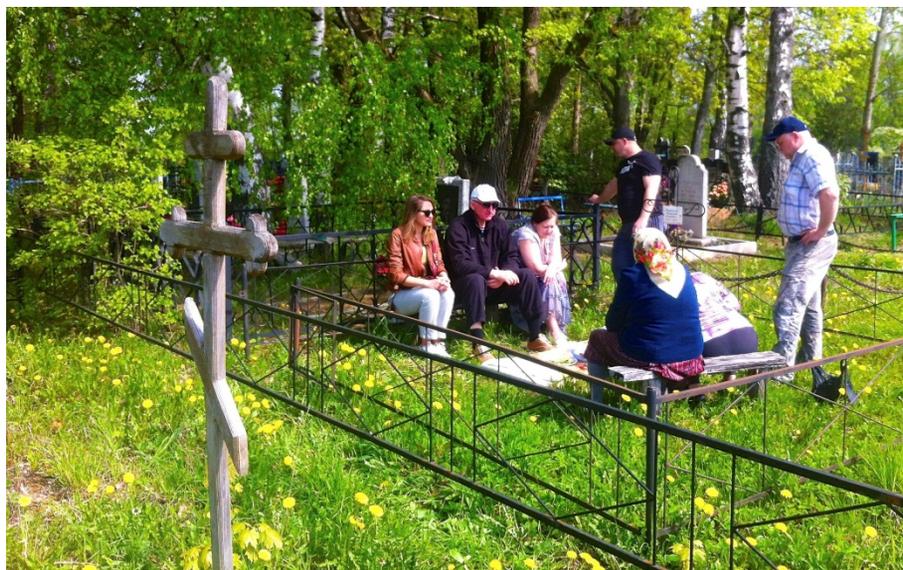


Photo 1. *Radonitsa* celebration in the village of Vysokoe, Smolensk region, May 2016.
Photo taken by the author

In addition to the social integration, *radonitsa* also presents some religious aspects. As mentioned before, the Soviet period introduced a very strong form of atheism. While people still observed the old rituals conveyed from generation to generation, not all of them followed the official religious observances. Even if the Church recognized and adopted the rite, the people avoided the churches and its priests (Listova 2015: 68). According to my interviewees, very few people ever invited a priest to say a prayer for a departed one. One 51 year old woman said:

I never asked a priest to join our remembrance, and neither did my friends nor my family. Everyone celebrates it in their own way. We bring eggs, pancakes, meat and candles. These are all we bring. And vodka, of course. Some people also bring cognac, whatever they wish to bring.

This woman emphasizes the individual character of the celebrations. People follow the general scenario of the ritual and bring food and drink. Nonetheless, she disassociates herself from the religious structure and prefers to practice the ritual on her own, as her relatives and acquaintances do. This dichotomy portrays an interesting religiousness. On the one hand, they consider themselves Orthodox and religious, but on the other, they distance themselves from the Church system on this special day. Even if *radonitsa* is considered as a part of the Easter holidays and contains some of its elements, people follow the old tradition and reject the Church practice. The evidence of longevity of the rite can also be interpreted as a return to the roots of Christianity.

Radonitsa has a different character in villages compared to that in Smolensk. In the provinces, due to work people can start celebrations earlier than it is customary; for example, having to work on farms allows them to begin the celebrations earlier. Sometimes people need to visit more than one cemetery and thus many graves. Furthermore, some of my interviewees believe that it does not really matter when exactly the family visits the graves because it is memory that is the most important thing. In Smolensk the majority of inhabitants visit the graveyards on the first Tuesday after Easter when *radonitsa* is usually celebrated. Normally people do not have to work on that day or they reduce working hours. On the day of celebration the city administration adds more buses to its public transport system to accommodate the people's needs. This fact shows how powerful and widespread the custom is. The municipal administration recognizes the social needs of its citizens and creates conditions conducive to the celebration of *radonitsa*.

Some take advantage of the fact that there are many people at cemeteries on this day and do business there. Some sell artificial flowers at the entrance to the cemetery. These flowers are a very popular decorative element. I did not notice anyone bringing fresh flowers or candles as is the case in the Western regions. Artificial flowers are a practical decoration as they never wither; they symbolise a desire to enhance for a long time a place for a soul coming to the world of life. Such a decoration can also be perceived as a form of respect for the departed: to make a nice and pleasant area for them to return to.

***Radonitsa* and Minorities**

Even though *radonitsa* refers mostly to the Slavic tradition in Russia, it is worth mentioning that the local minorities adapted themselves to the custom of *radonitsa* as well. Visiting the cemeteries in Smolensk, we can distinguish two ethnic groups that are different from the others in terms of the design of their graves; the most significant distinguishing elements are those characteristic of the rite of *radonitsa*.



Photo 2. A cemetery in Smolensk during *radonitsa*, May 2016. Photo taken by the author

The Roma minority in Smolensk have their graves either at the same cemetery or at separate ones but still connected to the municipal cemeteries. They celebrate *radonitsa* in a more sophisticated manner than the rest of Smolensk inhabitants. Romani people's graves have a special design: a full size marble gravestone with a coloured portrait of the departed covers the grave. The presence of such a gravestone is not typical for the other social groups whose gravestones usually feature only small portraits of the departed. The people I talked to explained that only the Roma minority uses this kind of huge gravestone suggesting a high social status of the departed, with the biggest gravestones and commemoration ceremonies organized for the barons who are the leaders of the Roma community. During *radonitsa*, Romani graves can be easily noticed: burial places are visited by many people who bring large tables and have a barbecue using professional equipment. The Roma community serves more diverse dishes and alcohol. There is also no social contact between them and the other visitors of the cemetery. The Roma people speak the Roma language which is incomprehensible to the average Russian. Furthermore, the local Roma live a separate life and maximally limit their social contacts with the inhabitants of Smolensk. Nevertheless, they do adopt many local customs. The Roma community accepts

the faith of the country where they live. The example of *radonitsa* shows that they can accept the local customs, too.



Photo 3. A Roma grave in the Smolensk cemetery. Photo taken by the author

The nature of the Roma community's mobility is responsible for the spread of the *radonitsa* ritual. For instance, research done among the Roma minority in Poland has shown that the local Roma group has a custom of celebrating their forefathers' remembrance in spring. As the Polish Roma are Catholic, they celebrate the Catholic All Saints Day on the 1st of November. And even then they are accustomed to bring food and alcohol to the cemetery. Some graves have benches and tables (Kowarska 2005: 197). Such a ritual is not typical for other societies in Poland. The most typical way of commemorating there is to put a candle and some fresh flowers on a grave. Placing benches, not tables, is more typical for the Eastern part of Poland

which is a region adjacent to Belarus where *radonitsa*-related rituals are very common. The presence of the *radonitsa* rite among some Roma in Poland can be interpreted as a transfer of the ritual from the East to the West. The local communities in Poland did not adopt the Roma tradition and the Roma did not spread their customs among the others. In this regard it is interesting to note that in the Smolensk region the Roma did in fact adopt this rite.

The Jewish part of the cemetery is located next to the Roma cemetery and according to Jewish laws must be at a certain distance from Christian graves. Jewish gravestones in Smolensk do not represent typical “matzevahs” (a Hebrew name for a gravestone) and display images of the deceased, thus going against the Jewish tradition in this respect. Furthermore, relatives bring flowers to the grave and that is also an act not typical for the Jewish tradition, since according to the custom stones should be placed on gravestones and not flowers. The fact that families install benches can be interpreted as a clear indication of influence of the local ritual of *radonitsa*. The local Jewish minority has obviously adopted the dominant tradition by following it in their own way.



Photo 4. A Jewish cemetery in Smolensk. Photo taken by the author

This fact can also be associated with the Soviet attempts to spread atheism aimed at bringing various ethnicities together. Religion being an important component of identity was considered to be negative as opposed to

the stated goals of integration and homogenization. Moreover, religion is mainly rooted in conservatism, leaving little room for new tendencies which could over time abolish its dogmas. The Soviet society was mostly atheist and certain religious rituals were discontinued. The way the Jewish cemetery in Smolensk looks right now results from the Soviet policy and not from preferences of the Jewish people who did not receive enough knowledge that would enable them to follow the rules of their religion. For them the process of memory transmission was dismantled whereas Orthodox families could still continue celebrating their religious holidays in public. The Jewish minority in Smolensk adopted the custom of *radonitsa* which is a typical ritual well-known among and practiced by the overwhelming majority of the population. It is only nowadays when it is possible to return to one's roots and regain a Jewish identity that the people start joining the Jewish community and perform Jewish rituals again in accordance with the Jewish tradition. This tendency can also be observed at the Jewish cemetery. When new graves are laid out according to the Jewish law, many people still continue to perform the ritual of *radonitsa*: benches, portraits, artificial flowers and empty glasses are all a sign of this.

Thus, the examples of both minorities, the Roma and the Jewish, are a very interesting result of assimilation and continuity in the *radonitsa* tradition. This proves that the local ritual is very powerful and attractive for different groups. The ritual is meaningful as it enhances and preserves family bonds as well as keeps the memory of the departed ones alive. Such an idea does not ideologically contradict any religious beliefs, and this has resulted in a cross-cultural process currently taking place. This is also noticeable in the propagation and adaptation of *radonitsa* in other Russian regions. Even though the ritual was not previously known, people still observe it as the idea of connecting with their ancestors is both attractive and positive.

Summary

The aim of this article was to present the historical origins of *radonitsa*, as well as its continuity, meaning and current framing. It gives a broad picture of three religious groups living in the Smolensk region: the Orthodox majority and the Jewish and Roma minorities. *Radonitsa* is a binding element for all of them: it is performed in one place and at one time but in a bit different ways.

This article presents the results of the research conducted in 2016 in the Smolensk region. It is based on participant observation and interviews with people who agreed to introduce me to their private circle. They allowed me to observe and perform the commemoration ritual of *radonitsa*.

In comparison to other available scientific material on this topic, this article focuses on the description of the rite in a particular place, shows a historical perspective and adopts a cross-cultural approach.

Radonitsa is a unique example of a ritual with ancient origins which has survived through centuries. The continuity of practicing the ancient tradition is an extraordinary case to be found in modern society. Death as a ritual of passage (van Gennep 1960) has been cultivated by societies for ages and has played an important role in understanding the meaning of human life in the world as well as helped to anchor people in moral frameworks. Rituals connected with death raise existential questions and manifest the human role in the general cosmogenic world. Modern society by stopping the practice of such rituals deprives itself of the possibility of this understanding (Giddens 1991: 272). The inhabitants of the Smolensk region do not have such a problem since the tradition has been transmitted from generation to generation. Although many of my interlocutors had no knowledge about the origins of this ritual, they considered it to be a typical element of their daily life. *Radonitsa* has been present in the life of their family and ancestors for ages. The young generation maintains the ritual by participating in it with their families, thus safeguarding the stability and continuity of the rite for the future.

As the research results show, the people from the Smolensk region who took part in this project cope with the mystery of death with joy. The positive element is included in the name of the ritual itself: the core word “rad” means “joy”. By means of symbolic invitation of the ancestors from the world of death to the world of life, the people connect with them and create an atmosphere of self-reflection. A grave with a tablecloth becomes a festive table for the whole family. The dead souls receive symbolic food in the form of poured alcohol and food leftovers.

Radonitsa is a festival of spring when nature returns after a cold winter. The ritual is connected with Easter and occurs on the first Tuesday after Easter; however, some families observe it on different days which all fall around Easter. The resurrection of Jesus Christ is connected with symbolic resurrection of the memory of the departed. Visiting the gravestones of ancestors is a symbolic connection of life and death. Relatives and friends treat the departed as someone who are still present among them and so they organize a feast for them. This ritual does not limit itself to the closest family circle. The rite is characterized by great hospitality. Families invite relatives, acquaintances and even strangers to join the celebrations. In this way the rite of incorporation also takes place (van Gennep 1960). People reunite the living family members with the deceased ones, restore social change and incorporate everyone into the private community. Thus, *radonitsa* is a social commemoration ritual performed in public.

The other ethnic groups and regions in the Russian Federation have adopted this rite because of its appeal. In the case of the Smolensk region this was observed among the Roma and Jewish communities. The ritual makes such a powerful impression that it is treated as a Russian national commemoration tradition. The Orthodox Church accepted it and presents it

as an element of folk culture since the ritual is performed in accordance with the Christian belief of life existing after death.

The origins of *radonitsa* can be found in ancient times. The belief that a soul after death has the same needs as a living person comes from ancient Egypt, Greece and Rome. This belief became prevalent in the populations of the Mediterranean. It can be seen that the ritual of *radonitsa* came to the Smolensk region through Byzantium and has persisted here to this day.

People come to cemeteries to celebrate *radonitsa* with their families. The young people I talked with treat *radonitsa* as a custom and respect its meaning. They participate in the ritual together with their parents and find it an important way to commemorate their forefathers. Since knowledge about the tradition is transmitted within a family through memory, the ritual will most certainly continue into the future.

Notes

¹ Later, my own research led me to the distant past and to the regions further away from Smolensk where rites similar to *radonitsa* were performed.

² This popular custom still exists in the Smolensk region today.

³ Data available on <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13365>

References

- Agapkina T.A. *Mifologicheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendar'a. Vesenne-letniy cikel* [The mythological foundations of the Slavic people's calendar. The spring to summer cycle]. Moscow: INDRIK, 2002.
- Ambos, C., Weingold, J., Rahmen und Rahmungsprozesse. In: Brosius, Ch., Michaels, A.; Schrode, P. (Hg.). *Ritual und Ritualdynamik. Schlüsselbegriffe, Theorien, Diskussionen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013, pp. 92-99.
- Chugaeva S.V., Semik – den' pominoventiya umershih u komi-prermyakov [Semik, a remembrance day as celebrated by the Komi-Permyaki], *Vestnik VGU*, 2010, no. 1, pp. 200-208.
- Dayneko, T. Fol'klornye tradicii sela Kolbasa: osnovnye vehi narodnogo kalendar'ya [Folk traditions of the village of Kolbasa: folk calendar major stages (according to Eva Ivanovna Pavlyukova's memories)], *Yazyki i folklor korenyh narodov Sibiri*, 2016, no. 2 (31), pp. 63-70.
- Fischer, A. *Zwyczajne pogrzebowe ludu polskiego*. Lviv: Wydawnictwo im. Ossolińskich, 1921.
- Fischer, A. *Święto umarłych (Fête des morts)*. Lviv: Nakład Muzeum im. Dzieduszyckich, 1923.
- van Gennep, A. *The Rites of Passage*. Chicago: The University of Chicago Press, 1960.
- Gluckman, M. *Rituals of Rebellion in South-East Africa*. Manchester: Manchester University Press, 1954.
- Giddens, A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Gołąbek, J. *Dziady białoruskie*. Lviv: Towarzystwo Ludoznawcze, 1926.
- Huntingdon, R., Metcalf, P. *Celebrations of Death: The Anthropology of Mortuary Ritual*. (2nd ed.), Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1991.
- Janion, M. *Niesamowita słowiańszczyzna*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006.

- Kapferer, B. Dynamics. In: Kreinath, J., Snoek, J. and Stausberg, M. (eds.) *Theorizing Rituals. Classical Topics, Theoretical Approaches, Analytical Concepts*. Boston, Leiden: Martinus Nijhoff Publishers and VSP, 2008, pp. 511-513.
- Kazakova, I., *Ėtničnyâ tradyciâ ŭ duhoŭnaj kul'tury Belarusaŭ*. Minsk: Universitëckae, 1995.
- Kopaliński, W. *Słownik symboli*. Warsaw: PWN, 1997.
- Kowarska, A. *Polska Roma. Tradycja i nowoczesność*. Warsaw: Wyd. DiG, 2005.
- Kupisiński, Z. Dzień zaduszny w liturgii i tradycji ludowej, *Roczniki Teologiczne*, 2006, Vol. 2, no. 9, pp. 12-34.
- Lewicki, T. Obrzędy pogrzebowe pogańskich słowian. In: *Archeologia w 1952–1953*, 1955, pp. 3-18.
- Listova, T. Regional'nye transformacii pohoronno-pominoval'nogo obryada [Regional transformations of the burial-and-waking rite]. In: Sokolova D.A., Yudkina A.B. (eds.), *Momento Mori: Pohoronnye tradicii v sovremennoj kul'ture* [Momento Mori: burial traditions in contemporary culture]. Moscow: IEA RAN, 2015, pp. 54-77.
- Michaels, A. Zur Dynamik von Ritualkomplexen, *Forum Ritualdynamik*, 2003, Vol. 3.
- Pankeev I.A. *Obychai i obriady russkogo naroda. Ot krestin do pominok* [Customs and rites of the Russians. From christening to waking]. Moscow: Astrel, 2008.
- Rachinskiy A.V., Fyodorov A.E. *Russkaya cerkov' – hranitel'nitsa narodnoj dohristyanskoj kul'tury* [The Russian Church as a keeper of pre-Christian folk culture]. Moscow: Masterskaya malotirazhnoy poligrafii, 2016.
- Sokolova, V. *Vesenne-letnie kalendarnye obrâdy russkih, ukraincev i belorusov XIX-načalo XX v.* [The spring to summer calendar rites of the Russians, Ukrainians, and Belarussians in the 19th to the early 20th centuries]. Moscow: Nauka, 1979.
- Sokolova D.A., Yudkina A.B. (Eds.) *Momento Mori: Pohoronnye tradicii v sovremennoj kul'ture* [Momento Mori: burial traditions in contemporary culture]. Moscow: IEA RAN, 2015.

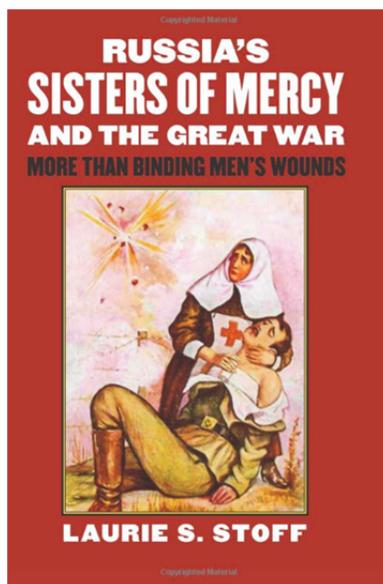
Статья поступила в редакцию журнала 14 апреля 2017 г.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(100)"1914/19"
DOI: 10.17223/2312461X/20/13

«НЕ ТОЛЬКО ПЕРЕВЯЗКА МУЖСКИХ РАН...»: ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОГО СЕСТРИНСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Stoff Lorie S. Russia's Sisters of Mercy and the Great War. More Than Binding Men's Wounds. Kansas: University Press of Kansas, 2015. 384 p. ISBN 978-0-7006-2125-5



Книга «Российские сестры милосердия и Великая война. Больше, чем перевязка мужских ран» (Russia's Sisters of Mercy and the Great War. More Than Binding Men's Wounds. Kansas: University Press of Kansas, 2015. 384 p.) написана Лори Стофф, исследовательницей, преподающей в Баррет колледже Университета Аризоны (США). Имя автора давно известно многим интересующимся социальной антропологией, женской и гендерной историей и славянскими исследованиями. Оче-

* Работа выполнена в рамках проекта «Взаимодействие государства и провинциального общества в формировании национальной модели медико-социальной работы в России в XIX – начале XX в.» (грант РФФИ № 17-31-01020-ОГН).

видно, что новая книга – логическое продолжение работы талантливого автора по изучению женских практик социального участия, столь ярко проявившихся в России в годы Первой мировой войны (Stoff 2006). Книга Стофф отличается бесспорным новаторством: несмотря на наличие отдельных публикаций российских историков, касавшихся темы медицинского сестринства и гендерной антропологии Первой мировой войны (Иванова 2002; Симонова 2014), ни одной обобщающей работы, анализирующей вклад российских сестер милосердия в историю этого великого военно-исторического потрясения, в мировой историографии до представляемой здесь публикации не было. И не случайно в подзаголовке книги вынесена строка «Больше, чем перевязка мужских ран»: новая книга Стофф бросает вызов всем мифам военной истории и военного опыта, которые своим умолчанием на протяжении столетия скрывали от аналитиков реальный вклад женщин – в данном случае даже не женщин-воинов, а представительниц мирной профессии, медсестер – не только в российские военно-медицинские достижения 1914–1918 гг. (в «перевязку ран»), но и в становление гражданского общества, в котором женщины именно в лихие годы Великой войны постепенно обретали право быть услышанными, право активного социально-политического участия.

Несомненными достоинствами монографии являются яркий литературный язык, аналитичность и многосторонность, комплексность рассмотрения темы; в этом ее преимущество перед описательностью, фрагментарностью и какой-то робостью российских авторов, обращавшихся к тем же сюжетам. Интересно, что с самого начала автор оговаривается, что не будет ставить задачу восстановить деятельность общин сестер милосердия, назвать поименно всех, кого удастся выявить в архивах. Не слабая изученность темы и даже не задача сбора формальных цифр (много или мало было героинь на фронтах Великой войны) направляли автора в библиотеки и зарубежные архивы – именно там в наибольшей мере собирался материал первоисточников. Архивы российские использованы ею менее тщательно (процитированы некоторые находки из шести фондов Красного Креста из Российского государственного военно-исторического архива, а также Фонда департамента полиции МВД из Государственного архива Российской Федерации), но это не меняет общей оценки о достаточной фундированности исследования. Уделяя серьезное внимание анализу визуальных источников (фотографиям, постерам, открыткам, лубочным листам), Стофф использовала визуальные материалы из зарубежных коллекций, в частности собрание библиотеки института Гувера в Стэнфордском университете (фонды В.К. Степановой, Т.А. Варнек, М. Эттер, М.Д. Врангель, материалы отдела славянских и восточноевропейских исследований библиотеки Иллинойского университета).

Стофф хотелось глубже проникнуть в сложный феномен женского социального участия на примере деятельности тех, кто оказался на полях Первой мировой, выявить мотивы и последствия (см. об этом в отечественной литературе (Пушкарева, Щербинин 2015)), выяснить приобретения и потери женского служения, научно интерпретировать их. Так родилась идея автора – рассмотреть историю сестер милосердия в сложном социально-культурном, политическом контексте, анализируя публично транслируемые и неофициальные дискурсы. Книга Стофф – это история взаимодействия и взаимопроникновения обобщенно «мужского» опыта, силы, боя) и опыта «женского» (пассивной заботы, выхаживания). Можно сказать, что перед нами книга о невозможности писать историю, принижая (а тем более обесценивая) вклад женщин, которые, спасая раненных, приспособивались существовать в сфере традиционно мужской, где численно «сильный пол» преобладал а мужская система ценностей и мужской взгляд на вероятность насилия господствовали.

В этом суть гендерного подхода к первоисточникам, которые использовала Стофф и подчас держали уже в руках многие архивисты и ученые, занимавшиеся историей Первой мировой. Каждый найденный автором документ использовался для изучения быта и повседневности России в условиях военного лихолетья. Автор ставил задачу выяснить влияние войны на социальное положение женщин, процесс их эмансипации, на изменение общественно-политических структур, в которых все большее значение приобретали общественные организации (в частности, Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов).

Обращение к женским текстам – сердцевина любого исследования, написанного адептом гендерного подхода к изучению прошлого. Вот почему так важны привлеченные автором дневники, воспоминания, письма Т. Варнек, А. Толстой, С. Бочаровской, Н. Владимирцевой, В. Степановой и многих других. Они позволяют «услышать голос» этих женщин, осознать мотивы их поведения, приблизиться к пониманию их эмоциональных состояний. Женский взгляд на женскую историю – это возможность увидеть войну в другом ракурсе и иной интерпретации побед и поражений (с. 114), и автор реализует это умение. Похвальны столь редко встречающиеся в нынешних публикациях умения в области внешней критики источника: Стофф отмечает, что опубликованные в 1910-х гг. женские тексты сильно цензурировались (и доказывает при этом, что все же их привлечение правомерно и нужно), а опубликованные в 1920-е гг. в Советской России – подвергнуты забвению и трудно выявляемы в библиотечных фондах. Вот почему эгодокументы, опубликованные бывшими сестрами милосердия, оказавшимися в эмиграции, дошли до сегодняшнего дня с наименьшими текстуальными потерями:

ими пренебрегали, на них обращали меньшее внимание, чем на мужские мемуары.

Книга Стофф имеет продуманную структуру, в которой каждая из 8 глав раскрывает один из аспектов общей картины вторжения женщин на территорию мужского господства. Каждую главу начинается анализ биографии конкретной женщины, ставшей сестрой милосердия и оставившей дошедший до нас автодокументальный материал. Такой способ обращения к прошлому уводит от абстракций (нация, класс, стратификация) к исторической антропологии, человеческому измерению событий, позволяет через историю жизни «еще одной женщины» поднять социальную проблему. Таким образом сочетание биографического метода с case-study делает повествование эмоционально насыщенным, драматичным и в то же время обоснованным серьезными источниками.

Во введении, в главах первой («Контекст и противоречие») и второй («Мобилизация медицинской службы») автор, по сути, дал концентрированное изложение своих более ранних исследований о формах женского участия в военных действиях. Говоря об опыте привлечения российских сестер милосердия к помощи врачам на фронтах в середине XIX в., Стофф генерализовала особенности «русского сестринства» (которое она постоянно сравнивала с британским и американским). Прежде всего автор отметил особенность русского сестринства: оно не оформилось в профессиональную организацию, оставалось на протяжении десятилетий «делом квазирелигиозным, основанным на добровольчестве и благотворительности», покровительствуемым сверху и поддерживаемым императорской семьей. К тому же оно было изначально слабо вовлеченным в сферу медицинских служб» (с. 17–18). На Западном фронте ко времени завершения первого года войны уже оформились профессиональные ассоциации сестер милосердия, подобных которым в России не было.

В нашем отечестве помощь раненым с первых шагов развития этой формы социальной работы была не профессиональным видом занятости, а служением, выражением патриотических чувств (с. 39). Следствием такого отношения к помощи пострадавшим были, по мнению автора, изумительный героизм россиянок, их бесстрашная работа непосредственно на территории боевых действий и вблизи от них. Деятельность медсестер в Британии и США разворачивалась в тылу, проходила в госпиталях далеко за линией фронта. Российское же сестринство оказалось много более «интенсивным и опасным» (с. 47).

В третьей главе автор стремится определить классовую, сословную, национальную, религиозную принадлежность сестер милосердия в России. Она подчеркивает широкий социальный состав групп сестер милосердия: от крестьянок до представительниц императорской фамилии и видит в этой форме женских объединений раннюю апробацию соци-

альных контаминаций. Доминирующими общественно значимыми характеристиками были образованность женщин и принадлежность к православной конфессии. Тут Стофф, пожалуй, впервые в истории изучения российского сестринства затронула проблему участия евреек в деле помощи раненым и сделала вывод о том, что данная область была не исключением как сфера дискриминации иноверок и проявлений антисемитизма. Этноконфессиональная сегрегация предполагала прием евреек в состав групп («отрядов») сестер милосердия лишь в исключительных случаях (с. 82–85). В русской армии для зачисленных в отряды евреек создавались отдельные общины при лазаретах, и общины эти финансировались еврейскими комьюнити городов, синагогами, фабрикантами, владельцами которых были евреи.

Что касается четвертой главы, то анонс ей был сделан еще во введении к книге. Уже на первых страницах своего исследования Стофф поставила задачу выяснить, как «работает» гендерная теория применительно к истории военного времени, а именно: способно ли женское участие изменить представление общества о социальных и профессиональных ролях «слабого пола»? Есть ли граница между маскулинностью и фемининностью в условиях экстремальной повседневности? Ответ эти вопросы дан четвертой главой, название которой уже содержит ответ («Стертая граница: гендер и опыт сестринского ухода в военное время»). Исследовательница полагает, что изучение женского участия в исключительно мужской сфере деятельности (войне) способно вскрыть новые нюансы в гендерной теории. Она подчеркивает «пористость» и многомерность этой теории применительно к военной повседневности (с. 116). С одной стороны, сестры милосердия являлись выражением эмансипации женщин, расширяли сферы женской публичной деятельности, т.е. ломали патриархальные границы разделения повседневной жизни на публичное и приватное. Но с другой стороны, распределение труда, культивируемый образ сестер милосердия имели эссенциалистскую основу, так как в сестрах стремились видеть особые женские качества: милосердие, смиренность, женственность, мягкость, склонность к уходу и заботе. Вместе с мужчинами они терпели тяготы военной повседневности – мерзли в окопах, недосыпали, смертельно уставали, подвергали жизнь опасности под артиллерийским огнем и подчас готовы были брать на себя функцию принятия решений, но... им эту возможность никто не давал. Женская социальная роль и модель поведения, по мнению исследовательницы, была единственной моделью одобряемого и поддерживаемого официальным дискурсом женского поведения на войне (с. 7). Мужественность же, отвага, героизм и бесстрашие, как и прежде, продолжали ассоциироваться с поведением мужским (с. 113).

В пятой главе Стофф, что почти никогда не предпринималось в отечественных исторических исследованиях, касающихся Первой мировой

войны, обратилась к изучению мужской и женской психологии военного времени. Приводя эмоционально насыщенные строки женских воспоминаний, автор настаивает, что восприятие женщин как второстепенных по значимости лиц на фронтах Первой мировой войны несправедливо хотя бы потому, что женщины испытали те же эмоциональные потрясения и психологические проблемы, что и мужчины. Как и выжившие участники боев, они после окончания войны хранили в себе множество психотравм, страдали ментальными и эмоциональными расстройствами, ужасные картины пережитого преследовали их всю жизнь. Чувство вины за спасенных, фрустрация, боль пережитых деприваций, ощущение бессилия, а иной раз бесполезности – только малая часть из спектра их эмоций. Автор отметила и то, что многие из бывших сестер милосердия не смогли устроиться в мирной жизни, воспринимая обыденные заботы гражданской жизни как пустые, бессмысленные (с. 152–156). Очень важна для гендерной исследовательницы тема женского (со)участия: сестры милосердия в России проявляли, отметила автор, бóльшую эмпатию, чем их коллеги на Западном фронте. Последние отличались куда как большей сдержанностью (*harden their hearts*) и относились к выполняемому ими как к обычной работе, а не как к Служению (с. 143). Интересен в этом контексте созданный Стофф термин «сестры-утешительницы»: так она назвала российских сестер милосердия, лечивших и физически, и морально, поднимавших боевой дух солдат и офицеров и тем самым, как ни странно, осознававших себя не столько няньками, не обслугой, но личностями, акторами публичной жизни. Справедливости ради, стоит сказать, что автор была не первой, кто это заметил (Hallett 2009: 102).

Шестая глава книги отдана теме взаимосвязей и взаимовосприятия мужчин и женщин на фронте, которые, как справедливо заметила автор, зависели от множества факторов. Конечно, главными были классовый и социальный статус сестер милосердия, род их помощи, степень образованности раненных. Проанализировав отношения женщин с солдатами, офицерами, врачами-мужчинами, исследовательница пришла к выводу о том, что большая уважительность заметна была со стороны низших военных чинов. Случаи харассмента, грубости, пошлости сестры милосердия чаще встречали со стороны офицеров. Возникавшие на фронте романтические чувства осуждались и интерпретировались как поведение, угрожавшее репутации сестер милосердия (с. 196); даже использование косметики, пудры запрещалось.

В последних главах книги Стофф подчеркивает дихотомичность образа сестер милосердия в российском общественном мнении и народной культуре того времени. Анализируя многочисленные плакаты, открытки, лубочные картинки, исследовательница размышляла о том, что сестры милосердия часто изображались ангелами-спасительницами,

схожими с самой Богородицей, прослеживалась и коннотация с матушкой-Россией. Они были задуманы пропагандистами как воплощение материнской и сестринской любви, как символы патриотизма. Но в народных картинках в противовес официальному патриотическому образу возникли, подпитываемые патриархатными стереотипами, негативные образы женщин, оказавшихся на фронтах. Их намеренно сексуализировали и даже рисовали в образе проституток (с. 268). Стофф справедливо заметила корреляцию между тем, как изображались сестры милосердия и как шел общий ход военных действий. С ростом пораженческих настроений в 1916–1917 гг., увеличением революционной активности сестры милосердия стали выражением империалистической царской политики, на женщин было легко списывать потери (окарикатуренные изображения женщин заставляли думать о том, что «сестрички» не столько лечат от ран, сколько обсуживают иным образом, с. 268). Свое влияние оказало и появление в госпиталях «ненастоящих» (*false*) сестер милосердия (с. 275), которые в отличие от истинных (*true*) сестер, могли носить униформу без надлежащей медицинской квалификации. Таковых становилось все больше. Девушки, стремившиеся вырваться из под родительского контроля, в поиске романтической любви записывались в сестры милосердия. Одновременно униформа сестер милосердия получала популярность у проституток в публичных домах.

Подводя итоги сделанному Лори Стофф, отметим, что ей удалось создать широкую панораму жизни и социального поведения немалой части женщин в условиях экстремального, военного времени: к 1917 г. тех, кто мог официально называться сестрами милосердия, уже было более 30 тыс. человек. Они служили в Русском обществе Красного Креста и в организациях, работавших под его флагом, таких, как Всероссийский союз земств и Всероссийский союз городов. Военные медицинские службы нуждались в широкой помощи со стороны гражданских организаций, и эту помощь оказали именно женские организации различного толка, став ответом на кризис общественного здравоохранения, распространение эпидемических заболеваний, на бессилие социальной политики (миллионы людей стали бездомными, тысячи детей потеряли родителей). В условиях все новых поражений русской армии и падения монархии в стране создались пути профессионализации сестринства. Февральская революция способствовала приоритетности западного варианта такой трансформации, пишет Стофф. Именно в 1917 г. возник автономный Всероссийский союз сестер милосердия, нацеленный на расширение функций сестер, декларирующий защиту профессиональных прав женщин. Однако после октябрьских событий эта женская ассоциация была расформирована: корпус сестер был слит с медицинскими службами, а них на работу как раз и брали женщин.

Эта сторона вопроса куда более исследована, в том числе и отечественными историками медицины (Иванюшкин, Хачатурова 2003).

Вклад Стофф, как нам видится, наиболее полезен не историкам медицины, а социальным антропологам и гендерным историкам, исследователям быта и психологии повседневности, этологии человека в экстремальных обстоятельствах. Автор заострила внимание на тех особых сторонах военного времени, которые столь долго выпадали из поля зрения военных историков или историков медицины: на эмоциональном восприятии войны, на взаимодействиях мужчин и женщин на войне, показала возможности применения гендерной теории при анализе реалий военного времени, наполненного априори многочисленными отклонениями, девиациями от привычного. В этом особое методологическое значение рецензируемой книги. Вовлечение же в научный оборот источников по российской истории повседневности, хранящихся за рубежом, использование (столько редко применяемого нашими историческими антропологами) биографического метода сделало это исследование безусловным вкладом в изучение именно отечественного прошлого, его бытовой истории.

Рецензия написана в рамках темы НИР ИЭА РАН «Гендерные контракты и гендерные отношения в прошлом и настоящем».

Литература

- Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М.: РПЭ, 2002. 272 с.
- Иванюшкин А.Я., Хачатурова А.К.* История и этика сестринского дела: учеб. пособие. М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2003. 142 с.
- Зверева Н.И.* Августейшие сестры милосердия. М.: Вече, 2008. 464 с.
- Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П.* Из истории призрения семей нижних чинов запаса в годы войн начала XX в. // Нужда и порядок. История социальной работы в России / ред. Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов. Саратов, 2005. С. 204–229.
- Симонова О.А.* Образ сестры милосердия в русской литературе XIX–XX в.: границы дозволенного // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: материалы VII Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН / ред. Н.Л. Пушкарева, О.Д. Попова, А.Д. Попова. М., 2014. С. 142–145.
- Hallett C.* Russian Romances: Emotionalism and Spirituality in the Writings of "Eastern Front" Nurses, 1914–1918 // Nursing History Review. 2009. Vol. 17. P. 101–128.
- Stoff L.S.* They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution. University Press of Kansas, 2006. 304 p.

Н.А. Мицюк

Смоленский государственный медицинский университет,

Н.Л. Пушкарева

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 22 мая 2018 г.

Mitsyuk N.A., Smolensk State Medical University

Pushkareva N.L., Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

“More than binding men’s wounds...”: a historical and anthropological study of nursing care during World War I* (Review of Stoff Lorie S. Russia’s Sisters of Mercy and the Great War. More Than Binding Men’s Wounds. Kansas: University Press of Kansas, 2015. – 384 p. ISBN 978-0-7006-2125-5)

* The review is written in the framework of the project titled "The Interaction between the State and Society of Provinces in the Context of Formation of a National Model of Medical and Social Work in Russia in the 19th to the Early 20th Centuries" (Russian Foundation of Fundamental Research, grant no. 17-31-01020-OGN).

References

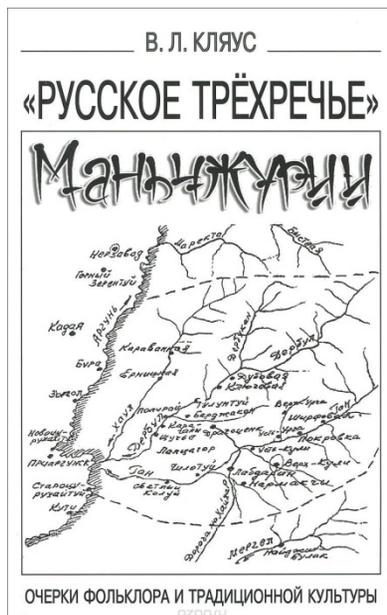
- Hallett C. Russian Romances: Emotionalism and Spirituality in the Writings of "Eastern Front" Nurses, 1914-1918, *Nursing History Review*, 2009, Vol. 17, pp. 101-128.
- Ivanjushkin A.J., Hachaturova A.K. *Istorija i jetika sestrijskogo dela: Uch. Posobie* [The history and ethics of nursing]. Moscow: GOU VUNMC MZ RF, 2003. 142 p.
- Ivanova Ju.N. *Hrabrejšhie iz prekrasnyh. Zhenshhiny Rossii v vojnah* [The bravest of the beautiful. Russian women in wars]. Moscow: Rossijskaja političeskaja jenciklopedija, 2002. 272 p.
- Pushkareva N.L., Shherbinin P.P. Iz istorii prizrenija semej niznih činov zapasa v gody vojn nachala XX v. [From the history of care for families of the lower reserve rank military in early 20th century wars], *Nuzhda i porjadok. Istorija social'noj raboty v Rossii* [Need and order. The history of social work in Russia]. Ed. by E.R. Jarskaja-Smirnova and P.V. Romanov. Saratov, 2005, pp. 204-229.
- Simonova O.A. Obraz sestry miloserdija v ruskoj literature XIX-XX v.: granicy dozvolennogo [The image of the sister of mercy in the 19th to the 20th century Russian literature: the limits of what is allowed]. In: *Pol. Politika. Polikul'turnost'. Gendernye otnoshenija i gendernye sistemy v proshlom i nastojashhem. Materialy VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZhI i IEA RAN* [Gender. Politics. Political culture. Gender relations and systems in past and present times. Proceedings of the VII International scientific conference of Russian Association of Researchers in Women’s History and Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences]. Ed. by N.L. Pushkareva, O.D. Popova, A.D. Popova. Moscow, 2014, pp. 142-145.
- Stoff L.S. *They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution*. University Press of Kansas, 2006. 304 p.
- Zvereva N.I. *Avgustejšhie sestry miloserdija* [The Imperial family sisters of mercy]. Moscow: Veche, 2008. 464 p.

УДК 398

DOI: 10.17223/2312461X/20/14

ФОЛЬКЛОР И КУЛЬТУРА «РУССКОГО ТРЕХРЕЧЬЯ» МАНЬЧЖУРИИ

Кляус В.Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 384 с. ISBN 978-5-9208-0468-6



«Трехречье – настоящий исследовательский “заповедник” для фольклористов и антропологов, занимающихся изучением русских народных традиций, проблемами межкультурной коммуникации и этнокультурного пограничья. Как ни покажется странным, но именно непростая история Китая и его северных приграничных территорий в XX в., а также этническая политика руководства КНР последних тридцати лет определили культурную уникальность данного региона» (с. 364) – таким интригующим любого этнолога заключением завершается уникальное по своему содержанию исследование о «полукровцах» (термин автора) – современных китайских русских городского округа Эргун Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики.

Автор книги В.Л. Кляус в этой работе подводит промежуточные итоги своих интереснейших полевых исследований фольклора и традиционной культуры русского населения Трехречья – небольшого района

на севере Маньчжурии КНР. Кляус сосредоточился на изучении устной словесности, обрядовых традиций и их трансформации за последние сто лет. Основным объектом исследования он сделал устные рассказы трехреченцев, а также микролокальные особенности их обрядовой жизни. В условиях стремительной утраты не только языковых особенностей, но и языков многими малочисленными народами фиксация, анализ и распространение сведений о такой небольшой историко-культурной группе, как русскоязычные жители китайского Приаргуны, и их потомках представляется бесценным.

Особо следует подчеркнуть, что проведение полевых исследований в данном регионе сопряжено со многими трудностями. Во-первых, место проживания представителей русского национального меньшинства – приграничные российско-китайские земли, неоднократно становившиеся объектами политических дискуссий, споров и провокаций. В этой связи любая деятельность российских граждан на данной территории требует многочисленных согласований с официальными властями Китая и находится под неусыпным контролем специальных ведомств, что существенно осложняет работу этнографов и накладывает отпечаток на характер получаемой информации. Во-вторых, данный регион не относится к числу экономически высокоразвитых, а потому проезд сюда сопровождается различными рисками, например, риском ограбления, риском несвоевременного оказания медицинской помощи, риском отсутствия транспортных средств, рисками, которые влечет проживание в антисанитарных условиях и т.п. В-третьих, для проведения качественных исследований необходимо присутствие в экспедиционной группе специалистов высокого уровня, так как осуществляемая в последние годы китайскими властями коммерциализация данного региона, превращение его в туристические «русские деревни» с «профессиональными» русскими ускоряют темпы утраты «полукровцами» их исторической памяти и подменяют ее бутафорскими составляющими, а потому только опытный исследователь, владеющий широким спектром научных знаний и навыков, в состоянии аккуратно получать, адекватно воспринимать и правильно анализировать полученную здесь информацию.

Большинство текстов рецензируемой монографии основано на полевых исследованиях автора, что одновременно является ее сильной стороной и источником некоторых сложностей. Каждая из ее глав по глубине рассматриваемой темы и характеру предлагаемого читателю материала заслуживает того, чтобы превратиться в отдельную публикацию, а потому последовательно соединенные вместе они представляют собой мозаику, лишенную строгого структурного остова. И каждый раз, открывая страницу «Содержание», сознание формалиста будет пытаться найти на ней привычные разделы: «Предисловие», «Глава 1»,

«Глава 2» и т.д., обвиняя автора в отсутствии четкой структуры. Предложенный читателю вариант книги имеет одиннадцать разделов. Два первых раздела – «К историографии “Русского Трехречья”» и «Русский фольклор в Трехречье» – вводят читателя в суть исследуемого вопроса, знакомят с его особенностями. В следующих четырех разделах исследователь знакомит читателя с мистически-религиозной составляющей жизни «полукровцев» региона. Особенностью разделов 7–10 является представление ранее неизвестных сюжетов, а также локальных вариантов фольклора русского старожильского населения Восточного Забайкалья и Приаргуны. К большому сожалению, в книге нет указателя имен и географических названий, столь полезных тем, кто будет использовать данную работу в своей повседневной исследовательской деятельности. Это, пожалуй, самые «серьезные» недочеты, если таковыми их можно считать. В остальном же книга заслуживает исключительно положительных оценок, чему есть несколько причин.

Прежде всего, автору книги, отличительными особенностями научного стиля которого являются эмпирическая основательность и сосредоточенность на этнографических исследованиях, удалось собрать удивительную коллекцию сказок, христианских легенд, быличек, преданий, устных рассказов и семейных историй, распространенных в среде китайских русских Трехречья. По своему многообразию и полноте данная подборка не имеет аналогов, а введение ее в область научной рефлексии вызывает бесспорное уважение. Исследователи, специализирующиеся на изучении русских сообществ Китая, ждали подобную книгу. В силу разных обстоятельств не все имеют возможность провести полевые работы в данном регионе. А потому данное произведение – это не просто хорошая монография, это мастерок, с помощью которого можно построить еще не одно научное здание.

Подтвержденный факт бытования русского фольклора в регионе, его живучесть, его особая роль в жизни трехреченцев в очередной раз подтверждают огромное значение русского языка как фактора консолидации русских мигрантов и их потомков в Китае. В этой связи можно с уверенностью говорить о том, что работы по популяризации русского языка в КНР и особенно в его северо-восточной части имеют большое историко-политическое значение.

И есть как минимум еще одно обстоятельство, позволяющее высоко оценить представляемый здесь труд. Во время проведения фольклорно-этнографических экспедиций В.Л. Кляус применяет интересные компьютерные технологии и методологию визуальной антропологии, что позволяет ему выявлять скрытые от невооруженного взгляда пласты информации. В главе «Русская и китайская сказки в экспериментальной видеофиксации» (с. 295–362) демонстрируются результаты сопоставления двух видеорядов, сделанных в ходе полевых работ в 2007 и 2009 гг.

Автор осуществил многоярусный, комплексный анализ текста, его лексических особенностей и жестов, использованных «полукровцем» Иваном Васильевичем Васильевым из с. Эньхэ в ходе рассказа на русском и китайском языках сказки «Мальчик-женьшень». Представленный материал – это бескрайнее море ценной этнографической информации, обращаться к которой будет еще не один исследователь. Работа по фиксации подобных памятников, не говоря уже о ее научном анализе, бесспорно, заслуживает благодарности; к сожалению, время безжалостно забирает у нас носителей данной информации.

Особо хотелось бы отметить языковую составляющую книги. Монографию легко и интересно читать. Язык научных фактов изящно переплетается в ней с просторечными высказываниями респондентов и высокохудожественными репликами автора. При этом ни одна составляющая не выходит на первый план, а гармонично сочетается с другими. Таким образом, благодаря доступному и увлекательному изложению сложных процессов книгу можно рекомендовать не только этнологам, антропологам, культурологам, историкам, фольклористам, языковедам, востоковедам, специалистам в области международных отношений, но и существенно более широкому кругу читателей.

О.И. Курто

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 19 апреля 2018 г.

Kurto Olga I., Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Science

The folklore and culture of the 'Russian Tryokhrechye' in Manchuria

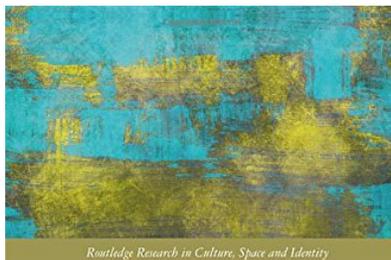
Review of Klyaus V.L. «*Russkoe Tryokhrech'e*» *Man'chzhurii. Ocherki fol'klora i traditsionnoi kul'tury* [Klyaus V.L. The "Russian Tryokhrechye" in Manchuria. Essays on folklore and traditional culture]. Moscow: IMLI RAN, 2015. 384 p. ISBN 978-5-9208-0468-6

УДК 159.9.016.133

DOI: 10.17223/2312461X/20/15

ПРОСТРАНСТВА ДУХОВ: ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ СПИРИТУАЛЬНОСТЬ

Spaces of Spirituality / Ed. by Nadia Bartolini, Sara MacKian, and Steve Pile. Routledge, 2018. 302 p. | 25 B/W Ill. ISBN 978-1-13822-606-7



SPACES OF SPIRITUALITY

Edited by
Nadia Bartolini, Sara MacKian and Steve Pile



Эта рецензия написана в качестве рефлексии или, скорее, своего рода дополнения к докладам, которые мне довелось услышать на VI Международной конференции молодых исследователей Сибири «Ритмы, уклады и дороги современной Сибири» в Иркутске в мае 2018 г. Сибирь обсуждалась современная, а практики жителей, обнаруженные учеными во время полевой работы, свидетельствовали о том, как густо регион населен духами и богами. Представленные результаты погрузили слушателя в опыт жизни, требующей сверять каждый свой шаг с богами, неизбежно совершая ошибки. Использовались такие понятия, как «сакральная экономика минеральных ресурсов» (Вероника Беляева-Сачук и Вероника Симонова) или «духи – хозяева промысловых угодий» и «сакральный ландшафт территории» (Людмила Цыдыпова). Взаимодействие буддизма и шаманизма, христианства и «новых религий», региональных идентичностей (Байкальская Сибирь, Баргузинское Прибайкалье) и туристского любопытства в современной Си-

бири – предметы интереса молодых исследователей – сильно перекликаются с материалом коллективной монографии, посвященной духовным пространствам, подготовленной группой английских культурных географов.

«Спиритуальность» так часто встречается в множющихся сегодня книгах по эзотерике, что вызывает подозрения в качестве предмета научного исследования. Между тем за два последних десятилетия за нее взялись социологи (Bender 2010; Goldman 2012) и географы – редакторы и авторы рецензируемой книги. Одна из целей их коллективной монографии – пересмотреть бытующее *отождествление* религии и спиритуальности либо *включение* ее в число религиозных феноменов.

В книге шестнадцать глав, и в рецензии я попытаюсь передать ключевые аргументы книги, опираясь на развернутое введение и ряд разобранных в ней кейсов. Для составивших книгу географов – Нади Бартолини, Сары Маккиан и Стива Пайла – спиритуальность располагается «внутри, рядом и вне религии» (р. 9). Они иллюстрируют растворенность спиритуальности в повседневности, в частности, с помощью фотографии, сделанной в Сток-он-Тренд (городе, где редакторы проводили полевое исследование спиритуалистской церкви, работы медиумов и прочих интересных вещей). На фотографии (р. 23) – здание методистской церкви, возведенной в 1890 г., переделанное сегодня в бар и ресторан. Каждый вторник в ресторане проходит очень популярный среди местных вечер чтения карт таро. Это делается и для того, чтобы отдать должное прошлому использованию здания, и чтобы привлечь посетителей: их ждет не только обед из трех блюд, но и предсказание будущего. Интерес к духовному принимает формы, простирающиеся далеко за пределы религии. Редакторы и авторы описывают разнообразные практики общения с иными мирами, духами, ценностями, не забывая, как сложно провести убедительное различие между религией и более широким кругом духовных явлений. В то же время они хотят осмыслить причины, лежащие за нарастанием интереса к «спиритуальности». «Спиритуальность» связана в восприятии многих людей с современностью, индивидуальным поиском смысла жизни, верой в действующие во вселенной силы, не нагруженной необходимостью считаться с догматами и не угрожающей перерасти в фундаментализм. Религия предполагает сообщество, «спиритуальность» может быть индивидуальной. Монотеистичная религия обладает четкими границами, а ее существование поддерживается институтами, спиритуальность же размыта и внеинституциональна.

Термин «спиритуальная география» (вариант: «география духовности») был обсужден, как напоминают редакторы, свыше двадцати лет назад Мартой Хендерсон (Henderson 1993). Но если тогда ученых больше интересовала связь между верованиями и святыми местами, то

авторы книги нацелены на обсуждение того, как верования и практики включены в повседневность. Пронизанная духовным поиском повседневность может быть оседлой и мобильной. Духовные практики первой включают пение, искусство, музыку, медитацию. Духовные практики второй – паломничество, «темный» туризм¹, «охоту за призраками»² в старинных и молодых городах и использование популярности «призрачных» образов в социально значимых целях. Так, в Лондоне и Берлине, Нью-Йорке и Ст. Луисе возводятся дорожные мемориалы в виде выкрашенных в серый или белый цвет велосипедов – Велосипеды-Призраки – на том месте, где велосипедист был серьезно поранен или убит автомобилистом. С точки зрения редакторов (р. 14), эти необычные объекты не просто увековечивают память о пострадавших и не просто привлекают внимание к проблемам безопасности на дорогах. Они сакрализуют пространство, используя идею призрака – духа, продолжающего жить после смерти. Вместе с неформальными мемориалами, обелисками, известными только посвященным небольшими личными святилищами они делают места духовными.

Для понимания направленности масштабных социальных процессов – управления и геополитики, миграции и условий труда – расширенное понимание религии и спиритуальности также важно (р. 23). Так, один из авторов книги, географ религии Джулиан Холлоуей посвятил главу «Магическая битва Британии: пространства оккультной геополитики» анализу религиозных и оккультных измерений конфликтов между государствами. Симпатии британских колонизаторов к оккультизму и теософии, Гитлера – к оккультизму, Черчилля – к спиритуализму, Нэнси Рейган – к астрологии демонстрируют надежды политиков на помощь высших сил в увеличении влияния и достижении побед. Коллизии между Турцией и Европейским Союзом, наряду с преобладающим в прессе политическим и экономическим их анализом, могут быть также объяснены глубокими различиями между по преимуществу христианскими странами, образующими Европейский Союз, и мусульманской Турцией.

Спиритуальность авторы книги ищут вдалеке от формальных религиозных мест. Сакральные места, настаивают они, дополняются духовными местами. Так, редакторы кратко обращаются к недавней трагедии – пожару Гренфелл-тауэр в Лондоне в 2017 г., унесшему свыше семидесяти жизней и сотни людей оставившему без крова. Сочувствие жертвам выражалось через сооружение святилищ, многочисленные свечи, упоминания Бога и ангелов, и на месте спонтанных мемориалов вместе висели и тексты молитв, и объявления о пропавших в пожаре людях. Разделение между священным и светским в ходе таких сложных реакций исчезало, как и отделение разных типов религиозных мест друг от друга: помощь одновременно оказывалась в гурудварах, мечетях и церквях (р. 14).

География спиритуальности – во-первых, попытка разобраться с пространствами духовных практик, и, во-вторых, схватить, как понятное и непонятное сосуществуют в отношениях людей с местами и как это сосуществование удивляет и провоцирует горожан. Места, которые спиритуальность формирует, – церкви и праздники, «ретриты» и маршруты паломничеств. Верования, места и практики, соединяясь, образуют особые способы обитания в мире. Будь это проявление в публичных местах политического активизма или организация праздника, планы архитектурные или планы путешествий – знакомый нам мир духовными практиками переопределяется.

В главе «Категоризуя спиритизм как шаманизм: уроки картирования» Дэвид Гордон Уилсон сравнивает сибирский и североамериканский шаманизм, которые он изучал, со спиритизмом, которому он учился (он учился искусству медиума в Спиритуалистской церкви). Общие черты этих духовных традиций, по мнению Уилсона, состоят, во-первых, в фокусе на исцелении, во-вторых, в коммуникации с мертвыми, а также с другими «духовными существами», в-третьих, приобщении новых членов к традиции через ученичество. Человек ощущает интерес, перерастающий в чувство призвания и даже признанности свыше, затем учится у опытного медиума, начинает свою «практику», и, если все складывается удачно, его принимает сообщество, сложившееся вокруг данной традиции.

В главе «Я отрекаюсь от мира, плоти и дьявола: паломничество, преображение и лиминальность в чистилище Святого Патрика» географ Ричард Скривен показывает, что практики паломников объединяют способы движения вокруг крестов и круглых обнесенных низким каменным забором «клумб», сложившиеся у их предшественников, молитвы и надежды. Отдаленное и недавнее прошлое, личные и общественные воспоминания оживают, объединяясь в паузах и движении. Места эти приводятся к жизни беспрестанным движением все новых пилигримов. Физическое путешествие и духовное путешествие сплетены: на паломниках нет обуви, они постятся и не берут с собой смартфоны, с тем чтобы не отвлекаться на частности. Боль становится желательной частью путешествия к внутренней трансформации.

Специализирующаяся на географии миграции Клэр Дуайэр в главе «Чудеса пригородов: встречаясь с божественным неподалеку от Шоссе-99» рассматривает трехкилометровый участок дороги в пригороде Ванкувера. Он называется «Шоссе в небеса» и представляет собой, так сказать, религиозный кластер (на манер кластера креативного). Он образован тремя десятками храмов, мечетей, школ, церквей, объединенными в одном месте в рамках мультикультурного городского планирования. Вглядываясь с самый обычный пригородный ландшафт и разговаривая с информантами о том, как они чувствуют присутствие на шоссе боже-

ственного начала, географ рассматривает трансформацию новых, созданных властями мест в сакральные места, а также то, как сама дорога становится «духовным ландшафтом».

В теоретическом отношении, помимо предисловия, мне показались особо значимыми две главы: они ставят вопрос о связи модерности, религии и спиритуальности. Первая – глава, написанная географом Тариком Джазилом, «Возводя сакральную модерность: буддизм, секуляризм и география “религии” в южной Шри-Ланке (о сакральной модерности на примере Шри-Ланки у географа есть целая отличная книга (Jazeel 2013)). Проводя занятия с магистрантами из Африки и Ближнего Востока, я не раз сталкивалась с их сопротивлением привычному для нас аргументу о том, что модерность базируется на научной рациональности и секулярной культуре, тогда как религия восходит к до-модерной вере в суеверия и в сверхъестественное. Джазил настаивает, что спиритуальность и модерность соединены не последовательно (модерность оставляет позади нерациональные мировоззрения), но синхронно. Они переплетены в создании современных сакральных мест. Ключевой аргумент его статьи – существование тропического современного архитектурного пространства, возникшего в результате соединения буддизма и модерности. Не сомневаясь, что современная страна Шри-Ланка представляет собой пример секулярной модерности, в официальных ее зданиях географ видит одновременно и современное и сакральное. Архитекторы Шри-Ланки использовали приемы, позволившие им достичь того, что в восприятии посетителя возведенных ими зданий исчезла разница между внутренним и наружным, природой и культурой. Здания, тем самым, воплощают буддизм не как «религию», но как структуру чувств, метафизику и историю.

Проблематизацию дихотомии модерности и религии осуществляют также исследователи Элизабет Олсон, Питер Хопкинс и Жизель Винсет в статье «Переосмысляя молодежную спиритуальность через кощунство и столкновения». Они также считают непродуктивными дихотомии сакрального и профанного, материального и нематериального и призывают быть готовыми найти проявления духовных практик в самых неожиданных повседневных местах (и самым неожиданным образом). Вера «исполняется», разыгрывается с привлечением образов массовой культуры, и они сами могут быть способом воображаемо принадежать какой-то общности (в противоположность публичному их отправлению в формальном религиозном коллективе).

Книга будет интересна всем, кто интерпретирует отношения людей со сверхъестественным и их духовные практики с вниманием к тем местам и пространствам, что эти отношения и практики делают возможным. Это и «непростые», «проклятые» места, и «намоленные» места, места с аурой, места, где чувствуется дыхание чего-то таинственного,

прекрасного и странного. Мы часто не знаем, как к таким местам относиться: они – и о присутствии и об отсутствии, они что-то побуждают вспомнить, а что-то не дают забыть, они приглашают думать и чувствовать по-другому. Они очаровывают, интригуют, напоминают о фантастическом и потустороннем, случайном и неопределенном, но все это прекрасное их действие на нас, напоминают авторы разбираемого тома, проявляется в людских практиках. Чувства здесь выше знаний, опыт важнее веры, и нет предписанных способов достичь духовного опыта, но есть культурные вариации этого опыта – от медитации и молитвы до театра и поэзии. Все «кейсы», разобранные в книге, отмечены большим интересом к разнообразию повседневных духовных занятий и уважением к свободе искать себя вне предписанных догматами способами.

Примечания

¹ «Темный туризм» – термин, введенный Lennon and Foley (2000: 3) для описания сектора туристической индустрии, предлагающего туры в места, связанные с несчастьями, преступлениями и массовыми убийствами.

² «Охота за призраками» – культурная практика, связанная с идентификацией призраков и коммуникацией с ними, осуществляемая группами любителей, по нарастающей использующих возможности современных технологий («техномистицизм»).

Литература

- Bender C.* The New Metaphysicals: Spirituality and the American Religious Imagination. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 272 p.
- Goldman M.* The American Soul Rush: Esalen and the Rise of Spiritual Privilege. New York: New York University Press, 2012. 240 p.
- Henderson M.* What is spiritual geography? // *Geographical Review*. 1993. № 83(4). P. 469–471.
- Jazeel T.* Sacred Modernity: Nature, Environment and the Postcolonial Geographies of Sri Lankan Nationhood. Liverpool: Liverpool University Press, 2013. 191 p.
- Lennon J., Foley M.* Dark Tourism: The Attraction of Death and Disaster. London: Continuum, 2000. 184 p.

Е.Г. Трубина

Уральский федеральный университет

Рецензия поступила в редакцию 27 мая 2018 г.

Trubina Elena G., Ural Federal University

Spaces of spirits: rethinking spirituality. Review of Spaces of Spirituality. Edited by Nadia Bartolini, Sara MacKian, and Steve Pile. Routledge, 2018. 302 pages | 25 B/W Ill. ISBN 978-1-13822-606-7.

DOI: 10.17223/2312461X/20/15

References

- Bender C. *The New Metaphysicals: Spirituality and the American Religious Imagination*. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 272 p.
- Goldman M. *The American Soul Rush: Esalen and the Rise of Spiritual Privilege*. New York: New York University Press, 2012. 240 p.
- Henderson, M. What is spiritual geography? *Geographical Review*, 1993, no. 83(4), pp. 469-471.
- Jazeel T. *Sacred Modernity: Nature, Environment and the Postcolonial Geographies of Sri Lankan Nationhood*. Liverpool: Liverpool University Press, 2013. 191 p.
- Lennon, J. and M. Foley. *Dark Tourism: The Attraction of Death and Disaster*. London: Continuum, 2000. 184 p.

УДК 299.4

DOI: 10.17223/2312461X/20/16

ШАМАНИЗМ В МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ*

Сем Т.Ю. Шаманизм эвенков (по материалам Российского этнографического музея). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2017. 302 с., ил. (Ethnographica Varia) ISBN 978-5-93762-135-1



Идея представить книгу «Шаманизм эвенков» читателям журнала была вызвана тем, что это исследование написано на основе прекрасных музейных коллекций Российского этнографического музея (РЭМ, Санкт-Петербург), а сами материалы активно используются в тексте, давая возможность анализировать такое многомерное явление, как шаманизм; помимо того, монография сопровождается 55-страничным приложением, где охарактеризованы имеющиеся в хранилище музея шаманские принадлежности (дано краткое описание коллекций с указанием номеров предметов и имен собирателей). В монографии вводятся в научный оборот обширные материалы архива, вещевых и фотографических фондов Российского этнографического музея, и, что не менее важно и ценно, полевой материал автора, собранный во время научно-исследовательских и собирательских экспедиций к эвенкам Якутии (экспедиции работали на реках Колыма, Оленек, в поселке Иенгра, в

* Подготовлено в рамках реализации проекта РФФИ № 18-09-00744 «Современные сакральные практики освоения социальных ландшафтов на южном Алтае».

г. Якутске и его окрестностях – 1982, 1988, 1989, 1994, 2000, 2001 гг., а также в Хабаровском крае в пос. Владимировка – 1986 г., на Сахалине в пос. Вал – 1986 г.). Обращу сразу внимание и на то, что речь идет об исследовании специалиста-музееведа, много лет работающего в РЭМ: автор книги – профессиональный этнограф, Татьяна Юрьевна Сем. Будучи человеком хорошо осведомленным в этнографической работе – потомком двух прекрасных специалистов по народам Дальнего Востока – она прекрасно понимает и транслирует читателю мысль, что музейная работа требует особого отношения к вещи, тем более вещи сакрального значения. Вещь открывает свои тайны только в познании ее в контексте культуры народа в целом и отдельных ее частей, среди других вещей.

Т.Ю. Сем исходит из установки, что шаманизм – это «феномен мировой цивилизации, раскрывающий своеобразие отношения человека к природе и Вселенной» (с. 227). Именно поэтому она пытается очень широко очертить сферу своих исследований: ее книга посвящена этнокультурным особенностям шаманизма эвенков Сибири и Дальнего Востока конца XIX–XX вв. Автор рассматривает мировоззрение, ритуалы, личность шамана, шаманский чум, шаманские костюмы, ритуальные музыкальные инструменты, атрибуты и предметы культа.

Уже во введении к монографии Т.Ю. Сем пытается многопланово раскрывать особенности традиционной культуры таежных охотников и оленеводов Сибири. Комплексно подходя к описанию культуры эвенков, она углубляется даже в тонкости лингвистики, предлагая выводить этноним «тунгусы» из древнего центральноазиатского слова *тонг/донг/денг* (люди), встречающегося, в том числе, у кетов в варианте *денг* и американских индейцев группы На-Дене, отсылая читателя к тюркоязычным народам, восходящим, по мнению автора, к группе средневековых *тонгра* (IX в.), вошедших в состав как тюрко-монгольских народов, так и тунгусов.

Очень ценной представляется первая глава книги «История комплектования коллекций по шаманизму эвенков в Российском этнографическом музее». Прекрасно владея материалом, Т.Ю. Сем описывает значимый вклад, внесенный в формирование запасников музея такими известными собирателями, как А.А. Макаренко, и его корреспондентами – А.И. Масленниковым, И.И. Бердниковым, П.Т. Вороновым, Д.М. Головачевым, Д.К. Соловьевым. Характеризуя коллекции, исследователь сообщает и об экспедиционных поездках предшественников, способах сбора ими материалов. Она не упускает из виду и тех собирателей, которые создали не столь значительные, но, тем не менее, значимые коллекции, таких как П.Е. Островских, Е.В. Близняк. В монографии отмечена особая роль Центрального музея народоведения (Москва) в комплектовании коллекций РЭМ: в 1948 г. его довольно

многочисленные эвенкийские экспонаты были переданы в Ленинград. Автор выделяет также роль М.Г. Левина, известного антрополога и этнографа, который в 1920–1930-е гг. много работал на территории проживания эвенков. Стоит отметить важность представленных документов первой половины XX в. по сбору коллекций советского периода и исследовательским экспедициям, ведь иногда современные ученые, будучи не лучшим образом осведомленными в сибирских исследованиях, считают, что в эти годы шамановедение было едва ли не запрещено и что собирание материалов и их исследование не велось вовсе.

Главы 2–6 монографии посвящены уже не просто описанию ритуальных предметов – экспонатов музея; в них представлено авторское исследование, выполненное на основе музейных материалов: шаманского чума, костюмов эвенкийских шаманов, их ритуальных музыкальных инструментов, амулетов и других предметов.

Т.Ю. Сем, как уже указывалось, старается всесторонне подойти к исследованию шаманизма. Во второй главе она характеризует личность шамана и категории шаманов у эвенков. И здесь автор снова обращается к лингвистической сфере, настаивая на том, что слово «шаман» происходит не от тунгусо-маньчжурского *са* (знать) или глагола *самалды* (прыгать, скакать в танце), а является заимствованным из индоевропейского *шамаяти*, что, по мнению Дюмезиля, определяет жреческий ритуал усмирения бога ветра Варуны с помощью бога солнца Митры. При этом, надо отдать должное осведомленности исследователя, она указывает на иные многочисленные варианты трактовки происхождения данного термина. Но важно в данной главе, скорее, то, что автор на основе семантического анализа ритуальных предметов, фольклорных текстов и мировоззрения (верований), используя собственный полевой материал, предлагает дифференциацию шаманов эвенков: она выделяет пять категорий специалистов, указывая на их различия в уровнях посвящений. Каждая из этих категорий связана с образами животных – змеи, птицы (гагары, кукушки), оленя, медведя или волка, тигра или орла. Интересны также описания «первых шаманов» – предков эвенков, которыми считаются Гуривуль, Торганэй, Нямури, Кандиха, Иркисмондя.

Исследователь характеризует поэтапное становление эвенкийских шаманов, используя при этом много новых архивных материалов, что вообще является особенно ценным в данной книге.

Третья глава монографии представляет подробное описание шаманского чума и мольбища в целом, его ритуальной скульптуры; это делается на основе материалов, привезенных в РЭМ А.А. Макаренко. Здесь хотелось бы обратить внимание автора на то, что при наличии в библиографии работ советского религиоведа И.М. Сулова, занимавшегося вопросами шаманизма, оказались упущены его зарубежная публика-

ция – книга «Materialien zum Schamanismus der Evenki-Tungusen an der Mittleren und Unteren Tunguska. Gesammelt und aufgezeichnet von I.M. Suslov, 1926/1928», подготовленная и изданная Карлом Менгесом в 1983 г., равно как и архивный источник этой публикации на русском языке, в середине 1970-х гг. хранившийся в архиве МАЭ в Фонде К-1.

Автора интересует семантический аспект анализа; она рассматривает ритуальную лексику и типы ритуальных камланий (гадание, предсказание, промысловые, лечебные, проводы души в нижний мир). В главе описывается камлание в Верхний мир, посвященное становлению шамана. Особо стоит обратить внимание на анализ камлания двух известных забайкальских шаманов конца XIX – начала XX в. Ботмана и Шунмына, сделанный на основе материалов архива А.А. Макаренко. Интересно также представленное в главе сравнение новогодних весенних ритуалов эвенков, живущих по рекам Сым и Верхний Амур. Автор использует здесь и свои полевые материалы по новогодним праздникам якутских эвенков.

В четвертой главе рассматриваются шаманские костюмы. Исследователь анализирует семантику двадцати шаманских костюмов эвенков разных групп (хранятся в РЭМ). Т.Ю. Сем впервые изучила покрой, декор и символику подвесок шаманских кафтанов, нагрудников, обуви и головных уборов эвенков, выделив енисейский, нижнее-тунгусский, якутский, прибайкальский, забайкальский и амурский типы.

В пятой главе проанализированы музыкальные инструменты. По заключению автора, их региональная классификация в целом совпала с той, что была сделана на основе анализа костюмов.

В шестой главе Т.А. Сем рассмотрела шаманские амулеты и другие предметы культа эвенкийских шаманов (на основе материалов РЭМ). Она изучила антропоморфные и зооморфные изображения шаманских духов-предков, духов покровителей (божество грома) и духов-помощников. В главе проанализированы также священные камни, семантически связанные с различными стадиями посвящения шаманов (атропоморфные и зооморфные образы медведя и тигра); шаманские духи-помощники в связи с ритуальной практикой шаманов эвенков – гаданиями, промысловыми ритуалами, детскими обрядами, лечением и проводами душ в мир мертвых. В составе предметов культа рассматриваются шаманские трости, жгуты – как путь на небо, бронзовые зеркала с изображениями духов, знамя, маски, коврики, шаманское оружие и принадлежности жертвенного огня и жертвоприношений.

Т.Ю. Сем удалось выявить специфику шаманских атрибутов маньчжуров – по мнению автора, субэтноса эвенков, сформировавшихся, как считается, под влиянием дауров и маньчжуров Верхнего Амура.

Шестую главу сопровождает своеобразное «Послесловие», в котором описывается поездка автора на летнее стойбище шамана Савея –

Семена Степановича Васильева (проживал близ п. Иенгра в Южной Якутии), состоявшаяся летом 1994 г. Савей – один из последних настоящих посвященных по правилам традиции шаманов в нашей стране, который долгое время практиковал, помогая людям (умер в 2013 г.). Он проживал в тайге, но в 1990-е гг., когда власти перестали относиться к шаманизму негативно, проводил камлания и лечебные сеансы, в том числе в Якутске. Этот человек долго не хотел становиться публичным шаманом. Именно поэтому любые материалы, записанные от него, представляют особый интерес для исследователей. Т.Ю. Сем описывает особенности охотничье-оленьеводческого быта семьи шамана, но важнейшим для публикации сведений о шамане является интервью с ним по поводу шаманского становления, сведения о его духах-помощниках, а также описания ритуалов и одежды.

К сожалению, текст, сделанный на основе интервью, кажется не очень выверенным. Например, со слов Савея, автор пишет о международной конференции по шаманизму в Якутске в мае 1992 г. (с. 222), где Савей якобы показал чудеса гипноза, усыпив на время зал. Но тут речь, видимо, должна идти о каком-то мероприятии местного значения (в это время в Якутске открывались школы целительства и шаманизма в том числе – подобное могло происходить на каком-то собрании целителей, например). Международная же конференция «Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции» проходила в августе 1992 г., и С.С. Васильев на ней не присутствовал. Здесь же упоминается известнейшая эвенкийская шаманка Матрена Петровна Курбельтинова (в другом написании встречается Кугультинова), фамилия которой искажена (значится как Курбультинова – с. 223). Оба шамана очень известны, и сейчас о них есть довольно много информации от родственников или очевидцев, опубликованной в разных источниках; существуют и хорошие видеозаписи, сделанные отечественными и иностранными специалистами.

Помимо фактических мелких неточностей в работе встречаются и некоторые утверждения, вызывающие вопросы в частности в оценке чужих гипотез и концепций. Так, например, на с. 5, 6 (во введении) автор несколько поверхностно характеризует то, каким образом шамановеды определяют феномен шаманизма. Обычно каждый исследователь посвящает этому не один абзац разъяснений, не сводя определение к нескольким словам; Т.Ю. Сем сделала некую выборку, закрепив за предшественниками отдельные идеи. Не знаю, как эти авторы отнеслись бы к такому (большинства из них уже нет в живых), но мне странно было прочитать о том, что я (тут же упомянут и И.С. Вдовин) считаю шаманизм «магическим культом» и «колдовством»... Замечу, что с И.С. Вдовиным я солидарна (и это отмечено в ряде моих работ) в том, что необходимо разделять шаманство и шаманизм как две понятийные

сферы (это для автора рецензируемой книги оказалось неактуальным), а колдовские практики у меня всего лишь (на основе исследований измененных состояний сознания, в том числе в интердисциплинарных экспериментах) сопоставлены с искусством черных шаманов (шаманизмом), но это вовсе не означает того, что мне приписано.

Кстати, далее следует абзац, который также выглядит несколько странно: «Шаманство как способ духовного (мистического, а в дальнейшем и религиозного) познания мира, основанный на измененном состоянии сознания, достижении одержимости, экстаза, использовании различных психотехник и психоделиков, позволяет человеку проникнуть в глубинные структуры бессознательного для считывания скрытой информации» (с. 6). Пожалуй, разговоры о «бессознательном» и «считывании скрытой информации» нам пора уже переводить в реалистическую плоскость нейрофизиологии, когнитивных наук и психофизиологии. Но тут сложно предъявлять претензии этнографу и музееведу, который на самом деле свои задачи в монографии решил замечательно.

Завершая обзор книги, хочу отметить, что она включает ряд оригинальных, в том числе цветных, фотоиллюстраций из коллекций РЭМ, что очень помогает читательскому восприятию, поскольку речь в исследовании идет о материальной основе шаманизма.

В целом книга представляется важным источником, вводящим в научный оборот музейные и полевые материалы. Учитывая теоретическую составляющую исследования, можно пожелать автору продолжить работу над темой эвенкийского шаманизма, развивая и совершенствуя свою концепцию.

В.И. Харитонова

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 29 мая 2018 г.

*Kharitonova Valentina I., Institute of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Science*

Shamanism in museum collections

Review of Sem T.Iu. *Shamanizm evenkov (po materialam Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia)* [Shamanism of the Evenks (based on Russian Ethnographic Museum materials)]. 2-e izd., ispr. i dop. St. Petersburg: ITs «Gumanitarnaia Akademiia», 2017. 302 p., il. (Ethnographica Varia) ISBN 978-5-93762-135-1

* Written in the frame of the RFBR project Nr. 18-09-00744 “Contemporary practices of sacral assignments of social landscapes in the Southern Altai”.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРЦЕМОВИЧ Сергей Александрович – магистрант (антропология и этнология), Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск
Россия

E-mail: s.artsemovich@gmail.com

АСТАШЕНКОВА Елена Валентиновна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Дальневосточное отделение РАН), Владивосток, Россия

E-mail: astashenkova@mail.ru

БАКШЕЕВА Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора раннесредневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Дальневосточное отделение РАН), Владивосток, Россия

E-mail: sarantceva@mail.ru

БАСОВ Александр Сергеевич – аспирант кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: aes.basov@gmail.com

БОРОДУЛИНА Алевтина Сергеевна – аспирантка кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: alevtina.ethno@gmail.com

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ГЕЛЬМАН Евгения Ивановна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Дальневосточное отделение РАН), Владивосток, Россия

E-mail: gelman59@mail.ru

ГРИДАСОВА Ирина Владимировна – младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Дальневосточное отделение РАН), Владивосток, Россия

E-mail: irceo@mail.ru

ИВЛИЕВ Александр Львович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Дальневосточное отделение РАН), Владивосток, Россия

E-mail: ivliev@mail.primorye.ru

КАЛЕМЕНЕВА Екатерина Алексеевна – младший научный сотрудник Лаборатории экологической и технологической истории, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербург; старший преподаватель, Департамент истории, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ekalemenewa@hse.ru

КЛЮЕВ Николай Александрович – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Дальневосточное отделение РАН), Владивосток, Россия

E-mail: kluyev2006@yandex.ru

КРАДИН Николай Николаевич – член-корреспондент РАН, врио директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Дальневосточное отделение РАН), Владивосток, Россия

E-mail: kradin@mail.ru

КУРТО Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

E-mail: olga.kurto@gmail.com

МЕДЯКОВ Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: alexandr.medyakov@yandex.ru

МИЦЮК Наталья Александровна – доктор исторических наук, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, Смоленск, Россия

E-mail: ochlokratia@yandex.ru

МОСТОВИЧ Ирена – аспирант (культурная и социальная антропология), Венский университет, Вена, Австрия

E-mail: irena.mostowicz@gmail.com

ПОДДУБИКОВ Владимир Валерьевич – заведующий лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики, Кемеровский государственный университет, Кемерово; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: poddub@gmail.com

ПРОКОПЕЦ Станислав Данилович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра островной и прибрежной археологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Дальневосточное отделение РАН), Владивосток, Россия

E-mail: stas842005@mail.ru

ПУШКАРЕВА Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Email: pushkarev@mail.ru

ТРУБИНА Елена Германовна – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-mail: elena.trubina@gmail.com

ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; главный научный сотрудник Томского государственного университета, Томск, Россия
Email: d_funk@iea.ras.ru

ХАРИТОНОВА Валентина Ивановна – доктор исторических наук, доцент, руководитель Центра медицинской антропологии Института этнологии и антропологии РАН; президент Ассоциации медицинских антропологов, Москва, Россия
E-mail: medanthro@mail.ru; Valkharit@iea.ras.ru

ABOUT THE AUTHORS

ARTSEMOVICH Sergey Aleksandrovich – Master Student (Anthropology and Ethnology), National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
E-mail: s.artsemovich@gmail.com

ASTASHENKOVA Elena Valentinovna – Cand.Sc. (History), Research Fellow at the Centre of Political Anthropology, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Far East Branch, Russian Academy of Sciences), Vladivostok, Russia
E-mail: astashenkova@mail.ru

BAKSHEEVA Svetlana Evgenievna – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow at the Division of Early Medieval Archaeology, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Far East Branch, Russian Academy of Sciences), Vladivostok, Russia
E-mail: sarantceva@mail.ru

BASOV Aleksandr Sergeevich – Doctoral Researcher at the Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: aes.basov@gmail.com

BORODULINA Alevtina Sergeevna – Doctoral Researcher at the Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Email: alevtina.ethno@gmail.com

FUNK Dmitriy Anatolievich – Dr.Sc. (History), Professor, Chair, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Chief Research Fellow, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

GELMAN Evgeniya Ivanovna – Cand.Sc. (History), Leading Research Fellow at the Centre of Political Anthropology, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Far East Branch, Russian Academy of Sciences), Vladivostok, Russia
E-mail: gelman59@mail.ru

GRIDASOVA Irina Vladimirovna – Junior Research Fellow at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Far East Branch, Russian Academy of Sciences), Vladivostok, Russia
E-mail: irceo@mail.ru

IVLIEV Aleksandr Lvovich – Cand.Sc. (History), Leading Research Fellow at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Far East Branch, Russian Academy of Sciences), Vladivostok, Russia
E-mail: ivliev@mail.primorye.ru

KALEMENEVA Ekaterina Alekseevna – Junior Research Fellow at the Laboratory of the History of Environment and Technology; Senior Lecturer at the Department of History, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia
E-mail: ekalemeneva@hse.ru

KHARITONOVA Valentina Ivanovna – Dr.Sc. (History), Head of the Medical Anthropology Group, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; President of Association of Medical Anthropologists, Moscow, Russia
E-mail: medanthro@mail.ru; Valkharit@iea.ras.ru

KLYUEV Nikolay Aleksandrovich – Cand.Sc. (History), Deputy Director for Research at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Far East Branch, Russian Academy of Sciences), Vladivostok, Russia

E-mail: kluyev2006@yandex.ru

KRADIN Nikolay Nikolaevich – Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Far East Branch, Russian Academy of Sciences), Vladivostok, Russia

E-mail: kradin@mail.ru

KURTO Olga Igorevna – Cand.Sc. (History), Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology n.a. N.N. Miklukho-Maklay, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: olga.kurto@gmail.com

MEDYAKOV Aleksandr Sergeevich – Cand.Sc. (History), Associate Professor at the Department of Early Modern and Recent History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: alexandr.medyakov@yandex.ru

MITSYUK Natalia Aleksandrovna – Dr.Sc. (History), Associate Professor at the Department of Philosophy, Bioethics, the History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical University, Smolensk, Russia

Email: ochlokratia@yandex.ru

MOSTOWICZ Irena – PhD candidate (Cultural and Social Anthropology), University of Vienna, Austria

E-mail: irena.mostowicz@gmail.com

PODDUBIKOV Vladimir Valerievich – Head of Laboratory of Ethno-Social and Ethno-Ecological Geoinformatics, Kemerovo State University, Kemerovo; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Email: poddub@gmail.com

PROKOPETS Stanislav Danilovich – Cand.Sc. (History), Research Fellow at the Centre of Island and Coastal Anthropology of Asian-Pacific Area, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Far East Branch, Russian Academy of Sciences), Vladivostok, Russia

E-mail: stas842005@mail.ru

PUSHKARYOVA Natalia Lvovna – Dr.Sc. (History), Professor, Head of Division of Ethno-Gender Research, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: pushkarev@mail.ru

TRUBINA Elena Germanovna – Dr.Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Social Philosophy, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: elena.trubina@gmail.com

VODYASOV Evgeniy Vyacheslavovich – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow at the Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи, и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе)

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!)

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке,
- e-mail;
- почтовый адрес;

- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье

- название статьи на русском и в переводе на английский язык,
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. В текст иллюстрации просьба не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.» (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potarow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то после второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок (например: ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления

для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only*. *The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V. Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the "et al" is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the "et al" even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapow 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at www.journals.tsu.ru/siberia

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2018. № 2

Редактор Ю.П. Готфрид
Корректор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 26.06.2018 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Усл. печ. л. 24,8. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 3232. Цена свободная.

Дата выхода в свет 29.06.2018 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)-52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru